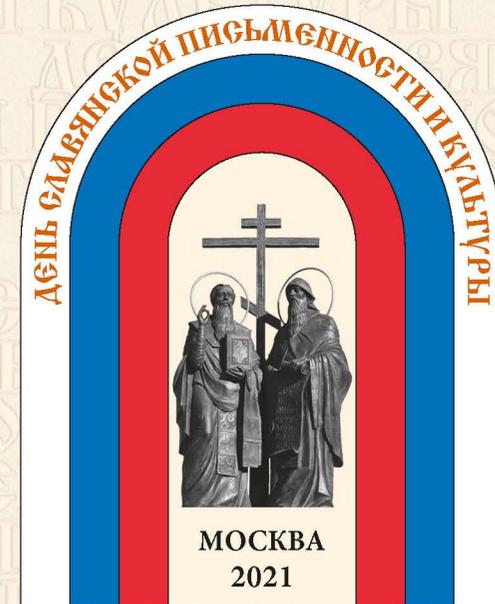

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

Тезисы конференции
молодых ученых

СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

Тезисы конференции
молодых ученых

2021

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

СЛАВЯНСКИЙ МИР: ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ

**Тезисы конференции
молодых ученых**

*в рамках Дней славянской письменности
и культуры*

25–26 мая
2021 г.

МОСКВА
2021

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)
С47

Ответственные редакторы:

Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Редколлегия:

*С. А. Борисов,
А. М. Дронов,
Н. А. Лунькова,
П. В. Мошечков,
Л. Ю. Пахомова*

Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / Отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. — М.: Институт славяноведения РАН, 2021. — 360 с.

ISSN 2619-0869

DOI 10.31168/2619-0869.2021

Более двадцати лет Институт славяноведения РАН отмечает День славянской письменности и культуры традиционной научной конференцией. С 2014 г. она проходит в формате конференции молодых ученых. В 2021 г. участники из Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбургa, Казани, Калининграда, Ростова-на-Дону, Тюмени, а также Албании, Болгарии, Китая, Польши и Румынии продолжили эту традицию. Вновь обсуждался широкий круг проблем, связанных с историей славянских народов от Средних веков до наших дней в национальном, региональном, этноконфессиональном и международном контексте; с типологией славянских языков и диалектов, лингвогеографией, социо- и этнолингвистикой; с формированием, развитием, современным состоянием и перспективами славянских литератур и пр.

УДК 930.85
ББК 63.3(0=Слав)

ISSN 2619-0869
DOI 10.31168/2619-0869.2021

© Коллектив авторов, текст, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021

Секция
«**ИСТОРИЯ**»

ВОПРОСЫ ВЕРЫ И ЦЕРКОВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ У СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СРЕДНИЕ ВЕКА И РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.01

Болгарско-римская церковная уния (1204 г.) и балканская политика папы Иннокентия III

Никита Владимирович Евстафьев,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Ключевые слова: История Болгарии, церковная уния, папа
Иннокентий III, царь Калоян

Bulgarian-Roman Ecclesiastical Union (1204) and the Balkan Policy of Pope Innocent III

Nikita V. Evstafyev,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Keywords: Bulgarian history, Ecclesiastical union, Pope Innocent III, Tsar Kaloyan

В 1197 г. престол незадолго перед тем возродившегося Болгарского царства занял третий представитель новой правящей династии Асеней — Калоян (1197–1207 гг.). Проблема легитимации и обретения международного признания стояла перед ним так же остро, как и перед его предшественниками, пытавшимися решить ее, в частности, посредством обращения к германскому императору Фридриху I Барбароссе (1155–1190 гг.). Источником искомого международного

признания для царя Калояна стала папская курия в Риме: в начале XIII в. между Калояном и папой Иннокентием III (1198–1216 гг.) завязалась интенсивная переписка, в результате которой в ноябре 1204 г. была заключена церковная уния, папский легат назначил болгарского (Тырновского) архиепископа примасом Болгарии, а сам болгарский правитель был провозглашен королем¹.

Между тем проблематика болгарско-римской церковной унии 1204 г. и ее последствий, как представляется, еще не до конца изучена. Поэтому цель настоящего исследования заключается в ответе на ряд связанных с унией вопросов. Во-первых, какой была международная ситуация в начале XIII в., и как она поспособствовала сближению Болгарии и папства? Во-вторых, каким образом во внешнюю политику понтифика Иннокентия III вписывается заключение церковной унии с Болгарией и признание за Калояном королевского титула? И наконец, каким было отношение к заключенному акту со стороны Калояна и Иннокентия III? Носила ли эта уния чисто иерархический и политический характер? Привели ли различия в отношении к унии к последующему разрыву между Болгарией и папством?

Источниковую базу исследования составляет корпус переписки папы Иннокентия III — прежде всего с самим царем Калояном² — и некоторые другие памятники — например, списки епископов болгарского диоцеза³. Важную роль в определении контекста подготовки унии играют такие сочинения греческих авторов, как «История» Никиты Хониата⁴.

Представляется, что заключение унии между Болгарской и Римской церквями и сопряженная с этим королевская коронация Калояна папским легатом в 1204 г. полностью вписывались в восточную политику Иннокентия III⁵. Одним из проявлений этой политики стало вовлечение в орбиту западной церкви Сербии, чей великий жупан Стефан (будущий Стефан II Первовенчаный; 1196–1228 гг.) был свергнут родным братом Вуканом (1202–1204 гг.), которого поддержали король Венгрии Имре I (1196–1204 гг.) и Иннокентий III. Другим направлением восточной политики папского пре-

стола стала Босния, в которой, несмотря на формальное подчинение западной церкви, фактически развивалась собственная, еретическая церковная организация. Борьбу с ней папство поручило Венгерскому королевству. Примечателен и общеевропейский контекст балканских событий. Так, в более поздний период папа Иннокентий III организовал знаменитый Альбигойский крестовый поход (1209 г.), направленный против еретиков-катаров на юге Франции. А политика коронаций и признания папой титулов европейских правителей коснулась не только Сербии и Болгарии, но и, например, Богемии, правитель которой, Пршемысл Отакар I (1198–1230 гг.), был признан Иннокентием III наследным королем, а также Арагона, чей король Педро II (1196–1213 гг.) в 1204 г. дал личную клятву верности папскому престолу.

В таких обстоятельствах царь Калоян включился в активную переписку с папой римским⁶. Причем первое из сохранившихся писем, относящееся к концу 1199 г. или началу 1200 г., было составлено самим Иннокентием III⁷, а ответ на него последовал только в 1202 г.⁸ Судя по всему, новым понтификом двигало желание распространить влияние римской курии на земли, ранее принадлежавшие Византийской империи, а ответ царя Калояна был вызван стремлением укрепить собственную легитимность в условиях окончательного разрыва с Византией. Сближению двух политических сил способствовала и международная обстановка: начало Четвертого крестового похода (1202–1204), а также все более активное вмешательство Венгерского королевства⁹ в дела балканских государств. Очевидно, что в сложной ситуации перед лицом возможных конфликтов с соседями (и не только) Болгария нуждалась в поддержке. Одним из таких конфликтов стал территориальный спор с Венгрией, в котором Иннокентий III занял сторону Болгарии, вероятно, полагая, что крепко связанная с Римской церковью Венгрия все равно не уйдет из-под влияния папства.

Вероятно, и для Иннокентия III, и для Калояна уния была скорее политическим инструментом, ведь в самой переписке нет никаких указаний на необходимость проведе-

ния догматических или обрядовых изменений Болгарской церкви. Судя по всему, не привела эта уния и к каким-то серьезным культурным последствиям для Второго Болгарского царства. Вместе с тем Калоян и Иннокентий III по-разному оценивали унию. Для болгарского царя уния была способом легитимации власти, утверждения своего царства и его церкви в условиях фактически продолжающегося, несмотря на заключенный в 1202 г. мирный договор, противостояния с Византией. Для папы же уния, скорее всего, была средством иерархического подчинения Болгарской церкви (Тырновского приматства) Римской кафедре. Различия хорошо видны и на примерах из переписки между Калояном и Иннокентием III. Сам Калоян и выступавший от его имени Тырновский архиепископ Василий чаще использовал в отношении правителя Болгарии титул «император» (*imperator*)¹⁰, тогда как Иннокентий III называл Калояна либо «королем» (*rex*)¹¹, либо «господином» (*dominus*)¹². Расхождения наблюдаются и в определении сана главы Болгарской церкви. Калоян и архиепископ Василий до самого конца переписки не переставали претендовать на статус патриаршества¹³, тогда как папа римский признавал за главой Тырновской церкви только сан примаса (*primas*)¹⁴. Отчасти разрыву между Болгарией и папской курией способствовали данные различия, но его основной причиной стал разгоревшийся конфликт между Калояном и латинским императором Константинополя Балдуином I (1204–1206 гг.), который считал свою державу наследницей Византии и поэтому претендовал на болгарские земли. Несмотря на изначально холодное отношение Иннокентия III к участникам Четвертого крестового похода, в конечном итоге понтифик занял их сторону в конфликте с Калояном после неудачных попыток примирить болгар и крестоносцев. Впрочем, формально уния могла просуществовать вплоть до 1235 г., когда царь Иван Асень II (1218–1241 гг.) пошел на сближение с Никейской империей и глава Болгарской церкви был официально признан патриархом.

Примечания

- ¹ Об истории Болгарии и сопредельных стран в рассматриваемый период см., например: *Добычина А.С.* Становление Второго Болгарского царства (1185–1204). Власть и ее легитимация. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016; *Андреев Й.* История на Второто Българско царство. Велико Търново, 1996; *Божилков И., Гюзелев В.* История на средновековна България. VII–XIV век (= История на България в 3 т. Т. 1). София, 1999; *Матанов Х.* Средновековните Балкани. Исторически очерци. София, 2002; *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages. 500–1250. Cambridge; New York, 2006; *Madgearu Al.* The Asanids. The Political and Military History of the Second Bulgarian Empire (1185–1280). Leiden; Boston, 2016; *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier. Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Madison, 2000.
- ² Innocentii III papae et Caloiannus regis // Латински извори за българската история. София, 1965. P. 308–378. Т. III / увод, прев. от латински и бел. от М. Войнов, И. Дуйчев.; *Epistolae Inocentii PP. III // Vetera monumenta slavorum meridionalium: historiam illustrantia. Romae, 1863. Т. I. P. 2–70.*
- ³ Notitium episcopatum diocesis Bulgariae in libris cancellariae apostolicae // Латински извори за българската история. София, 1981. Т. IV / увод, прев. от латински и бел. от В. Гюзелев. P. 9–10; *Der Liber Cancellariae Apostolicae vom Jahre 1380 und der Stilus Palatii Abbreviatus Dietrichs von Nieheim. Leipzig, 1888. S. 39–40; Die katholische Kirche nach ihren Provinzen und Diözesen im 13ten Jahrhundert // Calendarium historico-christianum medii et novii aevi. Regensburg, 1855. P. 264–279.*
- ⁴ Никиты Хониата История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1862. Т. 2. (= Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской Духовной академии. Т. 6) / пер. под ред. Н.В. Чельцова; *Nicetas Choniata. Historia / Rec. I.A. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975. (= Corpus fontium historiae byzantinae. Vol. 11/1).*
- ⁵ Подробен см., например: *Dall'Aglio F.* Innocent III and South-eastern Europe: Orthodox, Heterodox, or Heretics? // *Studia Ceranea: Journal of the Waldemar Ceran Research Centre for the History and Culture of the Mediterranean Area and South-East Europe. 2019. Vol. 9. P. 11–25; Moore J.C.* Pope Innocent III (1160/61–1216). Leiden; Boston, 2003. P. 50–134; *Nikolov A.* Age of coronations: Bulgaria and Serbia in the papal policy from the late 12th to the early 13th century // Стефан Првовенчани и његово доба = Stefan the First-Crowned and His Time / одгов. уред. А. Раствоић. Beograd, 2020. Књ. 42. P. 263–273.
- ⁶ О проблеме болгарско-римской церковной унии см., например: *Флора Б.Н.* У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII в.). СПб., 2004. С. 40–85; *Петков К.* Унията между Българската църква и Рим в началото на XIII век — някои пренебрегвани аспекти // Духовна култура. 1992. N 9. С. 26; *Стефанов П.* Нов поглед към унията между Българската и Римската църква през XIII век // Преславска книжовна школа. София, 2001. Т. 5: Изследвания в чест на проф. д. ист. н. Тотю Тотев / отг. ред. В. Гюзелев, Х. Трендафилов. С. 343–352; *Шиваров Н.* Следствия от Унията при цар Калоян за Българската църква // Католическата духовна култура и нейното присъствие и влияние в България / ред. кол. А. Николов и др. София, 1992. С. 84–94; *Gjuzelev V.* Das Papstum und Bulgarien im Mittelalter (9–14 Jahrhundert) // *Bulgarian Historical Review. 1977. N 1. P. 42–44.*

- ⁷ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 314; Epistolae Inocentii PP. III... P. 17.
⁸ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 309–311; Epistolae Inocentii PP. III... P. 15–16.
⁹ Об отношениях между Болгарией и латинским Западом в рассматриваемый период см., например: *Ангелов П.* Средновековната България и нейните съседи. Дипломатия и взаимни представи. София, 2017; *Гагова Кр.* Кръстоносните походи и средновековна България. София, 2004; *Гюзелев В.* Папството и българите през Средновековието (IX–XV в.). Пловдив, 2009. С. 138–145; *Данчева-Василева А.* България и Латинската империя (1204–1261). София, 1985; *Димитров Х.* Българо-унгарски отношения през Средновековието. София, 1998.
¹⁰ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 309; Epistolae Inocentii PP. III... P. 15.
¹¹ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 323; Epistolae Inocentii PP. III... P. 23.
¹² Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 311; Epistolae Inocentii PP. III... P. 16.
¹³ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 359; Epistolae Inocentii PP. III... P. 39.
¹⁴ Innocentii III papae et Caloiannus regis... P. 364; Epistolae Inocentii PP. III... P. 42.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.02

Ересь как политическое преступление (на основе книги силезского иезуита Матея Виериуса «Христослав»)

Наталья Руслановна Белова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: thenatusik@yandex.ru

Ключевые слова: Чехия, католичество, рекатолизация, ересь

Heresy as a Political Crime (Based on the Book of the Silesian Jesuit Matthias Vierius "Christoslaus")

Natalia R. Belova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: thenatusik@yandex.ru

Keywords: Bohemia, catholicism, recatholisation, heresy

Раннее Новое время традиционно связывается с развитием науки и постепенной секуляризацией мировоззрения. Однако данная эпоха характеризовалась также усилением религиозности, господством конфессиональных начал во всех сферах жизни. В Европе этот период ознаменовался крайне драматичными и кровавыми событиями: религиозные войны во Франции, Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.), достигшая необыкновенных масштабов охота на ведьм. В Чешских землях после битвы у Белой горы (1620 г.) император Фердинанд II начал всеобщую рекактолизацию. В связи с этим огромное значение приобретает проблематика религиозной нетерпимости в католической и протестантской культурах, представители которых воспринимали друг друга как веротступников и еретиков. Мы сосредоточимся на политическом аспекте ереси, на вопросе о том, почему ересь рассматривалась не только как религиозное, но и как политическое преступление.

Обратимся к сочинению силезского иезуитского монаха Матея Виериуса «Христослав», изданному в Праге в 1689 г.¹ Виериус был активным проповедником и миссионером, внесшим значительный вклад в рекактолизацию Чешских земель, хотя его имя в истории Чехии осталось практически неизвестным. Сочинение было издано на чешском языке; З. Каллиста полагает, что изначально целый текст или его часть была написана на латыни, а после переведена на чешский². Трактат обращен к широкой аудитории, что видно уже из его названия («Христослав, или Жизнь князя Христослава, из которой *каждый* (курсив мой. — Н.Б.) христианин очень хороший пример, предостережение и научение себе взять может...»). Иезуит уделял большое внимание религиозности низших слоев населения, писал простым и понятным языком, в качестве аргументации часто прибегая к бытовым примерам. Именно ориентированностью на широкую аудиторию можно объяснить выбор чешского языка. Представляется, что текст был рассчитан также на проповедников и миссионеров, поскольку в десятой главе содержится подробная инструкция, как следует обращать простых людей

в католическую веру. Несмотря на то, что рекатолизация Чешских земель была практически завершена к 1680-м гг., в стране оставалось много тайных некатоликов, в которых церковь видела серьезную опасность, поэтому советы Матая Виериуса не теряли своей актуальности.

В книге «Христослав» монах нарисовал образ идеального христианского государя, главной задачей которого является защита католической веры и спасение душ своих подданных. В десятой главе «Христослава» Виериус описал, как правитель ведет войну против одной из земель своего государства, отошедшей от католицизма. События воспринимались автором не просто как распространение ереси, а как восстание против государя («чтобы другие по их примеру не восстали против своего государя»³), еретики же одновременно являлись мятежниками. Интересно, что подобная аргументация присутствует в патентах императора Фердинанда II, касающихся рекатолизации, в которых некатолики обвиняются не в ереси, а в том, что они опасны для государства: «Проникли в наше наследственное королевство всевозможные заблуждения и ереси, и сразу же начались беспорядки, раздоры и нечестия между всеми подданными, как не менее опасные восстания и мятежи против власти»⁴.

Где следует искать истоки подобного восприятия? Идея о том, что еретики являются нарушителями общественного порядка, сформировалась еще в раннее Средневековье и восходит, например, к трудам Августина. Еретики не только изображаются отступниками от истинной веры, закрывающими себе путь к спасению, они также вредят всему обществу. В «Христославе» встречается идея о том, что за грехи одного человека могут понести ответственность все («как за одного хорошего благословляет, так за грешника наказывает, и иногда не только весь дом, но и город, и землю»⁵). Представляется, что эта мысль является важной для формирования отношения к еретикам как к врагам и церкви, и общества, которое может подвергнуться каре за их грехи.

П. Робертс отмечает: в Европе протестантов начали чаще судить не как еретиков, а как государственных изменников⁶,

что свидетельствует о восприятии отступления от католицизма как политического преступления не только в текстах католических авторов, но и на практике. Приведем еще один характерный пример. Реформационная комиссия, созданная в 1627 г. в Праге для более эффективного проведения рекатолизационной политики, в своих декретах и письмах часто называла не католиков «противниками Его Императорской Милости и опасными нарушителями приказов Его Милости»⁷.

Чем можно объяснить подобное отношение к представителям не католических вероисповеданий? На наш взгляд, убедительным объяснением является теория конфессионализации, разработанная Е.В. Цееденом, Х. Шиллингом и В. Райнхардом. Суть ее в том, что в Европе раннего Нового времени были сформированы специфически конфессиональные дискурсы, а также переплетены религиозная и светская политика, задачи церкви и государства. В результате Реформации возникла не просто новая ересь или ответвление в рамках католической религии, а новая конфессия. Необходимость обособления конфессии встала как перед протестантами, так и перед католиками. Процесс конфессионализации включал в себя четкое определение основ вероучения и внедрение их в сознание и поведение людей. Большую роль в этом процессе играла не только церковь, но и государственная власть, которая занималась религиозной политикой.

В XVI–XVII вв. именно государство активно влияло на религиозную ситуацию, утверждая принцип *cujus regio, ejus religio*, установленный Аугсбургским миром 1555 г. Претворение в жизнь этого принципа означало необходимость достижения конфессионального единства в государстве. Представители иных конфессий, таким образом, выступали как враги не только церкви, но и правителя, и борьбу с ними вела светская власть. Матей Виериус в своем сочинении определял создание религиозного единства в государстве как главную задачу монарха. Иезуит приводил пример императора Карла V и вкладывал в его уста следующие слова: «Что может быть утешительнее, чем видеть всех единого вероисповедания?»⁸. Главным аргументом в пользу такой по-

литики является то, что «ни один господин не должен терпеть в своем доме врага Божьей милости или грешника»⁹, то есть присутствие некатоликов в государстве является недопустимым. Борьба с ересями велась католической церковью на протяжении столетий, но в данном случае речь идет не об уничтожении еретиков, а о необходимости вернуть их в католицизм. Поэтому в «Христославе» правитель внимательно следит за нравственностью своих подданных, чтобы уберечь их от греха и привести к спасению, наставляет их, чтобы они каждый месяц ходили на исповедь и принимали причастие¹⁰. Католическая (и протестантская) конфессионализация требовала усвоения основ вероучения, углубления религиозности, а не просто формальной смены веры. Ярким примером контроля власти над нравственной и религиозной жизнью населения является требование, чтобы обращенные некаатолики представляли свидетельства от священников о регулярном посещении исповеди и причастия.

Итак, в «Христославе» Матея Виериуса ересь показана не только как отступление от истинной веры, но и как политическое преступление. Вопрос о восприятии ереси католическими авторами имеет большое значение для исследования Европы раннего Нового времени, ведь оно оказывало влияние на политику по отношению к некаатоликам. Представляется, что истоки религиозных конфликтов раннего Нового времени можно искать в определенных конструкциях католической идеологии и ментальности, в частности, в восприятии ереси. Однако данная тема нуждается в дальнейшем подробном рассмотрении и выходит за рамки небольшой статьи.

Примечания

- ¹ *Matěj Vierijs*. Christoslaus aneb život Kristoslawa knížete, zněhož každý křestianský člověk welmi pěkný příklad, weystrachu a naučení sobě wzýti může. Praha, 1689.
- ² *Kalista Z.* Matěj Vierijs (1634–1680) // Česká literatura. 1969. Roč. 17. Č. 5. S. 488.
- ³ *Matěj Vierijs*. Christoslaus. S. 370.
- ⁴ Патент Фердинанда II от 31 июля 1627 г. Цит. по: *Mikulec J.* 31.7.1627. Rekatolizace šlechty v Čechách: cí je země, toho je i naboženství. Praha, 2005. S. 174.

⁵ *Matěj Vieri*us. Christoslaus. S. 304.

⁶ *Roberts P.* Intercommunal Violence in Europe // The Cambridge World History of Violence. Cambridge University Press, 2020.V. III. P. 532. <https://doi.org/10.1017/9781316340592>.

⁷ *Mendelová J.* Dekrety reformační komise pro Nové Město Pražské z let 1627–1629 (edice). Praha, 2009. S. 87.

⁸ *Matěj Vieri*us. Christoslaus. S. 64–65.

⁹ *Ibid.* S. 302.

¹⁰ *Ibid.* S. 307.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.03

«Антиномистский спор» в дискуссии польских антитринитариев по социально-этическим вопросам

Константин Сергеевич Коноплянко,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: brest1596@gmail.com

Ключевые слова: Реформация, антитринитарии, антиномистский спор, Декалог (Закон), Евангелие, анабаптизм

The Antinomian Controversy in the Structure of Social-Ethics Convictions of Polish Antitrinitarians

Konstantin S. Konoplyanko,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: brest1596@gmail.com

Keywords: Reformation, Antitrinitarians, Antinomian Controversy, Law, Gospel, Anabaptism

Формирование систематической доктрины той или иной христианской конфессии, характерное для периода так называемой «конфессиональной эпохи»¹, несомненно основы-

валось на заповедях как мере регулировки отношений между Богом и верующим. Одним из механизмов приобщения прихожан к учению был ветхозаветный Декалог (Закон), выступавший в роли фактора принуждения к соблюдению конкретных морально-этических основ вероучения с помощью толкования и пояснения различных типов греховных деяний².

Соотношение норм ветхозаветного Декалога с Евангельскими обетованиями стало предметом длительных дискуссий в реформационной среде, что обуславливалось постоянным поиском истины в соответствии с краеугольным реформационным принципом критического понимания текстов Священного Писания (*sola scriptura*). Дискуссия о соотношении Закона и Евангелия была начата немецкими реформаторами Ф. Меланхтоном и И. Агриколой и получила название «антиномистский спор». Суть ее проистекала из вопроса необходимости провозглашения Декалога в проповеди. Мнение Ф. Меланхтона, выступавшего в сочинении «Инструкции для визитаторов» за сохранение Декалога в проповедях, оспаривал И. Агрикола, настаивавший на том, что с приходом Христа Декалог утратил силу, а следовательно провозглашать его должны не пасторы, а светская власть (магистрат)³.

Антиномистский спор нашел отклик внутри «младшей церкви» польских антитринитариев в середине XVI в. в связи с проникновением в регион анабаптизма и его социально-этической программы ненасилия, базировавшейся на отрицании ветхозаветного Декалога как архаичного признака внешнего мира, наделенного жестокостью и несправедливостью⁴. Основываясь на приоритете Евангелия как основного кодекса христианской жизни, адепты этой программы призывали отречься от атрибутов «плотского» мира и отказаться от имущества, социальной иерархии, прав и привилегий⁵, а также ввели практику недопущения к таинствам светских служащих (польск. *urzędników*) и военных⁶. Практика встретила осуждение некоторых антитринитариев и фактически разделила «младшую церковь» на две группы, сформированные согласно социально-этическим убеждениям: радикаль-

ную — адептов социально-этической программы анабаптизма, и консервативную, считавшую, что христианин имеет право занимать светские должности и иметь собственность.

В 1570–1580-е гг. полемика между двумя сторонами достигла наиболее активной фазы, на фоне военной угрозы со стороны Османской империи, в условиях которой было необходимо выработать отношение антитринитариев к военной службе⁷. Дискуссии на синодах окончились численной победой радикальной группы, которая отвергала участие христиан в светской службе и основывала свою позицию на сочинении М. Чеховица «Христианские беседы»⁸. С этого момента дискуссия переходит в фазу письменной полемики виднейших представителей движения польских антитринитариев. Сочинение одного из представителей консервативной группы Ш. Будного «О власти, мечом карающей» дает наиболее полную картину полемики о Законе и Евангелии в лагере польских антитринитариев. Будный сам выступал одним из акторов этой полемики и настаивал на том, что ветхозаветный Закон не был отменен с приходом Христа, а следовательно ветхозаветные порядки, господствовавшие у древних израильтян актуальны и у христиан. Так, Христа Будный называл не законодателем, а защитником и толкователем Божьего Закона⁹. На этой основе Будный заключал, что христианин может быть служащим, иметь крепостных, имущество, права, участвовать в оборонительной войне¹⁰, а практику недопущения светских служащих к таинствам он осуждал¹¹.

Оппоненты Будного Мартин Чеховиц и Гжегож Павел обосновывали свою позицию тем, что архаичные ветхозаветные заповеди были отменены с появлением обетований, данных Христом в Нагорной Проповеди (Мф. 5:7) — значит, христианин освобожден от жестокости ветхозаветных реалий. Воззрения Гжегожа Павла, изложенные в полемическом трактате «Против рассуждения Якуба Палеолога о войне»¹² были сформированы более ранним его сочинением «Отличие Ветхого Завета от Нового»¹³. Критикуя оппонентов, Гжегож Павел ассоциировал с Ветхим Заветом материальный мир,

кочему присуца жестокоств и корыстолюбие¹⁴. Этому противопоставлялась духовная евангельская этика терпения и любви, запрещающая христианину пользоваться институтом мести даже с помощью светских судебных инстанций¹⁵.

М. Чеховиц, развивший радикальные социально-этические воззрения в своем сочинении «Христианские беседы», так же как и Гжегож Павел, настаивал на том, что истинный христианин не имеет права участвовать в кровопролитии, а светских служащих считал предрасположенными к греховным деяниям¹⁶. Подобное заключение, скорее всего, можно объяснить своеобразной рецепцией кальвинистской концепции двойного предопределения¹⁷. Подобно Гжегожу Павлу, Чеховиц обосновывал свою позицию отрицанием ветхозаветного Закона, в котором видел насилие¹⁸, намеренно связывал Закон с личностью Моисея, именуя его языческим законодателем, чем противопоставлял божественному происхождению евангельских обетований¹⁹.

Таким образом, антиномистский спор, проходящий в «младшей церкви» польских антитринитариев в контексте обсуждения социально-этических вопросов иллюстрирует различную интерпретацию сторонами библейских текстов, что не только мешало приходу полемизирующих сторон к согласию, но и ставило под вопрос саму возможность диалога.

Примечания

¹ См.: Прокопьев А.Ю. Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. СПб., 2002. С. 7–30.

² Корзо М.А. Дискуссии о Декалоге в протестантской мысли XVI в. // Философия и этика. Сборник научных трудов. К 70-летию академика А.А. Гусейнова / ред. Р.Г. Апресян. М., 2009. С. 200–206. URL: <https://iphpras.ru/uplfile/ethics/biblio/SK/korzo.html> (дата обращения: 20.02.21).

³ Корзо М.А. Дискуссии о Декалоге в протестантской мысли XVI в.; Исаев С.А. Ереси и расколы в раннем лютеранстве. СПб., 2000. С. 11.

⁴ См. Коноплянко К.С. Генезис анабаптизма в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском в 1550–1560 годах // Славяноведение. 2021. № 2. С. 8–25. <https://doi.org/10.31857/S0869544X0014058-6>.

⁵ Budny S. O urządzie miecza używającym / Wyd. S. Kot. Warszawa, 1932. S. 18–20, 219.

⁶ Budny S. O urządzie miecza używającym. S. 19–20; Wilkowski K. Przyczyny nawrócenia do wiary powszechnej od sekt nowokrzęćców samosateńskich. Wilno, 1583. S. 34.

- ⁷ Коноплянко К.С. Польские братья // Православная энциклопедия. М., 2020. Т. 57. С. 282.
- ⁸ Budny S. O urzędzie miecza używającym. S. 23.
- ⁹ Ibid. S. 53.
- ¹⁰ Ibid. S. 191
- ¹¹ Ibid. S. 19–20.
- ¹² Grzegorz Paweł z Brzezin. Przeciwno zdaniu o wojnie Jakuba Paleologa // Literatura ariańska w Polsce XVI wieku: Antologia / Oprac. L. Szczucki, J. Tazbir. Warszawa, 1959.
- ¹³ Grzegorz Paweł z Brzezin. Rozdział Starego Testamentu od Nowego, żydostwa od krześcijaństwa, skąd łatwie obaczysz prawie wszystkie różnice około wiary. Kraków, 1568.
- ¹⁴ Grzegorz Paweł z Brzezin. Przeciwno zdaniu o wojnie...S. 43.
- ¹⁵ Ibid. S. 40.
- ¹⁶ Czechowic M. Rozmowy chrystyańskie / Oprac. A. Linda, M. Maciejewska, L. Szczucki i.i. Warszawa; Łódź, 1979. S. 266, 269.
- ¹⁷ Кальвин Ж. Наставление в христианской вере. М., 1998. Т. 2. С. 381.
- ¹⁸ Czechowic M. Rozmowy chrystyańskie. S. 258.
- ¹⁹ Czechowic M. Rozmowy chrystyańskie. S. 252; Budny S. O urzędzie miecza używającym. S. 73–74.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.04

Классификации славянских языков в XVIII веке

Алексей Алексеевич Лапунов,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: alexlapunov@gmail.com

Ключевые слова: история знания, история славяноведения,
лингвистическая классификация, славяне, эпоха

Classifications of Slavic Languages in the Eighteenth Century

Aleksei A. Lapunov,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alexlapunov@gmail.com

Keywords: history of knowledge, history of Slavic studies, lin-
guistic classification, Slavs, the Age of Enlightenment

В историографии бытует мнение¹, что первым ученым, который предложил научную и наиболее полную классификацию славянских языков, был Й. Добровский в 1792 г.² Практически все учебники и работы об истории славянской филологии упоминают об этом, а также называют Добровского первым славянским филологом³. Однако он был далеко не первым, кто предпринял попытку классификации славянских языков.

Можно выделить три подхода к составлению классификаций славянских языков в XVIII в., а также формулированию принципов, на основании которых выделялся тот или иной язык или диалект. Условно их можно назвать этническим, территориальным (национальным, региональным) и собственно научным (лингвистическим). В первых двух случаях национальный язык не был самостоятельным объектом изучения, а являлся лишь одним из факторов соответствующей народности / нации и логическим следствием существования самой народности / нации. В третьем случае национальный язык сам по себе становился объектом исследования.

Согласно принципу, который условно можно назвать этническим, язык является фактором этноса / народности (*gens*). Исследователи, работавшие в данном ключе, подбирали лингвонимы, исходя из наименований соответствующих славянских этносов (*gens*). Поэтому в большинстве случаев в их работах наблюдается полное соответствие числа славянских языков числу славянских народностей. Хорошим примером подобного подхода является работа *De Originibus Slavicis...* 1745 г. венгерского историка Й.К. фон Йордана. В ней он перечислил языки, количество которых совпало с количеством выделяемых им славянских народностей (*gentis*): богемский, хорватский, славянский в Венгрии, болгарский, сервийский, далматийский, боснийский, польский, вендский, рутенский, литовский, московитский⁴.

Второй принцип можно условно назвать территориальным (региональным или национальным). В рамках данного подхода язык рассматривался как фактор нации, проживающей на конкретной территории (*natio*)⁵. Лингвоним был производным от наименования нации (*natio*), которое восходило к соответствующей одноименной территории (региону). Наиболее отчетливо это прослеживается в *De praestania...* Ф. Аппендини, где он перечислил скорее не этнонимы народностей (*gentes*), а названия региональных (территориальных) наций (*nationis*): далматийцы, боснийцы, хорваты, истрийцы, карниольцы (краинцы), штирийцы, мёзийцы, сервийцы, болгары, богемцы, лужичане, силезцы, моравы,

поляки, рутенцы (московиты, или руссы), черкессы из Пятигорска [*Circassi Quinquemon (nunc Petogorii, vel Petogorzi)*]⁶, вандалы⁷. Его лингвистическую картину можно сравнить с концепцией историко-географических регионов, которыми пользовались авторы XVIII в. для деления Европы.

Некоторые ученые ограничивались перечислением регионов, в которых население говорило на славянских языках. Так, например, поступил К. Пейсоннель в своей работе *Observations historiques et géographiques, sur les peuples barbares qui ont habité*, выделив славянский, или иллирийский язык. Автор назвал регионы его употребления, не конкретизируя соответствующие лингвонимы: Далмация, Либурия, или Хорватия (часть Западной Иллирии), Западная Македония в Эпире, Босния, Сербия, Болгария, Россия, Московия, Богемия, Польша, Силезия⁸.

Третий принцип — научный (лингвистический) — появился во второй половине XVIII в. и связан с зарождением филологии как отдельной отрасли знания.

Конкретные лингвистические критерии для классификации славянских языков еще до Добровского сформулировали А.Л. Шлёцер, Ф.М. Пельцль, Ф. Пубичка, П.С. Паллас и К.Г. фон Антон. Ярким примером служит классификация, предложенная Шлёцером в 1771 г. в работе «Общая Северная история» (*Allgemeine Nordische Geschichte*): «Итак, я насчитал поочередно только лишь девять языков, и это русский, польский, чешский, лужицкий, полабский, виндский, хорватский, боснийский, болгарский»⁹. Она базируется на материалах конкретных языков: «Источниками моей классификации являются представленные грамматики и словари»¹⁰. Кроме того, Шлёцер дал небольшую справку для каждого из славянских языков. В ней в основном говорится о распространенности языка, его вариантах (диалектах) и источниках, в сносках он привел примеры из грамматик и словарей. Интересно отметить, что, с точки зрения как современной филологии, так и общих знаний того времени, классификация Шлёцера превосходит классификацию Добровского, сделанную им на 21 год (*sic!*) позже.

Важное место занимает классификация славянских и полуславянских языков лужицкого ученого К.Г. фон Антона, представленная во «Вступительном слове» первого тома его работы «Первый опыт описания происхождения, обычаев, нравов, мнений и знаний древних славян». Он считал славян единым народом (*Das Volk*), который говорит на одном языке, при этом делится на разные племена (*Die Stammen*), говорящие на разных диалектах (*Die Dialekten*). Поэтому он и называл славянские, в нашем современном понимании, языки диалектами одного славянского языка. Именно язык был для фон Антона основополагающим определением сущности народа / племени и главным фактором отличия их друг от друга. Из этого становится понятным его концепция о «полуславянах»: «К ним [полуславянам] же относятся также народности, которые я, так как их язык часто смешан с другим, причём настолько сильно, что первый лишь слегка просвечивает, хочу называть полуславянами»¹¹.

Фон Антон выделял следующие славянские и полуславянские диалекты: богемский, хорватский, далматский, словацкий, кашубский, кашубский в Лауэнбурге в Померании, краинский, иллирийский, латышский, литовский, польский, полабский в Люнебурге, прусский, русский, сервийский, верхнелужицкий в окрестностях Баутцена, или ученый диалект, на котором печатаются книги, верхнелужицкий в окрестностях Лебау, нижнелужицкий, старорусский, или славонский, или русский церковный язык, славонский, силезский в общем, силезский в кройцбургском, силезский в розенбергском, силезский в тешинском, силезский в плесском, валахский [и болгарский]¹². Соответственно, фон Антон выделял такие славянские и полуславянские народности, как сербы¹³, полабы, кашубы-поморяне, чехи в Богемии и Моравии, словаки, силезцы, поляки, русские, краинцы¹⁴, хорваты, славонцы, далматийцы, боснийцы-иллирийцы, сервийцы¹⁵, болгары, валахи, прусы, литовцы и латыши. Важно заметить довольно основательную проработанность классификации фон Антона не только в количественном, но и в качественном плане, что отличает ее от других класси-

фикаций славянских языков XVIII в. Идея фон Антона является своеобразным общим итогом развития прежних моделей классификаций славянских языков: мы видим, что в его работе присутствуют, с одной стороны, черты, характерные для этнического и территориального принципов, с другой стороны, в ней есть и научный, лингвистический подход.

Итак, на протяжении всего XVIII в. предпринимались попытки создания лингвистических классификаций славянских языков в Европе. В начале сформировались две модели, которые мы называем этнической и национальной. В рамках этих подходов язык и соответствующий лингвоним выводился из соответствующего славянского *gens / natio*. Однако ближе к концу XVIII в. появилась новая модель — лингвистическая.

Таким образом, Й. Добровский был далеко не первым ученым, который составил лингвистическую классификацию славянских языков. Важное место в истории славянской лингвистики занимает также лужицкий ученый К.Г. фон Антон и его работа «Первый опыт описания...». С одной стороны, эта книга является итогом развития славистики за несколько веков. С другой — фон Антон закладывает основы славянской лингвистики XIX в., а также сравнительного изучения славянских языков и народов.

Примечания

- ¹ См., например: Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. М., 2015. С. 288.
- ² Dobrovský J. Geschichte der böhmischen Sprache und Litteratur. Praha, 1792. S. 21–29.
- ³ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 28; Ягич И.В. Энциклопедия Славянской филологии. СПб., 1910. С. 100–137; Дуличенко А.Д. Введение в славянскую филологию. С. 31.
- ⁴ De Jordan I. Chris. S.R.M. De originibus slavicus, opus chronologico-geography-historicum. Vindobona, 1745. T. II. Pars 4. P. 108, 144.
- ⁵ Здесь имеется в виду *natio* в географическом смысле. Об этом см.: Вернер К.Ф., Гишницер Ф., Козеллек Р., Шенеман Б. Народ, нация, национализм, масса // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. М., 2014. Т. 2 / пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. С. 424.

⁶ Здесь автор имеет в виду казаков.

⁷ *Appendini F.M.* De praestantia et vetustate linguae Illyricae eiusque necessitate ad plurimarum gentium populorumque origines, et antiquitate investigandas dissertatio. Ragusii, 1806. P. 5–6.

⁸ *De Peyssonnel C.C.* Observations Historiques Et Géographiques: Sur Les Peuples Barbares Qui Ont Habité Les Bords Du Danube & Du Pont-Euxin. Paris, 1765. P. VIII.

⁹ *Schlözer A.L.* Allgemeine Nordische Geschichte. Halle, 1791. S. 330–331.

¹⁰ Ibid. S. 330.

¹¹ *Von Anton K.G.* Erste Linien eines Versuches über der Alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783. B. 1. S. VII.

¹² Ibid. S. X.

¹³ Имеются в виду лужицкие сербы.

¹⁴ Имеются в виду словенцы.

¹⁵ Имеются в виду балканские сербы.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.05

П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья

София Александровна Жабрева,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: sofiazhabreva@mail.ru

Ключевые слова: Платон Андреевич Кулаковский, Юлиан Андреевич Кулаковский, славяноведение, антиковедение, личные книжные собрания, Библиотека Российской академии наук

Platon and Julian Kulakovskys: Colleagues and Brothers

Sofia A. Zhabreva,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: sofiazhabreva@mail.ru

Keywords: Platon A. Kulakovsky, Julian A. Kulakovsky, Slavic Studies, classical studies, personal book collections, Library of the Russian Academy of Sciences

Шестнадцатого октября 2019 г. в Библиотеке Российской академии наук (Санкт-Петербург) открылась книжно-иллюстративная выставка «П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья». Выставка была посвящена двум ученым — Платону Андреевичу (1848–1913) и Юлиану Андреевичу (1855–1919) Кулаковским. Оба родились в городе Паневежис (ныне Литва) в семье настоятеля церкви Андрея Ивановича Кулаковского (1812–1860). Два брата, рано оставшиеся с четырьмя сестрами без отца, смогли получить прекрасное гимназическое образование и поступить на историко-филологический факультет Московского университета. Старший брат Платон избрал путь изучения славянской филологии, а младший Юлиан — классической.

П.А. Кулаковский — филолог-славист, публицист и видный деятель русской культуры. Он лично общался со многими крупными русскими и зарубежными учеными, политическими деятелями тех славянских стран, в которых он жил по нескольку лет. В сферу научных интересов П.А. Кулаковского входили вопросы автономии и государственности в странах славянского мира, процессы зарождения в них национальных литератур, взаимоотношения славянских стран с Российской империей. На выставке была представлена магистерская диссертация ученого «Вук Караджич, его деятельность и значение в Сербской литературе»¹, а также ее переиздание 2005 г.² Это исследование не только собирает воедино факты из биографии и структурирует вехи деятельности сербского филолога и просветителя, но и включает в себя обзор сербской литературы XVIII в.

Представленные на экспозиции публикации наглядно продемонстрировали широту интересов П.А. Кулаковского. Например, работа «Поляки и вопрос об автономии Польши»³ посвящена волновавшему его польскому вопросу. Дарственные надписи на книгах свидетельствуют о широте его круга общения. Так, показанный экземпляр издания «Юбилей князей Негошей в Черногории, 1696–1896 г.»⁴ содержит дарственную надпись от П.А. Кулаковского историку и этнографу П.А. Ровинскому (1831–1916), а «Иллиризм», диссерта-

ция на степень доктора, — дарственную надпись слависту А.Л. Петрову (1859–1932): «Многоуважаемому Алексею Леонидовичу / Петрову / автор»⁵. В числе рецензий на работы П.А. Кулаковского был отзыв, написанный Игнатием (Ватрославом) Викентьевичем Ягичем (1838–1923) — на диссертацию «Иллиризм»⁶. Среди публикаций XX в. о жизни и деятельности ученого была показана статья С.И. Данченко (Москва), посвященная педагогической деятельности П.А. Кулаковского в Великой школе Белграда⁷.

Ю.А. Кулаковский — филолог-классик, историк, археолог, публицист и педагог, был известен среди своих коллег как ученик немецкого ученого Теодора Моммзена (1817–1903). Большую часть своей научной карьеры он занимал должность ординарного профессора в Императорском университете Св. Владимира (Киев). На выставке был представлен первый перевод на русский язык труда Аммиана Марцеллина (IV в. н. э.), выполненный Кулаковским в соавторстве с филологом-классиком Адольфом Израилевичем Сони (1861–1922)⁸. Демонстрировались также публикации с дарственными надписями Ю.А. Кулаковского, например, экземпляр его статьи «Где начинается территория славян по Иордану?»⁹. Дарственная надпись на ней, адресованная известному филологу и историку русской и украинской литературы В.Н. Перетцу (1870–1935) — «Многоуважаемому / Владимиру Николаевичу / Перетцу / от автора» — свидетельствует, что братья имели общий круг знакомых, хотя и занимались совершенно разными темами.

На выставке также был представлен главный труд Ю.А. Кулаковского «История Византии», третий том которого имеет дарственную надпись филологу-классику П.В. Никитину (1849–1916): «Многоуважаемому / Петру Васильевичу / Никитину / от автора / 18 мая 1915 / Киев»¹⁰. В числе современных публикаций экспонировались переиздания трудов Ю.А. Кулаковского, подготовленные украинским историком и искусствоведом А.А. Пучковым (Киев), перу которого принадлежит книга «Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византистики в России»¹¹.

Личная библиотека и архив Ю.А. Кулаковского не попали в Санкт-Петербург, поскольку основную часть жизни он провел в Киеве. В Библиотеке Российской академии наук выявлен конволют, происходящий из личного собрания филолога-классика, историка и эпиграфиста В.В. Латышева (1855–1921), состоящий из 15 статей Ю.А. Кулаковского. Работа «Речь перед защитой диссертации *pro venia legendi** и две пробные лекции»¹² и 14 других публикаций ученого переплетены в один том, внутри которого имеется рукописный перечень приведенных публикаций, предположительно составленный самим В.В. Латышевым.

Личная библиотека П.А. Кулаковского поступила в собрание Библиотеки Российской академии наук в 1914 г. Во время путешествий по славянским странам П.А. Кулаковский приобрел большое количество книг, изданных в Загребе, Белграде, Земуне, Будапеште, Вене и Венеции. Среди них «Малый букварь за велику децу» (Вена, 1792)¹³ сербского писателя Михаила Максимовича ([1760]–1819). Одно из представленных на выставке изданий сначала находилось в личной библиотеке известного слависта О.М. Бодянского (1808–1877)¹⁴ и к П.А. Кулаковскому перешло, вероятно, после смерти ученого.

Часть экспозиции была посвящена семье ученых, их детям и внукам. Сергей Юлианович Кулаковский (1892–1949) вслед за дядей избрал путь славянской филологии. Его фигура стала предметом исследований М.А. Робинсона (Москва), который на основании архивных источников описал события Революции и Гражданской войны, пережитые молодым ученым С.Ю. Кулаковским¹⁵.

Экспозиция, на которой были представлены собственные работы ученых и литература о них, книги с владельческими и дарственными надписями, продемонстрировала пути становления ученых, их взаимоотношения с коллегами, их место в научном мире. Семейные фотографии, публикации о жизни П.А. и Ю.А. Кулаковских и их потомков осветили трудные судьбы русской интеллигенции.

* Право читать лекции в университете.

Примечания

- ¹ Кулаковский П.А. Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе. М., 1882.
- ² Кулаковский П.А. Вук Караджич: его деятельность и значение в сербской литературе / вступ. ст. В.К. Журавлева, И.В. Журавлева. 2-е изд., доп. М., 2005.
- ³ Кулаковский П.А. Поляки и вопрос об автономии Польши. СПб., 1906.
- ⁴ Кулаковский П.А. Юбилей князей Негошей в Черногории, 1696–1896 г. М., 1896.
- ⁵ Кулаковский П.А. Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. Варшава, 1894.
- ⁶ Ягич И.В. Разбор книги П.А. Кулаковского: Иллиризм: исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения. [Варшава, 1894]. СПб., 1896.
- ⁷ Данченко С.И. Деятельность П.А. Кулаковского в белградской Великой школе в 1878–1882 гг.: (к 100-летию со дня кончины русского ученого) // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. Кн. 1: К 1150-летию славянской письменности / отв. ред. Е.С. Узенёва. С. 77–93.
- ⁸ Аммиан Марцеллин. Римская история / пер. Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни. Киев, 1906–1908. Т. 1–3.
- ⁹ Кулаковский Ю.А. Где начинается территория славян по Иордану? // Журнал Министерства народного просвещения. 1905. Ч. 357. Март. С. 123–134.
- ¹⁰ Кулаковский П.Ю. История Византии: в 3 т. Киев, 1915. Т. 3. 602–717 гг.
- ¹¹ Пучков А.А. Юлиан Кулаковский и его время: из истории антиковедения и византистики в России. 2-е изд., перераб., испр. и доп. СПб., 2004.
- ¹² Кулаковский Ю.А. Речь перед защитой диссертации pro venia legendi и две пробные лекции. Киев, 1882.
- ¹³ Максимович М. Малый букварь за велику децу. Вена, 1792.
- ¹⁴ Наше мане, наши яди; и Противници княза и владе србске. [У Београду, 1864].
- ¹⁵ Робинсон М.А. Судьба русского киевлянина: письма С.Ю. Кулаковского А.И. Соболевскому (Революция, Гражданская война, первые годы эмиграции) // Славянский альманах. 2018. №. 3–4. С. 215–246.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.06

Школа Голла и «спор о смысле чешской истории»

Тимур Владимирович Гимадеев,

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Российская Федерация; e-mail: daigodumu@yandex.ru

Ключевые слова: история историографической науки, история Чехии, школа Голла, Т.Г. Масарик

Goll's School and "The Controversy about the Meaning of Czech History"

Timur V. Gimadeev,

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation; e-mail: daigodumu@yandex.ru

Keywords: history of historiography, Czech history, Goll's school, T.G. Masaryk

В период 1895–1896 гг. Томаш Гарриг Масарик (1850–1937), профессор Чешского университета в Праге, философ и социолог, создал ряд трудов на историко-философские темы. В работах «Чешский вопрос»¹, «Наш нынешний кризис»² и «Ян Гус: наше возрождение и наша Реформация»³ он сформулировал оригинальную концепцию чешской истории, базирующуюся на теории Франтишека Палацкогo (1798–1876). Показывая, подобно Палацкогoму, период гуситского движения как важнейший в истории страны, он понимал его не как высший эпизод славяно-германской борьбы, а как эпоху зарождения чешского гуманистического идеала, идеала свободы личности. Идеал, воплотившийся в деятельности Петра Хельчицкого и Общины чешских братьев, проходил через всю дальнейшую чешскую историю, носителем его

выступали главным образом чешские протестанты. В эпоху Контрреформации этот идеал почти сошел с исторической сцены, но был возвращен к жизни Национальным возрождением, дело которого, по мнению Масарика, не было еще доведено до конца⁴.

Вокруг концепции Т.Г. Масарика разгорелся «спор о смысле чешской истории» — продлившаяся практически до начала Второй мировой войны широкая научная и общественная дискуссия, затрагивавшая вопросы политической тактики, философии и методологии истории, отношения к религии. На первых порах, однако, дискуссия носила в основном политический и философский характер. Историки вступили в дискуссию лишь в начале 1910-х гг, во второй из трех выделяемых М. Гавелкой фаз этого спора⁵.

Триггером послужили выступления горячих сторонников Масарика — историков по образованию — школьного учителя Индржиха Ванчуры (1855–1936) и журналиста Яна Гербена (1857–1936). В работах «Чем Масарик помог исторической науке»⁶ (1910) и «Масарикова секта и школа Голла»⁷ (1912) они противопоставили деятельность Масарика и его сторонников деятельности историка, профессора Пражского университета Ярослава Голла (1846–1929) и его учеников. К тому времени школа Голла, объединявшая воспитанников его знаменитого исторического семинара, заняла доминирующее положение в чешской историографии. Этим были недовольны Ванчура и Гербен. Они полагали, что Я. Голл, не принявший концепции Масарика и в целом выступавший как противник философии истории и применения в ней социологических подходов, завел историческую науку на ложный путь. Историки погрузились в изучение истории ради самой истории, писали слишком сложные для массового читателя «ребусы»⁸, стали излишне вольно выбирать тематику своих исследований — изучая такие «дальние страны», как Польша и Литва⁹, либо же игнорируя новую историю. Ванчура и Гербен полагали, что чешская историческая наука должна довести до конца монументальную «Историю чешского народа» Ф. Палацкогго, обрывающуюся

на 1526 г., а также продолжать исследование истории гуситского периода¹⁰. Отрыв от этой программы они связывали с личным влиянием самого Я. Голла — тот, будучи выходцем из семьи графского врача, не мог, в отличие от выходца из бедняков Т.Г. Масарика, сочувствовать «социальным бедам народа»¹¹.

Ученикам Голла пришлось держать ответ. Камиль Крофта (1876–1945) первым отреагировал на работы И. Ванчур¹² и Я. Гербена¹³. По существу претензий Крофта привел ссылки на собственные публикации, а также работы Й. Пекаржа, В. Новотного, Я. Бидло, Й. Шусты на тему гуситского движения и Нового времени, отмечая тесную связь истории соседних стран с историей Чехии¹⁴. Йозеф Пекарж (1870–1937), возражая И. Ванчуре, отметил то, что совмещение научной и педагогической деятельности в университете часто не оставляет времени и сил на написание монументальных трактатов и вынуждает ученого приближать тематику собственных научных исследований к предмету преподавания¹⁵.

Й. Пекарж выступил с разбором трудов самого Масарика в работе «Чешская философия Масарика» (1912)¹⁶. В ней он указал на то, что идеалы средневекового человека — гусита или члена Общины чешских братьев — были далеки от современных представлений о свободе человека и находились в рамках мышления своей эпохи¹⁷. Пекарж отвергал представление о протестантах как носителях идеи чешского Национального возрождения, указывая на его внеконфессиональный характер¹⁸. Пекаржу удалось добиться того, что уже лично Масарик вступил с ним в дискуссию. Их личный спор продлился четверть века — вплоть до смерти обоих его участников. Масарик, заявив, что Пекарж просто «не любит философию истории и социологии»¹⁹, был вынужден, тем не менее, признать, что идея гуманизма исторически развивалась и не была одной и той же в XV и XIX вв., не признавая при этом правоты Пекаржа в целом²⁰.

Зденек Неедлы (1878–1962), ученик Я. Голла, сохранявший, однако, хорошие отношения и с Т.Г. Масариком, по-

пытался в работе «Спор о смысле чешской истории» (1914)²¹ примирить позиции противоборствующих сторон так, чтобы фактографическая правота Пекаржа не противоречила напрямую направлению мысли Масарика. «Спор» на время утих, но главной причиной послужила не столько позиция Неедлы, сколько Первая мировая война.

После войны, в связи с изоляцией Я. Голла, вытесненного на обочину общественной жизни слишком горячей поддержкой Австро-Венгрии в мировом конфликте, сообщество учеников вокруг него фактически распалось. Школа Голла и раньше не была однородной: Ярослав Бидло (1868–1937) и Вацлав Новотный (1869–1932) воздержались от участия в споре, а упомянутый З. Неедлы вместе с Юлиусом Глюклихом (1876–1950) и Властимилом Кибалом (1880–1958) поддерживали отношения с Масариком и оставались его сторонниками²². От Голла отвернулся и К. Крофт, который занялся политикой и стал высокопоставленным дипломатом. Спор с Масариком продолжал лишь Й. Пекарж, ставший самостоятельным, самобытным ученым.

Примечания

- ¹ *Masaryk T.G.* Česká otázka: snahy a tužby národního obrození. Praha, 1895.
- ² *Masaryk T.G.* Naše nynější krise. Praha, 1895.
- ³ *Masaryk T.G.* Jan Hus: naše obrození a naše reformace. Praha, 1896.
- ⁴ *Masaryk T.G.* Česká otázka: snahy a tužby národního obrození. S. 7–15.
- ⁵ *Havelka M.* Spor o smysl českých dějin 1895–1938 // *Spor o smysl českých dějin / uspořádal M. Havelka.* Praha, 1995. Sv. 1: 1895–1938. S. 13–26.
- ⁶ *Vančura J.* Čím se Masaryk zavděčil českému dějepisu // *T.G. Masarykovi k 60. narozeninám.* Praha, 1910. S. 117–137; *Idem.* Čím se Masaryk zavděčil českému dějepisu // *Spor o smysl českých dějin.* Sv. 1. S. 125–148.
- ⁷ *Herben J.* Masarykova sekta a Gollova škola. Praha, 1912; *Idem.* Masarykova sekta a Gollova škola // *Spor o smysl českých dějin.* Sv. 1. S. 164–234.
- ⁸ *Herben J.* Masarykova sekta a Gollova škola // *Spor o smysl českých dějin.* Sv. 1. S. 194–196, 204.
- ⁹ *Vančura J.* Čím se Masaryk zavděčil českému dějepisu // *Spor o smysl českých dějin.* Sv. 1. S. 144.
- ¹⁰ *Vančura J.* Čím se Masaryk zavděčil českému dějepisu // *Spor o smysl českých dějin.* Sv. 1. S. 144; *Herben J.* Masarykova sekta a Gollova škola. S. 223–228.

- ¹¹ *Vančura J.* Čím se Masaryk zavděčil českému dějepisu. S. 144; *Herben J.* Masarykova sekta a Gollova škola. S. 192–194.
- ¹² *Krofta K.* Vliv Masarykův na české dějepisectví // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 149–156.
- ¹³ *Krofta K.* Masaryk, Goll a české dějepisectví // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 235–264.
- ¹⁴ *Krofta K.* Vliv Masarykův na české dějepisectví. S. 152–155; *Idem.* Masaryk, Goll a české dějepisectví. S. 246–252.
- ¹⁵ *Pekař J.* K článku prof. Jindřicha Vančury // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 157–163.
- ¹⁶ *Pekař J.* Masarykova česká filosofie. Praha, 1912. 44 s.; *Idem.* Masarykova česká filosofie // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 265–302.
- ¹⁷ *Pekař J.* Masarykova česká filosofie // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 266–268.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 269–275.
- ¹⁹ *Masaryk T.G.* Ke sporu o smysl českých dějin // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 316.
- ²⁰ *Ibid.* S. 310–312.
- ²¹ *Nejedlý Z.* Spor o smysl českých dějin. Praha, 1914; *Idem.* Spor o smysl českých dějin // Spor o smysl českých dějin. Sv. 1. S. 321–360.
- ²² *Kutnar F., Marek J.* Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví. Praha, 2009. S. 512–560.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.07

Современная российская и украинская историография процессов самоопределения восточных славян в Габсбургской монархии

Владислав Александрович Кретов,

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация; e-mail: vlad.kretov.97@mail.ru

Ключевые слова: национальное самоопределение, Галиция, русины, русофилы, украинофилы

Contemporary Russian and Ukrainian Historiography of the Self-Determination Processes of East Slavs in the Habsburg Monarchy

Vladislav A. Kretov,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: vlad.kretov.97@mail.ru

Keywords: national self-determination, Galicia, Ruthenians, Russophiles, Ukrainophiles

Восточную Галицию рассматривали как часть своей национальной территории как российские, так и украинские ученые рубежа XIX и XX вв. В российской академической среде преобладало представление о триедином русском народе, в который входили великороссы, белорусы и малороссы, к которым причислялись и русины восточной Галиции. Украинские исследователи и интеллектуалы в то же время мечтали о «соборной» Украине — отдельном украинском государстве, в котором должны быть объединены украинские земли монархий Романовых и Габсбургов. Политическая борьба между русофилами и украинофилами в регионе влияла на позиции обеих сторон.

В советской историографии развитие украинского самосознания среди восточнославянского населения Восточной Галиции считалось естественным процессом самоопределения украинского народа. История национальных движений русинского населения империи Габсбургов актуализировалась в украинской и российской историографии после распада СССР, когда общества новых государств стали заново открывать свои традиции классического национального нарратива. Распространение конструктивистского подхода к объяснению истории наций и национализмов серьезно изменило представления ученых о национальных движениях восточных славян в Габсбургской монархии.

В российской историографии продолжением традиции дореволюционного и эмигрантского национального нарратива стала монография Н.М. Пашаевой¹. Исследовательница, не скрывая своего сочувствия русофильскому движению в Галиции, описала его развитие и трагическую судьбу. В работе относительно мало внимания было уделено их оппонентам — украинофилам. Главными причинами поражения и гибели русофильского движения, по мнению Н.М. Пашаевой, стали внешние факторы: австрийские репрессии и поражение России в Первой мировой войне.

А.Ю. Бахтурина рассматривает восточных славян Галиции во второй половине XIX — начале XX в. как украинцев, а украинскую нацию в начале XX в. — как вступившую в завершающую стадию формирования². В оценке процессов самоопределения галицийских русинов, А.Ю. Бахтурина опирается на традиции советского примордиализма.

Среди историков, разделяющих конструктивистское представление о формировании наций, можно выделить А.И. Миллера, И.В. Михутину и М.Э. Клопову. С их точки зрения, восточнославянское население монархии было русинским. Они отмечают преимущественно политический характер русофильского и украинофильского движений и тот факт, что большинство русинского населения Восточной Галиции (в основном крестьянского) не было вовлечено в эти национальные движения. А.И. Миллер обращает внимание на альтернативность развития национального самосознания у жителей Восточной Галиции и малороссийских губерний Российской империи. Ученый указывает на зависимость процессов самоопределения галичан не только от политики Вены, Петербурга и польских элит, но и от результатов экономического развития Российской империи³. И.В. Михутина пишет, что и русофилы, и украинофилы находили основу для развития местной культуры вне региона (русофилы опирались на русскую культуру и русский язык, украинофилы — на культуру и язык украинцев Поднепровья), определяет внешние (запрет украинского движения в Российской империи и поддержка украинофилов Веной) и внутренние причины (большее учас-

тие украинофилов во всех сферах жизни местного населения) преобладания украинского движения⁴. М.Э. Клопова исследует отношения украинофилов с Веной и влияние российско-австрийских отношений на самоопределение русинов и приходит к выводу, что единое украинское движение в России и Австро-Венгрии не сложилось из-за лояльности галицийских украинофилов к Вене и враждебности к России⁵.

В современной украинской историографии сложились два основных направления в вопросе самоопределения восточных славян монархии Габсбургов: примордиалисты опираются как на наследие украинской историографии конца XIX — начала XX в., так и на советскую традицию изучения истории украинской нации, в то время как конструктивисты приходят к схожим с их российскими коллегами выводам.

Из первой группы, на наш взгляд, стоит выделить работы В.А. Смолия, О.И. Гуржия, О.В. Добржанского, И.Г. Буркута. Они выстраивают национальный украинский нарратив, исходя из представления о естественности и закономерности процессов строительства украинской нации, объединения украинских земель и обретения национального государства. В.А. Смолий и О.И. Гуржий объединяют историю украинского народа (этноса) и украинской нации. Они говорят о государственном образовании Б. Хмельницкого как о «феодалном украинском государстве», которое «гарантировало [...] постепенное оформление украинской народности в высшую форму этнической общности — нацию»⁶. О.В. Добржанский объясняет распространение идей соборной Украины в Северной Буковине исторической памятью о «единой Киевской Руси и сильном Галицко-Волынском княжестве»⁷. Историк из Черновцов И.Г. Буркут выявляет внешние и внутренние причины различного результата самоопределения русинов Галиции, Буковины и Закарпатья. Однако он утверждает, что «стремление к национальному единству украинцев Поднепровья и западноукраинских земель было объективным и зародилось в самом украинском народе»⁸.

Среди авторов, склонных соглашаться с представлением о конструировании нации, выделим Я. Грицака, М. Мудрого

и О. Аркушу. Я. Грицак пишет об альтернативных идентичностях для украинцев, отмечает возможности для ассимиляции среди поляков и русских. Интересно его замечание, что своим возникновением новая украинская нация разрушила сразу несколько старых⁹. По мнению М. Мудрого, украинофилы и русофилы в Восточной Галиции были движениями малочисленных интеллектуальных элит, и только демократизация общественной жизни на рубеже XIX–XX вв. обеспечила преобладание украинского варианта идентичности среди русинского населения¹⁰. О. Аркуша отметила роль, которую сыграли в процессе самоопределения галицийских русинов формирование современной национальной идентичности русских и поляков и их попытки включить галицийских русинов в свои проекты национального строительства¹¹.

Работы российских исследователей, опирающихся на традиции дореволюционной и эмигрантской историографии, ставят перед собой задачу вписать трагическую судьбу русофильского движения в русскую национальную историю. Историки, опирающиеся на положения советского примордиализма, как и украинские примордиалисты, создающие национальный нарратив, упрощают сложную картину процессов самоопределения восточных славян Габсбургской монархии, с легкостью оценивая одни явления и процессы как естественные и закономерные, а другие — как неестественные и обреченные на неудачу.

Как показывает сопоставление российской и украинской историографии, конструктивистский подход, а также изучение национальных проектов, а не только истории формирования современных наций, признание альтернативности исторического развития лишает исторический нарратив конфликтности и приводит исследователей к схожим выводам о непредопределенности результатов самоидентификации русинов в Австро-Венгрии, а также о серьезнейшей зависимости этого процесса от многочисленных внешних и внутренних факторов.

Примечания

- ¹ *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2001.
- ² *Бахтурина А.Ю.* Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000. С. 45.
- ³ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 203.
- ⁴ *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003. С. 53.
- ⁵ *Клопова М.Э.* Русины, русские, украинцы. Национальные движения восточно-славянского населения Галиции в XIX — начале XX века. М., 2016. С. 264–265.
- ⁶ *Смолий В.А., Гуржій О.І.* Як і коли почала формуватися українська нація. Київ, 1991. С. 66.
- ⁷ *Добржанський О.В.* Соборницькі прагнення українців Буковини восени 1918 р. // Український історичний журнал. 2009. № 1. С. 28.
- ⁸ *Буркут І.Г.* Русинство: минуле і сучасність. Чернівці, 2009. С. 51.
- ⁹ *Грицак Я.Й.* Нариси історії України: формування модерної української нації XIX–XX ст. Київ, 1996. С. 53–55.
- ¹⁰ *Mudryj M.* Kwestia tożsamości wśród ruskich elit politycznych w Galicji // Prace Historyczne. 2017. N 144 (2). S. 271–272.
- ¹¹ *Arkusza O.* Rusini galicyjscy drugiej połowy XIX — początku XX wieku między ukraińskim a wszechruskim wariantem tożsamości narodowej // Prace Historyczne. 2017. N 144 (2). S. 297.

ВОСПРИЯТИЕ ИНОГО ДИПЛОМАТАМИ, ЧИНОВНИКАМИ И ПУТЕШЕСТВЕННИКАМИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.08

Град Святого Петра глазами польского посольства 1720 г.: образ столицы по материалам личной канцелярии князя А.Д. Меншикова*

Марина Тазабаевна Накишова,

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация;
e-mail: m-nakishova@mail.ru

Ключевые слова: Санкт-Петербург, город, репрезентация, посольство, государственное управление, местное управление, местное самоуправление

St. Peter's City through the Eyes of Polish Envoys in 1720: Image of the Capital Based on Materials of the Personal Chancellery of Prince Alexander Menshikov

Marina T. Nakishova,

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: m-nakishova@mail.ru

Keywords: St. Petersburg, city, representation, embassy, public administration, local government

* Тезисы подготовлены в рамках реализации государственного задания Министерства науки и высшего образования РФ № FEUZ-2020-0056 «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования».

Шестнадцатого мая 1703 г. в устье р. Невы по приказу Петра I был заложен первый камень Петербургской крепости — так началась история новой имперской столицы, града Святого Петра, Санкт-Петербурга. Как отмечает О.Г. Агеева, в первые десятилетия создание города-парадиза было нацелено на получение экономических и военных выгод (выхода к Балтийскому морю, установления контактов с европейскими державами, активизации торговых связей и т.д.), а затем в 1710–1720-е гг. добавилась и стала доминирующей репрезентативная функция столицы как города западной культуры¹. Вместе с этим Санкт-Петербург обрел особое значение в политике и идеологии: он стал символом преобразований, плацдармом петровских нововведений.

В обществе отношение к Санкт-Петербургу было далеко не однозначным: от восхвалений в официальных документах и проправительственной публицистике до откровенной критики, подпитываемой тем, что возведение нового города требовало от населения невероятных человеческих усилий и финансовых трат². Отдельным важным делом считалась презентация столицы членам дипломатических миссий и посольств. Петр и его соратники, согласно запискам иностранцев³, устраивали для приезжих торжественные приемы в городе, демонстрировали им градостроительные успехи. Каким образом осуществлялся прием посольств и как презентовалась только строящаяся новая имперская столица перед ними?

Примером того, какой образ Санкт-Петербурга создавался царскими сподвижниками перед глазами посольства, может служить прием польского посланника Станислава Хоментовского (1673–1728). 23 февраля 1720 г. в Санкт-Петербург прибыло чрезвычайное посольство во главе с мазовецким воеводой с целью разрешить курляндский вопрос, финансовые и территориальные (возвращение Лифляндии и Риги) претензии после Аландского конгресса 1718–1719 гг. Как отмечают исследователи, с точки зрения дипломатии посольство изначально являлось малопродуктивным, так как требования, поставленные королем Августом II, в сло-

жившейся международной ситуации не были восприняты российской стороной серьезно⁴. Тем не менее посольству Хоментовского оказали достойный прием и на протяжении пяти месяцев — с 23 февраля по 23 июля — показывали город во всей его красе.

Основным источником, запечатлевшим путь польского посла в петровском Санкт-Петербурге и его городскую повседневность, в историографии считается «Краткое описание города Петербурга и пребывания в нем польского посольства в 1720 году», опубликованное на польском и русском языках еще в XIX в.⁵ Также сведения о приеме Хоментовского содержатся в Походном журнале Петра I⁶. Кроме того, как показали архивные поиски, отдельные сюжеты о передвижениях и увеселениях посольства, иногда даже более подробные, чем во введенных в научный оборот источниках, отмечаются среди материалов личной канцелярии князя А.Д. Меншикова, который на тот момент занимал должность генерал-губернатора Санкт-Петербургской губернии⁷. В 1720 г. князь отсутствовал в городе, а соответственно, нуждался в информации о самых важных событиях, происходящих в столице.

Описание въезда посольства в Санкт-Петербург сохранилось в письмах к генерал-губернатору А.Д. Меншикову от кабинет-секретаря А.В. Макарова и адмирала Ф.М. Апраксина, присутствовавших в это время в городе⁸. Они сообщали, что «посол полской с свитой людей посолства своего прибыл с ызрядною встречей, а имянно на встрече было с 18 корет, в том числе и вашей светлости одна с лучшими возниками», разместился в «доме детей царевичевых»* и по приезде имел аудиенцию у государя⁹. Относительно отъезда посольства в письмах коменданта Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотова находим: «Полской полномочной посол воевода мазовецкой господин Хоментовский из Санкт-Петербурга поехал сего июля 23 числа»¹⁰.

В период между въездом и отъездом Хоментовского его жену и всех членов посольства ждала многодневная экс-

* Должно быть, имеется в виду дом детей Алексея Петровича.

курсия по Санкт-Петербургу и близлежащим окрестностям. Согласно «Краткому описанию...», польский посол побывал на полотняной фабрике, на Васильевском острове, в Петербургской крепости, Кунсткамере, Адмиралтействе, в зданиях Коллегий, Кронштадте, Котлине острове, Ораниенбауме, Петергофе и Стрельне¹¹. Так, 16 июня Апраксин описывал передвижения государя и его свиты: «...отсюда отлучились на Котлин остров 9 дня сего настоящего месяца, и 11 его величество изволил со всеми кушать на гаване, а 12 со всеми министрами и с послом полским и швецким генерал-адъютантом изволил кушать у меня на каробле Ангоуте, и по обеде со всеми же изволил посещать карабль Лесной. И, показав иностранным особам на Котлине острове всякое строение, 13 числа переехали в Ранибом, и тамо на другой день изволил в доме вашей светлости кушать и потом изволил во весь день гулять по каналам, а на другой день его величество, взяв с собою посла полского, изволил ехать в Питергоф и оттуды, отпустя оного посла изволит тамо пробывать несколько дней ради ползования здравия своего, а нас так же и протчих уволил всех в Санкт-Питербурх»¹².

В ходе путешествия по петербургской округе Хоментовский с приближенными останавливались на ночлег или заезжали с визитом в лучшие новопостроенные дома и дворцы, посещали ассамблеи, осматривали корабли, считавшиеся гордостью российского флота, проводили досуг в садах, которые, по мнению Петра, могли со временем стать лучше, чем версальские¹³. Более того, членам посольства посчастливилось побывать на праздновании дня рождения и тезоименитства Петра, годовщине Полтавской баталии, свадьбе генерал-адъютанта А.И. Румянцева и похоронах князя Я.Ф. Долгорукова¹⁴. Как показывал Девиер, восхищение Хоментовского вызвал показательный спуск на воду нового корабля. Генерал-полицмейстер писал, что «как 1го числа мая в Адмиралтейской крепости спуск был корабля в 96 пушек, называемой Фридрихштат, Броновой работы, которой так щасливо на воду спущен, и весьма скоро збежал, чему притом бывши полской посол и с своею женою весьма

дивился. Тако ж де и его величество после спуску на том карабле, и полской посол и многия знатныя мужеския и женския персоны гараздо веселились, с котораго розъехались уже 2 или 3 числа по полночи»¹⁵.

Хорошее впечатление, произведенное петербургскими окрестностями на Хоментовского¹⁶, отмечал комендант Бахмеев в письме к Меншикову от 16 июня. Он докладывал: «А ныне, как мы известны, что с Котлина острова изволил быть в Аранинбоуме и в доме вашей светлости, и начевали там все особы две ночи и между теми и господин полской посол. И розговоры в доме вашей светлости имели все изрядные и похвалныя, да и всегда Его величество с ним господином послом обходитца благоприятно и во всякие компании всегда берет с собою, и всякие заводы и протчие вещи показывает не скрытно»¹⁷. В целом Санкт-Петербург был воспринят польскими гостями с одобрением, хотя даже от их предвзятого взгляда не ускользнули проблемы строящегося города: «Дворцы [...] поскольку строились в спешке, то тем отваливается уже при небольшом ветре; навверное, плох материал, или же делали зимой, ведь лето здесь непродолжительное. Еще и половина города не возведена»¹⁸.

Перед членами посольства умело создавался образ нового столичного города, способного встать в ряд с крупнейшими европейскими центрами. Это представление формировалось Петром и его окружением вполне осознанно — оно соответствовало их внешнеполитическим целям. Санкт-Петербург в данном случае призван был олицетворить величие России, планомерно приближающейся к заключению Ништадского мира и имперскому статусу. Поэтому, принимая посольства в городе-парадизе, необходимо было создать такое впечатление, которое бы работало на авторитет будущей Российской империи на международной арене. Другое дело, что демонстрируемый иностранным наблюдателям идеальный образ скрывал за собой те повседневные трудности, которые ложились тяжким бременем на население, однако это вопрос уже иного порядка.

Примечания

- ¹ *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 61.
- ² Например: *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший»... С. 53–92; *Анисимов Е.В.* Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 44–47, 67–73; *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004. С. 35–37; *Луппов С.Н.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. Л., 1957. С. 17, 23–24, 47–50, 81–82, 178–179; и др.
- ³ Например, сведения о приеме дипломатических миссий мы можем найти в сочинениях участника польского посольства, члена свиты Я.-К. Сапеги, Ф.В. Берхгольца, Ч. Уитворта и др. См.: *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 139–161, 192–210; *Дневник камер-юнкера Фридриха Вильгельма Берхгольца. 1721–1726.* М., 2018; *Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.:* (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998; *Юность державы.* М., 2000.
- ⁴ Об этом см.: *Агеева О.Г.* Дипломатический церемониал императорской России. XVIII в. М., 2012. С. 168; *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 24; *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. 1984. S. 26–32; *Kosińska U.* Sondaż czy prowokacja? Sprawa Lehmana z 1721 r., czyli o rzekomych planach rozbiorowych Augusta II. Warszawa, 2009. S. 26; *Eadem.* Rokowania Augusta II ze Szwecją w latach 1719–1720 // *Kwartalnik Historyczny.* 2004. Roczn. CXI. N 3. S. 29; *Eadem.* Rosja wobec sejmu jesiennego 1720 r. // *Kwartalnik Historyczny.* 2004. Roczn. CXI. N 1. S. 46–48; *Prochaska A.* Poselstwo polskie w Petersburgu (1720 r.) // “Charitas”. Księga zbiorowa wydana na rzecz r[zymsko] k [atolickiego] Towarzystwa Dobroczynności przy kościele Świętej Katarzyny w Petersburgu. SPb., 1894. S. 368; *Wilk M.* Polacy o Piotrze I // *Slavia Orientalis.* 1966. Roczn. 15. N 3. S. 374.
- ⁵ Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца // *Русская старина.* 1879. Т. 25. Июнь. С. 263–290; *Petersburg w roku 1720 według opisu Polaka* // *Przewodnik naukowy i literacki. Dodatek do Gazety Lwowskiej.* Lwów, 1877. Т. 5. S. 520–532, 603–616.
- ⁶ Походный журнал 1720 года. СПб., 1855.
- ⁷ Сведения о прибытии польского посольства были найдены среди материалов корреспонденции адмирала Ф.М. Апраксина, коменданта Петербургской крепости Я.Х. Бахмеотова, генерал-полицейстера Санкт-Петербурга А.М. Девьера, кабинет-секретаря А.В. Макарова. См.: *Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА).* Ф. 198. Оп. 1. Д. 352, 378, 557, 737.
- ⁸ В «Кратком описании...» сведений о въезде и отъезде посольства не находится; в Походном журнале они весьма скудны: «В 23-й день. Приехал воевода Мазовецкой, Посол из Польши». См.: *Походный журнал... С. 9.*
- ⁹ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 235; Д. 737. Л. 197, 199.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 80об.
- ¹¹ *Беспярых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 140, 141, 143–144, 145–147, 148–152. Также об этом см.: *Походный журнал... С. 19, 22, 23, 24;* РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 259; Д. 378. Л. 69, 77.; Д. 557. Л. 37–37об.; Д. 737. Л. 228; *Wilk M.* Polacy o Piotrze I. S. 370–371.

- ¹² РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 259–259об.
¹³ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 140–141, 147, 150; Походный журнал... С. 14, 16, 17, 23; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 76–77.
¹⁴ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 145, 153–155, 157; РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 352. Л. 249; Д. 557. Л. 29–29об., 37–37об., 39–39об.
¹⁵ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 557. Л. 29–29об.
¹⁶ Также об этом см.: *Kosińska U.* Sondaż czy prowokacja? S. 26; *Wilk M.* Polacy o Piotrze I. S. 369.
¹⁷ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 378. Л. 75, 77.
¹⁸ *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 140.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.09

Как русские крестьяне в Боснии торговали*

Ксения Валерьевна Мельчакова,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: kmelchakova@mail.ru

Ключевые слова: Боснийский вилайет, Сараево, А.Н. Кудрявцев, русские крестьяне

How Russian Peasants Traded in Bosnia

Ksenia V. Melchakova,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: kmelchakova@mail.ru

Keywords: Bosnia Vilayet, Sarajevo, Alexey N. Kudryavtsev,
Russian peasants

В 2021 г. исполняется 160 лет с момента одного из важнейших событий в истории России — отмены крепостного права. В предлагаемых вниманию читателя тезисах речь пойдет

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18004.

о небольшом эпизоде из жизни пореформенного крестьянства — приключениях группы русских крестьян в главном городе Боснийского вилайета. Эта история реконструирована на основании донесений российского консула в Сараеве А.Н. Кудрявцева (1868–1877 гг.) в МИД¹.

В 1870 г. пятеро крестьян из Владимирской губернии прибыли в Сербию. До Балканского полуострова они добрались самостоятельно со своими лошадьми и телегами². Посетить земли братьев-славян русские крестьяне решили не из праздного любопытства — на Балканах они торговали иконами и церковной утварью³. В Сербии дела шли хорошо⁴. Кто-то из местных посоветовал торговцам отправиться в соседний Боснийский вилайет, значительную часть населения которого составляли православные жители⁵. Простому обывателю в османской Боснии товары такого рода достать было трудно. В апреле крестьяне решили рискнуть и пустились в путь по неизведанным горным дорогам.

Вероятно, путешественники не согласовали свои перемещения ни с местными властями, ни с российскими дипломатами. Первое же препятствие их настигло на сербо-боснийской границе близ города Зворник. Их не хотели пропускать на таможене, заявив, что торговля иконами в боснийских землях запрещена. Так ли это было на самом деле, установить не удалось. Решилась проблема после вмешательства боснийского вали Сафвет-паши (1869–1871 гг.). По телеграфу из Сараева он приказал пропустить торговцев. Так, впервые в истории русские крестьяне оказались в боснийских землях.

В скором времени они добрались до Сараева и разместились в местном хане (на постоялом дворе. — *К.М.*). В то время в городе было 104 мечети и лишь два православных храма⁶. Большую часть населения составляли мусульмане. Местная православная община была очень активной. Весть о прибытии торговцев с церковной утварью ее представители восприняли хорошо. Русские крестьяне развернули выставку-продажу во дворе хана. В ассортименте были иконы, хоругви и лампы. Близились церковные праздники. Рус-

ским крестьянам было предложено задержаться в городе и в Вербное воскресенье выставить товар в церковном дворе. На праздники в Сараево по обыкновению стекались и поселяне из окрестных деревень.

Если православными жителями такая торговая деятельность воспринималась позитивно, то у местных властей она вызывала противоположные эмоции. При встрече с Кудрявцевым Сафвет-паша недвусмысленно намекал российскому консулу, что добром пребывание его соотечественников в Сараево не кончится⁷.

Наступило Вербное воскресенье. Как и было условлено, русские крестьяне принесли товары в назначенное место и отправились на литургию. В церковный двор стекался народ. Однако никакой торговли не состоялось.

В дело вмешался дабробосанский митрополит Дионисий (1868–1871 гг.). У владыки были натянутые отношения с паствой. На него постоянно поступали жалобы с нелицеприятными обвинениями⁸. Пока шло богослужение, он приказал не вносить лампы, хоругви и иконы в церковный двор, тем самым свернув торговлю. Случившееся стало большой неожиданностью для всех. Разразился скандал. Свидетелем и участником этих событий стал Кудрявцев. Сараевские христиане просили русских торговцев не уезжать, выставить товары на продажу. Уговаривал их остаться и консул. Но, по словам Кудрявцева, «русские торговые люди были обижены, и гордость не допускала их оставаться 24 часа в стенах неблагодарного города»⁹. На многочисленные уговоры русские крестьяне отвечали: «Нет уж, спасибо вам, добрые люди, в другой раз в Боснию нас никто не заманит»¹⁰. Недолго думая, они собрали свои вещи, погрузили на телеги и отправились назад в Сербию.

Кудрявцев поспешил к Дионисию. Митрополит заявил, что продавать иконы в церковном дворе во время литургии незаконно. Когда же консул заметил, что русские торговцы сами участвовали в богослужении, он ответил, что сей казус приключился по «неведению»¹¹, и предложил им остаться в городе до Св. Пасхи, но было уже поздно.

Скорее всего, митрополит действовал в угоду местной администрации. Кудрявцев неоднократно доносил в МИД, что главный защитник православных Боснии является союзником местных властей и не заботится о своей пастве. Кроме того, митрополит сам промышлял торговлей иконами по завышенным ценам¹².

После истории с русскими торговцами православная община Сараева решила окончательно отделиться от владыки. На церковные праздники обычно представители общины наносили визит российскому консулу совместно с митрополитом. Спустя неделю после вышеупомянутых событий, на праздник Св. Пасхи, они посетили Кудрявцева без Дионисия и заявили, что намерены по примеру болгар развернуть деятельность по борьбе за автономию своей церкви (борьба болгар за автокефалию церкви началась в 1860 г. — *К.М.*). В 1871 г. им все-таки удалось добиться удаления Дионисия из Сараева.

Хоть русские крестьяне в Боснии и столкнулись с неприятностями, поразителен сам факт того, что они добрались до этих краев в 1870 г. Пока остается неизвестным, какие еще уголки Балкан им удалось посетить, каким образом была организована их поездка и как вообще они решились на такую авантюру, не сохранила история и их имен. Тем не менее они стали одними из немногих русских, посетивших османский город Сараево. Если составлять список их соотечественников, побывавших в Боснийском вилайете до прогремевшего на весь мир Герцеговинского восстания 1875–1878 гг., то в нем будут имена работавших в регионе дипломатов и членов их семей (1856–1877 гг.), фотограф П.П. Пятницкий (1866–1867 гг.)¹³, Н.Н. Раевский (1867 г.)¹⁴ и группа из пяти мастеров, работавших над внутренним обустройством православных храмов в Сараеве и Мостаре (в Боснии и Герцеговине они находились, вероятно, в 1870–1873 гг.)¹⁵. Можно только предполагать, что дело организации поездки с иконами именно на Балканы не обошлось без участия славянских комитетов¹⁶. Информации о подобных выездах русских крестьян в зарубежные страны в источни-

ках и литературе найти не удалось. В силу того, что в отечественной историографии данный вопрос не изучался глубоко, на основе представленной в тезисах истории трудно и преждевременно делать какие-либо выводы, насколько подобная практика была распространена в пореформенной Российской империи. Однако представленный сюжет может быть полезен для исследователей крестьянского вопроса в России. Визит же русских в Боснию, да еще и с иконами, был действительно большим событием для местных жителей. В вилайете в то время шел процесс внедрения реформ османизма. Хатт-и хумаюн 1856 г., ознаменовавший собой второй этап танзимата, был направлен на уравнивание в правах всех жителей Османской империи вне зависимости от вероисповедания¹⁷. Это и позволило представителям православной общины Сараева развернуть деятельность по строительству храма в городе (собор Рождества Пресвятой Богородицы), а также объясняет их смелость в борьбе со своим митрополитом. История с русскими крестьянами как раз стала поводом для перехода к более активным действиям против Дионисия.

Примечания

- ¹ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВП РИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 512/2. Д. 2332. Л. 106–109, 111–114. Копии документов из АВП РИ были получены автором тезисов в архиве Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.
- ² При Александре II были упрощены правила выезда за границу. Отменялась уплата пошлины в 250 руб. С каждого выезжающего лишь взимался сбор размере 5 руб. за полугодие. Максимальный срок пребывания за рубежом составлял пять лет. См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Собр. 2. 1856. СПб., 1857. Т. 31. Ч. 1. 30889. С. 808–809; *Рудник С.Н.* Великие реформы в России 1860–1870 годов: Эпоха и люди. СПб., 2013. С. 16.
- ³ О правилах торговли российских подданных в Османской империи см.: ПСЗ. Собр. 2. 1862. СПб., 1865. Т. 37. Ч. 2. 38480. С. 708–713. О праве на торговлю для крестьянского сословия в Российской империи см.: ПСЗ. Собр. 2. 1863. СПб., 1866. Т. 38. Ч. 1. 39118. С. 3–15; ПСЗ. Собр. 2. 1865. СПб., 1867. Т. 40. Ч. 1. 41779. С. 157–175; *Аборвалова О.Н.* Российская торговля на рубеже XIX–XX веков // Известия Саратовского университета. 2012. Т. 12. Сер. Социология. Политология. Вып. 3. С. 17–20.
- ⁴ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2332. Л. 106.

- ⁵ См.: Военно-статистический сборник на 1868 год. СПб., 1868. Выпуск II: Италия, Испания, Португалия, Швейцария, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция с Норвегией, Греция, Турция и вассальные владения. С. 192–194.
- ⁶ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2330. Л. 32–33.
- ⁷ Там же. Д. 2332. Л. 106 об.
- ⁸ См. подробнее: *Мельчакова К.В.* «Благочестивый обманщик» митрополит Дионисий в Боснии и Герцеговине в 1860–1870-е годы (по материалам донесений российских консулов) // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы молодежной научной конференции в рамках Дней славянской письменности и культуры. 22–23 мая 2018 г.* / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2018. С. 59–63. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2018.1.4.3>.
- ⁹ АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Д. 2332. Оп. 517/2. Л. 108–108 об.
- ¹⁰ Там же. Л. 107 об.
- ¹¹ Там же. Л. 108.
- ¹² См., например: АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2330. Л. 100–101.
- ¹³ См.: *Мельчакова К.В.* К вопросу о путешествии фотографа П.П. Пятницкого в Боснийский вилайет: новые факты // *Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г.* / отв. ред. Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. М., 2020. С. 63–68. <https://doi.org/10.31168/2619-0869.2020.1.11>.
- ¹⁴ См.: *Шемякин А.Л.* Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербо-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М., 2002. С. 65–67.
- ¹⁵ АВП РИ. Ф. 161. Главный архив. Оп. I–1. Д. 48. Л. 51 об.; АВП РИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2332. Л. 130–131; Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 373. Погодин М.П. Оп. 1. Ед. хр. 160.
- ¹⁶ См.: *Никитин С.А.* Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М., 1960.
- ¹⁷ См.: *Олюнин С.В.* Боснийский эялет в конце XVIII–70-х гг. XIX столетия: османский опыт модернизации традиционного общества. М., 2006.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.10

Русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов о ситуации на Балканах накануне и в годы Балканских войн

Дарья Константиновна Богомолова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: bogomolova.dasha@gmail.com

Ключевые слова: Черногория, русско-черногорские отношения, Балканский союз, Балканские войны

Russian Military Agent in Montenegro Nikolay M. Potapov on the Situation in the Balkans on the Eve and during the Balkan Wars

Daria K. Bogomolova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: bogomolova.dasha@gmail.com

Keywords: Montenegro, Russian-Montenegrin relations, Balkan League, Balkan Wars

Документы и дневники российских дипломатов и военных агентов, работавших на Балканах накануне и в период Балканских войн 1912–1913 гг., являются ценным информативным источником и представляют большой интерес для исследователей. Обширное документальное наследие оставил в ходе своей работы на Балканах русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов.

Николай Михайлович Потапов (1871–1946) — известный российский военный деятель, генерал-лейтенант, начальник Генерального штаба (ноябрь 1917 — май 1918 гг.), в 1903 г. стал первым российским военным агентом в Черногории и оставался на этом посту до 1916 г. В течение многих лет Потапов представлял военные и политические интересы Российской империи на Балканах, собирал разведывательные данные, проводил масштабную работу по укреплению российского влияния в регионе, а также занимался всесторонней реорганизацией черногорской армии накануне Первой мировой войны. Находясь на посту военного агента, Н.М. Потапов участвовал в Первой и Второй Балканских войнах, ставших прологом к Первой мировой войне. Предыстория, ход военных действий, а также политическая ситуация на Балканах в этот период широко отражены в документальном наследии военного агента. Все эти документы хранятся в фондах крупнейших российских архивов: Российского госу-

дарственного военно-исторического архива (Ф. 2000), Архива внешней политики Российской империи (Ф. Политархив), Научного архива Института российской истории РАН (Ф. 8), а также в Государственном архиве Черногории. В 2003 г. в результате сотрудничества российских и черногорских архивистов была подготовлена двухтомная публикация, куда вошла значительная часть этих материалов¹.

Представляется важным на основании документов выяснить, как оценивал Н.М. Потапов обстановку не только в Черногории, но и в регионе в целом накануне и в период Балканских войн.

О несомненной ценности дневников и донесений свидетельствует их привлечение в качестве источников в трудах отечественных историков Н.И. Хитровой, В.Б. Хлебниковой, Н.Г. Струниной-Бородиной, А.В. Ганина. В фундаментальном исследовании В.Б. Каширина, посвященном работе русской военной агентуры на Балканах, также использованы материалы, характеризующие деятельность Н.М. Потапова в Черногории².

Н.М. Потапов регулярно отправлял в военное министерство и МИД России донесения, в которых содержался подробный анализ политической ситуации в стране, характеристика международной активности Черногории. Наибольшее внимание уделялось им состоянию черногорской армии, нецелевому расходованию средств (в том числе российских субсидий), выделенных на ее модернизацию, проблемам поставок вооружения, отсутствию системы подготовки военных кадров.

Характеризуя внешнеполитическую деятельность Черногории, российский военный агент особое место отводил ее отношениям с соседними государствами и, прежде всего, с Сербией. Сербо-черногорские отношения осложнялись соперничеством правящих династий Карагеоргиевичей и Петровичей-Негошей, а русские дипломаты и военные агенты выступали в качестве посредников в налаживании диалога двух стран. Эта проблема анализируется в работах В.Б. Хлебниковой³.

В донесениях и дневниках Н.М. Потапова широко освещается тема военного сотрудничества России и Черногории накануне Первой мировой войны. Российское руководство полагало, что в возможном общеевропейском конфликте Балканы станут одним из театров боевых действий, а Черногория рассматривалась в качестве возможного союзника России⁴. На протяжении многих лет российское правительство выделяло крупные денежные субсидии, направленные в первую очередь на перевооружение черногорской армии. Документы свидетельствуют, что состояние вооруженных сил Черногории к началу XX в. не отвечало как потребностям в защите суверенитета страны, так и военно-политическим целям Российской империи⁵. По прибытии в Черногорию Н.М. Потапов напрямую занялся всесторонней реорганизацией черногорской армии. Ход и результаты этой работы нашли подробное отражение в его донесениях.

Немаловажной задачей военного агента был анализ внешней и внутренней политики черногорского короля Николая, который, несмотря на внешнюю приверженность интересам России, был эксцентричным политиком и считался неблагонадежным партнером. Это широко подтверждается донесениями Потапова российскому МИД и военному министерству, в которых он резко критикует политику короля, убеждает правительство действовать в отношении Черногории более твердо и прекратить выплату субсидий, которые, по его мнению, расходуются ненадлежащим образом⁶.

Будучи талантливым военным деятелем и профессиональным аналитиком, Потапов не только уделял большое внимание узкоспециальным вопросам, но и считал необходимым анализировать политическую ситуацию на Балканском полуострове в целом. Его наблюдения и оценки позволяют дополнить картину событий кануна и хода Балканских войн, ставших поворотными в истории народов и стран полуострова.

Обстановка в регионе стала накаляться летом 1912 г. К этому моменту уже можно было говорить о существовании Балканского союза: были подписаны сербо-болгарский

и болгаро-греческий оборонительные договоры, заключена военная конвенция между Болгарией и Сербией⁷. Отношения между Турцией и балканскими державами ухудшались, все громче звучали лозунги о необходимости общеславянской борьбы против турецкого господства. Серьезным образом на политическую обстановку повлияло разгоревшееся албанское восстание. Российский дипломатический корпус в Черногории, в свою очередь, был сильно обеспокоен участвовавшими столкновениями на турецко-черногорской границе. С начала августа 1912 г. Н.М. Потапов регулярно отправлял в Военное министерство секретные телеграммы относительно действий черногорцев, которые вместе с сербами вели активную партизанскую борьбу, грозящую быстро перерасти в полноценные боевые действия⁸. Военный агент фактически предвидел ситуацию, весьма обоснованно полагая, что албанское восстание будет расценено Черногорией как подходящий предлог для того, чтобы разжечь общевосточный пожар войны. В одном из своих рапортов он прямо писал, что «предупредить начинающуюся на Балканах свалку, в которой Черногория по всем данным должна служить застрельщиком Болгарии и Греции, возможно лишь немедленно в самом начале»⁹. Потапов активно выступал за принятие решительных мер по деэскалации обстановки и убеждал руководство действовать в отношении Балканского союза более решительно. Попытки сдержать кризис успеха не имели, и 9 октября в нарушение российско-черногорской военной конвенции Черногория первой из балканских государств объявила войну. С первых дней Потапов находился непосредственно на поле боя, наблюдая за действиями Приморского отряда. Основное внимание в этот период военный агент в соответствии со своими профессиональными обязанностями уделял именно черногорской армии. В то же время он полагал важным направлять в Россию всю информацию, так или иначе касающуюся общеполитической ситуации на Балканском полуострове. Со временем Н.М. Потапова все больше занимал вопрос о дальнейшем политическом устройстве Балкан.

Первая Балканская война, несмотря на успех балканских держав, вскрыла ряд серьезных противоречий между союзниками. Потапов писал, что предстоявшее по итогам войны соседство Черногории с Сербией вызывало резкое недовольство у короля и его окружения. Поскольку в этом они усматривали прямую угрозу династии, то предполагалась или уступка Австро-Венгрии части Новопазарского санджака, или же начало новой войны. Одновременно в Черногории начала осложняться внутривластная обстановка. В дневнике, а затем и в донесениях военный агент писал об участившихся случаях мятежей в рядах армии, о критике короля его окружением. Возмущение вызывал популизм правителя относительно дальнейших внешнеполитических побед Черногории, его постоянные поездки в Габсбургскую монархию и факты тайных переговоров с австрийским руководством, которые могли в скором времени окончательно уронить авторитет короля в глазах народа. В этой связи вставал вопрос о дальнейшей политике России в отношении Черногории, правящая элита которой уже не желала слушать рекомендации, присылаемые из Санкт-Петербурга. Переменчивая риторика короля Николая простиралась так далеко, что всего лишь через несколько месяцев после Скутарийского кризиса апреля 1913 г., который едва удалось урегулировать при активном вмешательстве великих держав, черногорский правитель открыто заговорил о намерении единолично начать войну с Австрией.

К лету того же года все это дало Потапову основания рассуждать о скором падении монархии в Черногории и дальнейшем неминуемом объединении с Сербией, предпосылки которого военный агент усматривал как в общей сербо-черногорской границе, так и в том, что Негоши дискредитировали себя в глазах народа. В этих условиях он предложил не возобновлять российскую субсидию Черногории и не оказывать ей прежней поддержки, переложив заботы на плечи Сербии, не мешая «естественному ходу исторического процесса». Более того, Потапов полагал, что возобновление дотаций лишь усилит милитаристический настрой Черно-

гории и обязательно приведет к весьма скорой войне России с Австрией. Он считал, что из всех балканских стран теперь следует ориентироваться на Сербию и всецело поддерживать ее, заключив особую военную конвенцию.

Итоги Балканских войн были оценены Потаповым весьма критически. Всецело поддерживая устремления балканских государств, с профессиональной точки зрения он видел, что обстановка в регионе накалилась до предела, а результаты и последствия войны еще больше приблизили Россию к тому, чтобы быть втянутой в конфликт общеевропейского масштаба.

Примечания

- ¹ Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории / отв. ред.: А.Н. Сахаров, Р. Распопович. М.; Подгорица, 2003. Т. I: Донесения, рапорты, телеграммы, письма 1902–1915 гг.; Т. II: Дневники 1906–1907, 1912, 1914–1915 гг.
- ² *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2014.
- ³ *Хлебникова В.Б.* Посредническая роль российских дипломатов в сербско-черногорских отношениях начала XX в. // *Русија и Србија на прелому века. Српске теме Андреја Шемјакина* / одг. ур. Алексеј Ј. Тимофејев. Београд, 2020. С. 215–230. <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.hle.215-230>.
- ⁴ *Хитрова Н.И.* Предисловие // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 15–16.
- ⁵ Доклад Главного штаба Николаю II о донесениях И.Н. Сысоева относительно состояния вооруженных сил Черногории, 25 апреля (8 мая) 1903 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 57; Записка Н.М. Потапова «Краткий очерк организации и боевой подготовки черногорского народного войска», не позднее 24 августа (6 сентября) 1903 г. // Там же. С. 66; Рапорт Н.М. Потапова в Главный штаб о неудовлетворительном состоянии черногорской армии и о мерах по реорганизации военного управления и учебной подготовке, № 20, Цетинье, 3 (16 октября) 1903 г. // Там же. С. 73–77.
- ⁶ Рапорт Н.М. Потапова В.П. Целебровскому о продолжении военной реформы и содержании черногорской армии, о возможном сокращении субсидирования и пожаловании особой суммы на приобретение военных запасов, № 216, Цетинье, 9 (22 мая) 1905 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. I. С. 190–194.
- ⁷ *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «пороховом погребе Европы», 1878–1914 гг. / отв. ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик, О.В. Соколовская. М., 2003. С. 476–478.
- ⁸ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о намерении черногорцев разрушить турецкие блокады в случае отказа европейских держав от посредничества в урегулировании пограничных вопросов, № 901,

Цетинье, 6 (19) августа 1912 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 586.

- ⁹ Телеграмма Н.М. Потапова в отдел генерал-квартирмейстера о необходимости принятия решительных мер для предупреждения общебалканской войны, № 924, Цетинье, 2 (15) сентября 1912 г. // Н.М. Потапов. Русский военный агент в Черногории. Т. 1. С. 591.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.11

Офицеры Русского отряда – Л.П. Сукачев и В.В. Берестовский – о причинах переворота в Албании в 1924 г.

Дмитрий Эдуардович Частухин,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация; e-mail: dchs741@yandex.ru

Ключевые слова: История Албании, русская белая эмиграция, Л.П. Сукачев, В.В. Берестовский

Russian Unit Officers – Lev P. Sukachev and Vladimir V. Berestovsky – on the Reasons of the Albanian Coup d'État of 1924

Dmitry E. Chastukhin,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dchs741@yandex.ru

Keywords: Albanian history, White Russian émigré, Lev P. Sukachev, Vladimir V. Berestovsky

В 1924 г. в Албании произошло два государственных переворота. В июне правительство Ахмета-бея Зогу было свергнуто оппозицией во главе с православным епископом Фаном (Феофаном) Стилианом Ноли¹, а в декабре Зогу, бе-

жавший в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС), вернулся во главе вооруженной группировки своих сторонников и сверг уже Фана Ноли*, установив фактический режим личной власти². Власти КСХС, хотя официально отклонили просьбу Ахмета Зогу о военном вмешательстве во внутренние дела Албании, негласно поддержали его и не препятствовали формированию его отрядов на территории королевства³. Одним из них стал сформированный из белоэмигрантов Русский отряд (РО). Поскольку правительство КСХС хотело контролировать ситуацию, оно поставило условие их создания — участие офицеров королевской армии в их руководстве. Поэтому РО возглавил полковник И.М. Миклашевский, один из немногих эмигрантов-военных, сумевших получить место в армии КСХС и при этом сохранить свой чин⁴. Русская армия, преобразованная 1 сентября 1924 г. в Русский общевоинский союз (РОВС), официально придерживалась позиции невмешательства во внутренние дела государств за пределами бывшей Российской империи. Именно по этой причине бывший главнокомандующий Русской армией П.Н. Врангель официально осудил участие военных в качестве наемников в Албании⁵.

Двое русских офицеров РО — штабс-ротмистр Лев Павлович Сукачев⁶ и полковник Владимир Владимирович Берестовский⁷ — оставили после себя мемуары, повествующие о событиях в Албании. Они были опубликованы соответственно в «Вестнике первопоходника» в 1964 г. и «Первопоходнике» в 1976 г.⁸ В России они впервые вышли в сборнике «Русская армия в изгнании» (2003, под редакцией С.В. Волкова)⁹.

В воспоминаниях одни и те же события принимают совершенно разную окраску. Описание самого похода и ход военных действий совпадает: формирование войск Ахмета Зогу в пограничном городе Дебар, переход ими албанской границы, бои с правительственными войсками, взятие городов Пешкопия (в обоих источниках Пешкопея) и Тирана.

* В обоих рассматриваемых источниках авторы пишут его имя как «Фаноли».

Однако в том, что касается характеристики политической подоплеки переворота, мемуаристы почти полностью расходятся.

«Ахмет-бей Зогу, который в это время был эмигрантом в [Королевстве] С.Х.С., решил свергнуть просоветское правительство православного епископа Фаноли в Албании [...] феодальный князь (которым фактически являлся Ахмет) решил привлечь “белых” русских, справедливо считая бывших участников Добровольческой армии самым подходящим элементом для ведения борьбы против “албанских красных”, все более и более наглежащих под ловким предводительством Краковецкого, главы советской миссии в Албании»¹⁰, — так охарактеризовал положение в Албании перед переворотом Сукачев. Впоследствии он добавил: «После ухода турок страной управляли “регенты”, но их правление было больше теоретическим. Жили они обыкновенно за границей, интересовались только получением жалованья, предоставив все государственные дела премьер-министрам. Таким премьером одно время после окончания Первой мировой войны был назначен Зогу; потом, путем разных интриг, Фаноли удалось занять его место, а Ахмет-бей оказался эмигрантом в [Королевстве] С.Х.С.»¹¹.

Берестовский писал об этом совершенно иным образом: «В Тиране находится советская миссия, возглавляемая одним из самых энергичных пропагандистов большевизма — Краковецким, цель которого — не только установить коммунистический режим в Албании, но и устроить в Тиране центр большевизма для всех Балкан. Его Величество Король Зогу I, будучи в это время эмигрантом в Королевстве С.Х.С., как глубокий патриот и националист, видел, что правительство Албании, возглавляемое епископом Фаноли, своей политикой ведет страну к гибели»¹².

Таким образом, в то время как Сукачев предстает более-менее осведомленным о политической ситуации в Албании человеком, который беспристрастно описывал конфликт между двумя представителями албанской политической элиты, одного из которых поддерживал СССР, а другого —

КСХС, Берестовский идеализировал фигуру «короля» Зогу и подавал поход его сторонников как акт монархической «белой борьбы». При этом оба офицера играли важную роль в создании и деятельности РО: Сукачев был первым, кто присоединился к полковнику Миклашевскому еще на этапе поиска добровольцев и активно содействовал ему в их вербовке и формировании отряда, а Берестовский стал помощником (заместителем) Миклашевского как командира отряда после его формирования¹³.

Различное мировоззрение и восприятие албанских реалий Сукачевым и Берестовским объясняется их социальным происхождением, военной карьерой и жизнью в эмиграции. Следует начать с общих черт их судеб. Оба были офицерами-кавалеристами, участниками Первой мировой и Гражданской войн в России. В эмиграции они оказались как офицеры Вооруженных сил Юга России (ВСЮР) — Русской армии, эвакуированной и интернированной силами Антанты, и в ее составе попали на территорию КСХС, где оба в разное время служили в пограничной страже. После переворота 1924 г. оба остались в албанской армии и находились там до оккупации Албании Италией в 1939 г. До вступления в РО оба офицера жили в КСХС и, как большая часть русской эмиграции, придерживались монархических взглядов¹⁴.

Однако обратимся к различиям судеб двух офицеров-белоэмигрантов. Сукачев — потомственный дворянин, окончил Елисаветградское кавалерийское училище и был кадровым российским офицером «старого образца». Хотя он и служил в пограничной страже в начале 1920-х гг., но не задержался там надолго; участвовал в строительстве поместья Валево — Осечна, затем перебрался в Белград, где переменил множество занятий, не связанных с военным делом и политической деятельностью, о чем сам упоминает в своих мемуарах¹⁵.

Совершенно другая судьба была у Берестовского. Он не имел отношения к российскому кадровому офицерству, о чем свидетельствует тот факт, что в 1915 г. он числился в 9-м гусарском Киевском полку в чине прапорщика¹⁶,

младшем офицерском чине, который присваивали офицерам военного времени. Тем не менее во время Первой мировой и Гражданской войн он сделал головокружительную военную карьеру: в 1917 г. Берестовский был уже штабс-ротмистром¹⁷, а к концу Гражданской войны в России имел чин полковника. Можно сказать, что перед нами офицер военного времени, гордившийся своим возвышением. В эмиграции он остался в Русской армии. С апреля 1923 г., по договоренности, достигнутой между ее командованием и военным руководством КСХС, Берестовский командовал эскадронам киевских гусар, влившимися в состав пограничной стражи в Македонии¹⁸. Из материалов Иностранного отдела Государственного политического управления при НКВД СССР (ИНО ГПУ) известно, что в Скопье, где проживал Берестовский с весны 1923 г., была небольшая русская колония и монархически настроенный союз офицеров, в котором он, вероятно, состоял¹⁹.

Именно различиями эмигрантских судеб — авантюризмом одного офицера и активной вовлеченностью в жизнь Русской армии — РОВС другого — можно объяснить их различное восприятие албанских событий, в которых они поучаствовали в 1924 г. и которые определили их судьбу на дальнейшие 15 лет.

Примечания

¹ Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М., 2003. С. 109–110.

² Там же. С. 118–119.

³ Семенов К.К. Русская армия на чужбине. Драма военной эмиграции 1920–1945 гг. М., 2019. С. 70.

⁴ Сукачев Л.П. В Албании // Русская армия в изгнании / предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2003. С. 281–282.

⁵ Семенов К.К. Русская армия на чужбине. С. 74.

⁶ Сукачев Лев Павлович // Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. Опыт мартиролога. М., 2004. С. 507.

⁷ Берестовский В.В. // Волков С.В. Офицеры армейской кавалерии. С. 77.

⁸ Русская армия в изгнании / предисл. и коммент. С.В. Волкова. М., 2003. С. 485.

⁹ Там же.

¹⁰ Сукачев Л.П. В Албании. С. 282.

- ¹¹ Там же. С. 284.
- ¹² *Берестовский В.В.* Русский отряд в албанской армии. История похода Дибра — Тирана 10–26 декабря 1924 года // *Русская армия в изгнании*. С. 273.
- ¹³ *Сукачев Л.П.* В Албании. С. 282–283.
- ¹⁴ *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005. С. 49.
- ¹⁵ *Сукачев Л.П.* В Албании. С. 280–281.
- ¹⁶ Именной список потерь / Дело № 1189. С. 28 // Первая мировая война 1914–1918 — Информационный портал [сайт]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/10001143/?page_id=10312065 (дата обращения: 03.05.2021).
- ¹⁷ Образы в ящике 7356-А. С. 604 // Первая мировая война 1914–1918 — Информационный портал [сайт]. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/document/1129/?page_id=69124 (дата обращения: 03.05.2021).
- ¹⁸ № 75. Рапорт генерал-лейтенанта И.Г. Барбовича генералу П.Н. Врангелю по поводу переговоров с полковником Еремичем о постановке частей Русской армии на границу и по другим вопросам // *Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы*. М., 2001. Т. 2: Несбывшиеся надежды. С. 206.
- ¹⁹ № 77. Доклад резидента Иностранного отдела ГПУ из Берлина о положении и настроениях эмиграции на территории Юго-Славии // *Русская военная эмиграция 20–40-х годов*. С. 211. О русской колонии в Скопье подробнее см.: *Русская колония во Скопье (1920–1943 год). Сборник на документы*. Скопье, 2015.

СТРАНЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XIX — НАЧАЛА XXI В.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.12

Польская эмиграция 1830–1860-х гг. как фактор развития агентурной деятельности Третьего отделения

Иван Александрович Бабоша,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Ключевые слова: польская эмиграция, Третье отделение,
Яков Николаевич Толстой, Юлиан Балашевич, провокация,
внешняя разведка

Polish Emigration of 1830–1860s as a Factor in the Development of Third Section's Undercover Practices

Ivan A. Babosha,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ivanbabosha@yandex.ru

Keywords: Polish emigration, Third Section, Jacob Tolstoy, Julian
Balaszewicz, entrapment, foreign intelligence

Целью работы является определить, как противодействие польской эмиграции 1830–1860-х гг. повлияло на развитие заграничной деятельности Третьего отделения и эволюцию методов его агентурной работы. В докладе подытоживаются

существующие в настоящее время достижения историографической традиции по данной тематике и приводятся два не использованных ранее фрагмента из донесений Я.Н. Толстого из фонда 109 Государственного архива Российской Федерации.

Внутриполитическая активность Третьего отделения, а также различные сферы деятельности Великой польской эмиграции получили весьма широкое освещение в историографии¹. Однако история заграничной агентуры Третьего отделения в 1830–1860-е гг., работавшей в том числе и на польском направлении, исследовалась значительно меньше. Единственным обобщающим научным трудом по этой теме является монография О.Ю. Абакумова о борьбе Третьего отделения с иностранным влиянием в России, в которой представлены очерки о заграничной деятельности тайной полиции в целом и о об отдельных агентах (Я.Н. Толстом, Г.Г. Перетце, В. Штибере, Л. Шнейдере, Ю. Балашевиче)². Остальные исследования посвящены в основном конкретным представителям заграничной агентуры. В этой связи следует упомянуть монографию П.П. Черкасова о Я.Н. Толстом и его же работу об А. Сагтынском³, а также статьи Р.М. Кантора, В.А. Дьякова и О.Ю. Абакумова об агенте-провокаторе Ю. Балашевиче⁴.

Из польских историков деятельность Я.Н. Толстого и Ю. Балашевича рассматривал Я. Кухажевский⁵. В целом же в польской историографии наибольшее значение сохраняет вступительный очерк Р. Гербера к публикации польского перевода отчетов Ю. Балашевича, в котором вкратце описывается история провокационной деятельности царских агентов среди польской эмиграции⁶.

Таким образом, на данном этапе так и не появилось работ, в которых бы комплексно изучалась деятельность Третьего отделения в отношении польской эмиграции и польского вопроса.

Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии (СЕЙВК) первоначально не имело особой специализации ни на внешней разведке, ни на делах

национальных окраин Российской империи. Среди полномочий этого ведомства в записке А.Х. Бенкендорфа от 14 июля 1826 г. указаны «наблюдения за общим мнением и народным духом», а также обнаружение тайных обществ, заговоров и злоупотреблений в правительственных учреждениях. По внешним делам там был отмечен только «сбор информации о положении в России и мире»⁷, а национальная специфика и вовсе не упоминалась.

Ситуация кардинально изменилась после польского восстания 1830–1831 гг., когда значительная масса его участников бежала за пределы Российской империи, чтобы продолжить борьбу против самодержавия за границей. Для наблюдения за «польскими выходцами» Третье отделение организовало собственную заграничную агентуру — об этом ярко свидетельствуют кадровые пополнения в этом ведомстве, произошедшие именно в начале 1830-х гг. К штату данного учреждения присоединились бывшие служащие варшавской канцелярии великого князя Константина Павловича, спасавшиеся в Петербурге от повстанцев, — А.А. Сагтынский, К.Ф. Швейцер и др.⁸ Эти своего рода «специалисты по польскому вопросу» с 1832 г. начали разъезжаться по европейским странам с заданием собирать материал о польской эмиграции, в то время как А.А. Сагтынский (1785–1866)⁹ встал во главе заграничной агентурной сети, управляемой из столицы.

Польский фактор не только привел к созданию заграничного направления деятельности Третьего отделения, но и в значительной мере способствовал качественной эволюции методов агентурной работы. В период правления Николая I тайная полиция опиралась на методы внешнего наблюдения. Часто ассоциируемый с царскими спецслужбами метод провокации, внедрение двойных агентов в стан врага с целью уничтожения его изнутри, вошел в инструментарий тайной полиции только к началу 1860-х гг. — времени Александра II. К этому моменту Российская империя переживала стремительный рост общественного движения и оппозиционных настроений, в Царстве Польском под влиянием в том

числе заграничной эмиграции готовилась почва для нового выступления. В условиях 1860-х гг., как отметил О.Ю. Абакумов, «необходимо было не только фиксировать конкретные случаи, но и незамедлительно пресекать, выявлять “очаги” крамолы, инициаторов беспорядков»¹⁰.

В 1861 г. в круг парижских эмигрантов был внедрен выходец из мелкой литовской шляхты — Юлиан Александер Балашевич, принявший личину польского графа Альберта Потоцкого, полковника российской армии, в реальности умершего на Кавказе в 1847 г. Необычность этого стандартного для современных спецслужб мероприятия отлично демонстрирует реакция некоторых представителей старшего, николаевского поколения агентуры. Яков Николаевич Толстой, возглавлявший парижскую резидентуру Третьего отделения с 1837 г., в письме своему начальству от 18 сентября 1861 г. так охарактеризовал деятельность своего нового подопечного:

«Казалось бы, что было бы полезнее, если бы господин Балашевич сообщался с польскими выходцами под предлогом археологических занятий как предмета ближе ему известного, и чтобы под видом ученого археолога [Балашевич увлекался коллекционированием антиквариата и в дальнейшем открыл собственную антикварную лавку. — *И.Б.*] он информировал обо всем, что делается в революционных комитетах и посреди главных заправил эмиграции. До сих пор русское правительство не вмешивалось явно в движение польских демагогов, оно становилось как бы поверх их наглых поисков; агенты также вели себя осторожно, не выступая в качестве их сообщников, чего без опасения делать не следует»¹¹.

В приведенном высказывании отражается различие в подходах старого и нового поколений агентуры Третьего отделения. Агент николаевской эпохи должен был являться не провокатором, внедряющимся в стан врага, а внешним наблюдателем, который для удобства слежения за противником занимается не имеющей прямого отношения к политике деятельностью.

Предлагая ограничиться прикрытием ученого-археолога, Я.Н. Толстой явно проводил аналогию с собственным опытом: сам он официально работал чиновником российского министерства просвещения. Максимум, который мог позволить себе агент николаевской генерации, — попытаться осторожно нейтрализовать «наглые происки врага». Яков Николаевич, например, занимался опровержением пропольских сообщений западных газет путем размещения точечных анонимных публикаций в тех французских изданиях, которые по тем или иным вопросам занимали сходную с российским самодержавием позицию. В частности, в 1846 г. он опроверг распространяемую ультракатолическими кругами информацию о преследованиях униатских монахинь базилианского ордена со стороны российского правительства. Для этого агент вступил в сотрудничество с протестантской газетой *Sémeur*, занимающейся борьбой против нетерпимости в отношении протестантов во Франции и явно не заинтересованную в усилении радикальных католиков¹².

При этом руководство Третьего отделения того времени было против превращения подобного рода деятельности в полноценную пропагандистскую кампанию типа «газетных войн». В этой связи примечателен еще один случай из агентурной практики Я.Н. Толстого. В январском донесении 1843 г. он писал А.Х. Бенкендорфу, что польский граф Винцентий Яблоновский (представитель пророссийского меньшинства эмиграции, готового пойти на примирение с самодержавием¹³) предложил ему основать журнал панславистской направленности, который будет заниматься «обсуждением интересов славян». Яков Николаевич посчитал проект «утопией, созданной пылким воображением поляков»¹⁴. Приведенный пример отлично демонстрирует пассивно-оборонительный подход николаевского Третьего отделения, с настроенностью относящегося к различного рода авантюрам.

В свою очередь, деятельность Ю. Балашевича, представителя новой генерации агентов Третьего отделения, явила собой переход к более активным, наступательным методам. Для успешной инфильтрации в ряды эмиграции он предста-

вил свое *alter ego*, графа Потоцкого, в качестве главы выдуманной повстанческой организации, чтобы получить рекомендацию у генерала Ю. Дембиньского — героя восстания 1830–1831 гг.¹⁵ Балашевич регулярно пытался срабатывать между собой деятелей эмиграции и их союзников. В частности, он убеждал М.А. Бакунина в неблагонадежности Л. Мерославского — одного из лидеров демократического крыла эмиграции¹⁶. Самозванному графу благодаря сложной интриге удалось добиться временного ареста парижской полицией трех влиятельных членов варшавского Центрального народного комитета (руководящий центр «красных» во время польского восстания 1863–1864 гг.)¹⁷.

Таким образом, польская эмиграция стала важным испытательным полигоном для организации заграничной агентуры Третьего отделения и внедрения методов провокации в практику российских спецслужб.

Примечания

- ¹ По Великой эмиграции см., например: *Kalembka S. Wielka Emigracja, Polskie wychodźstwo polityczne w latach 1831–1862*. Toruń, 1971; *Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej): geneza, uwagunkowania, podstawowe koncepcje*. Toruń, 1996; *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30–60-х годов XIX века. М., 2017. По Третьему отделению в целом см., например: *Оржеховский И.В.* Самодержавие против революционной России. М., 1982; *Бибиков Г.Н.* А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009; *Абакумов О.Ю.* «Безопасность престола и спокойствие государства»: политическая полиция самодержавной России (1826–1866). М., 2019.
- ² *Абакумов О.Ю.* «...Чтоб иностранная зараза не проникла в наши пределы». Из истории борьбы III отделения с европейским влиянием в России (1830-е — начало 1860-х гг.). Саратов, 2008.
- ³ *Черкасов П.П.* Русский агент во Франции. Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). М., 2008; *Он же.* Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // *Родина*. 2007. № 9. С. 56–62.
- ⁴ *Кантор Р.М.* П.Л. Лавров и А.Ю. Балашевич-Потоцкий // П.Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. Петроград, 1922. С. 486–511; *Дьяков В.А.* Глазами царского агента // *Прометей*. М., 1969. Т. 7. С. 327–340. *Абакумов О.Ю.* У истоков заграничной политической провокации // *Вопросы истории*. 2002. № 5. С. 127–138.
- ⁵ *Кухажевский Я.* От белого до красного царизма. М., 2018. Т. 3: Годы перелома. Романов, Пугачев или Пестель. Ч. 2: Третье отделение.
- ⁶ *Gerber R.* Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku / *Raporty szpiega*. Warszawa, 1973. Т. 1. С. 5–78.

- ⁷ Бибииков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. С. 130.
- ⁸ Черкасов П.П. Русский агент во Франции: Яков Николаевич Толстой (1791–1867 гг.). С. 174.
- ⁹ Черкасов П.П. Третий человек в Третьем отделении. Адам Сагтынский — первый шеф российской внешней разведки // Родина. 2007. № 9. С. 56–62.
- ¹⁰ Абакумов О.Ю. «Безопасность престола и спокойствие государства»... С. 209.
- ¹¹ Кухажевский Я. От белого до красного царизма. Т. 3. Ч. 2. С. 283.
- ¹² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4а. Д. 197. Л. 1–4.
- ¹³ Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji... S. 197–201.
- ¹⁴ ГА РФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 4а. Д. 195. Л. 18.
- ¹⁵ Gerber R. Z dziejów prowokacji wśród emigracji polskiej w XIX wieku / Raporty szpiega. T. 1. S. 26.
- ¹⁶ Ibid. S. 85–86.
- ¹⁷ Ibid. S. 369–370.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.13

Международная борьба вокруг проектов «Балканского Локарно» во второй половине 1920-х гг.*

Денис Валерьевич Родин,

МГУ имени М.В. Ломоносова,

Москва, Российская Федерация; e-mail: enigma9307@mail.ru

Ключевые слова: Локарнская конференция, Балканы, Балканское Локарно, Балканский пакт, Версальская система

International Struggle over the Projects of the “Balkan Locarno” in the Second Half of the 1920s

Denis V. Rodin,

Lomonosov Moscow State University,

Moscow, Russian Federation; e-mail: enigma9307@mail.ru

Keywords: Locarno conference, Balkans, Balkan Locarno, Balkan pact, Versailles system

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии № 20-59-18007.

Традиционно советские историки считали «Балканское Локарно» средством английской дипломатии для «создания антисоветского объединения на Балканах и одновременного вытеснения оттуда французского влияния»¹. В современной отечественной историографии подчеркиваются различия в вариациях «Балканского пакта» и признается, что за общим названием скрывались разные, часто конкурировавшие друг с другом планы². Признание этого факта и обращение к материалам зарубежных архивов позволяют более подробно осветить историю проекта «Балканского Локарно» во второй половине 1920-х гг. и проследить ход борьбы, развернувшейся вокруг его реализации.

Появление идеи арбитражного соглашения и гарантийного пакта между балканскими странами изначально было связано со стремлением греческого правительства найти замену денонсированному в 1924 г. союзному договору с Югославией. В конце июля 1925 г. министр иностранных дел Греции К. Рендис выступил с предложением заключить между балканскими странами договор по образцу подготавливаемых в то время Локарнских соглашений³. Однако на VI сессии Ассамблеи Лиги Наций в сентябре 1925 г. греческая делегация не решилась озвучить этот план, так как не смогла заручиться поддержкой британской дипломатии⁴. Открытая поддержка греческого плана могла привести к охлаждению в англо-французских отношениях, что было недопустимо на завершающем этапе обсуждения пакта с Германией.

Однако на самой Локарнской конференции в октябре 1925 г. О. Чемберлен заявил о желательности гарантийного пакта для Балкан по образцу Рейнского, отметив при этом, что инициатива должна исходить от правительств балканских стран⁵. Успех в Локарно воодушевил Форин офис на применение аналогичной модели в Юго-Восточной Европе, что позволило бы, по словам исследовательницы Х. Даневой-Миховой, «притупить» созданные либо усугубленные Версальской системой противоречия между балканскими странами, соблюдая нерушимость послевоенного статус-кво⁶.

Озвученный британским министром план подразумевал, что никакая великая держава не сможет в одиночку навязывать свою волю балканским странам и опосредованно управлять ими, что позволяло сохранять статус-кво в регионе без дополнительного привлечения британских сил.

Предложение О. Чемберлена было поддержано греческим правительством, но по различным причинам не нашло сторонников ни в Болгарии, ни в Югославии. В ноябре 1925 г. британский посол в Софии У. Эрскин отметил, что «Балканский пакт, по крайней мере на данный момент, являлся химерой»⁷.

В январе 1926 г., когда греческое правительство с целью спровоцировать Белград на обсуждение проекта «Балканского пакта» пустило слухи о подготовке Турцией и Югославией соглашения в «духе Локарно»⁸, балканские страны и великие державы вернулись к нему. Несмотря на быстрое опровержение слухов югославской стороной, в Форин офис были обеспокоены возможным участием в пакте Турции, которая мыслилась проводником советского влияния ввиду заключения в декабре 1925 г. советско-турецкого договора о дружбе и нейтралитете⁹. Прямым следствием этого стала идея партнерства Англии с другой великой державой, которая помогла бы продвигать идею «Балканского Локарно».

Партнером могла стать Италия, что привело к англо-итальянскому сближению в 1926–1927 гг. Оно проявилось в ходе обсуждения проекта франко-итало-югославского соглашения о ненападении в феврале — марте 1926 г., в котором британская дипломатия видела продолжение французской политики «окружения» и «противоположность принципам, изложенным в Локарно»¹⁰. Отказ британской дипломатии поддержать французский проект привел к его провалу.

Также при участии британских дипломатов активизировались греко-югославские переговоры, приведшие к заключению договора о дружбе и сотрудничестве 17 августа 1926 г. Однако переворот Г. Кондилиса 24 августа 1926 г. привел к отказу греческого парламента от ратификации договора, в результате значительно сократились возможности

для более тесного взаимодействия между Грецией и Малой Антантой¹¹. Декларативной осталась и принятая VII сессией Ассамблеи Лиги Наций (сентябрь 1926 г.) резолюция о применении модели Локарнских соглашений к различным регионам мира «в качестве основополагающих правил, регулирующих внешнюю политику каждой из наций»¹².

К концу 1926 г. британская дипломатия все больше делала ставку на поддержку соглашений, продвигаемых итальянской стороной¹³. Подписание 27 ноября 1926 г. Тиранского пакта о дружбе и безопасности между Италией и Албанией привело к росту напряженности между Римом и Белградом, и лишь при участии британских дипломатов конфликта удалось избежать.

В дальнейшем итальянские дипломаты активно использовали лозунг «Балканского Локарно» для маскировки стремления Б. Муссолини создать на Балканах единоличную сферу влияния с опорой на Албанию, Венгрию и Болгарию¹⁴. Однако в Англии не отказались от надежд на соглашение между самими балканскими странами, на что указывал меморандум Форин офис от 26 апреля 1927 г.¹⁵ По этой причине британская дипломатия поддерживала наметившееся югославско-болгарское сближение. Уже осенью стала очевидна его ограниченность ввиду неспособности болгарского правительства контролировать действия Внутренней македонской революционной организации (ВМРО), активно выступавшей против «Балканского Локарно»¹⁶.

В конце 1927 г. вновь дала о себе знать линия раскола между итальянскими и французскими интересами на Балканах. 11 ноября 1927 г. был заключен франко-югославский договор о дружбе и арбитраже, в ответ на что Италия 22 ноября подписала второй Тиранский пакт с Албанией, де-факто превративший последнюю в итальянский протекторат. Его заключение усугубляло раскол Балканского полуострова на две враждующие группировки — французскую и итальянскую — и демонстрировало Лондону, что Б. Муссолини все сильнее отходил от линии сотрудничества с Великобританией. Верная принципу баланса сил, последняя теперь от-

крыто выступила в поддержку Франции. Как отмечал заместитель наркома иностранных дел СССР М.М. Литвинов, Англия «будет и впредь поощрять существование двух группировок на континенте Европы, шантажируя одну против другой»¹⁷.

В условиях нарастающего раскола Юго-Восточной Европы на два лагеря идея «Балканского Локарно» стала играть особую роль. С одной стороны, ее использовала Италия для укрепления позиций в Восточном Средиземноморье и создания «Балканского пакта» из Албании, Турции, Греции, Болгарии и Венгрии под итальянским протекторатом¹⁸. С другой — при английской поддержке набирал силу лозунг «Балканы для балканских народов», принятый на вооружение Югославией для противодействия итальянской экспансии в Юго-Восточной Европе. В январе 1928 г. министр иностранных дел Югославии В. Маринкович заявил о готовности к сближению с Грецией и Болгарией¹⁹. В Греции этого лозунга придерживался Э. Венизелос, провозгласивший основой своей политики установление «сердечных отношений» с соседями²⁰.

Результатом усилий Э. Венизелоса и В. Маринковича, нашедших поддержку в Лондоне и Париже, стали грекорумынский договор о ненападении и арбитраже (март 1928 г.) и греко-югославский договор о дружбе, согласительной процедуре и судебном разбирательстве споров (март 1929 г.). Британская пресса открыто выступила в поддержку этих соглашений, противопоставив их «ревизии мирных договоров, которая стала принципом итальянской политики на Балканах»²¹.

Таким образом, к концу 1920-х гг. на Балканах сложились условия для дальнейшего развития идеи «Балканского Локарно», которая в 1930 г. трансформировалась в идею Балканских конференций. Участие в них принимали как «победители», так и «проигравшие» в мировой войне, что вполне соответствовало «духу Локарно».

Примечания

- ¹ *Никонова С.В.* Англия и Балканский блок (1924–1927 гг.) // Империализм и борьба рабочего класса. Сборник статей памяти академика Федора Ароновича Ротштейна / под ред. В.В. Альтмана. М., 1960. С. 405.
- ² *Исаева О.Н.* «Балканское Локарно» и «Балканский союз» — две модели региональной безопасности // Новая и новейшая история. Межвузовский сборник / под ред. А.А. Кредера. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 204
- ³ The Manchester Guardian. July 24th, 1925.
- ⁴ Proposed Balkan pact of arbitration. Mr. Selby (British Delegation, League of Nations) to Mr. Nicolson. 8th Sept. 1925 // The National Archives (далее — TNA). Foreign Office (далее — FO) 371/10768, С 11658/798/19.
- ⁵ Berlin, Sonnabend 31. Oktober 1925 // Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (далее — PAAA). R 70048/Wolffs Telegraphisches Büro. 76. Jahrgang — Nr. 1931.
- ⁶ *Daneva-Mihova С.* La Politique de Locarno de l'Angleterre et de la France dans les Balkans en 1925 et 1926 // Etudes Historiques. Sofia, 1960. Vol. 1: A l'Occasion de XIe Congrès International des Sciences Historiques. Stockholm, Août. P. 461.
- ⁷ Bulgarian attitude towards proposed Balkan security pact. Minute by Erskine, Sofia, 5th Nov. 1925 // TNA. FO 371/10701, С 14240/14170/62.
- ⁸ Proposed Balkan pact. Mr. Kennard (Belgrade) to Mr. Howard Smith, 21st Jan. 1926 // TNA. FO 371/11239, С 1012/308/62.
- ⁹ The Times. January 6th, 1926.
- ¹⁰ Security of Central and South-Eastern Europe. Foreign Office memorandum (Mr. Bateman). December 31, 1926 // TNA. FO 371/12112, С 1202/1202/62.
- ¹¹ Survey of International Affairs, 1926. London, 1928. P. 155.
- ¹² League of Nations. Subject List No. 65 of Documents Distributed to the Council and the Members of the League during September 1926. Geneva, 1926. P. 1.
- ¹³ *Родин Д.В.* «Балканское Локарно» во внешней политике Великобритании в 1925–1926 гг. // Новая и новейшая история. 2020. № 6. С. 118.
- ¹⁴ Documenti Diplomatici Italiani. Roma, 1967. Settima ser. Vol. V. P. 180.
- ¹⁵ Documents on British Foreign Policy. London, 1970. Ser. IA. Vol. III. P. 794.
- ¹⁶ Balkan Locarno and the Macedonian Question. Indianapolis, 1927. P. 16.
- ¹⁷ Документы внешней политики СССР. М., 1966. Т. XI. С. 289.
- ¹⁸ *Steiner Z.* The Lights that Failed. European International History 1919–1933. Oxford, New York, 2005. P. 499.
- ¹⁹ Yugoslav foreign relations. Mr. Kennard, Belgrade, 6th Jan. 1928 // TNA. FO 371/12983, С 177/177/92.
- ²⁰ Survey of International Affairs, 1928. London, 1929. P. 184.
- ²¹ The Manchester Guardian. April 2nd, 1929.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.14

Югославско-американское военное сотрудничество в 1952–1957 гг.: политические и экономические аспекты

Сергей Сергеевич Маклашкин,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: S-Maklashkin_jun.ru@mail.ru

Ключевые слова: Югославия, США, международные отношения, вооруженные силы, Югославская народная армия

Military Cooperation of Yugoslavia and USA in 1952–1957: Political and Economic Aspects

Sergei S. Maklashkin,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: S-Maklashkin_jun.ru@mail.ru

Keywords: Yugoslavia, USA, history of international relations, armed forces, Yugoslav People's Army

Феномен югославско-американского военного сотрудничества в 1952–1956 гг. представляет собой уникальный опыт взаимодействия стран с противоположными политическими и экономическими системами в условиях холодной войны. Его осуществлению способствовала специфическая внешнеполитическая конъюнктура, сложившаяся после советско-югославского разрыва, и угроза применения СССР и его союзниками (Албанией, Болгарией, Венгрией, Румынией) военной силы против Федеративной Народной Республики Югославия (ФНРЮ) в 1948–1953 гг. Следствием сотрудничества стала особая роль Югославии в рамках блокового

противостояния в Европе и до краха Ялтинско-Потсдамской системы и распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ). Данная проблема слабо освещена в отечественной историографии, подробно не рассматривалась в литературе Югославии, а также независимых Сербии и Хорватии.

Сотрудничество ФНРЮ и США наложило отпечаток на дальнейшую модель развития югославских вооруженных сил, которые стали эксплуатировать военную технику как советского, так и американского и западноевропейского производства, а также производившуюся предприятиями югославской военной промышленности¹.

Американское руководство видело в сотрудничестве с ФНРЮ возможность реализации собственных военно-политических интересов. К 1951 г. аналитики ЦРУ рассматривали возможность включения Югославии в систему безопасности в Европе, выстраиваемую американцами, вплоть до присоединения ФНРЮ к НАТО². Период 1951–1952 гг. характеризовался интенсификацией политических и военных контактов между Вашингтоном и Белградом, в ходе которых американская сторона выразила заинтересованность в военно-политическом сотрудничестве с ФНРЮ³. Также американцы способствовали заключению в феврале 1953 г. Балканского пакта.

Политики в США верили в возможность демократизации режима Тито в ходе сотрудничества с западными странами. В рамках разработанной Госдепартаментом «доктрины клина» предполагалось, сыграв на взаимных противоречиях между СССР и ФНРЮ, внести и углубить раскол в просоветских режимах в Восточной Европе и в перспективе вырвать вслед за Югославией ряд восточноевропейских стран из сферы влияния СССР⁴.

Министерство обороны США в первую очередь интересовала стабильность южного фланга блока НАТО в случае начала полномасштабной войны в Европе. Особое внимание американские военные уделяли так называемым «Люблянским воротам», через которые советские части, дислоциро-

ванные в Австрии и Венгрии, кратчайшим путем могли выйти к адриатическому побережью и на север Италии⁵.

Поставки военной техники начались в 1952 г. и продолжались вплоть до 1957 г. Югославская сторона пыталась извлечь максимум из возможностей сотрудничества. Комиссия Югославской народной армии (ЮНА) по взаимодействию с американской стороной требовала от военного руководства США поставок достаточно современной военной техники, такой как истребители F-86 или же танки M4A3E4⁶. Тем не менее американцы активно противились поставкам современного вооружения югославам. Так, члены комиссии конгресса, занимавшейся определением объемов помощи, отмечали, что югославская сторона в ходе переговоров пытается давить на американскую, а не принимать безоговорочно ту технику, которую последняя готова им предложить⁷. В итоге военное ведомство США было вынужденно пойти на компромисс с югославами.

В 1956 г. конгресс, рассматривая югославский вопрос, существенно сократил размер помощи по сравнению с планами за 1955 год из-за активизации внешней политики ФНРЮ на Ближнем Востоке и в Азии⁸. При этом состояние югославских вооруженных сил оценивалось положительно — комиссия в докладе называет их «надежной защитой против советского блока»⁹.

В 1957 г. помощь была оказана в минимальном объеме по сравнению с другими европейскими странами¹⁰. На этот раз политика Югославии получила гораздо больше негативных оценок со стороны конгрессменов. Некоторые из них, выступая на заседании комиссии о помощи, упрекали правительство США в том, что они оказывают помощь ФНРЮ (а также другим странам), где происходит преследование религиозных организаций и нарушается право на свободу вероисповедания. Кроме того, американцы отмечали улучшение советско-югославских отношений¹¹.

Так, в 1957 г. в ФНРЮ прибыл с визитом министр обороны СССР Г.К. Жуков. В ходе визита он встречался с югославским военным руководством, в том числе с министром

обороны И. Гошняком, и выражал явное недовольство сотрудничеством с США. Жуков предложил в секретном порядке предоставить советской стороне образцы американского вооружения, поставленного в ФНРЮ¹².

Исходя из анализа еженедельных отчетов ЦРУ, визиту Жукова было уделено пристальное внимание со стороны американских спецслужб. Однако мы не смогли найти какие-либо данные, указывающие на получение в ЦРУ информации о предложении югославов. В них отмечалось, что югославское руководство явно заинтересованно в получении советской военной техники, в частности авиации¹³, которая в дальнейшем была закуплена (истребители МиГ-21) для ЮНА в 1961 г.¹⁴ Следует также отметить явно негативные публичные заявления Гошняка о сотрудничестве с США в оборонной сфере, в частности заявление о закупках техники у стран, готовых предоставить «наилучшие финансово-технические условия», что было расценено в США как обращение к Москве¹⁵.

В то же время мы явственно можем видеть рост недовольства внешней политикой ФНРЮ, связанный как с нормализацией и улучшением (вплоть до перспектив военно-технического сотрудничества) советско-югославских отношений, так и с попытками югославов вести самостоятельную внешнюю политику в отношении стран «третьего мира». Кроме того, на данное решение повлиял и отказ Белграда идти на дальнейшее сближение с Турцией и Грецией в рамках Балканского пакта¹⁶. В итоге военная помощь ФНРЮ к 1958 г. была свернута до 30 млн долл. в год¹⁷.

Всего американская сторона оказала Югославии военную помощь на сумму в 1038,4 млн долл., из которых порядка 60% — на безвозмездной основе¹⁸. Основная мотивация американского руководства в оказании помощи в подобных объемах была сформулирована в тезисе конгрессмена Гарольда Стассена о том, что возможность выхода ФНРЮ из сферы влияния США и переход ее на просоветские позиции стали бы крупным внешнеполитическим просчетом американской дипломатии¹⁹. В целом конгрессмены высказывали

предположения о начале активных процессов демократизации в Югославии под влиянием оказанной помощи²⁰.

Югославское руководство же видело в военном сотрудничестве возможность модернизации собственных вооруженных сил при возможности перенаправить средства, ранее выделенные для развития ВПК, на развитие гражданского сектора, в первую очередь тяжелой промышленности²¹.

Оценки югославскими военными американской военной техники различались от хвалебных (прежде всего в отношении американской реактивной авиации) до отрицательных (средние танки М4)²². В государственной пропаганде была развернута широкая кампания, призванная доказать техническое совершенство поставленной техники²³. Югославы получили возможность подготовки кадров в Европе и США для освоения новой техники и для повышения квалификации офицерского корпуса²⁴. При этом в Белграде видели в этом взаимодействии шанс развить собственную военную мысль, что было недоступно в ходе советско-югославского сотрудничества.

Итогами активной фазы сотрудничества в 1952–1956 гг. для ФНРЮ стала возможность модернизировать вооруженные силы, освободив значительные бюджетные средства. Югославские военные могли продолжить поиски собственной военной доктрины. Военное сотрудничество, по нашему мнению, стало прямым сигналом для СССР о невозможности установления в Белграде просоветского режима силой²⁵.

Примечания

- ¹ *Терзић М., Басера М., Тасић Д.* Информбиро и Југословенска (народна) армија. Зборник докумената. Београд, 2015. С. 471-479.
- ² *Костин А.А.* Политика США по подключению Югославии к средиземноморской стратегии НАТО (1950–1954 гг.) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 12. С. 78.
- ³ *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». Российско-югославские отношения в контексте этнополитических конфликтов в Средней Европе (начало 20 века — 1991 год). М., 2011. С. 526.
- ⁴ *Foreign relations of United States, 1952–1954, Eastern Europe.* Washington DC, 1988. Vol. VIII. P. 406.

- ⁵ Military and political information on Yugoslavia. Current Intelligence Staff Study. Office of Current Intelligence. 18.10.1951. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R009000260006-5.pdf> (дата обращения: 14.03.2021).
- ⁶ *Laković I.* Vojni odnosi Jugoslavije i SAD: 1948–1961. godine: doktorska disertacija. Beograd, 2012. S. 186.
- ⁷ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC, 1955. P. 105.
- ⁸ Ibid. P. 419.
- ⁹ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC, 1956. P. 198.
- ¹⁰ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC, 1957. P. 852.
- ¹¹ Ibid. S. 338–339.
- ¹² КПСС и формирование советской политики на Балканах в 1950-х — первой половине 1960-х гг. Салоники, 2003. С. 150.
- ¹³ Central intelligence bulletin. September 22. 1957. Current Intelligence bulletin. Office of Current Intelligence. URL: <https://www.cia.gov/readingroom/docs/CIA-RDP79T00975A003300190001-4.pdf> (дата обращения: 15.04.2021).
- ¹⁴ *Dimitrijević B.* Jugoslovensko ratno vazduhoplovstvo, 1942–1992. Beograd, 2006. S. 186.
- ¹⁵ *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002. С. 291.
- ¹⁶ *Dimitrijević B.* Jugoslavija i NATO, 1951–1958. Skica Intenzivnih vojnih odnosa // Spoljna politika Jugoslavije 1950–1961. Zbornik radova / odgov. ured. S. Selinić. Beograd, 2008. S. 272.
- ¹⁷ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC, 1958. P. 374.
- ¹⁸ Overseas Loans and Grant. Obligations and Loan Authorizations, July 1, 1945 — September 30, 1988. Washington DC: Agency for International Development. U.S. 1988. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADH500.pdf (дата обращения: 28.02.2021).
- ¹⁹ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC, 1955. P. 106.
- ²⁰ Mutual security act extension hearings before the Committee of foreign affairs. Washington DC, 1956. P. 419.
- ²¹ *Kardelj E.* Borba za priznanje i nezavisnost nove Jugoslavije, 1944–1957. Ljubljana, 1980. S. 193.
- ²² *Dimitrijević B.* Jugoslovenska narodna armija, 1945–1959. Beograd, 2014. S. 290.
- ²³ Ibid. S. 294.
- ²⁴ Ibid. S. 381–385.
- ²⁵ *Романенко С.А.* Между «пролетарским интернационализмом» и «славянским братством». С. 475.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.15

Шестидневная война 1967 г. на Ближнем Востоке – новый этап в формировании независимой внешней политики Румынии

Лучика Анатольевна Йорга,

Университет имени А.И. Кузы,
Яссы, Румыния; e-mail: lucia.zavalisca@gmail.com

Ключевые слова: Шестидневная война, Ближний Восток,
внешняя политика, Румыния, Николае Чаушеску

The Six-Day War in 1967 in the Middle East: A New Stage in the Formation of an Independent Foreign Policy of Romania

Lucica A. Iorga,

Alexandru Ioan Cuza University,
Iași, Romania; e-mail: lucia.zavalisca@gmail.com

Keywords: The Six-Day War, Middle East, foreign policy, Romania, Nicolae Ceaușescu

Поворотным моментом в истории внешней политики коммунистической Румынии по праву можно считать принятие в апреле 1964 г. так называемой «Декларации независимости», которая обозначила главные принципы внешней политики Румынии¹. С принятием Декларации руководство румынской компартии все более последовательно проявляло свою особую позицию там, где дело касалось не только отношений между социалистическими странами (деятельность Организации Варшавского договора (ОВД) или Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), проблемы отношений с Китаем), но и по более широкому кругу ключевых проблем

международной жизни. Особенно наглядно это проявлялось во время кризисов Холодной войны, когда Румыния отказывалась координировать свою линию с другими странами — участницами Организации Варшавского договора.

До недавнего времени у румынских историков не было возможности изучать в большом объеме документы российских архивов, чтобы составить полную картину советско-румынских отношений в рассматриваемый нами период, но в последние годы в этой сфере была проделана большая работа.

Документы, которые хранятся в Российском государственном архиве новейшей истории, особенно в фондах № 5 (Аппарат ЦК КПСС. 1949–1991 гг.) и 10 (Международные совещания и переговоры с коммунистическими и рабочими партиями, правительственные переговоры. Коллекция документов. 1956–1988 гг.), проливают свет на многие аспекты советско-румынских отношений и, в частности, на то, как официальная Москва воспринимала внешнюю политику Румынии. Основываясь на этих документах, мы предприняли попытку показать, как независимая внешняя политика Румынии проявилась в условиях одного из самых глубоких международных кризисов 1960-х гг. и как румынская позиция сказалась на ее отношениях с СССР и на ее статусе внутри советского блока.

Безусловно, Шестидневная война (июнь 1967 г.), возникшая в результате предельного обострения арабо-израильских отношений, явилась ярким примером того, как Бухарест в условиях международного кризиса проявлял инициативу в вопросах внешней политики. В середине мая 1967 г. напряженность на Ближнем Востоке выросла молниеносно, но благодаря усилиям, предпринятым как СССР, так и США при поддержке ООН, удалось несколько разрядить обстановку, и в начале июня даже казалось, что угроза возникновения новой войны миновала. Поэтому внезапное начало войны утром 5 июня 1967 г. застало всех врасплох. Быстро сориентировавшись в происходящем, Румыния увидела в событии отличную возможность продемонстрировать правиль-

ность принципов своей внешней политики и тем самым повысить свой международный престиж.

Осознавая всю неоднозначность положения на Ближнем Востоке, румынское руководство в условиях начавшейся войны решило не принимать чью-либо сторону, заняв равноудаленную позицию. В принципе, в Бухаресте исходили из более объективной оценки истоков конфликта, прекрасно понимая, что начиная с середины мая 1967 г. арабы и израильтяне постоянно провоцировали друг друга, в силу чего каждая из сторон несла свою долю вины за развязывание войны.

В Москве еще до начала войны, в конце мая, стало ясно, что румыны оценивают сложившуюся обстановку на Ближнем Востоке несколько по-другому, чем советское руководство. Так, в конце мая румынский лидер Николае Чаушеску в публичном выступлении, проявив солидарность с борьбой арабских народов за отстаивание независимости, не осудил действия Израиля². Надо отметить, что советские лидеры давно уже привыкли к тому, что Румыния по многим вопросам внешней политики отклоняется от единой консолидированной политики ОВД, проводя особую линию в духе своей апрельской внешнеполитической Декларации 1964 г. Так, в январе 1967 г. Румыния установила дипломатические отношения с Западной Германией вопреки общей установке стран ОВД не делать этого, пока в Бонне окончательно не признают нерушимость установленных после Второй мировой войны германских границ. В апреле 1967 г. румыны не приняли участие в совещании европейских компартий в Карловых Варах ввиду своей особой позиции относительно выработки механизмов европейской безопасности. Таким образом, отклонение Румынии от общей линии ОВД в оценке ближневосточной ситуации едва ли было для Москвы совсем непредсказуемым. Вместе с тем в конце мая пока еще трудно было предположить, с какой последовательностью и упорством официальный Бухарест будет отстаивать свою особую позицию в публичных заявлениях, а также на международных форумах.

В первый же день войны в МИД Социалистической Республики Румыния (СРР) были приглашены послы Объединенной Арабской Республики и Израиля в Бухаресте, каждый в отдельности — им было указано на опасный характер развития событий на Ближнем Востоке и высказано мнение о необходимости немедленного прекращения военных действий и урегулирования спорных вопросов путем переговоров³. А.В. Басов, советский посол в Бухаресте, в своем донесении в Москву заметил, что заместитель министра иностранных дел СРР Георге Маковеску, проинформировав его о встречах, отказался и на этот раз осудить проводимую Израилем политику, ограничившись общими рассуждениями о том, что военный конфликт возник вследствие «прямого вмешательства империализма», а также в силу «националистических и религиозных факторов» в условиях нерешенных территориальных проблем между Израилем и арабскими странами⁴. Согласно советской оценке, в сложившихся условиях румыны, сидя на двух стульях, ставили своей целью, во-первых, постараться сохранить равно хорошие отношения (и экономические связи) как с Израилем, так и с арабами, а во-вторых, в соответствии с определившимся уже ранее своим общим внешнеполитическим курсом использовать ближневосточный конфликт в интересах повышения престижа и роли Румынии в международных делах, прежде всего в плане отношений с западными и частью развивающихся стран⁵.

Документы позволяют установить, что позиция румынского руководства в связи с положением на Ближнем Востоке окончательно сформировалась во время встреч глав европейских социалистических стран в Москве 9 июня 1967 г. Чаушеску на ней высказал мнение, что если бы эта встреча состоялась раньше, то возникновения военных действий можно было бы избежать⁶. Он отказался однозначно осудить Израиль как агрессора и не поставил свою подпись под совместным заявлением участников встречи⁷. Более того, он выдвинул собственный проект заявления с более умеренным содержанием, который был сразу же отвергнут советской стороной⁸.

Румынская сторона исходила из того, что в тот конкретный момент приоритетной задачей было не разобраться, кто агрессор и кто жертва, а сделать все возможное, чтобы прекратить огонь и предотвратить подобный сценарий в будущем. В силу позиции, занятой румынами на московской встрече, они не были приглашены на саммит глав европейских социалистических стран в Будапеште 11–12 июля 1967 г., на котором обсуждались последующие согласованные действия шести стран, подписавших Московское заявление по оказанию политической и экономической помощи арабским странам, пострадавшим из-за войны. Среди участников обеих встреч была и внеблоковая титовская Югославия, солидаризировавшаяся в данном конкретном вопросе с позицией ОВД и подписавшая Московское и Будапештское заявления. Во время будапештской встречи Л.И. Брежнев впервые высказал опасение, что слухи о возможном выходе СРР из Варшавского договора могли и вправду осуществиться⁹, что говорит о том, насколько серьезно летом 1967 г. была воспринята в Москве особая румынская позиция, нарушившая единство европейских социалистических стран перед лицом столь масштабного конфликта.

Такие опасения были обусловлены не только тем, что Румыния отказалась подписать Московское заявление и принять участие в координации действий по оказанию помощи арабским странам (при этом оказывая им помощь по собственным каналам), но и поведением румынской делегации на чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая начала свою работу 17 июня 1967 г. (советскую делегацию на ней возглавлял глава правительства А.Н. Косыгин).

Москва была возмущена тем, что в своей речи глава румынской делегации И.Г. Маурер, председатель Совета Министров СРР, сделав особый акцент на исключении всякого иностранного вмешательства в дела ближневосточных стран, не назвал при этом США, которые, по мнению советских руководителей, стояли за спиной Израиля, а значит, несли немалую долю ответственности за все случившееся¹⁰. На фоне

широко распространенных западной печатью утверждений о советском вмешательстве в конфликт на арабской стороне высказывание Маурера могло толковаться как косвенное осуждение не только США, но и СССР¹¹. Надо упомянуть, что попытки в некотором смысле поставить на одну доску СССР и США предпринимались румынами в свете событий на Ближнем Востоке и раньше, еще до начала военного конфликта. Так, 2 июня 1967 г. заместитель министра иностранных дел СРР Михай Марин заметил во время беседы с советским послом, что если, по мнению арабов, Израиль без США не осмелился бы пойти на провокации, то со своей стороны Израиль полагает, что без поддержки СССР поведение арабов также было бы иным¹².

Отказ Румынии назвать Израиль агрессором и разорвать дипломатические отношения с ним так же, как поступили другие социалистические страны, привел к обострению отношений не только с СССР, но и с арабскими странами, которые весьма болезненно отреагировали на позицию, занятую Бухарестом (достаточно вспомнить острую критику румынской компартии лидером сирийской компартии Халедом Багдашем на будапештской консультативной встрече компартий в конце зимы 1968 г., приведшую к тому, что румынская делегация покинула ее)¹³. Понадобилось много усилий, чтобы улучшить отношения с арабскими государствами. Румыны прилагали для этого реальные усилия, прежде всего по линии оказания арабам экономической помощи. Экономические связи Румынии с арабским миром продолжали развиваться.

Министр иностранных дел СРР Корнелиу Мэнеску в 1990-х гг., анализируя события Шестидневной войны в тридцатилетней ретроспективе, заметил, что полученные тогда Румынией в политическом плане преимущества были куда важнее ущерба и неудобств, понесенных вследствие занятой нейтральной позиции в связи с арабо-израильской войной¹⁴. После этого события на мировой арене укрепился статус Румынии как страны, занимающей особую позицию внутри ОВД со всеми вытекающими из этого преимуществами. Первым признаком того, что Запад оценил беспристрастность

румынской позиции перед лицом крупного международного конфликта, явилось избрание К. Мэнеску на пост Председателя XXII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая открылась в сентябре 1967 г. Он стал, таким образом, первым представителем социалистической страны на этой должности и внес немалый вклад в урегулирование арабо-израильского конфликта.

Итак, начиная с лета 1967 года независимая внешняя политика СРР вступила в новую фазу развития, в которой румыны видели себя уже не простыми зрителями, а полноценными участниками мировой внешнеполитической жизни. Приобретая летом 1967 г. некоторый опыт, Румыния через год, в августе 1968 г., продемонстрировала свою особую позицию в условиях еще более масштабного конфликта, причем не в другом регионе мира, а в непосредственной близости от своих границ, угроза безопасности которых реально ощущалась в те дни всем румынским обществом. Речь идет об интервенции пяти стран ОВД в Чехословакию.

Примечания

- ¹ Апрельская декларация ставила во главу угла применение в отношениях с другими странами и партиями принципов «независимости и суверенитета, равенства прав, взаимной выгоды, товарищеской взаимопомощи, невмешательства во внутренние дела, уважения территориальной целостности»: *Giurescu D. Istoria României în date*. Ed. a III-a revăzută și adăugită. București, 2010. P. 576.
- ² *Ceașescu N. România pe drumul desăvârșirii construcției socialiste. Rapoarte, cuvântări, articole*. București, 1968. T. 2: Septembrie 1966 — decembrie 1967. P. 324.
- ³ Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Л. 228.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 356.
- ⁶ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 226. Л. 39.
- ⁷ Там же. Л. 70.
- ⁸ Там же. Л. 74.
- ⁹ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 229. Л. 49.
- ¹⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 59. Д. 309. Л. 359.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. Л. 356.
- ¹³ Там же. Ф. 10. Оп. 1. Д. 254. Л. 81–86.
- ¹⁴ *Betea L. Convorbiri neterminate: Corneliu Mănescu în dialog cu Lavinia Betea*. Iași, 2001. P. 172.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.16

Югославия и политика неприсоединения в конце 1960-х – начале 1970-х гг. На пути к конференции в Лусаке

Борис Сергеевич Новосельцев,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

Ключевые слова: Югославия, Тито, внешняя политика, неприсоединение, конференция в Лусаке

Yugoslavia and the Preparations for the Non-Aligned Conference in Lusaka (1970)

Boris S. Novoseltsev,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

Keywords: Yugoslavia, Tito, foreign policy, non-aligned movement, Lusaka Conference

Во второй половине 1960-х гг. переживала кризис политика неприсоединения, объединявшая преимущественно страны третьего мира и представлявшая собой попытку найти некий «третий путь» в международных отношениях как альтернативу противостоящим военно-политическим блокам, получить возможность для сотрудничества и с Западом, и с Востоком на основе соблюдения принципов равноправия, уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела¹. Чем больше появлялось внеблоковых стран, тем больше возникало споров и противоречий между участниками движения, что заметно ослабляло его единство. В итоге вы-

рабатывать совместные решения становилось все сложнее, а некоторые государства постепенно отходили от неприсоединения (например, Индонезия, а после Шестидневной войны 1967 г. и Египет).

Во время этого конфликта развеялись последние иллюзии руководителей неприсоединившихся стран: внеблоковая политика не была способом обуздать агрессора, заставить его прекратить боевые действия и прийти к решению спорных вопросов на компромиссной основе. Даже объединив свои усилия они не могли добиться того влияния на мировые процессы, какое предполагали их амбиции. Обострение внутривнутриполитических проблем — ухудшение экономической ситуации, пограничные конфликты², нестабильность правящих режимов³ в странах Азии и Африки — подталкивало к развитию сотрудничества со сверхдержавами, пускай и ценой утраты определенной доли суверенитета.

В таких обстоятельствах лидерам внеблоковых стран, среди которых выделялась Югославия, необходимо было продемонстрировать свою приверженность основным принципам политики неприсоединения, показать, что она все еще актуальна, и добиться проведения очередной, третьей по счету, конференции. Активная ее дипломатическая подготовка (тройственная встреча Тито — Насер — Индира Ганди в Дели в январе 1968 г., в которой неожиданно для югославов принял активное участие А.Н. Косыгин⁴, и очередное турне югославского президента в Пакистан, Эфиопию и ОАР⁵) была прервана интервенцией пяти стран Варшавского договора в Чехословакию в августе 1968 г.

Югославия, видя опасный прецедент, угрожавший ее безопасности и суверенитету, выступила с решительным осуждением подобных действий, что стало причиной очередного конфликта с Москвой. Среди неприсоединившихся стран отсутствовала единая позиция: ОАР, Сирия, Ирак, Ливан, Иордан, Южный Йемен, Сомали, Алжир, Мали, Нигерия, Гвинея и Камбоджа поддержали интервенцию или отреагировали умеренно. Эфиопия, Тунис, Индонезия, Замбия, Кения, Цейлон осудили советскую агрессию и при-

звали к активизации политики неприсоединения⁶. В печати социалистических стран началась кампания с критикой внеблоковой политики. В подобных условиях проводить конференцию, на которой неизбежно был бы поднят вопрос интервенции, было чревато расколом всего движения. Подготовительная встреча представителей стран-участниц будущей конференции, которая должна была состояться в сентябре 1968 г. в Аддис-Абебе (Эфиопия) была отменена, а Тито отказался от предложения эфиопского императора Хайле Селассие с предложением созвать внеочередной саммит миролюбивых стран, единственным вопросом повестки дня на котором стало бы осуждение советской агрессии и дальнейшие меры по сохранению мира⁷.

Тогда многим, особенно в США и Советском Союзе, казалось, что неприсоединение окончательно потерпело крах⁸. Значимую роль в его реанимировании, согласовании общей платформы, приемлемой для большинства так сильно отличавшихся друг от друга стран-участниц, и выводе идеи неприсоединения на качественно новый уровень сыграл югославский лидер Йосип Броз Тито. Его личная дипломатия в этот период, почти ежегодные турне по азиатским и африканским странам, умение найти подход и общий язык с лидерами каждого государства стали одними из ключевых составляющих итогового успеха. Очередной конфликт с Москвой означал для Югославии, чей «маятник» внешней политики после Ближневосточного кризиса 1967 г. качнулся было в сторону более тесного сотрудничества с СССР⁹, что необходимо вернуться к равноудаленной от сверхдержав позиции. Только так Белград мог проводить сравнительно независимую внешнюю политику и пользоваться возможностью продолжать сотрудничество с Западом и Востоком одновременно. А это еще больше актуализировало для югославов значение Движения неприсоединения как третьей точки опоры в их лавировании между сверхдержавами.

Во многом усилиями Тито в начале июля 1969 г. в Белграде состоялась встреча представителей 51 неприсоединившейся страны, на которой обсуждалась будущая внеблоко-

вая конференция. Многие делегаты не разделяли энтузиазма югославского лидера относительно самой возможности ее проведения. Однако консультации продолжились на XXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН: встретившись в Нью-Йорке, министры иностранных дел неприсоединившихся стран приняли решение продолжить подготовку к саммиту и провести вторую подготовительную встречу в апреле 1970 г. в Дар-эс-Саламе (Танзания)¹⁰.

В начале 1970 г. югославам пришлось снова пускаться в ход личную дипломатию: в январе — феврале 1970 г. Тито совершил поездку по восьми странам Восточной Африки¹¹. Конференция должна была состояться в Замбии, и это предполагало, что большое внимание на ней будет уделено проблемам Африки к югу от Сахары, в частности — расовой дискриминации, поэтому было важно получить поддержку государств региона. Одновременно дипломат Д. Беловски¹² отправился в турне по странам Западной Африки, а секретарь иностранных дел М. Тепавац¹³ — по Юго-Восточной Азии¹⁴.

В Дар-эс-Саламе удалось обойти ряд потенциальных подводных камней, мешавших подготовке саммита: в нем планировали принять участие одновременно Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама¹⁵ и делегация Южного Вьетнама, а также две делегации от Камбоджи: во главе со свергнутом королем Нородомом Сиануком и новым лидером — генералом Лон Нолом.

Конференция прошла с 6 по 14 сентября 1970 г. в столице Замбии Лусаке. 8 сентября между собой встретились главы государств. Результатом саммита было формирование первых постоянно действующих органов и первых институциональных механизмов, которые сделали возможным проведение продолжительных и скоординированных акций внеблоковых государств¹⁶. По этой причине ряд историков полагает, что Движение неприсоединения сформировалось не на Белградской или Каирской конференции, участники которых опасались ухудшения отношений со сверхдержавами и потому не создавали постоянно действующих органов, а именно в Лусаке¹⁷.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Кризис в политике неприсоединения и активизация Югославии на европейской арене в середине 1960-х годов // *Славяноведение*. 2013. № 4. С. 40–48.
- ² Например, индо-пакистанский конфликт (1965 г.)
- ³ Например, военный переворот и свержение президента Ганы и одного из лидеров Движения неприсоединения К. Нкрумы в 1966 г. Или военный переворот в Алжире в 1965 г. и арест А. бен Беллы — тоже видного сторонника внеблоковой политики.
- ⁴ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). М., 2015. С. 274–276.
- ⁵ См.: Arhiv Jugoslavije (далее — AJ). KPR. I-2/37-(4-7).
- ⁶ AJ. F. 837. Kabinet Predsednika Republike. I-3-a/24-25. Poseta Cara Etiopije Haila Selasija 23–25.9.1968. Informativni materijal.
- ⁷ Ibidem.
- ⁸ Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room (далее — CIA. FOIA.). Weekly Summary Special Report the Third Nonaligned Summit: the Swan Song of Yugoslav Predominance. 04.09.1970. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001500020044-2.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
- ⁹ Подробнее см.: *Новосельцев Б.С.* Внешняя политика Югославии (1961–1968 годы). С. 223–244.
- ¹⁰ CIA. FOIA. Weekly Summary Special Report the Third Nonaligned Summit: the Swan Song of Yugoslav Predominance. 04.09.1970. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001500020044-2.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
- ¹¹ Он побывал в Танзании, Замбии, Эфиопии, Кении, Уганде, Судане, Ливии и Египте. См.: AJ. KPR. I-2/44 (1-8). Put J.B. Tita u Afriku.
- ¹² Димче Беловски (1923–2010) — югославский дипломат, заместитель министра иностранных дел Югославии (1965–1969 гг.), посол в США (1976–1979 гг.).
- ¹³ Мирко Тепавац (1922–2014) — югославский общественно-политический деятель, дипломат, секретарь по иностранным делам СФРЮ (1969–1972 гг.).
- ¹⁴ CIA. FOIA. Weekly Summary Special Report the Third Nonaligned Summit: the Swan Song of Yugoslav Predominance. 04.09.1970. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP85T00875R001500020044-2.pdf> (дата обращения: 01.04.2021).
- ¹⁵ Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама (Вьетконг) — прокоммунистическая военно-политическая организация в Южном Вьетнаме, бывшая одной из сторон Вьетнамской войны (1955–1975 гг.)
- ¹⁶ *Bogetić D.* Jugoslavija između Istoka i Zapada // *Jugoslavija u hladnom ratu: prilozi istraživanjima*. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 31.
- ¹⁷ *Bogetić D.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi u svetlu vojne intervencije u Čehoslovačkoj 1968. godine // 1968 — četrdeset godina posle. Beograd, 2008. S. 154–155.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.17

Международные контакты Хартии-77 в отражении западноевропейской прессы

Татьяна Владимировна Рутковская,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: rutkovskaya.tanya@yandex.ru

Ключевые слова: Хартия-77, европейская пресса, чехословацкие диссиденты, диссиденты в Восточной Европе

International Contacts of Charter 77 in the Reflection of the Western European Press

Tatyana V. Rutkovskaya,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: rutkovskaya.tanya@yandex.ru

Keywords: Charter 77, European press, Czechoslovak dissidents, dissidents in Eastern Europe

Начиная с 1950-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы произошел ряд кризисов (в 1953 г. — выступления рабочих в Восточном Берлине, в 1956 г. — восстание в Венгрии, в 1968 г. — Пражская весна, в 1956, 1968, 1970, 1976, 1980–1981 гг. — кризисы в Польше). Они не получили полного позитивного разрешения — наоборот, правительства проводили политику «закручивания гаек», показывая свою неготовность к переменам. Поэтому один из ключевых процессов данного периода в странах региона — формирование диссидентского движения. Одной из его групп стала Хартия-77 в Чехословакии.

На Западе Хартия-77 достаточно быстро вызвала интерес политиков, профессиональных исследователей и журналистов. Один из важнейших аспектов деятельности хартистов — взаимодействие с западной общественностью и, в частности, прессой.

Для изучения международных связей чешских диссидентов мы выбрали две газеты: британскую *The Times* и французскую *Le Monde*. Для анализа были взяты статьи о Хартии с 1977 по 1989 г. Привлеченные статьи охватывают достаточно широкий спектр вопросов, связанных с движением: и обращения его участников, и новости о них, и юбилейные даты, и даже некоторую полемику с чехословацкой газетой *Rudé právo*. Стоит выделить три главных темы: меры против хартистов, их контакты с иностранными деятелями и структурами, а также солидарность с Хартией.

Первую тему можно назвать самой животрепещущей: количество статей в обеих газетах было велико. В *The Times* частотность материалов снижалась с течением времени. Очевидно, интерес британского общества к чешскому движению постепенно угасал. В *Le Monde* же динамика появления информации о Хартии более скачкообразна. Она отражает ход репрессий, которые поначалу были достаточно робкими (в феврале 1977 г. чехословацкие власти даже заявили о приостановке кампании против хартистов¹). Постепенно тема снова набрала обороты, и к 1979 г. число статей, затрагивающих ее, достигло своего пикового значения за все 12 лет. Количество международных контактов за 1979 г. закономерно снизилось как следствие действий чехословацких спецслужб по их предотвращению.

Хартисты поддерживали международные связи по нескольким направлениям: встречались с журналистами, различными политическими и культурными деятелями, эмигрантскими кругами. Самой распространенной практикой были частные встречи. С одной стороны, это позволяло обойти прослушку телефонов (а некоторым хартистам телефоны и вовсе отключали). С другой — через журналистов на Запад передавали различные документы и материалы. Чехосло-

ваккие власти старались помешать контактам различными способами. Отчеты об этом, достаточно подробные, находили отражения на страницах прессы, где говорилось о депортации², изъятии документов³ и киноплёнок⁴, арестах⁵, высылке из страны⁶, попытках разгона встреч слезоточивыми аэрозолями⁷.

Таким образом, в первые годы своего существования Хартия-77 привлекла большое внимание западной прессы. Причинами тому послужила, во-первых, международная деятельность самих хартистов, их обращения за рубеж. Во-вторых, свой вклад внесла и чехословацкая печать, в которой почти сразу после возникновения движения была развернута кампания против него. Кампания развернулась и на телевидении, готовилась высылка основных инициаторов.

The Times в силу своей большей консервативности давала более сухие репортажи, со строгими заголовками, излагая лишь факты, предоставляемые в ее распоряжение хартистами, и приводя отрывки из пражских газет. В статьях отсутствовали замечания или мнения редакторов. *The Times* чаще приводила полемику между *Rudé právo* и западной прессой, что делало ее подход в освещении кампании против хартистов серьезнее, чем у французской газеты. *Le Monde* же отличается большей эмоциональностью. Заголовки газеты более броские, формулировки в текстах смелее и редакторы не останавливаются перед тем, чтобы покритиковать западных политиков за недостаточную поддержку чешских диссидентов. Кроме того, у *Le Monde* более детализированный подход. На страницах французского издания нередко появлялись краткие биографии хартистов, читателей знакомили с их «внедиссидентской» деятельностью — литературными произведениями и т.д.

Для *Le Monde* тема восточноевропейских диссидентов была актуальна в вопросе собственного позиционирования по отношению к Москве. Проблема поддержки Хартии вызвал некоторую полемику в рядах Французской коммунистической партии⁸. *Le Monde*, будучи более либеральным изданием, больше внимания уделяло вопросам разоруже-

ния и мира. На некоторый спад в 1985 г. очевидно повлияла «общекommунистическая» надежда на реформы.

Привлечение газет в качестве источника существенно дополняет характеристику Хартии, которую можно составить на основе документов группы. Они освещают в основном контакты с официальными кругами, общественными, политическими и культурными деятелями, никак не затрагивая контакты с прессой. Поэтому создается впечатление изолированности движения в начале его существования. Публикации же в западной прессе ярко иллюстрируют тот факт, что Хартия привлекла внимание западных СМИ в первые же дни своего существования и что контакты с журналистами наладились достаточно быстро и были довольно активными.

Использование количественных методов позволяет проследить динамику контактов, которая ярко иллюстрирует активность не только самих хартистов и их адресатов, но и чехословацких спецслужб. Кроме того, пресса дает больше сведений по материальной поддержке движения и по источникам информации. Так, в документации хартистов единственный раз упоминается канал связи с внешним миром — адрес в Париже, по которому можно было узнать о Хартии. В прессе же достаточно часто встречаются ссылки на источник информации: журналисты европейских агентств, эмигранты в Париже, Вене и Женеве.

Примечания

- 1 Les autorités affirment qu'elles ne banniront pas les signataires de la Charte 77 // Le Monde. 02.02.1977.
- 2 Czechoslovakia expels news agency reporter // The Times. 02.05.1978.
- 3 La sécurité des journalistes doit être garantie d'urgence par une convention internationale affirme l'Institut international de la presse // Le Monde. 10.01.1978.
- 4 Charter 77 group meet Westerns // The Times. 24.06.1983.
- 5 Des accusations non fondées, un climat de calomnie // Le Monde. 27.10.1979.
- 6 Czechoslovakia expels news agency reporter // The Times. 02.05.1978.
- 7 Les autorités multiplient les pressions contre les signataires de la Charte 77 // Le Monde. 05.03.1977.
- 8 M. Marchais renforce son autorité. De nombreuses modifications interviennent au "sommet" du parti // Le Monde. 15.05.1979.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.18

Культурно-гуманитарные отношения между Москвой и Тираной после 1990-х гг.

Ноэла Махмутай,

Университетский колледж Висдом,
Тирана, Албания; e-mail: noela1302@gmail.com

Эдит Брегу,

Университетский колледж Висдом,
Тирана, Албания; e-mail: edit.bregu@wisdom.edu.al

Ключевые слова: Россия, Албания, гуманитарные связи, перспективы

Cultural and Humanitarian Relations between Moscow and Tirana after the 1990s

Noela Mahmutaj,

Wisdom University College,
Tirana, Albania; e-mail: noela1302@gmail.com

Edit Bregu,

Wisdom University College,
Tirana, Albania; e-mail: edit.bregu@wisdom.edu.al

Keywords: Russia, Albania, humanitarian ties, prospects

Между Народной Албанией и Советским Союзом с момента окончания Второй мировой войны, когда Албания пошла по социалистическому пути развития, сложились дружеские отношения. Высокий уровень сотрудничества во второй половине 1950-х гг. был достигнут в сферах образования, науки и культуры. 1 ноября 1951 г. при поддержке СССР в стране была заложена система высшего образования: открылись политехнический институт (сегодня — Поли-

технический университет)¹, сельскохозяйственный институт (Сельскохозяйственный университет Тираны)², а также высший педагогический институт (филологический факультет Тиранского университета)³. В системе образования появился русский язык. Он впервые был включен в учебный план двухгодичного Педагогического института Тираны в 1946 г. В течение 1950-х гг. распространение русского языка оказало влияние на образование, культуру, науку, экономику Албании и др.⁴

В результате дипломатического разрыва 1961 г. серьезные преобразования произошли в гуманитарной сфере: например, вся литература была подвергнута идеологической цензуре и значительная ее часть перешла в так называемый «резервный фонд», что затруднило обращение к ней⁵. Албанский лидер Э. Ходжа сделал все возможное, чтобы стереть СССР из памяти населения (в том числе вычеркнул упоминание о СССР из всех албанских книг и средств массовой информации (СМИ)). Браки с гражданами СССР не признавались в Народной Албании с 1958 г. Советский лидер Н.С. Хрущев поступил так же, как и Э. Ходжа. Албания в российских книгах, публикациях, СМИ долгое время оставалась в той же мере «неизвестной страной»⁶, как и СССР — в албанских книгах, публикациях, СМИ.

В 1990-х гг. отношения в культурно-гуманитарной сфере стали восстанавливаться, основой для чего послужили Договор о дружбе и сотрудничестве, Договор о культурном и научном сотрудничестве между правительствами Албании и России (оба договора подписаны в 1995 г.) и ряд межведомственных документов⁷. Правовое регулирование албанско-российских отношений в гуманитарной области осуществляется на основе:

- ▶ Соглашения между Министерством культуры, молодежи и спорта Республики Албания и Министерством культуры Российской Федерации, которое было подписано в Тиране 15 ноября 1993 г.⁸;

- ▶ Соглашения о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, основанного на Соглашении

о культурном и научном сотрудничестве от 11 апреля 1995 г. и созданного для развития и углубления двустороннего сотрудничества в области образования, науки и культуры и в целях установления норм взаимного признания документов об образовании⁹.

Наиболее значимым документом для международного научного сотрудничества является Соглашение о научном сотрудничестве между Российской академией наук и Академией наук Республики Албании, подписанное в Москве 12 июля и в Тиране 25 августа 1995 г.¹⁰

Несмотря на предпринятые албанским правительством меры для «изгнания» русского языка, его изучение продолжается как в школах, так и в университетах. Основным центром является отделение русского языка на факультете иностранных языков государственного университета Тираны и языковая гимназия имени Асима Вокши. Только на факультет иностранных языков Тиранского университета ежегодно поступают 60–70 человек, а в гимназию — 30–40¹¹. Стабильное увеличение числа студентов из года в год демонстрирует наличие интереса к русской культуре у албанских граждан. С целью продвижения российской культуры, музыки, образования, русского языка в Албании 31 января 2013 г. было создано общество «Русский мир в Албании» (алб. *Vota ruse në Shqipëri*)¹². При его поддержке, а также при содействии Посольства РФ в Албании и финансовой поддержке фонда «Русский мир»¹³ в Тиране открылся центр российской культуры, где все желающие могут бесплатно изучать русский язык.

В Албании значительно вырос интерес к получению образования в России. Количество албанских студентов, обучающихся там, увеличивается год за годом, чему способствует предоставление российским правительством грантов на обучение¹⁴. Сегодня албанским студентам выделяются около 50 стипендий (раньше предоставлялось около 25¹⁵), а число желающих в разы превышает квоту¹⁶.

Отделение албанского языка было открыто при Санкт-Петербургском государственном университете (СПбГУ), Московском государственном университете (МГУ имени

М.В. Ломоносова) и Московском государственном институте международных отношений (МГИМО). В России число желающих изучать албанский язык, культуру и историю не так велико, как число желающих изучать русский язык в Албании. Разумеется, албанский язык менее известен и распространен, чем языки других стран Европы, и это объясняет его невысокую популярность.

Прогресс наблюдается в сфере кинематографии. Первый совместный советско-албанский фильм был снят в 1953 г. «Великий воин Албании Скандербег», который повествует о жизни Георгия Кастриоти Скандербега, национального албанского героя, воевавшего против Османской империи. Второй совместный проект — фильм «Гирокастра» («Русские жены») по мотивам произведения албанского писателя И. Кадаре (режиссер — Александр Сокуров, сценарист — Юрий Абрамов). В картине показана трагическая судьба молодой русской женщины, вышедшей замуж за албанца и подвергнувшейся репрессиям режима Э. Ходжи. Фильм получил поддержку Министерства культуры России в размере 25 млн рублей; релиз был намечен на 2020 год¹⁷.

Такие проекты с историческим контекстом демонстрируют уважение сторон к истории и признание существования точек пересечения культур, что крайне значимо для осуществления культурной дипломатии и укрепления международного сотрудничества. Совместные мероприятия позволяют албанцам и русским ближе познакомиться с историей народов и укрепить дружбу двух стран.

Значимым стало сотрудничество Государственного академического центрального театра кукол имени С.В. Образцова и Тиранского театра кукол. Появилась традиция ежегодно давать спектакли в разных городах Албании (Тиране, Берате, Влёре, Фиери, Дурресе, Корче). По случаю 65-летия со дня основания Тиранского театра кукол в албанской столице российский режиссер В.Г. Беркун представил публике детский спектакль «Таинственный гипшопотам» (6 декабря 2015 г.)¹⁸. В июне 2016 г. были показаны хиты российской мультипликации «Жил-был пёс», «Ёжик в тумане», «Мы не можем жить

без космоса». 16 ноября 2019 г. албанские зрители увидели первое ледовое шоу в истории Албании. В нем приняли участие артисты Санкт-Петербургского государственного балета на льду, которые исполнили адаптированную версию классического балета «Лебединое озеро» на музыку великого русского композитора П.И. Чайковского¹⁹. Активно сотрудничают музыкальная школа имени Гнесиных и Художественный лицей г. Тираны. В январе 2015 г. в рамках международного фестиваля фортепианной музыки «Пианодром» в Тиране состоялось выступление российской пианистки, профессора Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского Н.Н. Деевой и одного из ее выдающихся учеников, Д. Севастьянова. Он совместно со скрипачом С. Малышевым дали концерт в Тиране в ноябре 2016 г. В 2019 г. ансамбль песен и танцев «Ярмарка» выступил в Корче и Тиране²⁰. Можно отметить и рост популярности албанской поп-музыки в России: например, широко известна песня Арилены Ара «Ноябрь» (алб. *Nëntori*)²¹ или творчество Ирис Незири, которая заняла первое место на международном конкурсе молодых исполнителей «Новая волна» в Сочи в 2019 г.²²

Среди совместных проектов можно отметить Дни российской духовной культуры в Албании в 2011 г. В ответ в 2012 г. состоялись Дни албанской культуры в России, хронологически совпавшие с празднованием столетия независимости Албании²³. К этой дате была выпущена книга «Албания, албанцы и российско-албанские отношения». В 2015 г. были установлены отношения с Национальной библиотекой Албании при содействии Института славяноведения Российской академии наук, подарившего библиотеке в честь ее 95-летия 67 работ на русском языке, посвященных языкознанию и балканистике в целом²⁴.

Многое делается в области спорта и физического развития. В апреле 2012 г. в Москве был подписан Меморандум о сотрудничестве Олимпийского комитета России и Национального Олимпийского комитета Албании. Не менее 10–15 албанских спортсменов каждый год посещают Россию для участия в спортивных мероприятиях.

Как составляющие «мягкой силы», перечисленные инициативы способствуют мирному разрешению конфликтов и улучшению статуса партнера, укрепляют культурные связи между нациями и повышают уровень доверия сторон.

Подводя итоги, можем сказать, что на современном этапе основными направлениями сотрудничества в гуманитарно-культурном контексте между Москвой и Тираной являются: изучение албанского и русского языков, другие образовательные мероприятия и программы; проведение концертов, показ фильмов, организация выставок, презентаций книг и других культурных мероприятий, а также содействие деловым и экономическим связям между странами. Сотрудничество России и Албании в культурно-гуманитарной сфере демонстрирует положительную динамику. Результаты продуктивного диалога в гуманитарной сфере, несомненно, окажут влияние на политический диалог сторон и могут способствовать улучшению взаимоотношений между странами. Тесная, исторически обусловленная связь российской и албанской культуры лежит в основе применения «мягкой силы» во взаимодействии России и Албании и может служить залогом реализации потенциала российско-албанских отношений.

Примечания

- ¹ Historiku i Universitetit Politeknik të Tiranës // Universiteti Politeknik i Tiranës. URL: <https://www.upt.al/rreth-nesh/historikush> (дата обращения: 29.04.2021).
- ² Universiteti Bujqësor i Tiranës. URL: <https://ubt.edu.al/sq/> (дата обращения: 29.04.2021).
- ³ Universiteti i Tiranës, Fakulteti i Historisë dhe Filologjisë. URL: <https://www.fhf.edu.al/historiku/> (дата обращения: 29.04.2021).
- ⁴ *Махмутай Н.* Современное состояние и перспективы отношений России и Албании: дис. ... к.п.н. СПбГУ, 2020. С. 58.
- ⁵ *Михайленко-Зото Е.А.* Русский язык в Албании // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2019. Т. 19. № 2. С. 61–63.
- ⁶ *Лямерошай С.Х.* Дружба между Россией и Албанией в прошлом и настоящем // Власть. 2014. № 1. С. 77–80.
- ⁷ Российско-албанское сотрудничество в области культуры, науки, образования и спорта. URL: <https://albania.mid.ru/rossijsko-albanskoe-sotrudnicestvo-v-oblasti-kul-tury-nauki-obrazovania-i-sporta> (дата обращения: 10.01.2021).

- ⁸ Соглашение между Министерством культуры, молодежи и спорта Республики Албании и Министерством культуры Российской Федерации. 15 ноября 1993 г.
- ⁹ Соглашение между Правительством Российской Федерацией и Правительством Республики Албании о признании взаимного согласия и эквивалентности школьных документов. 8 июня 2000 г.
- ¹⁰ См. соглашения о международном сотрудничестве, заключенные Российской академией наук (РАН). URL: <http://www.ras.ru/about/cooperation/intagreements.aspx> (дата обращения: 29.04.2021).
- ¹¹ *Михайленко-Зото Е.А.* Русский язык в Албании. С. 61–63
- ¹² Akt Themelimi i shoqatës “Bota ruse në Shqipëri”. 31.01.2013 г.
- ¹³ Русский мир в Албании. URL: <http://www.botaruse.com/ru/news> (дата обращения: 10.02.2021).
- ¹⁴ Приказ Минобрнауки России от 29.12.2009 № 841.
- ¹⁵ План Приема иностранных граждан в 2010/2011 учебном году за счет средств федерального бюджета URL: <http://russia.edu.ru/edu/inostr/quot/4210/> (дата обращения: 14.02.2021).
- ¹⁶ Выступление Посла России в Албании А.Р. Карпушина на конференции по теме: «Внешняя политика России: Албания и стратегические вопросы». 15 февраля 2018 г. URL: https://albania.mid.ru/ru_RU/vystuplenie-posla-rossii-v-albanii-a-r-karpusina-na-konferencii-po-teme-vnesnaa-politika-rossii-albania-istrategiceskie-voprosy-?inheritRedirect=true (дата обращения: 10.02.2021).
- ¹⁷ Съёмки российско-албанского фильма «Русские жены» студии «Фортуна фильм» стартуют в октябре // Сайт Министерства культуры Российской Федерации. 17.09.2019 г. URL: https://www.mkrf.ru/press/news/semki_rosiysko_albanskogo_filma_russkie_zheny_studii_fortuna_film_sta_rtuyut_v_oktyabre/# (дата обращения: 11.02.2021).
- ¹⁸ В тиранском Театре кукол состоялась премьера российского спектакля URL: <http://albanianews.ru/kultura/v-tiranskom-teatre-kukol-sostoyalas-premera-rossiyskogo-spektaklya-247> (дата обращения: 23.02.2021).
- ¹⁹ Balet në akull. URL: <https://events.intoalbania.com/event/balet-ne-akull/> (дата обращения: 25.11.2019).
- ²⁰ Официальная страница Посольства России в Албании, Facebook. URL: <https://www.facebook.com/RusEmbassyAlbania/>. 11.05.2019 (дата обращения: 29.04.2021).
- ²¹ Итоговый ЕвроХит ТОП 40. 2017. URL: <http://www.europaplus.ru/index.php?go=YearChart&year=2017> (дата обращения: 30.02.2021).
- ²² Певица из Албании стала лучшей на конкурсе «Новая волна» в Сочи. URL: <https://ria.ru/20190829/1558036238.html> (дата обращения: 30.02.2021).
- ²³ Российско-албанское сотрудничество в области культуры, науки, образования и спорта https://albania.mid.ru/ru_RU/rossijsko-albanskoe-sotrudnicestvo-v-oblasti-kul-tury-nauki-obrazovania-isporta (дата обращения: 13.02.2019).
- ²⁴ Ambasada Ruse i dhuron Bibliotekës Kombëtare 67 vepra Balkano-Albanologjike. URL: http://www.bksh.al/Te%20reja_ngjarje128.html#XelpsegzblU (дата обращения: 30.02.2021 г.)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ В ИСТОРИИ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.19

Народный костюм как символ «русскости» в дворянской культуре России второй половины XVIII – первой половины XIX в.

Елена Игоревна Митина,

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Российская Федерация; e-mail: eimitina@edu.hse.ru

Ключевые слова: история России, история костюма, народный и национальный костюм, формирование национальной идентичности

Folk Costume as a Symbol of “Russianness” in the Noble Culture of Russia in the Second Half of the Eighteenth – the First Half of the Nineteenth Century

Elena I. Mitina,

HSE University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: eimitina@edu.hse.ru

Keywords: national self-determination, Galicia, Ruthenians, Russophiles, Ukrainophiles

Во второй половине XVIII – первой половине XIX в. в Российской империи начинается процесс формирования имперской и национальной идентичности, значимую роль

в нем играет представление о русскости — в частности, о русском костюме. Политика создания «имперского мифа»¹ через поиск национально-специфического реализуется, в том числе, в выборе элементов придворного «русского платья», в моде на элементы народной крестьянской одежды в «русском стиле». Она находит отражение и в способах изображения русского костюма в искусстве.

Для рассмотрения этих процессов необходимо различать понятия «народное» («этническое») и «национальное». Под «народным» («этническим») костюмом мы подразумеваем комплекс одежды, исторически сложившийся в определенном регионе. Применительно к русскому населению Российской империи принято выделять несколько историко-этнографических регионов, в каждом из которых возник свой вариант костюма русского населения: центр европейской части России, север европейской части России, юго-восток, Среднее Поволжье и Приуралье, Дон и Северный Кавказ². Нередко детали костюма различались даже в соседних населенных пунктах, однако в работе мы будем использовать это деление как достаточное для достижения наших исследовательских задач.

Понятие «национальное» мы применяем к костюмным комплексам, которые создаются «сверху» и отражают стереотипы правящих кругов о жителях страны³. Национальный костюм является символом, отражающим внутреннюю политику государства. Особенно ярко символическое значение национального костюма раскрывается при сравнении его с народным костюмом. «Русское платье» как национальный костюм опирается на элементы этнического костюма великорусского населения различных регионов, но не копирует реальные комплексы народной одежды.

В дворянской культуре России второй половины XVIII — первой половины XIX в. репрезентация национального актуализировалась через элементы костюма: так, сохранились портреты Екатерины II в «русском платье», а участники декабристского восстания носили косоворотки⁴. Оба факта свидетельствуют об особом статусе элементов русскости

в имидже представителей некрестьянских сословий. Важным фактором становится вхождение этнического и национального костюма в дворянскую культуру через различные перформативные практики: маскарады, коронационные торжества⁵, театральные постановки.

Временные рамки нашего исследования охватывают эпохи четырех российских правителей, за которые «русское платье» прошло путь от костюма, в котором Екатерина II появляется на маскарадах, до женского придворного костюма, обязательного для фрейлин согласно специальному указу Николая I от 1834 г. Ношение при дворе «русского платья» способствует формированию идентичности знати как представителей единой нации⁶.

С другой стороны, через костюм возникает противопоставление «русского» дворянина вне зависимости от его этнического происхождения не только представителям других европейских наций (французской, английской и т. д.)⁷, но и другим народам, проживающим на территории империи⁸. Необходимость формирования визуального кода «русскости», понятного всем жителям Российской империи, оказывается причиной, по которой за основу «русского платья» берется «выдуманный», маскарадный, а не реальный этнический костюм великорусского населения одного из регионов Российской империи.

Образ, создаваемый «русским платьем», становится более узнаваемым в дворянской среде, чем реальный этнический костюм великорусского населения. Уже в екатерининскую эпоху стилизованное «русское платье» начинает вытеснять народный костюм на сцене. Участники крепостных театров, крестьяне по происхождению, выступая перед носителями элитарной культуры, надевают не традиционный костюм того или иного региона, а стилизованный национальный⁹.

На образы этнического и национального костюма опираются также скульпторы и художники. Так, К. Бордэриу пишет об идее Екатерины II облачить в национальный костюм статую Петра I¹⁰. Другим ярким примером является настольное украшение, изображающее Екатерину II, окруженную

представителями разных народов Российской империи. На панорамах Москвы работы Ж. Делабарта, созданных по заказу Екатерины II и Павла I¹¹, присутствуют фигуры людей, одетых в этнические костюмы. Через этнический и национальный костюм в искусстве передаются идеи национального единства и политической силы Российской империи.

Наша гипотеза состоит в следующем: интерес к национальному в дворянской культуре повышается в периоды политического кризиса. Мы предполагаем, что использование элементов народного костюма в искусстве и дворянском костюме в России второй половины XVIII — первой половины XIX в. является инструментом политической пропаганды. Это позволяет сформировать имперскую и национальную идентичность у представителей знати.

Интерес к национальному в перформативных практиках не ограничивается рассматриваемым периодом, особенно значимую роль он начал играть позже, в период нациестроительства в Российской империи. Вспомним «исторические» балы «в русском стиле» второй половины XIX в. или церемониальные действия, в которых принимали участие девушки, одетые в стилизованные великорусские костюмы. В культурных практиках советской эпохи и в современной России также можно найти примеры использования элементов национального костюма в качестве инструмента политической пропаганды.

Примечания

- ¹ Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2004. С. 17–22; 42.
- ² Лебедева А.А. Крестьянская одежда населения европейской России. Определитель. М., 1971. С. 4–5.
- ³ Olson L. *Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity*. New York; London, 2004. P. 38.
- ⁴ Секачева О. Косоворотка и «Русский стиль» // Косоворотка / сост. Е.Л. Мадлевская. М., 2020. С. 64.
- ⁵ Уортман Р. Символы Империи: экзотические народы в церемонии коронации // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И.В. Герасимова. Казань, 2004. С. 414–415.
- ⁶ Бордэриу К. Платье императрицы. Екатерина II и европейский костюм в Российской империи. М., 2016. С. 22–33, 43.

- ⁷ Уортман Р. Символы империи... С. 409–426.
- ⁸ Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М., 2011 С. 64–65, 258–260.
- ⁹ Всеволодский-Гернгросс В.Н. Русский театр второй половины XVIII века. М., 1960. С. 40–41.
- ¹⁰ Бордэриу К. Платье императрицы... С. 32–33.
- ¹¹ Афанасьева И., Рудакова А. Москва времен Екатерины II и Павла I в картинах Жерара Делабарта. Альманах. СПб, 2017. С. 29–30.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.20

В.Д. Спасович: переосмысление путей преодоления исторической травмы «падения Польши» в рамках идеи русско-польского примирения

Алёна Сергеевна Донцова,

независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: alena-doncova@yandex.ru

Ключевые слова: В.Д. Спасович, русско-польское примирение, русско-польские отношения, национальная травма, разделы Польши, польский вопрос

Vladimir D. Spasovich: Rethinking the Ways of Overcoming the Historical Trauma of the “Fall of Poland” within the Framework of the Idea of the Russian-Polish Reconciliation

Alena S. Dontcova,

independent researcher,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: alena-doncova@yandex.ru

Keywords: Vladimir D. Spasovich, Russian-Polish reconciliation, Russian-Polish relations, national trauma, Partitions of Poland, Polish question

Разделы Речи Посполитой и потеря собственной государственности, несомненно, стали для польского народа не только поворотным моментом в истории, но и национальной исторической и культурной травмой, едва ли не поставившей под сомнение само существование польской идентичности¹. Травма, нанесенная польскому историческому сознанию разделами, явилась, следуя терминологии Й. Рюзена, «катастрофическим» кризисом — опытом, препятствующим историческому смыслообразованию как таковому². Вставшая перед польским обществом необходимость преодоления «травмы падения» и, как следствие, сохранения коллективной национальной идентичности в числе прочего заставляла осознавать, как точно отметил А.Г. Васильев, «неадекватность прежних исторических представлений»³, искать новые формы восприятия собственного прошлого, утратившего былую ясность, требовала поиска и укоренения иных мифологем, гармоничного встраивания травмирующего события в существовавшую историографическую канву. Неизбежными в развернувшейся борьбе за историческую память как необходимый элемент идентичности стали актуализация и идеологизация прошлого, наделение, казалось бы, сугубо исторических образов и сюжетов смыслами политико-идеологическими.

Однако складывавшиеся в польской историографии на протяжении XIX в. так называемые оптимистические и пессимистические подходы⁴ к пониманию сущности разделов польских земель и их места в истории Речи Посполитой зиждились на двух столпах — мессианизме и ресентименте, в рамках Российской империи принявшем форму «антирусского патриотизма». На принципиально ином фундаменте была выстроена версия переосмысления ключевых событий истории Польши и их влияния на будущность Речи Посполитой, предложенная Владимиром Даниловичем Спасовичем (1829–1906) — известным столичным адвокатом, общественным деятелем, публицистом и литературоведом, либералом и позитивистом.

Один из важнейших представителей петербургской полонии и «духовный отец стана лоялистов»⁵, Спасович на про-

тяжении всей жизни оставался неизменным приверженцем идеи русско-польского примирения, стремясь к утопическому *entente cordiale* двух народов. Выстраивая собственную теорию русско-польского согласия, Спасович опирался на либеральные установки, в первую очередь эгалитаризм и мелиоризм, гуманистические ценности, идею культурной конвергенции, а также выработал теорию «многонационализма» как единственного способа окончательного решения национального вопроса⁶. Именно с такого, примиренческого, ракурса Спасовичем и рассматривалась история Польского государства.

В.Д. Спасович в полной мере сознавал острую необходимость конструирования нового исторического сознания польского общества и преодоления тем самым, если пользоваться современной терминологией, «травмы падения», препятствующей нормальному развитию общественной, политической и экономической жизни. Неоднократно он подчеркивал первостепенное значение «общности прошедшего, обладания национальной историей» и «общности воспоминаний» как «сильнейшей из порождающих [национальность] причин»⁷, не сомневался и в том, что лишь «появление дельного, отчетливого труда о польской истории» позволит раскрыть «односторонности развития» польского и русского народов и может способствовать приведению «их исключительных народных воззрений к одному, высшему, соглашающему противоположности началу»⁸. Обращает на себя внимание, что формированию мемориальной парадигмы либерально-примиренческого толка и осмыслению, реинтерпретации переломных эпох истории Речи Посполитой в свойственном этой парадигме духе, и в особенности трагических событий конца XVIII в., были подчинены как собственные исторические изыскания главы петербургского лагеря «угоды», так и все его издательские проекты.

Впервые обратившись к историческим сюжетам в статье, написанной в 1851 г. для журнала *Pamiętnik Naukowo-Literacki* и посвященной зарождению феодализма и его роли в истории славянских земель⁹, недавний выпускник

Санкт-Петербургского университета, лишь годом ранее ставший магистром права, не утратил интереса к исторической проблематике и в дальнейшем. Во второй половине 1850-х гг. Спасович деятельно участвовал в предпринятой издательством М.О. Вольфа публикации серии *Dziejopisowie Krajowi*, проделав титанический труд по переводу на польский язык сочинений «Восемь книг польского бескорольевья» Свентослава Ожельского (XVI в.)¹⁰ и «Польская история от смерти Владислава IV до Оливского мира» Вавжинца Яна Рудаевского (XVII в.), дополнив их биографическими очерками авторов и подготовив к публикации ряд эпистолярных источников, а также снабдив предисловием «Историю Польши от смерти Сигизмунда Августа» Рейнгольда Гейденштейна (XVI–XVII вв.). Нельзя забывать и о значительном вкладе молодого юриста в переиздание свода законов Польско-Литовского государства *Volumina legum*, в 1859–1860 гг. осуществленном И. Огрызко. Непосредственное участие Спасович принимал в работе редакций петербургских польскоязычных газет *Ślowo* (1859) и *Kraj* (1882–1909), однако особое место в его издательских начинаниях занимает журнал *Ateneum*, выходивший в Варшаве в 1876–1901 гг., одним из инициаторов которого стал известный польский историк Адольф Павинский, а само издание на долгие годы приобрело репутацию рупора польских историков-позитивистов¹¹. В той или иной мере к историческим сюжетам Спасович — как соавтор А.Н. Пыпина — обращался в двухтомной «Истории славянских литератур» (1879–1881)¹², где его перу принадлежал очерк о польской литературе¹³; капитальном труде «Жизнь и политика маркиза Велёпольского» (1882); многочисленных литературоведческих и общественно-политических статьях, выходивших на страницах как польских, так и русских периодических изданий. Следует отметить, что в архивных изысканиях и исторических писаниях Спасовича недостаток профессионального образования в немалой степени окупался юридической скрупулезностью, неизменным вниманием к деталям.

Рисуя картину прошлого Речи Посполитой, Спасович акцентировал внимание на неразрывной связи былых вре-

мен и будущего. Через прошлое он, с одной стороны, легитимизировал и отчасти реабилитировал в глазах поляков собственные либеральные идеи, в частности, напоминал соотечественникам о древних польских традициях «свободы» и «демократии», восстанавливая тем самым и непрерывность восприятия истории, необходимую для сохранения идентичности. С другой стороны, опровергая теории оппонентов — националистов, мессианистов и монархистов — Спасович недвусмысленно порицал не только однобокое понимание шляхтой «золотых вольностей», распространяемых лишь на одно сословие, но и «анархические привычки и фантазии»¹⁴ современного ему общества, истоки которых, по его мнению, лежат глубоко в истории шляхетской республики.

Избираемые сюжеты и определенная тематика публикаций позволяют с уверенностью утверждать, что природа интереса Спасовича к историческим исследованиям и издательской деятельности была глубоко связана с современной ему общественной жизнью, а именно со злободневным для Российской империи середины XIX в. польским вопросом. Следовательно, исторические изыскания Спасовича обусловлены своего рода презентизмом, пусть и возвращенном на почву позитивизма и либерализма. Таким образом, анализ исторических воззрений Владимира Даниловича Спасовича и осмысление ключевых направлений его издательской деятельности дают возможность в значительной мере воссоздать польскую составляющую идеологического ландшафта Российской империи.

Примечания

- ¹ Подробнее см.: *Васильев А.Г.* Историография как форма культурной памяти и практика детравматизации национальной идентичности (теоретические основания анализа) // Вопросы культурологии. 2010. № 7. С. 20–25; *Он же.* «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л.П. Репиной. М., 2012. С. 215–248; *Он же.* «Работы скорби» и формирование дискурса памяти в польской культуре конца XVIII — начала XIX вв. // Международный журнал исследований культуры. 2019. № 3 (36). С. 23–35.
- ² *Рюзен Й.* Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005. С. 41–42.

- ³ *Васильев А.Г.* «Истоки» и «разделы»: событие и память в польском историческом гранд-нарративе эпохи разделов // Событие и время в европейской исторической культуре XVI — начала XX века / под общ. ред. Л.П. Репиной. М., 2018. С. 388.
- ⁴ *Васильев А.Г.* «Падение Польши»...С. 232–248; *Sobieski W.* Pesymizm i optymizm w historiozofii polskiej // *Ateneum Polskie*. 1908. Т. 2. N 2. S. 150–175.
- ⁵ *Kwiatkowska M.* Księgarnia polska w Petersburgu. Przyczynek do opisu polskiego ruchu wydawniczego na przełomie XIX i XX wieku // *Acta universitatis Lodziensis. Folia librorum*. 2014. Vol. 1 (18). S. 74.
- ⁶ Подробнее об идее «многонационализма» Спасовича см.: *Донцова А.С.* Владимир Спасович (1829–1906): в поисках путей решения национального вопроса // Александр II и его время. К 200-летию со дня рождения / отв. ред. В.В. Яковлев. СПб., 2019. С. 156–168.
- ⁷ *Спасович В.Д.* Вопрос о национальностях. Введение к новейшей истории Австрии (1866) // Спасович В.Д. Сочинения: в 10 т. СПб., 1889–1902. Т. 4. С. 74–75.
- ⁸ *Спасович В.* Замечания на статью г. Карновича под заглавием: «Польская шляхта» (Современник № 9 за сентябрь 1858 г.) // *Русский вестник*. Современная летопись. 1858. Т. 17. Кн. 2 (октябрь). С. 291.
- ⁹ *Spasowicz W.* O feudalności // *Pamiętnik naukowo-literacki*. 1851. Oddział II. Z. 1. S. 55–80.
- ¹⁰ *Донцова А.С.* В.Д. Спасович: первые опыты историка и издателя — «Восемь книг польского бескоролья» Свентослава Ожельского // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2017. № 4. С. 111–120.
- ¹¹ О журнале *Ateneum* см.: *Ромек З.* Историческая проблематика на страницах «Атенеума» (1876–1901) // *Славянские народы: общность истории и культуры*. К 70-летию члена корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова / отв. ред. Б.В. Носов. М., 2000. С. 256–285; *Kmieciak Z.* Uwagi o miesięczniku «Ateneum» (1876–1901) i jego redaktorach // *Kwartalnik Historii Prasy Polskiej*. 1983. Т. 22. N 2. S. 5–20.
- ¹² *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. СПб., 1879–1881. Т. 1–2.
- ¹³ *Аржакова Л.М.* Исторические экскурсы В.Д. Спасовича в «Очерках польской литературы» // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2010. Вып. 3. С. 3–9.
- ¹⁴ *Пыпин А.Н., Спасович В.Д.* История славянских литератур. Т. 2. С. 777.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.21

Религиозный вопрос в программах польских либеральных политических партий начала XX в.

Игорь Константинович Петрович,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: igor-petrovich-1995@mail.ru

Ключевые слова: либерализм, конфессия, католицизм, государственно-конфессиональные отношения

Religious Issue in the Programs of Polish Liberal Political Parties at the Beginning of the Twentieth Century

Igor K. Petrovich,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: igor-petrovich-1995@mail.ru

Keywords: liberalism, confession, Catholicism, state-confessional relations

Российская империя являлась по этническому составу многонациональным государством. Соответственно, конфессиональный состав населения страны также был разнообразным. Наиболее многочисленной конфессией, согласно результатам всеобщей переписи населения 1897 г., было православие. Православные христиане составляли 69,4% населения России. Приверженцы римско-католического вероисповедания занимали третье место по численности среди конфессий страны — 9,1%, на 2% отставая от мусульман¹.

Согласно законодательству Российской империи, все проживающие на ее территории христиане «инославных исповеданий» (не относящие себя к православию), за исключением запрещенных «сект», а также многие представители нехристианских религий пользовались свободой вероисповедания и отправления культа, но не обладали правом проповеди своего вероучения². Кроме того, христианам запрещалось переходить в другие конфессии (без разрешения императора). Оставались неразрешенными вопросы о заключении брака лицами разных вероисповеданий (браки христиан с язычниками категорически запрещались, а создавать христианско-иудейские или христианско-мусульманские семьи разрешалось только лютеранам при соблюдении ряда условий)³. Поощрялся и всячески поддерживался переход представителей «инославных» исповеданий в православие⁴. В частности, оказывалась поддержка со стороны государства представителям евреев-христиан — с них снимались образовательные и другие ограничения, существовавшие в империи до 1917 г.

Вышеперечисленные обстоятельства вызывали противоречия, возникающие в государственно-конфессиональных отношениях. В обозначенный период они стали предметом широкого обсуждения представителями либеральной интеллигенции народов России.

Политическая доктрина так называемого «римско-католического либерализма» носила ярко выраженный национальный характер. Такая ситуация была обусловлена тем, что римский католицизм в Российской империи был распространен в большей степени среди народов, традиционно его исповедовавших, и обычно являлся одним из атрибутов национальной принадлежности представителей определенных этносов (в частности, поляков). Наиболее влиятельной партией данного направления была Национально-демократическая партия Польши (эндеция), лидерами которой являлись Р. Дмовский, В. Грабский, Я. Поплавский⁵. История эндеции начинается в 1887 г., когда в Женеве эмигранты во главе с Э. Милковским основали Лигу польскую. В начале 1893 г. она была переименована в Национальную лигу, а в 1897 г. —

в Национально-демократическую партию. Программа провозглашала ее целью достижение национальной независимости польского народа. Во внутренней политике эндация выдвигала задачи, касающиеся роли римско-католической церкви, в отношении которой предлагалось сохранять положение активного участника общественно-политической деятельности (при этом партия должна была обладать правом возглавлять политическую систему государства). Кроме того, в программе Национально-демократической партии отмечалось, что представители католического вероисповедания должны быть «энергетически защищены от покушений внешних врагов, а также от нападений антинациональных элементов»⁶. Польские национал-либеральные деятели планировали осуществлять общественный контроль над деятельностью римско-католической церкви. Кроме того, они предполагали ввести принцип свободы совести, обеспечить защиту прав всех вероисповеданий, но с обязательным условием наличия у них «польского характера» (то есть ассоциирования себя с польской нацией, патриотического отношения к польскому государству, осознания принадлежности к польской культуре и т. п.)⁷.

Программа эндации в религиозном вопросе была достаточно либеральной. Она провозглашала стремление предотвратить слияние римско-католической церкви и государства, предоставить костелу роль самостоятельного политического фактора в рамках решения вопросов, связанных с интересами конфессии. В то же время остальные конфессии, существующие на территории Польши, для возможности беспрепятственного функционирования обязаны были разделять партийную идеологию. Тем не менее изначально эндаки считали необходимым сотрудничать как с католической церковью, так и с другими религиозными организациями, которые должны были получить свободу проведения богослужений и обрядов и равноправный статус по отношению к православной церкви⁸. Позже эндация составила основу «Польского кола» (группы польских депутатов) в Государственной думе, где инициировала законодательные пред-

ложения, связанные преимущественно с национальным вопросом (требование большей автономии Польши, поддержка польского языка)⁹.

Либеральной идеологии придерживалась и другая партия с ярко выраженным национально-религиозным характером — Конституционно-католическая партия Литвы и Беларуси (далее — ККПЛиБ). Ее руководителями были епископ барон Э. фон-дер Ропп, И. Монтвилл и священнослужитель С. Мацеевич¹⁰.

ККПЛиБ представляла собой пример политического движения, основанного на либеральной идеологии и религиозных принципах. Она должна была объединить по религиозному признаку всех литовцев, поляков и католиков-белорусов. В органах государственной власти, местного управления и самоуправления, согласно партийной программе, имели право представлять свои интересы все этнические и религиозные группы населения Российской империи. Образовательные учреждения и армию предполагалось разделить по религиозному признаку¹¹. Партия выступала за восстановление упраздненных епархий, возвращение костелу принадлежавших ему ранее архитектурных сооружений, свободное назначение священнослужителей, избрание епископов и организацию религиозной и общественной жизни римско-католической церкви в строгом соответствии с каноническим правом и церковными уставами¹². Кроме того, ККПЛиБ призывала избирателей во время проведения выборов отдавать свои голоса представителям католического духовенства.

Деятельность ККПЛиБ фактически прекратилась незадолго до проведения выборов в Государственную думу. В начале марта 1906 г. епископу Э. фон-дер Роппу было предложено оставить руководство партией как несовместимое с его духовной деятельностью. В газете «Минское слово» в 1907 г. отмечалось, что в основу партии «была положена программа, находящаяся по своим задачам вне сферы церковных отношений и не только не согласная с взглядами правительства, но отчасти и направленная к борьбе с оным»¹³. В связи

с этим по указанию виленского генерал-губернатора партия была распущена. Некоторые ее члены (в частности Э. фондер Ропш) впоследствии стали депутатами Государственной думы — членами «Польского кола».

Среди польских политических партий России начала XX в. либеральная идеология занимала важное место в программах Национально-демократической партии Польши (эндеции) и ККПЛиБ. Их представители выступали за реформирование законодательства и общественно-политической жизни государства путем включения в законы положений о свободе вероисповедания, слова и собраний, неприкосновенности личности и соблюдении ее прав и свобод, освобождении крестьян от государственной опеки¹⁴. Важное внимание уделялось рассмотрению места религии и церкви в жизни общества и государства. Члены эндеции и ККПЛиБ выступали за сохранение той роли, которую играл костел в жизни польского народа. Это обусловило включение положений о необходимости поддержки, защиты и расширения прав римско-католической церкви в идеологические доктрины политических партий. Участвуя в работе законотворческих органов Российской империи, представители эндеции и ККПЛиБ стремились реализовать положения собственных программ легальными методами.

Примечания

- ¹ Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. I–II.
- ² Положение иноверцев и раскольников, согласно своду законов // Журнал Министерства юстиции. 1905. № 3. С. 177–204.
- ³ Пинкевич В.К. Вероисповедные реформы в России в период думской монархии (1906–1917 гг.). М., 2000. С. 43.
- ⁴ Положение иноверцев и раскольников, согласно своду законов... С. 179.
- ⁵ After Empire: Multiethnic Societies and National-building: the Soviet Union and Russian, Ottoman, and Habsburg Empires/ ed. by K. Barkey and M. von Hagen. Boulder; Oxford, 1997. P. 84.
- ⁶ Программа демократической национальной партии, действующей в русском захвате // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.). М., 1996. Вып. 2. С. 108.
- ⁷ Там же. С. 109.

- ⁸ Записка ПНДП о нуждах Царства Польского // Программные документы национальных политических партий и организаций России (конец XIX в. — 1917 г.). М., 1996. Вып. 2. С. 114.
- ⁹ *Lukawski Z. Koło Polskie w Rosyjskiej Dumie Państwowej w latach 1906–1909. Wrocław, 1967. S. 27.*
- ¹⁰ *Смелянчук А. Ф. Палякі Беларусі і Літвы ў рэвалюцыі 1905–1907 гг. Горадня, 2000. С. 104–105.*
- ¹¹ Tarczyc. Stronnictwo K-K // *Gazeta Wifenska*. 1906. 19 II/4 III. № 5.
- ¹² Там же.
- ¹³ Причины увольнения барона Роппа // *Минское слово*. 1907. 19 X. С. 2.
- ¹⁴ *Серова О. В. Барон фон дер Ропп // Вопросы истории*. 2012. № 11. С. 110–131.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.22

Перенос мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киева в Полоцк (1910 г.). Политический, конфессиональный и национальный аспекты*

Виктор Ильич Короневский,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: st069710@student.spbu.ru

Ключевые слова: Евфросиния Полоцкая, Северо-Западный край, пропаганда

Political, Confessional, and National Aspects of the Transfer of the Relics of St. Euphrosyne of Polotsk from Kiev to Polotsk in 1910

Viktor I. Koronevsky,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st069710@student.spbu.ru

Keywords: Euphrosyne of Polotsk, Northwest Region, propaganda

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-48-04402): «RSF-DFG: Святые и герои: От христианизации к национализму. Символ, Образ, Память (Северо-Западная Россия, страны Балтии и Северной Европы)».

Северо-Западный край Российской империи, включавший в себя «возвращенные от Польши» Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Минскую, а с 1863 г. также Могилевскую и Витебскую губернии, представлял собой регион, в котором русское влияние в течение долгого времени конкурировало с памятью о Речи Посполитой и с польскими религиозно-культурными традициями. После Январского восстания 1863 г. борьба с польским влиянием перешла на новый уровень. Воспринимая католическое духовенство в качестве главного проводника польских сепаратистских идей, имперские власти предприняли попытку уменьшить влияние ксендзов на местное население, при помощи административных мер (и порой насильственных акций¹) способствуя массовому переходу местных католиков в православную веру в 1864–1868 гг., а также, уже в более поздний период, предпринимая попытки «располячить костел». Вторая цель, однако, не была реализована. Первая же породила доставивший империи немало проблем феномен так называемых «упорствующих» — номинально православных, на практике остававшихся приверженцами католической веры. «Упорствующие» составили многочисленную группу лиц, тяготевших к католицизму, наряду с частью бывших униатов, обращенных в православие еще в 1839 г.

Наличие симпатизирующих католицизму (и, соответственно, «полонизму»), так как языком католического богослужения был польский, а сами ксендзы порой вели сепаратистскую пропаганду среди своих прихожан) было важной политической проблемой, которая ставила под вопрос лояльность населения западных губерний Российской империи и в 1860–1880-е гг., однако ближе к 1900-м гг. ситуация стала еще более сложной². В 1896 г. католики получили разрешение на ремонт старых костелов и строительство новых, и началось массовое строительство новых католических храмов³. После изданного в апреле 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости», позволившего православным переходить в иное исповедание, начался массовый переход номинально православных в католицизм (в 1905–1910 гг.

таковых набралось 55 786)⁴. Одновременно с этим новый импульс получили католическая пропаганда и своего рода католический реваншизм, выразившиеся в обострении противостояния с православными и в активной проповеднической деятельности ксендзов⁵. Они распускали направленные против православия слухи разной степени правдивости, включая и откровенно абсурдные, а также рассказывали пастве об униатских святых Иосафате Кунцевиче и Андрее Боболе, принявших мученическую кончину от рук «схизматиков»⁶. Образ св. мученика Андрея Боболи, ставший особенно популярным, открыто использовался с целью обращения православных в католическую веру. В 1907 г. днем его памяти было установлено 23 мая (5 июня). Но этот же день был днем памяти Евфросинии Полоцкой. В полоцком доминиканском костеле, где находились мощи Боболи, раздавались освященные «клучки вать» и прочие предметы святости, так что православное духовенство вынуждено было признать, что мощам Боболи даже православные поклоняются более активно⁷. Кроме того, религиозные мероприятия католиков в Северо-Западном крае после 1905 г. во многом стали представлять собой политические акции сторонников польской независимости и польской исторической принадлежности белорусских территорий⁸, что не могло не вызвать обеспокоенности властей. Имели место отдельные попытки противопоставить католической пропаганде православную (создавались даже так называемые «противокатолические курсы»⁹), однако эффект от них был незначительным. Борьбу за умы населения православные проигрывали.

В сложившихся обстоятельствах российские власти обратили внимание на давние просьбы полоцкого духовенства о возвращении мощей св. Евфросинии Полоцкой из Киево-Печерской Лавры в Полоцк. Зарождение идеи переноса мощей относится еще к 1832 г., но неоднократные попытки полоцких епископов пресекались категорическим отказом киевского митрополита. Лишь частица мощей святой была перенесена в Спасо-Евфросиниевский монастырь в 1871 г.¹⁰ Однако это событие обошлось без масштабного торжества и

на ситуацию в Северо-Западном крае значительно не повлияло — одного перста Евфросинии было недостаточно для конкуренции с мощами Андрея Боболи и другими католическими реликвиями.

В создавшейся политической ситуации новая полоцкая инициатива, имевшая место в 1908 г., увенчалась успехом. Для противодействия польско-католической пропаганде и укрепления положения в Полоцке и на белорусских землях в целом православной веры и русской народности был организован перенос мощей. Церемония переноса была организована невероятно торжественно. Во всех городах по маршруту следования мощей проводились многочисленные крестные ходы и соответствующие церемонии. Власти обеспечили прибывающих паломников жильем и питанием. При внесении мощей в Полоцк присутствовали члены императорской фамилии — великий князь Константин Константинович с детьми и великая княгиня Елизавета Федоровна. Было организовано беспрецедентное информационное сопровождение в прессе. Антикатолическая и антипольская риторика соседствовала с апелляциями к общему древнерусскому прошлому, когда предки белорусов и населения остальной России были едины¹¹, а также призывами по отношению к белорусам вспомнить о единстве русского народа (центральная власть исходила из твердого убеждения в природной «русскости» белорусов, которых польское влияние заставило забыть, кто они есть на самом деле, а потому теперь им это надо «напомнить»¹²). Таким образом, перенос мощей Евфросинии Полоцкой стал не только важным религиозным событием, но и грандиозной идеологической акцией, призванной оградить белорусов Северо-Западного края от польского влияния и сплотить их с русским народом и православным вероисповеданием. Из-за Первой мировой войны и революций 1917 г. оценить роль мероприятия в долгосрочной перспективе достаточно сложно, однако культ святой Евфросинии снова обрел свою важность для белорусского национального самосознания уже в постсоветский период, что, впрочем, является темой для отдельного исследования.

Примечания

- ¹ *Долбилов М.Д.* «Царская вера»: массовые обращения католиков в православие в северо-западном крае российской империи (1860-е гг.) // *Ab Imperio*. 2006. № 4. С. 255. <https://doi.org/10.1353/imp.2006.0118>.
- ² Подробнее о проблеме см.: *Бендин А.Ю.* Проблема веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). Минск, 2010; *Долбилов М.Д.* Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010; и пр.
- ³ *Бендин А.Ю.* Проблема веротерпимости в Северо-Западном крае... С. 127.
- ⁴ Там же. С. 276.
- ⁵ Это значит: «поляки не притесняют православных!» // *Минское слово*. 1910. № 979. С. 3.
- ⁶ Правда об иезуите Андрее Боболе, мнимом святом католической церкви // *Гродненские епархиальные ведомости*. 1910. № 48/49. С. 671–676.
- ⁷ *Матюшенский А.* Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // *Полоцкие епархиальные ведомости*. 1909. № 18. С. 289–290.
- ⁸ *Бендин А.Ю.* Проблема веротерпимости в Северо-Западном крае ... С. 398.
- ⁹ Противокатолические курсы // *Витебские губернские ведомости*. 1910. № 105. С. 4.
- ¹⁰ *Матюшенский А.* Попытки к перенесению мощей преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой // *Полоцкие епархиальные ведомости*. 1909. № 17. С. 278–283.
- ¹¹ *Сапунов А.П.* Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности // *Полоцкие епархиальные ведомости*. 1910. № 23. С. 548–554.
- ¹² *Викс Т.* «Мы» или «они»? Белорусы и официальная Россия, 1863–1914 // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология* / сост. П. Верт, П.С. Кабытов, А.И. Миллер. М., 2005. С. 603–605.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.23

Религиозный аспект чешского и словацкого вопросов в межвоенной Чехословакии: Т.Г. Масарик vs А. Глинка

Надежда Ильинична Нечаева,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: tais-a05@mail.ru

Ключевые слова: Первая Чехословацкая республика, Т.Г. Масарик, А. Глинка, чешский гуманизм, словацкий католицизм, Ян Гус

A Religious Aspect of the Czech and Slovak Issues in the Interwar Czechoslovakia: T.G. Masaryk vs A. Hlinka

Nadezhda I. Nechaeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: tais-a05@mail.ru

Keywords: First Czechoslovak Republic, T.G. Masaryk, A. Hlinka, Czech humanism, Slovak Catholicism, Jan Hus

В 1925 г. Томаш Гарриг Масарик завершил свои мемуары «Мировая революция» словами «Христос, а не Кесарь, вот смысл нашей [чешской. — *Н. Н.*] истории и демократии»¹. Красной нитью сквозь многие произведения первого чехословацкого президента проходит мысль о том, что «чешский вопрос является вопросом религиозным»². В то же время для Масарика характерны такие высказывания, как «гуманизм — это чешская программа»³.

Масарик стал президентом в 68 лет. Долгие годы до этого момента он презентовал себя, прежде всего, как чешского интеллектуала. В историю Масарик вошел как выдающийся чех и борец за чешскую независимость. Доктор философии, он посвятил многие годы социологическим исследованиям, интересовался Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, читал лекции в США и Великобритании, потом занялся политикой, создав партию «реалистов».

Все изменила Первая мировая война. Масарик и его сподвижники называли войну революцией, которая помогла чехам (и словакам) совершить переворот и добиться независимости⁴. Главой Чехословацкого государства практически единогласно провозгласили Масарика⁵.

Это был «философ на троне». Но в христианском смысле слова, практически апостол, который пытался донести до чехов свою «благую весть». С первых дней правления Маса-

рик начал внедрять в идеологию государства свое видение чешской истории, не забывая упомянуть и словаков, которые теперь считались второй ветвью чехословацкого народа и государствообразующей нацией. Мировоззрение президента было проникнуто вопросами морали, этики и религии. Масарик не поддерживал те идеологические конструкты, которые были характерны для Австрийской империи, чьими подданными чехи были на протяжении веков. Масарик отвергал Габсбургов, а вместе с ними католицизм и Рим. Женившись на протестантке, он окончательно порвал с католицизмом, перейдя в евангелическую церковь.

Главным примером для Масарика был Ян Гус — Масарик называл чехов народом Гуса⁶. Он находил идеалы чешской демократии и чешского гуманизма в чешской Реформации (так он характеризовал гусизм). Поэтому гуманизм Масарика был явлением не светским, а религиозным⁷. Сожжение Гуса в июле 1415 г., последующие за этим гуситские войны, противостояние как императору, так и Риму, белогорское поражение чехов, Контрреформация, трехсотлетний « плен », онемечивание и, наконец, « пробуждение » в XIX в., приведшее к победе в 1918 г. — так видел Масарик чешскую историю. « Правда побеждает » — девиз, провозглашенный Яном Гусом в XV в., стал девизом Чехословацкой республики.

Значимость религиозного вопроса подчеркивал и главный оппонент Масарика — иерарх католической церкви, лидер Словацкой народной партии Андрей Глинка⁸. Однако его позиция отличалась от точки зрения Масарика⁹, поскольку он рассматривал словацкую историю в отрыве от чехословацкой и от гусизма — через католическую идентичность. Словакия в первые годы существования ЧСР заняла автономистскую позицию, Глинка оказался главным антагонистом Масарика, несмотря на то, что словаки в годы войны поддержали объединение с чехами¹⁰.

Питтсбургское соглашение, подписанное Масариком в мае 1918 г., стало одним из основных пунктов словацкого движения за автономию — словакам не предоставили то, что пообещали. В своих мемуарах Масарик признавался¹¹, что

его целью было получить согласие словаков любой ценой и что соглашение, не являвшееся договором, не могло иметь в образовавшемся государстве законности, поскольку осенью 1918 г. словаки-автохтоны сами признали свою «полугосударственность» и отказ от автономии, подписав Декларацию словацкой нации 30 октября 1918 г.¹²

Поняв, что автономии не будет, партия Глинки встала в оппозицию к официальной власти. Уже в 1919 г. Глинка совершил несанкционированную поездку в Париж на мирную конференцию, желая рассказать мировой общественности, как обстоят дела в Чехословацкой Республике, которую она считала демократической¹³.

Словакия переживала в те годы не лучшие времена¹⁴: тяжелой была экономическая ситуация в стране, а католическое духовенство было недовольно ростом «прогрессивных» влияний в Словакии, так как новая идеология давила на католическую церковь¹⁵.

Поездка в Париж ни к чему не привела, Глинка был брошен в тюрьму за государственную измену. Но партия не оказалась от своих позиций¹⁶.

В тюрьме в городе Миров (Чехия) Глинка написал мемуары. Они были собраны и изданы в 1941 г. его сподвижником К. Сидором под названием «Записки из Мирова»¹⁷. Сейчас это едва ли не единственный комплексный документальный материал, который был выпущен о Глинке в виде цельной книги. Помимо этого, выпущены статьи Глинки, которые он написал для печатного органа народной партии «Словак», а также опубликованы парламентские речи¹⁸.

Ознакомившись с мемуарами, мы нашли следующее объяснение решения Глинки отправиться в Париж. Он писал: «... католицизм [в Словакии] преследуется, монастыри у католиков отбираются, и монашествующие выгоняются из них, а гуситам и протестантам передаются их земли. Против этого ничто, кроме автономии, нам не поможет. Нас проклинают за нашу веру и хотят отобрать ее у нас, именно поэтому я и решил отправиться в Париж! Сегодня нам необходима не столько национальная и экономическая свобода, сколько

свобода вероисповедания»¹⁹. В этой цитате можно увидеть главную мысль автономистской программы Глинки, которую он отстаивал и за которую боролся на протяжении 20 последующих лет.

Говоря о том, как партия Глинки превратилась в автономистскую, мы затрагиваем религиозно-политический аспект проблемы, а также церковь. Невыполненные обещания автономии для словаков и антикатолическая риторика Масарика послужили причиной крайнего антагонизма Глинки по отношению к первому президенту ЧСР, к его философии и политическим методам. Масарик отвечал Глинке тем же²⁰.

Примечания

- ¹ *Masarik T.G.* Мировая революция. Воспоминания / пер. Н.Ф. Мельниковой-Папоушек. Прага, 1927. Т. 2. С. 358.
- ² *Masaryk T.G.* Česká otázka. Praha: Melantrich, 1969. 271 s.; *Masaryk T.G.* Jan Hus. Praha, 1896.
- ³ *Masaryk T.G.* Česká otázka. S. 165.
- ⁴ *Beneš E.* Světová válka a naše revoluce: výbor z díla / připravila a předml. [napsala] V. Olivová. Praha: Společnost Edvarda Beneše, 1994. 117 s.
- ⁵ *Бобраков-Тимошкин А.* Проект «Чехословакия»: конфликт идеологий в Первой Чехословацкой республике (1918–1938). М., 2008. С. 5–6.
- ⁶ *Мельников Г.П.* Ян Гус и гусизм в философии чешской истории Т.Г. Масарика // Полвека в славяноведении (сборник научных трудов, посвященных юбилею заслуженного профессора МГУ Л.П. Лаптевой) / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М., 2012. С. 186–193.
- ⁷ *Masaryk T.G.* Česká otázka. S. 165.
- ⁸ *Letz R.* Andrej Hlinka vo svetle dokumentov. Bratislava, 2014. 357 s.; *Slovenska ľudova strana v dejinach 1905–1945* / zost. R. Letz, P. Mulík, A. Bartlová. Martin, 2006.
- ⁹ *Bartlová A.* Andrej Hlinka. Bratislava, 1991.
- ¹⁰ *Bakke E.* Doomed to failure? The Czechoslovak nation project and the Slovak autonomist reaction 1918–1938. Oslo, 1999. S. 255.
- ¹¹ *Masarik T.G.* Мировая революция. Т. 2. С. 20.
- ¹² *Petrská Rolková N.* Zápisnice Klubu slovenských poslancov I. (1918–1919). Bratislava, 2014; *Hronský M., Peknák M.* Martinská deklarácia. Česta slovenskej politiky k vzniku Československa. Bratislava, 2008.
- ¹³ Версальский мирный договор. М., 1925; *Československo na parížske mirové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky.* Sv. 1. Praha, 2001; Sv. 2. Praha, 2011.; *Janšák Š.* Vstup slovákov medzi slobodné národy. Bratislava, 2006.
- ¹⁴ *Slovenský národný archív v Bratislave.* Minister ČSR s plnou mocou pre správu Slovenska, 1918–1928. Bratislava, 1963.

- ¹⁵ *Hrabovec E.* Andrej Hlinka a slovenská katolíci očami Svätej stolice 1918–1927. Bratislava, 2014; *Hrabovec E.* Slovensko a Svätá stolica 1918–1927 vo svetle vaticanských prameňov. Bratislava, 2012.
- ¹⁶ *Letz R.* Slovenské dejiny IV. 1914–1938. Bratislava, 2010.
- ¹⁷ *Sidor K.* Zápisky z Mírova. Bratislava, 1941.
- ¹⁸ *Holák M.* Listy Andreja Hlinku z rokov 1918–1921 // Historický časopis. 2004. Roč. 52. Č. 3. S. 546–547.
- ¹⁹ *Sidor K.* Zápisky z Mírova...
- ²⁰ Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. Bratislava, 1998. Zv. II. S. 146–147.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.24

Переговоры польских властей со священноначалием Русской православной церкви по поводу статуса Варшавской епархии (май – декабрь 1918 г.)

Анастасия Александровна Чибисова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: aachibisova@mail.ru

Ключевые слова: польская церковь, Русская православная церковь, автокефалия, А.Р. Ледницкий, Серафим (Чичагов), Варшавская епархия

Negotiations of the Polish Authorities with the Hierarchy of the Russian Orthodox Church on the Status of the Warsaw Diocese (May – December 1918)

Anastasija A. Chibisova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: aachibisova@mail.ru

Keywords: Polish Church, Russian Orthodox Church, autocephaly, Aleksander R. Lednitsky, Seraphim (Chichagov), Warsaw Diocese

Религиозные и вероисповедные вопросы являлись центральными вопросами польской государственной политики по отношению к славянским меньшинствам. Однако история православной церкви на территории межвоенной Польши во многом является белым пятном в современной отечественной историографии. Между тем польские архивы сохранили богатейшие материалы, позволяющие в деталях реконструировать жизнь польского православия в 1920–1930-е гг. Одной из тем, совершенно незнакомых российскому исследователю, является тема первых контактов польских властей со священноначалием Русской православной церкви (далее — РПЦ) во второй половине 1918 г. Первая мировая война и немецкая оккупация Польши привели к тому, что Варшавская епархия РПЦ фактически прекратила свое функционирование. Только заключение Брестского мирного договора между РСФСР и Германией 3 марта 1918 г. дало возможность возвращения православного духовенства, верующих и церковного имущества к местам своего прежнего пребывания. В связи с этим делегаты от Варшавской епархии на Всероссийском поместном соборе* приняли решение вступить в переговоры с А.Р. Ледницким, представителем Регентского совета Польского Королевства в РСФСР¹. Переговоры начались в мае 1918 г. Вскоре собор принял решение относительно судьбы Варшавской епархии и вынес особое «Определение об устройстве Варшавской епархии в пределах бывшего Царства Польского»². Документ провозглашал каноническую зависимость Варшавской епархии от Московского патриархата. В ведение епархиального управления передавались полномочия по организации учебных заведений с преподаванием на русском языке и с обязательным изучением польского языка, а также благотворительные и просветительские учреждения. За Варшавской епархией сохранялось на правах собственности все принадлежавшее ей до войны имущество. Текст документа отдельно оговаривал права православной церкви в Польше, отмечая, что они ре-

* Первый с конца XVII в. поместный собор Русской православной церкви. Его работа проходила с августа 1917 г. до сентября 1918 г.

гулируются государственными законами польского государства в отношении других христианских исповеданий.

17 сентября 1918 г. правящим архиереем Варшавской епархии был назначен архиепископ Серафим (Чичагов). Спустя несколько дней состоялся первый контакт Ледницкого с архиепископом Серафимом. Обстановка в Польше в это время была крайне нестабильной. Хотя представитель Регентского совета формально имел дипломатический статус в РСФСР, советское правительство его не признавало³. Следовательно, положение Ледницкого было достаточно шатким и в октябре 1918 г. он был вынужден покинуть Россию⁴; спустя еще месяц, 14 ноября 1918 г. был распущен Регентский совет, передавший всю полноту власти Ю. Пилсудскому, а уже 18 ноября к работе приступило новое правительство, после чего в польских верхах началась министерская чехарда⁵. Таким образом, для полноценных переговоров Ледницкого и архиепископа Серафима сначала не хватило времени, а в дальнейшем они потеряли свою актуальность. Тем не менее некоторые вопросы все же удалось обсудить, и переговоры заложили базу для возобновления контактов польского правительства со священноначалием РПЦ в начале 1920-х гг.

Первая встреча Ледницкого с архиепископом Серафимом состоялась 19 сентября 1918 г. Последний был настроен к собеседнику максимально лояльно, заявил, что признает польскую государственную власть, и попросил разрешить ему въезд в Варшаву. Ледницкий уточнил, что решение таких вопросов лежит вне его компетенции, и пообещал выяснить позицию польского правительства. Во время встречи также обсуждалась судьба Александро-Невского собора на Саксонской площади в Варшаве. Владыка сообщил, что готов передать собор в собственность римско-католической церкви. Ледницкий в рапорте в Варшаву по итогам встречи заметил, что в случае политического переворота в России, который, по его мнению, был неизбежен, для налаживания будущих добрососедских российско-польских отношений имело бы смысл оказывать протекцию православной церкви⁶.

26 сентября 1918 г. состоялась новая встреча Ледницкого с архиепископом Серафимом, на которой владыка передал представителю Регентского совета документы о своем назначении⁷ и определение Всероссийского собора о Варшавской епархии. Пересылая документы в Варшаву, Ледницкий обратил внимание правительства на то, что определение собора содержит полное признание суверенитета (польск. *odrębność*) польского государства, с которым РПЦ хочет установить лояльные и дружеские отношения. Дипломат считал, что это имеет большое значение для развития будущих политических отношений двух стран, потому что религия играет важную роль в возрождении России и потому что свободный голос возрожденной церкви будет там иметь большое влияние на политическую и общественную жизнь⁸.

Министерство религиозных исповеданий и народного образования Польши (далее — МРИиНО) не разделяло позиции Ледницкого. Оно высказало мнение, что решение, принятое на Всероссийском соборе, является ударом по авторитету польской власти и попыткой вмешательства во внутренние дела государства. Речь шла не просто о конкретных моментах (контроль над русскими школами, права на церковное имущество), а о самом факте появления подобного нормативного акта, принятого без ведома польских властей⁹.

МРИиНО оставило подробный комментарий и по поводу самого соборного определения. Авторы документа говорили, что польская православная церковь имеет канонические права быть автокефальной, поэтому для Польши как полностью суверенного государства невозможно признать каноническую зависимость Варшавской епархии от высшего управления РПЦ и организацию управления Варшавской епархией на основе правил, определенных Всероссийским собором. Отдельно МРИиНО высказалось по поводу православных школ и преподавания русского языка в приходских школах, особо указало на проблему бывших униатских церквей и их земель. Министерство также фактически дало ответ архиепископу Серафиму по поводу Александро-Невского собора, поставив под сомнение возможность его существования

в Варшаве и отметив, что этот собор изначально имел идейную задачу и был символом окончательной победы России над Польшей¹⁰.

Особняком стоял вопрос о назначении православного епископа на варшавскую кафедру. Сохранилось два варианта письма МРИиНО, в котором оно высказалось и по этому поводу. Первое было датировано 19 октября 1918 г.¹¹, а второе — 12 декабря 1918 г.¹², то есть уже после смены правящей верхушки в Польше. Тексты документов идентичны за исключением ответа на вопрос разрешать или не разрешать архиепископу Серафиму въезд в Варшаву, однако в обоих вариантах целесообразность его приезда ставилась под сомнение.

МРИиНО указывало, что такое решение не может быть принято внешней силой, а именно Всероссийским собором. Главный акцент МРИиНО делало на том, что во главе православной епархии должна стоять фигура, которая имеет основания для получения польского гражданства. В распоряжении министерства отсутствовали какие-либо документы, касающиеся личности архиепископа Серафима, в связи с чем оно высказало лишь общее сомнение, что он является подходящим кандидатом, а его приезд в письме от 19 октября объявлялся бесцельным и нежелательным.

В варианте письма, датированном 12 декабря, министерство признавало, что согласится на приезд архиепископа Серафима для временного урегулирования чисто внутренних дел польской православной церкви. Оно поставило условие, что он приедет в Варшаву в качестве делегата Всероссийского собора и не будет занимать никакой иерархической должности. Иными словами, въезд архиепископу формально разрешался, но фактически без признания его правящим архиереем. Имеющиеся документы не позволяют ответить, какой из двух вариантов письма был отправлен архиепископу Серафиму, вероятнее всего, первый, поскольку, когда в 1921 г. польское правительство начало переговоры в Москве с патриархом Тихоном (Белавиным), оно сделало особую ставку на архиепископа Серафима и предложило ему в об-

мен на сотрудничество в вопросе автокефалии разрешение на въезд в Варшаву¹³.

Так завершилась первая попытка контактов польской власти и священноначалия РПЦ. Столь короткие переговоры обозначили две противоположные позиции сторон. В Москве были готовы идти на уступки в вопросах о признании независимости Польши, возвращения дореволюционной собственности Варшавской епархии, принадлежности Александро-Невского собора. Однако польское правительство считало, что все это является не уступками, а само собой разумеющимися шагами со стороны РПЦ. МРИиНО изначально достаточно четко обозначила свою позицию относительно реорганизации управления польской церковью на автокефальных началах и максимально жесткий подход относительно решения проблемы возвращения церковной собственности и сохранения свободы действий в вопросе православных школ.

Примечания

- ¹ Протокол сто сорок седьмой (21(08).08.1918) // Деяния Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918. М., 2000. Т. 10. С. 156.
- ² Определение Священного Собора Православной Российской Церкви об устройстве Варшавской епархии в пределах бывшего Царства Польского 25 августа — 7 сентября 1918 г. // Archiwum Akt Nowych (далее — ААН). Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego (далее — МWRiOP). Sygn. 960. К. 14–16.
- ³ К вопросу об отношениях с Регентским Советом // Известия. 1918. № 128. С. 3.
- ⁴ Курганский А.А. Депутат Государственной Думы А.Р. Ледницкий как председатель ликвидационной комиссии по делам Царства Польского // Встречи в Таврическом 2018. Парламентаризм: история и современность. Молодежная (студенческая) научная конференция / под ред. О.А. Патрикеевой и К.А. Пшенко. СПб., 2019. С. 14.
- ⁵ Подробнее см.: Польша в XX веке. Очерки политической истории / под ред. А.Ф. Носковой. М., 2012. С. 91–93.
- ⁶ Pismo przedstawiciela Rady Regencyjnej Królestwa Polskiego w Rosji do Departamentu Stanu w Warszawie (20.09.1918) // ААН. МWRiOP. Sygn. 1013. К. 2–3.
- ⁷ Письмо патриарха Тихона представителю Регентства Королевства Польского А.Р. Ледницкому № 1045 (23.09.1918) // ААН. МWRiOP. Sygn. 960. К. 12.
- ⁸ Pismo przedstawiciela Rady Regencyjnej Królestwa Polskiego w Rosji do Departamentu Stanu w Warszawie (27.09.1918) // ААН. МWRiOP. Sygn. 960. К. 11.

- ⁹ *Стародуб А.В.* Контакти між Регентською радою Польського Королівства та вищим керівництвом Російської православної церкви в справі організації управління Варшавською православною єпархією (вересень–жовтень 1918) // *Історія релігій в Україні. Науковий щорічник.* 2013. Вип. 23. Кн. 1. С. 642.
- ¹⁰ *Opinja MWRiOP o Statucie Organicznym Eparchji Warszawskiej, uchwalonym przez Sobór Prawosławny Wszzechrosyjski d. 25 sierpnia / 7 września 1918 r. // AAN. MWRiOP. Sygn. 1002. K. 4.*
- ¹¹ *Pismo MWRiOP do Departamentu Stanu (19.10.1918) // AAN. MWRiOP. Sygn. 1013. K. 4–6.*
- ¹² *Pismo MWRiOP do Departamentu Stanu (12.12.1918) // AAN. MWRiOP. Sygn. 1013. K. 8–10.*
- ¹³ *Pismo MWRiOP do Pana Prezesa Komisji Reewakacyjnej w Moskwie (22.06.1921) // AAN. MWRiOP. Sygn. 1003. K. 77–78.*

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.25

Спорт в украинских лагерях для перемещенных лиц в Западной Германии и Австрии (1945–1951 гг.)

Елена Анатольевна Косован,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: ekkade@gmail.com

Ключевые слова: спорт, перемещенные лица, лагерь, украинская диаспора, национальный вопрос

Athletics in the Ukrainian Displaced Persons Camps in West Germany and Austria (1945–1951)

Elena A. Kosovan,

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: ekkade@gmail.com

Keywords: sport, displaced persons, camp, Ukrainian diaspora, problem of nationalities

Вторая мировая война вызвала массовые перемещения населения, сопряженные с эвакуацией, беженством, интернированием, а также с репатриацией военнопленных, перемещенных лиц и беженцев¹. Миграционные последствия войны в полной мере не исследованы и не оценены до сих пор. Несмотря на то что историография «второй волны» «украинского рассеяния» насчитывает сотни трудов, остается почти не изученной проблема спорта в жизни украинских национальных и смешанных лагерей для перемещенных лиц. А ведь она является ключевой как для понимания материально-бытовой стороны лагерной повседневности, так и для осмысления этнонациональных процессов в среде украинской эмиграции 1940-х гг.

«Национальные» лагеря для перемещенных лиц появились в «западных» зонах оккупации Германии и Австрии летом 1945 г. В разное время (1945–1951 гг.) на территории Западной Германии действовало от 80 до 125 лагерей, населенных исключительно или преимущественно украинцами (самые крупные — Эльванген, Этлинген, Карлсруэ, Пфорцхайм, Штутгарт-Цуффенхаузен, Мюнхен-Шлайсхайм, Берхтесгаден и др.), а в «западных» зонах оккупации Австрии — девять (самые крупные — Ландек и Хельбрунн)². Жизнь этих лагерей неплохо задокументирована, и даже беглое знакомство с источниками показывает, что спорт — как на любительском, так и на профессиональном уровнях — присутствовал в повседневности «ди-пи» (от аббревиатуры на англ. *DP* — *displaced persons*; перемещенные лица) достаточно часто.

Организационно это были национальные лагерные товарищества и клубы для взрослых, секции и клубы национальных общественных объединений (как, например, Союз украинской молодежи), кружки при украинских лагерных гимназиях и т. д. Весомую роль в физическом воспитании детей, подростков и юношества играло скаутское движение — «Пласт» (особенно в Австрии).

Формы спортивной жизни были также различными — от уроков физкультуры в национальных школах и гимназиях до так называемой Олимпиады Ди-Пи — и зависели от особенностей правового регулирования жизни переме-

ценных лиц, размера лагерей и их структуры, численности, этнического, половозрастного, профессионального состава населения лагеря, объема лагерного бюджета, влияния на социокультурную и этнополитическую жизнь лагеря тех или иных общественных и политических организаций и многих других факторов.

Наиболее благоприятные условия для развития лагерного спорта сложились в американской и британской зонах оккупации Германии, где по состоянию на 1947 г. действовали 59 спортивных товариществ и клубов³. Развитие спортивной жизни в обеих зонах оккупации происходило во многом благодаря Совету физической культуры (Рада Фізичної Культури, РФК)⁴.

РФК была создана в 1945 г. и проработала до 1950 г., когда большая часть украинцев покинула Европу. Структурно совет состоял из восьми отделов (референтур), которые занимались следующими видами спорта: футбол, легкая и тяжелая атлетика, плавание, лыжи, настольный теннис, бокс, шахматы, спортивные игры, туризм и альпинизм⁵. Деятельность РФК была весьма разнообразна: координация работы спортивных товариществ, клубов и кружков, проведение соревнований и спортивных праздников, просветительская деятельность (под эгидой совета действовал Педагогичум фізическої культури в Миттенвальде)⁶.

Спорт в лагерях для перемещенных лиц был прежде всего стратегией выживания. Несмотря на то что лагерные условия жизни могли различаться в зависимости от конкретного места пребывания, в целом условия жизни «ди-пи» были далекими от комфортных — и на материально-бытовом (жилье, питание и т.п.), и на психологическом уровнях (неопределенность правового статуса, угроза принудительной репатриации и т.п.). Спорт же давал широкие возможности физического и психологического оздоровления.

Спорт, особенно профессиональный*, выполнял и имиджеобразующие функции, способствовал налаживанию отно-

* Среди перемещенных лиц было немало профессиональных спортсменов.

шений между перемещенными лицами и местным населением, но особенно важным было повышение репутации украинских «ди-пи» в глазах представителей ООН, американской и британской администраций (учитывая очень высокий процент «невозвращенцев» среди украинцев в «западных» зонах оккупации и их готовности к реэмиграции). В этом смысле знаковым стало участие украинских спортсменов из «западных» зон оккупации Германии и Австрии в Международных спортивных играх Международного комитета политических беженцев и перемещенных лиц в Германии, которые вошли в историю как «Олимпиада Ди-Пи» (лето — осень 1948 г.).

Следует подчеркнуть, что спортивная жизнь украинцев в лагерях для перемещенных лиц была в высокой степени «национализирована». Названия спортивных товариществ и клубов отсылали к природно-историческим символам Украины («Калина», «Дніпро», «Дністер», «Степ», «Сян», «Хортиця»), к ее героям («Довбуш», «Орлик», «Богун»), национальным («Тризуб») или к общекультурным символам мужества, героизма, готовности к борьбе («Лев», «Прометей»). В эмблематике РФК и входящих в ее состав лагерных спортивных организаций также обильно использовались национальные сочетания цветов (синий и желтый) и знаков (калина, трезубец и др.). В «этническом стиле» оформлялись многие спортивные праздники и соревнования. Таким образом, спорт в режиме «повседневного напоминания о Родине» оказывал консолидирующее воздействие на пеструю массу перемещенных лиц, способствуя их превращению в диаспору — обособленную этнокультурно, сплоченную группу, являющуюся носителем определенного национального сознания⁷.

Более того, спорт являлся значимой частью диаспоральной политической, в том числе и внешнеполитической, жизни. В этом смысле показательно участие украинских спортсменов в «Олимпиаде Ди-Пи». Выступая в форме с изображением трезубца, под сине-желтым флагом, под звуки гимна «Ще не вмерла...»⁸, спортсмены транслировали «демократическим державам Запада» позицию «национально-ориентированной» части украинской эмиграции, которая

отстаивала идею независимой Украины и пыталась найти поддержку у США, Канады, Великобритании и других государств.

Подобное сочетание спорта и того, что в украинской диаспоре называлось «национально-освободительной борьбой», имело давнюю традицию, уходя корнями не только в историю лагерей для военнопленных времен Первой мировой войны, но и гораздо глубже — к сокольскому движению. Своеобразный («комбатантский») колорит придавало лагерному спортивному движению и участие в нем представителей Организации украинских националистов (ОУН) и Украинской повстанческой армии (УПА).

Таким образом, украинский пример свидетельствует не только о высоком значении спорта в жизни перемещенных лиц, но и о том, что он часто выполнял витальные функции по отношению к сообществу «ди-пи», способствуя как физическому, так и этнонациональному выживанию. Вклад спортивного движения в формирование поствоенного слоя украинской диаспоры в странах Европы еще предстоит оценить.

Примечания

- ¹ Миграционные последствия Второй мировой войны: этнические депортации в СССР и странах Восточной Европы: сборник научных статей / отв. ред. Н.Н. Аблажей, А. Блюм. Новосибирск, 2012. С. 3.
- ² *Маруняк В.* Українська еміграція в Німеччині і Австрії по Другій світовій війні. Мюнхен, 1985. Т. 1: Роки 1945–1951. С. 101–122.
- ³ *Подобед О.А.* Спортивне життя переміщених українців у повоєнній Західній Німеччині // Вісник Маріупольського державного університету. Серія «Історія. Політологія». 2017. Вип. 18. С. 96.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Рада Фізичної Культури // Енциклопедія українознавства: у 10-х т. / гол. ред. В. Кубійович. Париж; Нью-Йорк, 1973. Т. 7. С. 2440; *Кікта С.* Дзеркало спортових товариств // Альманах Ради Фізичної Культури. Мюнхен, 1951. С. 84.
- ⁶ *Подобед О.А.* Спортивне життя переміщених українців... С. 97.
- ⁷ *Cronin M., Mayall D.* Sport and Ethnicity: Some Introductory Remarks // Sporting nationalisms: Identity, Ethnicity, Immigration and Assimilation / ed. by M. Cronin and D. Mayall. Portland, 2005. P. 1–15; *Billig M.* Banal Nationalism. London, 1995. P. 93–127.
- ⁸ *Подобед О.А.* Олімпіада Ді-Пі // *Evropský filozofický a historický diskurz.* 2017. Sv. 3. Vyd. 2. S. 28.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ИМПЕРИЯХ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.26

Меджимурье в обмен на Валповский округ: попытка венгеро-хорватского церковного разграничения 1876 г. (по материалам корреспонденции И. Штросмайера и Ф. Рачкого)*

Александр Михайлович Дронов,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dronov839@gmail.com

Ключевые слова: римско-католическая церковь, хорвато-венгерские отношения, Меджимурье, Валпово, Й. Штросмайер, Ф. Рачкий

Medimurje in Exchange for Valpovo District: An Attempt at the Hungarian-Croatian Church Division of 1876 (Based on the Correspondence of Josip Strossmayer and Franjo Rački)

Aleksandr M. Dronov,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dronov839@gmail.com

Keywords: Roman Catholic church, Croatian-Hungarian relations, Medimurje, Valpovo, Josip Strossmayer, Franjo Rački

* Статья написана при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-59-23005 «Монархия Габсбургов: новые направления в изучении экономического, социально-политического и национального развития композитарного государства Центральной Европы».

Первое десятилетие после заключения австро-венгерского соглашения 1867 г. для хорватско-венгерских контактов ознаменовалось установлением политических отношений в границах Транслейтании (Венгерского королевства), что было связано с разработкой и подписанием новых условий и принципов взаимодействия во всех сферах, в том числе и церковной.

Последнее для Славонии в составе Габсбургской монархии разграничение территорий епископий Римско-католической церкви состоялось в 1773 г. Тогда Валповский котар (округ) с 13 римско-католическими приходами остался в составе венгерского Печского епископства, хотя в административно-политическом отношении Валпово и окрестности относились к Вировитицкому комитату (жупании) королевства Хорватии и Славонии.

В 1849 г. во время национально-освободительной войны в Венгрии хорватский бан Йосип Елачич присоединил к королевству Хорватии и Славонии область Меджимурье (Муракёз), которая до этого с 1720 г. (кроме периода временной реорганизации системы комитатов Иосифом II в 1785–1789 гг.) входила в состав Венгерского королевства. Однако уже в 1861 г. император-король Франц Иосиф вернул Меджимурье в состав Венгрии (комитат Зала), при этом в церковном отношении область осталась в ведении Загребской архиепископии¹.

Сложившаяся после 1861 г. ситуация несоответствия границ административно-политической и церковной юрисдикций в двух регионах Хорватии и Венгрии привела к попыткам как с одной, так и с другой стороны решить вопрос. В отечественной и хорватской историографии пока недостаточно изучена тема хорватско-венгерских отношений в церковной сфере в XIX в., в частности проблема взаимодействия пограничных епископств двух королевств². Цель статьи — рассмотреть на материале переписки ведущих хорватских политиков Йосипа Юрая Штросмайера и Франьо Рачкого³ усилия, предпринятые хорватской стороной для решения вопроса о пересмотре епархиальных границ (1876 г.) в пользу Хорватии.

В конце 1875 г. в газете *Pesti Napló* (венг. «Пештский дневник») впервые появилась информация о том, что Франц Иосиф якобы не возражал против подчинения Меджимурья церковным властям Венгрии. Об этом Ф. Рачкий⁴ написал Й. Штросмайеру⁵ 6 декабря 1875 г.: «Венгры снова нас удивили»⁶. В отстаивании церковных прав на область Рачкий предлагал вооружиться историческим прецедентом 1776 г., когда меджимурские котары пытались передать из ведения Загребской епископии в состав новообразованной епископии с центром в Сомбатхее. Тогда, как он заметил, были соблюдены все необходимые для этого процедуры: сначала испрошено согласие у Загребского епископа и капитула, и только потом Мария Терезия⁷ обратилась в Рим⁸. В конце 1875 г., однако, венгерское правительство не подавало ходатайства духовным властям на изменение церковных границ. Рачкий писал: «Наше [хорватское. — А.Д.] правительство узнало об этом лишь из газет»⁹. По информации политика, против передачи Меджимурья были настроены как сам загребский архиепископ, так и его капитул¹⁰. Особую надежду Рачкий возлагал на Рим.

Штросмайер, в свою очередь, считал, что в вопросе защиты Меджимурья нельзя полагаться на находившуюся тогда у власти Хорватскую народную партию¹¹, так как, по его мнению, народняки будут «кумоваться» с венграми¹² и уступят им территорию¹³. Поэтому вслед за Рачким он видел необходимость искать поддержки в Риме: именно в это время епископ там и находился по своим делам. Вскоре Штросмайер написал письма с обстоятельным изложением исторических прав Загребской архиепископии на приходы Меджимурья — как лично для папы римского, так и для кардинала Якова Антонелли, государственного секретаря в Ватикане. 11 декабря 1875 г. Штросмайер вручил письмо папе.

В письмах из Рима Штросмайер вспоминал, что венгры «до сих пор не в состоянии» передать под хорватскую церковную юрисдикцию округ Валпово (Валповщину)¹⁴. В ответ Рачкий сообщил, что якобы император-король сам предложил обсудить возможность обмена Меджимурья на Валповщину,

хотя венгерские власти у него просили лишь Меджимурье без компенсации хорватам. Рачкий предложил сначала отказаться от такой «цены» за Меджимурье, но в случае, если утраты этой области нельзя будет избежать, политик считал оправданным согласиться на передачу округа Валпово Джаковскому епископству¹⁵.

Штросмайер в Риме заручился поддержкой кардинала Антонелли, однако тот ждал решения от загребского капитула и хорватского правительства. Сам Штросмайер тоже считал, что отстаивать церковную принадлежность Меджимурья было бы проще, если бы этому твердо противодействовало хорватское правительство, но, по его словам, оно «на всё склонно»¹⁶ в пользу венгров¹⁷. Тогда он написал прошение и на имя бана Ивана Мажуранича. Еще в 1863 г., будучи хорватским канцлером, Мажуранич пытался поднять вопрос о церковной принадлежности округа Валпово и добиться его передачи в состав Джаковской епископии. Тогда проблему пытались решить на уровне имперского министерства просвещения и культов, помощь оказывали и Рачкий, и джаковский епископ Штросмайер. Несмотря на напор Мажуранича и заинтересованность Штросмайера, собранного необходимые документы, Валповский котар остался в юрисдикции Печского епископства.

В начале мая 1876 г. Штросмайер получил приглашение участвовать в конференции в Пеште по вопросу Меджимурья и Валповского округа. Он писал Рачкому, что если поедет, то в протоколе обязательно отметит, что «с церковной точки зрения не может согласиться и как-либо, прямо или косвенно, способствовать отделению Меджимурья от Загребского архиепископства»¹⁸. Валповский же округ епископ считал необходимым включить в свою епископию, поскольку «печская не в состоянии обеспечить эти районы священниками, знающими наш язык»¹⁹. Таким образом, здесь Штросмайер прибег к лингвистическому аргументу в церковном споре.

Рачкий советовал Штросмайеру ехать в Пешт на переговоры в качестве политика и епископа, а на самих переговорах выступать главным образом с церковных позиций, тогда

как национальную сторону вопроса «примешивать только в случае, если церковный и народный интересы неразделимы»²⁰. Саму проблему церковных юрисдикций Рачкий в соответствии с историческим правом Загребского епископства считал нужным повернуть так, чтобы у венгерского клира не было прав ни на Меджимурье, ни на Валповский округ. Также Рачкий считал важным потребовать от венгерских властей компенсацию за Меджимурье, причем в территориальном отношении это должна была стать Валповщина, но в таких границах, которые бы уравнивали не только меджимурские приходы, но и сумму доходов от них. Иначе Рачкий видел единственно возможным отстаивать статус-кво²¹. Штросмайер писал в ответ Рачкому, что в случае передачи в состав Джаковского епископства округов Валпово и Доньи-Михоляц²² нужно будет создать новый канон²³ для этих территорий²⁴.

Переговоры о церковной принадлежности Меджимурья и Валповщины прошли в Пеште 30 мая 1876 г. По словам Штросмайера, конференция имела скорее вид дискуссии²⁵. С хорватской стороны в основном выступал загребский архиепископ Йосип Михалович, который заявил, что ни он, ни Святой престол не видят никаких канонических оснований для изменения церковных границ в регионе. В этом его поддержал и Штросмайер, тогда как венгерский примас Янош Шимор и два присутствовавших епископа настаивали на передаче Меджимурья. Штросмайер объяснял их напор выполнением воли венгерских властей²⁶. Переговоры окончились ничем, а стороны обязались письменно представить свои обоснованные позиции папе римскому, императору-королю и папскому нунцию в Вене.

Попытка венгерской стороны закрепить в церковной сфере ранее возвращенную в состав королевства область натолкнулась на серьезное сопротивление представителей высшего хорватского клира, часть которого отстаивала хорватские национальные интересы. Причем использовались все возможные аргументы от исторических церковных прав на территорию до лингвистических (языка прихожан).

Такое сопротивление стало демонстрацией сил, не признавших хорвато-венгерское соглашение 1868 г. и продолжавших бороться за хорватскую самостоятельность. Хорватская сторона добилась известного успеха: в дальнейшем вопрос так и не был решен в пользу венгров, поэтому сохранился статус-кво.

Примечания

- ¹ Загребская архиепископия была провозглашена папской буллой от 11 декабря 1852 г. и включала территории трех епископств с центрами в Джаково, Сене и Крижевцах. См.: *Uspostava hrvatske crkvene samostalnosti // Šagi-Bunić T.J. Katolička crkva i hrvatski narod. Zagreb, 1983. S. 61–87.*
- ² *Šanjek F. Crkva u hrvatsko-ugarskim odnosima (11.–19. st.) // Hrvatsko-mađarski odnosi 1102. — 1918: zbornik radova / ured. M. Kruhek. Zagreb, 2004. S. 37–44.*
- ³ См.: *Фрейдзон В.И. Корреспонденция Рачкий — Штроссмайер как источник по истории Хорватии второй половины XIX в. // Славянский архив / отв. ред. С.А. Никитин. М., 1959. Т. 2. С. 139–172.*
- ⁴ *Gross M. Vijek i djelovanje Franje Račkoga. Zagreb, 2004.*
- ⁵ См.: *Lik i djelo Josipa Jurja Strossmayera. Zbornik radova / ured. S. Marjanović. Osijek, 2008.*
- ⁶ *Rački — Strossmayeru, Zagreb, 06.12.1875 // Korespondencija Rački — Strossmayer / ured. F. Šišić. Zagreb, 1928. Knj. I. S. 386–387.*
- ⁷ Подробнее о церковной политике Марии Терезии см.: *Гёжи З. Место епископата в Венгрии в XVIII в.: взаимоотношения государства и церкви // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы, 1517–1918 / ред.-сост. К.А. Кочегаров, Л.К. Новосельцева, А. Форго, О.В. Хаванова. М.; СПб., 2016. С. 197–211.*
- ⁸ *Rački — Strossmayeru, Zagreb, 06.12.1875 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. I. S. 387.*
- ⁹ *Ibidem.*
- ¹⁰ *Ibidem.*
- ¹¹ В 1873 г. «народняки» добились некоторого изменения хорвато-венгерского соглашения 1868 г. в свою пользу, но ценой того, что вступили в союз с провенгерскими унионистами (Хорвато-венгерская национальная конституционная партия) и признали политическую унию Хорватии с Венгерским королевством. Подробнее см.: *Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / под ред. Л.А. Кирилиной, А.С. Стыкалина, О.В. Хавановой (отв. ред.). М., 2018. С. 135.*
- ¹² В это время Штроссмайер уже был сильно разочарован политикой вернувшейся к власти Хорватской народной партии, одним из лидеров которой он недавно был сам. В конце 1875 г. политик ностальгировал по временам бана Левина Рауха, когда у власти были унионисты, а народняки находились в оппозиции и, не будучи связанными какими-либо обязательствами с венграми, могли открыто защищать национальные интересы хорватского народа.

- ¹³ Strossmayer — Račkому, Rim, 25.12.1875 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. I. S. 388.
- ¹⁴ Ibidem.
- ¹⁵ Rački — Strossmayeru, Zagreb, 28.12.1875 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. I. S. 394.
- ¹⁶ Strossmayer — Račkому, Rim, 06.01.1876 // Korespondencija Rački — Strossmayer / ured. F. Šišić. Zagreb, 1929. Knj. II. S. 1.
- ¹⁷ О политической ситуации в Хорватии см.: *Фрейдзон В.И.* Борьба хорватского народа за национальную свободу. Подъем освободительного движения в 1859–1873 гг. История, идеология, политические партии. М., 1970.
- ¹⁸ Strossmayer — Račkому, Đakovo, 09.05.1876 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. II. S. 21.
- ¹⁹ Ibidem.
- ²⁰ Rački — Strossmayeru, Zagreb, 12.05.1876 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. II. S. 22.
- ²¹ Rački — Strossmayeru, Zagreb, 14.05.1876 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. II. S. 25.
- ²² Территория округа Доньи-Михоляц, находившаяся на границе Славонии с Венгрией, с XI в. входила в состав венгерского католического Печского епископства.
- ²³ Канония — территория для осуществления пребенды — особого вида бенефиция, права на доход с церковной должности.
- ²⁴ Strossmayer — Račkому, Đakovo, 22.05.1876 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. II. S. 26.
- ²⁵ Strossmayer — Račkому, Zagreb, 03.06.1876 // Korespondencija Rački — Strossmayer. Knj. II. S. 27.
- ²⁶ Ibidem.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.27

Переселение славян в Карсскую область в конце XIX – начале XX вв.

Сергей Александрович Орешин,

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: Orechin12345@yandex.ru

Ключевые слова: Российская империя, Кавказ, Карсская область, славяне, молукане

The Slavic Population of the Kars Region in the Late Nineteenth – Early Twentieth Century

Sergey A. Oreshin,

Miklukho-Maklay Institute
of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: Oreshin12345@yandex.ru

Keywords: Russian Empire, Caucasus, Kars Region, Slavs, Molokans

Одним из пограничных регионов Российской империи была Карсская область, образованная в 1878 г. из части османских земель, вошедших по итогам русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Основное население региона до присоединения к России составляли армяне, турки, курды и карапахаи*. Перед российскими властями встала задача скорейшей интеграции края в общеимперское пространство. Одним из средств достижения поставленной цели виделось переселение восточнославянских жителей (прежде всего русских) для изменения этноконфессионального баланса. Представляется важным проследить, какие задачи ставили российские власти, организуя переселенческое движение в новый регион, как протекал данный процесс, а также проанализировать его итоги; изучить этнический и конфессиональный состав славянских переселенцев; понять, как складывались их взаимоотношения с коренными жителями Карсской области. Тем более, что эти вопросы пока не нашли всестороннего освещения в отечественной историографии. Формирование постоянного славянского населения в Карсской области рассматривалось Петербургом как средство для дальнейшего усиления русского влияния в этом

* Карапахаи — одна из этнографических групп азербайджанцев, проживающая вплоть до настоящего времени на северо-востоке Турции и северо-западе Ирана.

пограничном с Османской империей крае¹. В многочисленных рапортах карсских губернаторов подчеркивалось, что преобладание в области русского населения упрочит власть Российской империи в регионе. В то же время правительство полагало, что переселение русских крестьян из центральных губерний во вновь присоединенную область позволит сгладить остроту аграрного кризиса в самой Великороссии².

К реализации переселенческих планов администрация приступила сразу после окончания войны с Турцией. В инструкции помощника наместника на Кавказе Д.И. Святополк-Мирского карсскому губернатору В.А. Франкини в 1879 г. говорилось о важности реализации такой программы. При этом предполагалось расселить колонистов не только на свободных, но и на уже обжитых мусульманами землях. Было принято решение об оказании материальной помощи русским переселенцам, а также их вооружении³. В случае начала новой войны с Турцией вооруженные переселенцы должны были усилить дислоцированные в регионе подразделения регулярной армии.

Очень скоро выяснилось, что православные русские крестьяне, на которых местные власти первоначально решили сделать ставку, не выражали желания переселяться в Карсскую область, так как ее климат был достаточно суров, а плодородных земель было сравнительно мало. Несмотря на то что переселенцы получали безвозмездно земельные наделы, а также хлеб, муку, зерно, им не удавалось быстро наладить эффективное хозяйство. Они основали всего четыре деревни — Михайловку, Олгавку, Хорошее и Гренадерку⁴. Многие вскоре вернулись на родину. Тогда военные власти, преодолев некоторое возражение Святейшего Синода, добились разрешения на переселение в регион русских крестьян — последователей различных религиозных течений, отделившихся от традиционной православной церкви. Среди них преобладали так называемые «духовные христиане» — молокане и духоборы*. Им также предоставлялись различные льготы⁵.

* Молокане — последователи одного из течений духовного христианства, отличающегося символическим и аллегорическим толковани-

Однако по настоянию православного духовенства им строго воспрещалось вести религиозную пропаганду. Они переезжали, как правило, со своими деньгами, утварью и скотом, основав несколько десятков селений в регионе. Русские сектанты сыграли большую роль в хозяйственном освоении Карсской области, занимались полеводством, огородничеством, животноводством, птицеводством, в частности вывели новые породы коров и лошадей, культивировали ранее неизвестные в области овощи, впервые завели фургоны и фаэтоны, монополизировав пассажирский и грузовой извоз⁶.

Несмотря на принимаемые властями усилия, организовать широкое переселенческое движение русского населения в Карсскую область не удалось. В конце XIX в. великороссы, малороссы и белорусы насчитывали 27 856 человек (9,58% населения области)⁷. К 1910 г. их численность несколько увеличилась, однако они по-прежнему оставались этническим меньшинством⁸. Помимо восточных славян, в области проживали также поляки — по переписи 1897 г. они составляли 1,12% жителей области (3 243 человека), в большинстве своем это были военнослужащие.

Конфессиональная принадлежность восточнославянского населения была пестрой. Так, много было молокан — потомков переселенцев из Саратовской и Тамбовской губерний. Число духоборов, переселившихся на Южный Кавказ из Екатеринославской и Тамбовской губерний, было меньше⁹. Уже в конце XIX в. духоборы начали переселяться из Карсской области в США и Канаду, не желая по религиозным убеждениям нести военную службу¹⁰. Большую часть православного населения составляли служащие государственных учреждений, казаки, солдаты и офицеры гарнизонов, пребывание которых в Карсской области было

ем Библии. Молокане не признают икон, креста, отрицают почитание святых, необходимость священнической иерархии, признают поклонение Богу только «в духе и истине». Духоборы — религиозная группа духовных христиан, отрицающих внешнюю религиозную обрядность и считающих себя поборниками духа, борцами за дух. Полагают, что в душе каждого человека пребывает сам Бог, наставляющий человека своим Словом.

ограничено сроком их службы. Малочисленными были старообрядческая община и группа поляков-католиков. В области обосновалось также некоторое количество представителей религиозного движения субботников*, занимавшихся главным образом торговлей.

Что касается взаимодействия славян с коренными жителями Карсской области, то молокане и в меньшей степени духоборы (в отличие от православных военнослужащих, чиновников и горожан, которые почти не общались с коренными жителями и держались отчужденно) наладили добрососедские отношения с армянами и турками. Во многом благодаря помощи оседлых местных жителей, русские переселенцы смогли завести успешное хозяйство и укорениться в регионе. В свою очередь, местные земледельцы перенимали многие сельскохозяйственные культуры и технику переселенцев. Не столь конструктивными были отношения с кочевыми племенами, главным образом курдскими, которые временами устраивали налеты на переселенческие деревни и угоняли скот. Иногда дело доходило до вооруженных стычек.

Таким образом, российское правительство проводило целенаправленную политику переселения русского (в основном великорусского) населения в Карсскую область. Однако, несмотря на все предпринятые усилия, не удалось реализовать массовый приток русских православных крестьян из внутренних губерний Российской империи. В этом состояло принципиальное отличие от регионов Северного Кавказа (Кубанская, Терская области, Ставропольская и Черноморская губернии), которые служили центром притяжения для переселенцев. Основные причины заключались в суровом, непривычном для славян климате Карсской области, а также в том, что большая часть плодородных земель была занята коренными жителями — армянами и мусульманами.

К началу Первой мировой войны постоянно проживавшие в Карсской области русские (без учета военных и гражд-

* Субботники — религиозное движение в России, зародившееся в конце XVIII в., последователи которого соблюдают субботу и другие ритуалы иудаизма.

данских чиновников) являлись этническим меньшинством, составляя всего 5% населения. Среди них преобладали «духовные христиане» — молокане и духоборы, отказывавшиеся от службы в армии. Вследствие этого русское население не смогло стать надежной опорой российской государственности в крае в послереволюционный период. Уже в конце 1917 г. Россия де-факто утратила контроль над этим регионом, а к 1921 г. подавляющее большинство русских покинуло Карсскую область, которая вернулась под контроль Турции¹¹.

Примечания

- ¹ *Шавров Н.* Русский путь в Закавказье. СПб., 1883. С. 25.
- ² *Заваров С.* Опыт исследования хлебобобового района Эриванской губернии и Карсской области. Тифлис, 1899. С. 321.
- ³ Национальный архив Армении. Ф. 49/113. Д. 506. Л. 76–78.
- ⁴ *Погосян А.М.* Карсская область в составе России. Ереван, 1983. С. 125.
- ⁵ Национальный архив Армении. Ф. 26. Д. 3068. Л. 1–4.
- ⁶ *Широкоград А.Б.* Утерянные земли России. От Петра I до Гражданской войны. М., 2012. С. 155.
- ⁷ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1899–1905. Т. 64: Карсская область. С. 1–3.
- ⁸ Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 61. Д. 2396. Л. 464.
- ⁹ *Погосян А.М.* Карсская область в составе России. С. 125.
- ¹⁰ Национальный архив Армении. Ф. 26. Д. 2331. Л. 9.
- ¹¹ *Погосян А.М.* Карсская область в составе России. С. 281.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.28

Донские атаманы второй половины XIX в. нерусского происхождения (П.Х. Граббе и Н.И. Святополк-Мирский)

Артём Юрьевич Перетяtko,

Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова: межэтнические отношения, история элит, донское казачество

Don Atamans of the Second Half of the Nineteenth Century of Non-East Slavic Lineage (Pavel H. Grabbe and Nikolay I. Svyatopolk-Mirsky)

Artyom Yu. Peretyatko,

Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

Ключевые слова: interethnic relations, history of elites, Don Cossacks

Одним из потенциально важных, но сравнительно малоисследованных аспектов функционирования казачества в механизме Российской империи является кадровая политика имперских властей в казачьих войсках. В целом современным историкам хорошо известно, что с середины XIX в. атаманами казачьих войск назначали посторонних им людей, в некоторых случаях казаков из другого войска, а чаще офицеров регулярной армии. Например, в Войске Донском с 1848 г. атаманскую должность занимали исключительно не-казаки, причем уже современники связывали логику подобных назначений с желанием имперских властей видеть во главе казачьих войск преданных правительству профессионалов, чуждых местным интересам¹.

В результате последовательного проведения подобной политики большинство донских атаманов после 1848 г. расценивались местным населением как «чужие», но в изучении вопроса о мотивах и подоплеке этой чуждости остаются лакуны. Современники обычно констатировали сам факт неприятия казаками большинства назначенных атаманов² или же сводили проблему к их личным недостаткам³. Для понимания факторов, повлиявших на принятие казаками того или иного атамана, нам кажется интересным обратиться к случаям назначения на атаманскую должность лиц нерусского происхождения (мы используем здесь и далее

понятие «русский» в типичном для того времени значении, подразумевая под ним представителя любого восточнославянского народа). Дело в том, что из семи атаманов, сменившихся на Дону с 1848 г. по 1905 г., двое были нерусскими, и как раз они оставили после себя у казаков максимально контрастирующую память. Как же немец-лютеранин Павел Христофорович Граббе и поляк Николай Иванович Святополк-Мирский, отец которого, кстати, участвовал в польском восстании 1830–1831 гг.⁴, оказались во главе Войска Донского, и как реагировали на это казаки?

Следует сразу оговорить, что точные мотивировки назначений П.Х. Граббе и Н.И. Святополк-Мирского, как и в случае большинства донских атаманов того времени, неизвестны. Из воспоминаний Д.А. Милютина следует, что кандидатуру Граббе на пост донского атамана в 1862 г. предложил лично Александр II⁵. Современный историк А.А. Волвенко ознакомился с перепиской Милютина и Граббе, но даже в ней не оказалось объяснений этого назначения. Тем не менее, по мнению исследователя, имперские власти рассчитывали на общеизвестные авторитет и харизму старого генерала, потенциально способные без насилия успокоить казаков, выражавших тогда открытое недовольство предложенными Милютиным реформами казачества. Историк также считает, что важными факторами при выборе кандидатуры Граббе были его близость к военному министру (Граббе был начальником Милютина на Кавказе на рубеже 1830-х – 1840-х гг.) и надежда на то, что в администрировании Донского края старому генералу будет непосредственно помогать начальник штаба⁶.

О назначении на Дон Святополк-Мирского известно еще меньше, но ситуация вырисовывается схожая. В 1878 г. казаки ряда станиц открыто отказались выполнять земские повинности, до станиц доходила революционная пропаганда⁷. Александр III буквально через несколько месяцев после восшествия на престол назначил донским атаманом Святополк-Мирского. Некоторые современники прямо связывали данное решение с близостью нового атамана к царской

семье, но доказательств этому не приводили⁸. Волвенко обращает внимание на беспрецедентность подобного назначения: единственный раз во главе Донского Войска был поставлен *пехотный* генерал без всякого административного опыта. По мнению Волвенко, Александр III избрал знакомого ему лично Святополк-Мирского на атаманскую должность за преданность престолу и дисциплинированность⁹. Таким образом, складывается впечатление, что оба интересующих нас атамана были назначены на Дон не совсем в обычных обстоятельствах, когда намечались кризисы в отношениях казачества и имперских властей, а личные качества нового атамана были важнее его происхождения.

Не вдаваясь в детали атаманств Граббе и Святополк-Мирского, отметим, что умиротворить казаков им удалось. А вот репутация в казачьей среде у них сложилась диаметрально противоположная. Важнейшим шагом либерального Граббе по умиротворению вверенного ему края стал созыв выборных от всех станиц для обсуждения правительственных проектов реформ¹⁰. В итоге тема нерусского происхождения атамана не поднималась современниками вовсе — напротив, подчеркивалась его близость к казачеству¹¹. Граббе даже был зачислен в донские казаки, став первым атаманом, удостоившимся такой чести, причем произошло это по инициативе снизу¹². Его опыт служит лучшим свидетельством того факта, что происхождение и даже вера для донских казаков второй половины XIX в. не были определяющими при делении чиновников на «своих» и «чужих»: казаки оказались готовы поддержать иноверца, защитившего казачьи интересы перед вышестоящими властями.

Святополк-Мирский продемонстрировал иную модель поведения. В его правление закрылись земства и большая часть гимназий на Дону, всякое инакомыслие подавлялось и, разумеется, ни о каких реальных представителях казачества при войсковой администрации речи не шло¹³. «Своим» атаман для большинства казаков так и не стал, несмотря на демонстративную поддержку казачьих традиций (в частности, при нем началась работа по открытию Донского музея, осно-

ватель которого и по совместительству чиновник атаманской канцелярии Х.И. Попов составил хвалебное жизнеописание атамана¹⁴). Однако другие донские авторы деятельность Святополк-Мирского описывали крайне негативно, даже демонизировали его. Они затрагивали в отрицательном ключе и происхождение атамана: так, А.И. Петровский подчеркивал участие его отца в польском восстании¹⁵.

Таким образом, случаи Граббе и Святополк-Мирского свидетельствуют, что национальное происхождение и религия не были определяющими факторами для «принятия» донскими казаками назначенного имперскими властями атамана. Большее значение имела проводимая им политика, позволившая Граббе стать для казаков «своим». В то же время, как показывает пример Святополк-Мирского, в случае конфликта атамана с населением его происхождения могло служить дополнительным компрометирующим фактором. Тем не менее, вероятно, имперские власти предпочитали назначать русских атаманов, а исключения допускались в кризисных ситуациях. Сложно судить определенно из-за малой выборки и отсутствия практики обоснования назначения на атаманскую должность.

Примечания

- ¹ Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // Русский архив. 1899. Кн. 2. С. 106–116.
- ² Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным (1738–1916 гг.). Новочеркасск, 1916. С. 39–40.
- ³ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 55. Оп. 1. Д. 321. Л. 1–5.
- ⁴ Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам... С. 20.
- ⁵ Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала, графа Дмитрия Алексеевича Милютина / под ред. Л.Г. Захаровой. М., 1999. С. 378.
- ⁶ Волвенко А.А. Донские атаманы эпохи «Великих реформ» (1860–1870-е гг.) // Русская старина. 2017. Т. 8. Вып. 1. С. 37. <https://doi.org/10.13187/rs.2017.1.34>
- ⁷ Козлов А.А., Козлов А.И. Имперская политика огосударствления, милитаризации и закрепощения казаков в XIX — начале XX века // Казачество: прошлое и настоящее. Волгоград, 2000. С. 115–119.

- ⁸ *Перетятыко А.Ю.* Интерпретация атаманства Н.И. Святополк-Мирского в басне Е.П. Савельева «Волк на воеводстве» // Новое прошлое = The New Past. 2021. № 1. С. 161.
- ⁹ *Волвенко А.А.* Очерки по истории донского казачества в позднейимперский период (II пол. XIX — нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. С. 119.
- ¹⁰ *Краснов И.И.* Беспоместные и мелкопоместные чиновники войска Донского // Русский вестник. 1865. Т. 58. С. 350–351.
- ¹¹ *Карасев А.А.* Донские атаманы... С. 109.
- ¹² *Граббе П.Х.* Записная книжка графа П.Х. Граббе. М., 1888. С. 745.
- ¹³ *Карасев А.А.* Донские атаманы... С. 113–114.
- ¹⁴ ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1452.
- ¹⁵ *Петровский А.И.* Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманами... С. 20.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.29

**«Время от времени
далее двигаемся по Америке
с превеликими трудностями...»:
письма главного правителя российских
колоний в Америке А.А. Баранова**

Олеся Анатольевна Плех,

Институт российской истории Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: plekh@mail.ru

Ключевые слова: А.А. Баранов, М.М. Булдаков, колонизация,
Русская Америка, Российско-американская компания

**“From time to time we move
further across America with the greatest
difficulties...”: Letters of the Chief Ruler
of the Russian Colonies in America
A.A. Baranov**

Olesya A. Plekh,

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: plekh@mail.ru

Keywords: A.A. Baranov, M.M. Buldakov, colonisation, Russian
America, the Russian-American Company

Историю русской колонизации Северо-Американского континента начали писать ее участники — первооткрыватели и переселенцы¹. С тех пор издано немало научных трудов, однако интерес к теме не угасает и по сей день. Во многом это связано с открытием и введением в научный оборот документальных материалов, в том числе источников личного происхождения.

В основе проведенного исследования лежит эпистолярное наследие купеческой семьи Булдаковых. Комплекс писем, сохранившийся в Российском государственном архиве древних актов, включает несколько посланий первого главного правителя Русской Америки А.А. Баранова к М.М. Булдакову (с 1799 по 1827 г. являлся первенствующим директором Российско-американской компании)². Цель исследования — отразить информационные возможности обнаруженных документов для изучения жизни и деятельности русских колонистов.

Первое письмо Баранова, отправленное с острова Кадьяк, датировано 10 июня 1798 г. и относится ко времени, когда обсуждались перспективы создания Российско-американской компании (далее — Компания); второе, из Ново-Архангельска, — 3 сентября 1810 г. Ввиду того, что возможности доставки корреспонденции из Русской Америки были весьма ограничены, Баранов отправлял содержательные письма. Переписка с Булдаковым носила скорее дружеский, чем деловой характер³ и потому не только касалась разных аспектов жизни в колониях, но и отражала личные переживания адресанта.

В письмах Баранов описывает состояние промысла и освоение новых земель: «В честь Ивана Варфоломеевича [Якоби. — *О.П.*] я нарек открытый мною впервые над Чалкатской бухтою остров с жителями таханас Якобиевым, а спокойную гавань, где стоял своим суднишенком, быв сам и мореходом, и предводителем, — Лодыженскою. И, ежели еще что сам открою, в честь любезного и добродетельного дому Арсеньевых посвящу»⁴.

В 1798 г., пытаясь осмыслить итоги своего десятилетнего пребывания в Америке, Баранов отмечал истощение ресур-

сов пушнины и необходимость продвижения в глубь материка: «В приобретении промыслов надежды выходят из вида. Время от времени далее двигаемся по Америке с превеликими трудностями, а, наконец, когда и тут, где ныне доезжают, опромышлится зверь, вперед уже двигаться нет способов. На первобытных же местах вовсе ничего не стало»⁵.

Особенно сетовал Баранов на политику Компании (тогда еще компания Голиковых — Шелихова). Известно, что И.Л. Голиков стремился получать максимальную прибыль при минимальных издержках. И этим принципом он, по всей видимости, руководствовался и в отношении колонистов. «Неумеренная и нестатная скупость г[осподина] Голикова весьма удивительна, — писал в 1798 г. Баранов. — Приобретения промыслов, по моей бытности считаю, более как на 600 000 руб., а настоящих товарных вещей, на кои выменивается, не вступило ко мне и на тридцать»⁶. Речь шла о том, что товаров и провианта, поставляемого в колонии Компанией, не хватало ни для обмена с местными жителями («товаров, на что вымениваются бобры»), ни для собственного потребления колонистов: «Мы и так по одежке протягиваем ножки, заменяясь не меньшею частью здешних продуктов: камлей кишошных, парок птичьих, еврашечьих, оленьих, тарбаганьих и прочих, а то бы охотскими одними недолго протянулись товарами»⁷.

Спустя 10 лет колонии по-прежнему испытывали трудности со снабжением: «Прядена у нас ни золотника нигде нет, также обуви ни у кого. Как Бог пронесет зиму, не знаем. Однако ж завел я здесь кожевенный завод в надежде на Калифорнию. И сделан опыт. Вышли довольно изрядные подошвенные и юфтевые, и, когда достанем побольше, скучать тем не будем. Нужда научает калачи употреблять»⁸. Главной проблемой, конечно же, являлась продовольственная. Как известно, необходимость решения именно этой задачи сподвигла Н.П. Резанова отправиться в 1806 г. в Калифорнию с целью установить торговые связи и договориться о поставке хлеба⁹.

Проблематичной являлась и транспортировка грузов: в конце XVIII в. сообщение с Охотском не было регулярным

и отлаженным. Баранов жаловался, что «компанейские суда» не хотели доставлять груз, собранный им за свой счет: «Посылаемых к нам нужных товарных [грузов. — *О.П.*] на транспорты еще не приемлют. Моя кладь пролежала на берегу в Охотске с неделю, и, спасибо, Ларионов [из] другой компании перевез в своем баркасе, а то бы верно и там осталась»¹⁰. Кроме того, нередко случались кораблекрушения. К 1810 г. ситуация со снабжением несколько улучшилась, но корабли по-прежнему приходили из Охотска редко: «Транспорта охотского года три мы все ожидаем, а ни одного нет. И сей год будет ли — неизвестно»¹¹.

Все это вредило коммерческой деятельности, поскольку английские и американские корабельщики выменивали у воинственного племени тлинкитов («колоши») пушнину на ружья, порох, спиртные напитки. Такая конкуренция делала обмен с русскими непривлекательным, и получаемое коренным населением оружие направлялось, в первую очередь, на захватчиков их земель¹².

Баранов рассказывал об отношениях с «бостонцами», которые развивались весьма противоречиво. В 1810 г. он просил Булдакова добиться отправки военного корабля: «Весьма опасно здешний край оставить без прикрытия, да и не бесполезно было бы, когда в здешних водах будет иметь плавание таковое военное судно и конвоировать наши промысловые отряды [...] при оном и американские корабельщики не так бы нагло, как ныне, производить стали военной контрабанды подвозов и торговлю с дикими в близких от нас дистанциях»¹³. В то же время он сообщал, что с конкурентами удавалось договориться о сотрудничестве в промысловой деятельности, о перевозке в Кантон пушнины и поставке необходимых товаров: «Сделаны много многие риски на промышленность с бостонцами, и отправлены теперь в Кантон промысла, и из Америки учинена выписка важного груза»¹⁴.

Вызывала недовольство Баранова деятельность некоторых сослуживцев: «От промышленных нельзя ожидать никаких брячей, никто там не огорчает их, как прикащики путаницами, натяжками и грубостями»¹⁵. В 1798 г. он много

пишет о событиях в Якутате, где разгорелся конфликт между начальником поселенцев И.Г. Поломошным и главой промышленников С.Ф. Ларионовым из-за несправедливых расчетов с «промышленными», которые «к Поломошному влочилиась невесть сколько, гонял вон как скота, иным дал, иные вовсе [...] добиться не могли отчетных квитанций, плата бобры и деньги»¹⁶. Свои обязательства перед конторой промышленные люди выполняли, но в документах это не отражалось («ни с одного уплаты ни деньгами, ни бобрами не подписано»).

В условиях крайнего дефицита людских ресурсов недобросовестное поведение должностных лиц Компании вредило общему делу. Тяжелые условия труда и жизни в колониях не обеспечивали большого числа желающих заниматься промыслом в Русской Америке. Дефицит провианта и вещей усугубляла дороговизна привозимых из Охотска товаров, которая загоняла «промышленных» в долговую кабалу: «Знают все, что не низкие выставлены цены и еще с четвертями [наценки. — *О.П.*] для тех, кто служил 10 и 15 лет, нажил только впервые хлеб, чтоб обойтись без подписки бобров, куражится, но опять находит то же, что и в бобры, — вещь вдвое с четвертью [дороже. — *О.П.*]»¹⁷.

Баранов обращал внимание Булдакова и на взаимоотношения с коренным населением, как враждебно настроенным, так и мирным. Рассказывая в 1798 г. о планах «покорения» Кинайской губы, упоминал, что «народы взбунтовались, огорченные лебедевскими [люди компании Лебедева-Ласточкина. — *О.П.*], убили вдруг 21-го русских в марте нынешней веснь»¹⁸.

Но больше подробностей Баранов сообщал о контактах колонизаторов с мирными «туземцами», в том числе о случаях обзаведения семьями со «здесьними американками» («Мухин женился уже на другой здесьней американке, первая умерла. Взял и с ребятишками от первых русских же любовников и имеет здесь при гавани свой домишко»¹⁹). Написал и о своей новой семье, и о переживаниях, связанных с этим: «Держу девку одну с начала, и бросить совестно было, и сы-

нишко теперь есть. Как быть, что незаконный, но человек, и единого, кажется, творца произведение, да еще и подобное во всем. Блудника и прелюбодея судит Бог, но мешаются многие. Правда, что неловко, да и необходимо в рассуждении опасностей зараз, натуральные ж влияния прекратить мудрено, разве само естество нарочно таким кого доспеет»²⁰. Душевные терзания вызывали осуждающие поведение русских разговоры в столице, причиной чему послужили донесения членов духовной миссии, прибывшей на остров Кадьяк в 1794 г. Иеромонах Иоасаф, «собравши важные дела, кто с кем спит и тому подобные», обвинил Баранова в развращении нравов колонистов: мало того, что не запрещал промышленным людям содержать некрещеных наложниц, так еще и сам, подавая дурной пример, завел вторую жену²¹. Следует отметить, что Баранов не забывал о семье, оставшейся в Каргополе: «Пособием жене я никогда не отзывался, и вы видите по расчету, сколько она перебрала, и все, говорит, бедна. Выданные вновь матушкой 500 руб., брат пишет еще послал 500 [руб.], и я ныне ассигную по согласию вашему 1000 [руб.], то, кажется, до выходу моего [из Русской Америки. — *О.П.*], да ежели и умру, скоро в бедность не вернется»²².

Баранов был «героем своего времени», уникальным человеком, благодаря которому состоялось успешное освоение Русской Америки. В научной литературе он предстает этаким «железным человеком», который подобно генералу А.П. Ермолову на Кавказе наводил ужас на местных жителей. Письма позволяют увидеть его с другой стороны — переживающий за общее дело человек, сколотивший для Компании немалый капитал, уставший и ослабленный суровыми условиями жизни, настоятельно просивший об отставке и возвращении домой. Его письма — ценный источник по истории Русской Америки, содержащий любопытные сведения о жизни русских колонистов и отражающий трудности освоения новых земель и развития промысловой деятельности.

Примечания

- ¹ См., например: *Хлебников К.Т.* Русская Америка в неопубликованных записках К.Т. Хлебникова / сост. Р.Г. Ляпунова, С.Г. Федорова. Л., 1979; *Он же.* Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова: Ново-Архангельск / сост. С.Г. Федорова. М., 1985; и др.
- ² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1605. Коллекция Юдина. Оп. 1. Д. 190.
- ³ «Прямое и постоянное дружество», — так Баранов определял взаимоотношения с Булдаковым. См.: Там же. Л. 1.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же. Л. 1об.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. Л. 5об.
- ⁹ Подробнее см.: История Русской Америки (1732–1867): в 3-х т. М., 1999. Т. II: Деятельность Российско-американской компании (1799–1825) / отв. ред. Н.Н. Болховитинов. С. 101–105.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190. Л. 3.
- ¹¹ Там же. Л. 5об.
- ¹² *Хлебников К.Т.* Русская Америка в «Записках» Кирилла Хлебникова... С. 6.
- ¹³ РГАДА. Ф. 1605. Оп. 1. Д. 190. Л. 5.
- ¹⁴ Там же. Л. 5.
- ¹⁵ Там же. Л. 2об.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Л. 1.
- ²⁰ Там же. Л. 4об.
- ²¹ Там же. Л. 2.
- ²² Там же.

**СТРАНЫ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.:
ОБРАЗЫ, ОТОБРАЖЕНИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ**

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.30

**Возвращение на круги своя:
политические династии
в современной Греции**

Анна Константиновна Александрова,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Ключевые слова: Греция, финансово-экономический кризис,
политические династии, политическая элита

**“And on its circuits the wind returns”:
Political Dynasties in Contemporary
Crece**

Anna K. Aleksandrova,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

Keywords: Greece, financial and economic crisis, political dynas-
ties, political elite

Одним из важных — и зачастую недооцененных — феноменов, характерных для ряда современных государств, является существование политических династий. Этот институт власти оказывает значительное влияние на принятие решений не только в малых странах, но и среди крупнейших

игроков на международной арене, в том числе заявляющих о следовании демократическим принципам¹. Не является исключением и Греция. Политическая и экономическая элита современного греческого государства состояла — и до некоторой степени состоит сегодня — из представителей политических династий, среди которых следует назвать фамилии Папандреу, Караманлис, Мицотакис, Раллис и многие другие.

Явление династийности в греческой политике последней четверти XX — начала XXI в. хорошо изучено² и не подвергается сомнению, поэтому его характерные черты здесь будут представлены лишь тезисно. Цель данной работы — показать трансформации, произошедшие с греческими партийными элитами в 2010-е гг. под влиянием финансово-экономического кризиса, а также проследить возможные тенденции будущего развития династийности в стране.

На протяжении почти 40 лет, с момента падения в 1974 г. режима «черных полковников» и до начала 2010-х гг., в Греции существовала устойчивая двухпартийная политическая система: у власти находились либо либерально-консервативная партия «Новая демократия», либо социал-демократическая ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение). Прочность этой системы в значительной мере была обусловлена наличием в стране сильных политических династий. «Новая демократия» с момента основания оказалась в сфере влияния семьи Караманлисов (и в меньшей степени Мицотакисов), а история ПАСОК неразрывно связана с фамилией Папандреу. Представители этих династий делили между собой власть, лишь ненадолго уступая ее другим, внеклановым политическим фигурам, и сменяли друг друга на высших государственных должностях в течение нескольких десятилетий. При этом они использовали почти идентичные механизмы передачи политического влияния и правительственных постов внутри семьи, а также сходными методами добивались общественной поддержки на уровне как элит, так и широких масс электората.

Клиентелизм и кумовство стали признаком растущего уровня коррупции в Греции. Сложившуюся в Греции полити-

ческую систему даже называли «феодальной демократией»³: следствием желания элитарных династий любой ценой сохранить власть было назначение на высокие должности родственников и друзей и «прикармливание» избирателей. Представители семьи Папандреу ориентировались в первую очередь на государственный сектор, а Караманлисы пользовались поддержкой частного бизнеса⁴. Таким образом, влиятельные кланы Греции создали систему экономического и политического патронажа, поддержание которого вело к неконтролируемым расходам бюджетных средств. Естественно, процветание «бюрократического клиентелизма»⁵ не базировалось на реальном росте доходов, поэтому Греция была колоссом на глиняных ногах⁶. В стране сложился комплекс социально-экономических проблем, который привел в итоге к долговому кризису 2010-х гг.

Глубокий финансово-экономический кризис в Греции повлек за собой значительные политические изменения. В октябре 2009 г. лидер «Новой демократии» К. Караманлис уступил пост премьер-министра главе ПАСОК Г. Папандреу — в полном соответствии с устоявшимися правилами функционирования двухпартийной системы и принципами передачи власти от одной политической династии к другой. В мае 2010 г. правительство ПАСОК подписало первый Меморандум о взаимопонимании с «тройкой» кредиторов — Международным валютным фондом (МВФ), Еврокомиссией и Европейским центральным банком (ЕЦБ). Греция получила многомиллиардный кредит в обмен на проведение болезненных реформ и мер по сокращению бюджетного дефицита. Это соглашение разделило политическую элиту страны на два лагеря: сторонников меморандума, в числе которых оказались только члены правящей партии, и его противников — ими стали все оппозиционные силы.

Подписание меморандума и — несмотря на это — ухудшающаяся финансово-экономическая ситуация в Греции стали причинами потери популярности ПАСОК⁷. В ноябре 2011 г. Г. Папандреу ушел в отставку. Однако он смог убедить председателя «Новой демократии» А. Самараса, ранее

сменившего на этом посту растерявшего — также из-за долгового кризиса — свой политический капитал К. Караманлиса, в необходимости продолжить сотрудничество с «тройкой». В результате в марте 2012 г. коалиционным правительством (в его состав вошли партии ПАСОК, «Новая демократия» и ЛАОС (Народный православный призыв)) во главе с технокрatom Л. Пападимосом был подписан второй меморандум.

В преддверии парламентских выборов 2012 г. основная борьба развернулась между «Новой демократией», теперь твердо выступавшей за следование условиям меморандума, и леворадикальным объединением СИРИЗА (Коалиция радикальных левых). Лидер СИРИЗА А. Ципрас, харизматичный представитель «новой» элиты, не принадлежащий какой-либо влиятельной династии, стал своеобразным символом грядущих перемен. Он настаивал на пересмотре или даже отказе от соглашения с МВФ, Еврокомиссией и ЕЦБ (но при этом оставался сторонником европейской интеграции⁸), а также упорно взращивал в массах электората неприязнь к «старым» политическим кланам⁹. Кроме того, в Греции набирали силу прежде незначительные или вовсе не существовавшие ранее партии, стремившиеся закрепиться во властных структурах в условиях ставшего очевидным кризиса двухпартийной системы.

На выборах победила «Новая демократия», создавшая коалицию с ПАСОК и ДИМАР (Демократическими левыми силами); премьер-министром был назначен А. Самарас. Неспособность «Новой демократии» сформировать в 2012 г. однопартийное правительство говорит о том, что поддержка избирателями представителей доминировавших на протяжении десятилетий политических династий в годы кризиса существенно ослабела. Она почти полностью сошла на нет к 2015 г., когда к власти пришел А. Ципрас.

Несмотря на популистские обещания, СИРИЗА не смогла добиться смягчения условий предоставления международной финансовой помощи; кроме того, к лету 2015 г. стало необходимым подписание третьего меморандума. После этого большинство греков поняло, что альтернативных политике сокращения расходов вариантов выхода из кризиса нет. В 2018 г.

Греция успешно выполнила все требования, предусмотренные последним соглашением с «тройкой» кредиторов.

Тем не менее сохранявшаяся сложная экономическая ситуация в стране, а также заключение Преспанского соглашения способствовали падению популярности СИРИЗА. На последних парламентских выборах в Греции, состоявшихся в июле 2019 г., уверенную победу вновь одержала «Новая демократия» во главе с К. Мицотакисом — проевропейски и консервативно настроенным представителем одной из самых влиятельных в Греции политических семей. Характерно, что К. Мицотакис после прихода к власти обещал бороться с клановостью в стране, однако его племянник К. Бакояннис уже в сентябре 2019 г. получил должность мэра Афин.

Таким образом, начало посткризисной стабилизации греческой экономики* совпало с возвращением на первые роли «Новой демократии» — партии, утратившей былое могущество в «эпоху меморандумов». Назначение К. Мицотакиса на пост премьер-министра может говорить о вероятном возрождении двухпартийной системы Греции с опорой на представителей политических династий. Место второй по значимости в стране партии занимает теперь не ПАСОК, а СИРИЗА. Однако и партия ПАСОК, и Г. Папандреу, несмотря на огромные репутационные потери, не ушли с политической арены Греции, и спустя несколько лет после провала начали постепенно восстанавливать свое влияние. ПАСОК по-прежнему представлена в парламенте в составе альянса КИНАЛ (Движение перемен), Г. Папандреу в настоящее время является депутатом парламента, и в будущем не исключено его выдвижение на первые роли. Это означает, что «старая» элита, сформировавшаяся еще в последней четверти XX в., по-прежнему оказывает ключевое влияние на партийно-политическую жизнь Греции.

Примечания

¹ Барков С.А., Дорохина О.В., Маркеева А.В., Максимов А.А. Династии и фамилий-бренды в политической сфере постиндустриального общества // Вестник Рос-

* Здесь не рассматриваются экономические последствия пандемии COVID-19.

- сийского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4. С. 801–820. <https://10.22363/2313-2272-2020-20-4-801-820>.
- ² См., к примеру: *Trantidis A.* Clientelism and Economic Policy: Greece and the crisis. London; New York, 2016; *Lyrintzis Ch.* Greek Politics in the Era of Economic Crisis: Reassessing Causes and Effects / GreeSE Paper N 45. March 2011. URL: lse.ac.uk/Hellenic-Observatory/Publications/GreeSE-Papers (дата обращения: 12.04.2021).
- ³ Generations of Pork: How Greece's Political Elite Ruined the Country // Spiegel ONLINE. July 05, 2011. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/generations-of-pork-how-greece-s-political-elite-ruined-the-country-a-772176.html> (дата обращения: 11.04.2021).
- ⁴ *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. Очерки политического развития. М., 2010. С. 576.
- ⁵ *Trantidis A.* Clientelism and Economic Policy: Greece and the Crisis.
- ⁶ *Tsoukas L.* The Future of Greece in the European Union // Greece in the Twentieth Century / eds.: Th.A. Couloumbis, Th.C. Kariotis, F. Bellou. London; New York, 2004. P. 320.
- ⁷ *Квашнин Ю.Д.* Внутриполитическое развитие Греции в условиях кризиса // Современная Греция в мировой экономике и политике. М., 2013. С. 144.
- ⁸ *Lefkofridi Z.* National Political Parties and EU Policy Developments: The Case of Greece Prior to the Crisis // Journal of Modern Greek Studies. 2014. Vol. 32. N 2. P. 287–311. <https://10.1353/mgs.2014.0037>.
- ⁹ *Mavrozacharakis E., Tzagarakis S.* About Political Change in Greece / MPRA Paper N 72173. June 2016. P. 9. URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/72173/> (дата обращения: 12.04.2021).

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.31

Колесания этнического состава населения Истрии в конце XIX – начале XXI вв. и проблема их исторической и статистической интерпретации*

Александр Александрович Пивоваренко,

Институт славяноведения Российской академии наук
Москва, Российская Федерация; e-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Ключевые слова: Истрия, Хорватия, Италия, фашизм, Югославия

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ по проекту 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Fluctuations in the Ethnic Composition of the Population of Istria in the Late Nineteenth – Early Twenty-First Centuries and the Problem of Their Historical and Statistical Interpretation

Alexander A. Pivovarenko,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: aleksandar.a.p@ya.ru

Keywords: Istria, Croatia, Italy, fascism, Yugoslavia

Цель статьи — рассмотреть вопрос о содержании феномена региональной идентичности населения полуострова Истрия. Данные переписи населения 2011 г. в Хорватии фиксируют значительное многообразие идентификации населения региона в этнонациональном, религиозном и языковом планах. Характерно, что практически по каждому из параметров мы не видим полного численного совпадения: так, по данным переписи 2011 г., 156,2 тыс. населения составили католики, при том, что лишь 142 тыс. самоопределились как хорваты¹.

Общая численность населения на полуострове Истрия составила 208 тыс. человек. Среди статистически значимых присутствующих на полуострове сообществ, помимо хорватов-католиков, необходимо выделить сербов (7 206 человек), православных (7 220 чел.), итальянцев (12,5 тыс. человек), бошняков (6 146 человек, при том что лишь 2 866 человек указали своим родным так называемый «боснийский» язык), албанцев (2393 чел.). Значительную долю населения составляют агностики, атеисты либо уклоняющиеся от религиозного самоопределения (33 тыс. человек). Заслуживает внимание фигурирующая в переписи категория «Региональное самосознание», под которой принято понимать сторонников так называемой «особой истрийской идентичности». По сравнению с переписью 2001 г. (8 865 человек) число сторонников такой версии самоопределения увеличилось в три раза — до 25 203 человек².

Этнополитическая картина полуострова является достаточно пестрой, что указывает на необходимость ее тщательного изучения с привлечением статистических и нарративных данных, а также проведения опросов населения. Крайне важно оценить динамику изменения состава населения полуострова Истрия, на протяжении XX в. являвшегося предметом территориальных споров между Италией и Югославией, Словенией и Хорватией.

В работе охарактеризованы изменения этнополитического состава населения Истрии в период с конца XIX по начало XXI в. и проанализирована дискуссия, существующая по этому вопросу в хорватской и итальянской историографии. Ключевой проблемой в рассматриваемом сюжете является асимметричность имеющейся информации и интерпретаций в смысле их точности. Если ситуация до середины XX в. характеризовалась отсутствием верифицированных данных (в этот период Истрия находилась в составе Италии) при наличии достаточно четких интерпретаций (в частности, хорватская историография утверждает, что политика итальянского фашизма была направлена на подавление хорватского населения и его ассимиляцию)³, то начиная со второй половины 1940-х гг. подтвержденные данные югославских переписей уравниваются дискуссией об итальянских беженцах из Истрии. В частности, итальянская историография обвиняет Югославию в подавлении итальянского меньшинства⁴, в то время как югославо-хорватская историография стремится к занижению масштабов оттока итальянского населения из Истрии⁵.

Таким образом, существует серьезная дискуссия между югославо-хорватской и итальянской историографией о составе населения Истрии, причинах и масштабах происшедших этнополитических изменений, связанных с ассимиляцией либо вытеснением тех или иных групп населения. Хотя вопрос политической принадлежности полуострова сегодня не является открытым — Истрия признается частью государственного пространства Хорватии — дискуссия несет в себе и определенный политический элемент. В частности,

в начале 1990-х гг. наиболее фундаменталистские представители хорватской историографии, сторонники централизованной Хорватии, видели в истрийском региональном движении признаки итальянского сепаратизма⁶.

Анализ имеющегося комплекса данных позволяет более-менее определенно констатировать следующие тенденции.

Прежде всего, можно говорить о наличии в Истрии феномена подвижной («плавающей») идентичности как реакции на политические события XX в., закончившиеся образованием независимой Хорватии. В некотором смысле он может быть тождественен ситуации в Черногории, где в начале 1990-х гг. понятие «черногорец» было связано с сербским самоопределением, а в период независимости стало синонимом отдельной политической нации. Впрочем, более точный ответ на этот вопрос требует отдельного исследования.

Во-вторых, необходимо внимательнее отследить причины «перетекания» самоопределения из группы «Остальные» в группу «Региональное самосознание», которое имело место в 2001–2011 гг. Не менее важен вопрос, насколько региональное самосознание в Истрии формируется под влиянием Италии как государства с более мощным экономическим потенциалом и культурной надстройкой.

Существует вопрос несовпадения языковой и политической идентичности. В ходе переписи 1991 г. лишь 57,7% населения Истрии самоопределились как хорваты. При этом 76,6% назвали хорватский язык в качестве родного⁷. Увеличение сторонников хорватского самоопределения с 1991 по 2001 г. (со 135 до 148 тыс., или до 71,9 %) говорит о «подгонке» этнических данных к языковым. Однако механизм перехода пока что непонятен.

Наконец, следует обратить внимание на терминологическую дискуссию вокруг понятий «истриянин» (хорв. *Istrijan*) и «истраин». Как отмечает хорватский исследователь Н. Шетич, понятие «истриянин», являясь естественным с точки зрения географии, в историческом смысле имеет негативную коннотацию, поскольку в XX в. оно использовалось сначала «итальянско-фашистской», а затем «югославско-ком-

мунистической» политикой («одним “истриянином” больше означало, что одним хорватом стало меньше»). Сегодня же истриянин в понимании сторонников хорватского централизма — это «принадлежащий к суверенной хорватской нации гражданин Хорватии, независимо от того, ощущает ли он себя на национальном уровне итальянцем или хорватом». Наряду с этим существует стремление утвердить альтернативное определение «истранин» (хорв. *Istranin*), под которым понимается житель хорватской Истрии (Истрийской жупании), разделяющий нормы хорватского литературного языка вне зависимости от национального самоощущения⁸.

Этнический, историко-политический и статистический аспект, как и дискуссия о терминах, являются элементами ключевого вопроса: что же формирует наднациональную «особую» истрийскую общность и можно ли говорить о ее сохранении либо укреплении в существующих историко-политических условиях? Ответ на него требует дополнительного исследования с привлечением широкого комплекса документальных, статистических и нарративных данных.

Примечания

- ¹ Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjери i materinskom jeziku // Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske. URL: https://www.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (дата обращения: 08.01.2021). S. 52–63.
- ² Ibid. S. 52–53.
- ³ *Dukovski D.* Egzodus talijanskog stanovništva iz Istre 1945–1956 // *Časopis za suvremenu povijest*. 2001. Vol. 33. N 3. S. 635.
- ⁴ *Giuricin E.* Talijanska nacionalna zajednica (1945–2003) // *Istra kroz vrijeme. Pregled povijesti Istre sa osvrtom na grad Rijeku* / ured. E. Ivetic. Rovinj; Rijeka; Trieste, 2009. S. 653.
- ⁵ *Dukovski D.* Egzodus talijanskog stanovništva iz Istre 1945–1956. S. 635.
- ⁶ *Šetić N.* O nacionalnom identitetu Istre u XX. stoljeću // *Identitet Istre — ishodište i perspective* / ured. M. Manin et al. Zagreb, 2006.
- ⁷ *Klemenčić M., Kušar V., Richter Ž.* Promjene Narodnosnog sastava Istre. Prostorna analiza popisnih podataka 1880–1991 // *Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja*. 1993. Vol. 2. N 4–5 (6–7). S. 615.
- ⁸ *Šetić N.* O nacionalnom identitetu Istre u XX. stoljeću. S. 129, 133.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.32

На путях к националистической «симфонии»: косовский миф и сербские историки Средневековья в период югославского кризиса

Матвей Юрьевич Ломоносов,

Тюменский государственный университет,
Тюмень, Российская Федерация; e-mail: m.lomonosov@utmn.ru

Ключевые слова: битва на Косовом поле, интеллектуалы и власть, косовский миф, мифопоэтическая полифония, национальная память, сербская историография, сербский национализм

Towards a Nationalist “Symphony”: The Kosovo Myth and Serbian Historians of the Middle Ages during the Yugoslav Crisis

Matvey Yu. Lomonosov,

University of Tyumen,
Tyumen, Russian Federation; e-mail: m.lomonosov@utmn.ru

Keywords: The Battle of Kosovo, intellectuals and power, Kosovo myth, mythopoetic polyphony, national memory, Serbian historiography, Serbian nationalism

Как пишет С.А. Романенко, «война интеллектуалов в СФРЮ, к сожалению, началась гораздо раньше войны военачальников»¹. Многие отечественные балканисты рассматривают национальные мифы и войны памяти в качестве важного фактора югославского кризиса². Разделяя сложившиеся оценки, я счел необходимым дополнить их с учетом теоретической литературы, посвященной социальной памяти и мнемоническим практикам.

Мое исследование сосредоточено на национальном мифотворчестве сербских историков, изучавших Средневековье в начале 1980-х — конце 1990-х гг., а именно на их вкладе в развитие и популяризацию косовского мифа, который признан в литературе одним из самых ярких примеров политизации истории³. Этот этно-исторический нарратив, оформившийся в XIX в., рассматривает Косово «сердцем средневекового сербского царства (империи)». Согласно мифологической интерпретации, 15 (27) июня 1389 г. на «святой земле» князь Лазарь, а вместе с ним и весь сербский народ потерпели «мученическое поражение» от «турецких полчищ», но одержали «моральную победу». «Косовские герои» оставили потомкам, обреченным судьбой на многовековое «турецкое иго», «завет Косово». Завет гласит, что сама история наделила сербов «метафизическим ядром» высоких духовных ценностей и предопределила их завершающую победу в вековой борьбе с исторической несправедливостью. Для этого сербам нужно быть готовыми к превратностям и испытаниям судьбы, а также преодолеть внутренние «неслог» и расколы, такие как «предательство» участника битвы на Косовом поле Вука Бранковича.

На мой взгляд, внимательно изучая межэтнические «войны памяти», исследователи часто преуменьшают различия *внутри* этнических групп. Поэтому, с одной стороны, моя работа рассматривает идейные противоречия внутри интеллектуального сообщества сербских историков. С другой — она показывает, почему и как внутригрупповое разноречие (полифония) приобретает «симфоническое» звучание в условиях межэтнического конфликта. Другими словами, я анализирую, с помощью каких механизмов «национальный мифологический ландшафт» все же остается «национальным» и как господствующие национальные нарративы черпают свою силу из существующего многоголосия исторического сознания.

В существующих исследованиях изучение этно-исторических мифов часто ограничивается рассмотрением самих точек зрения интеллектуалов. Однако, на мой взгляд, сложно по-

нять, как образуется внутригрупповое многоголосие и как оно трансформируется в этно-национальное единогласие без учета социального положения, институционального контекста и идеологических предпочтений мифотворцев.

Как подчеркивают теоретики, важно отказаться от понимания «национальной памяти» как всеохватывающего социально-психологического явления, как «воображаемой, целостной и непротиворечивой памяти о национальном прошлом, которую разделяют почти все» члены сообщества. В действительности, «единого, ядерного национального нарратива [...] не существует»⁴. Поэтому Д. Белл предлагает говорить о «национальном мифологическом ландшафте» как дискурсивном пространстве, в котором «мифы нации формируются, распространяются, реконструируются и оспариваются»⁵. При этом, сопоставляя конкурирующие этно-исторические нарративы, необходимо учитывать, что они производятся интеллектуалами, действующими в рамках социальных институтов⁶. Эти социальные факторы влияют на индивидуальный выбор человека, а его решения ограничиваются устоявшимися правилами, которые можно рассматривать в контексте институциональной истории.

Анализ историографии 1980–1990-х гг. и биографий авторов обнаруживает, что сербское научное сообщество внесло большой вклад в возрождение мифа о Косовской битве, его культивирование и распространение среди широких масс в период югославского кризиса. Однако неправильно полагать, что научные и образовательные учреждения превратились в приводные ремни государственной пропаганды. Прямое давление политического руководства в то время носило несистематический и рекомендательный характер⁷.

Отношения сербских историков, исследователей средневекового Косово в 1980–1990-х гг. характеризует скрытое противостояние трех нормативно-ценностных сообществ: партийно-югославистского, национально-патриотического и скептического. Фрагментация сербской историографии отчасти отражала традиционный спор, который возник между сторонниками «критической школы» Илариона Рувараца и

«романтической школы» Пантелии Сречковича еще на рубеже XIX–XX вв.

Одна группа ученых, представленная близкими партийным структурам интеллектуалами, хранила верность лозунгам югославского братства и единства. Они усматривали в средневековой истории действенный источник патриотического воспитания, пропаганды ценностей многонациональной социалистической Югославии и борьбы против «крайностей» национализмов разных народов.

Другая группа историков придерживалась позиций сербского этнонационализма, возвеличивала этноисторический опыт и обращалась к соотечественникам с призывом следовать заветам славных предков. Ее видными представителями были по большей части филологи, культурологи, историки и антропологи из Сербской академии наук и искусств (САНИ). Сербские национал-патриоты видели себя защитниками народных традиций, блюстителями национальной памяти и идентичности и даже «спасителями нации». Методологически они сближались с интуитивистской историографией, устанавливая истину путем экзистенциального «вчувствования» в исторические обстоятельства существования героев своих работ. Как и приверженцы партийно-югославистского течения, национал-патриоты придерживались не фактографической, а социально-ориентированной модели историописания и ставили перед собой морализирующие задачи. Многие историки национально-патриотического направления активно участвовали в политике, занимая посты в оппозиционных партиях. Они критически относились к социалистической Югославии. Тем не менее важно отметить, что взгляды партийно-югославистского и национально-патриотического течений на Косовскую битву постепенно сближались, особенно к началу 1990-х гг.

Наконец, третья группа авторов текстов о сербском Средневековье, включавшая в себя профессиональных историков и правоведов, в той или иной степени разделяя национальную идею, настаивала, что достижение общих целей возможно лишь через критическое переосмысление исторического

опыта. Например, признавая «большое значение» памяти о Косовской битве для «сербского общества», один из лидеров скептического течения Сима Чиркович призывал к критическому анализу исторических источников, ставил под вопрос замыкание исторической мысли в национальных рамках и игнорирование достижений югославской историографии последних десятилетий⁸. Историки-скептики работали в обособленном от СНИИ Историческом институте и на гуманитарных кафедрах Белградского и Новосадского университетов. Они ориентировались на профессионализм, «технократическую» обособленность науки от политики и идеологии, позитивизм и корреспондентскую концепцию истины.

Три нормативно-ценностных сообщества сербских исследователей Средневековья 1980–1990-х гг. происходили из рядов государственных (так называемых «органических») интеллектуалов Югославии, но руководствовались разными целями и ценностями. Тем не менее ряд социальных механизмов приводил к постепенному преобразованию внутрицеховой полифонии относительно средневековой истории Косово в националистическую «симфонию» при встрече с Другим. Внешнее политическое давление на сообщество историков имело место, однако более важную роль играли другие факторы: плотность внутриреспубликанских интеллектуальных связей, межэтническое отчуждение и укрепление социальных границ между интеллектуалами разных национальностей, и, в конце концов, непреднамеренные последствия действий ученых (особенно «скептиков»).

Исследователи нередко склонны преувеличивать роль политического фактора в формировании предвзятого «национального» взгляда на прошлое и унификации позиций историков, особенно если под политическим фактором подразумевается прямое административное давление или «примитивная схема “заказчики — исполнители”»⁹. Как демонстрирует мое исследование, важную роль в трансформации внутрицеховой полифонии сербских исследователей Средневековья в национальную «симфонию» играли иные, социальные обстоятельства. Оказавшись в этих обстоятельствах,

руководствуясь собственными целями, ценностями и интересами, не только убежденные националисты, но и приверженцы социалистического югославизма, а также «умеренного патриотизма» включались в национальное мифотворчество.

Примечания

- ¹ Романенко С.А. История и историки в межэтнических конфликтах (Югославия конца 80-х — начала 90-х годов) // Общественные науки и современность. 1997. № 5. С. 58.
- ² См., например: Докучаева Н.А. Роль интеллектуалов в становлении современной Черногории // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2016. № 1/2. С. 60; Колосков Е.А. Косовский миф в современной сербской и албанской историографии: этапы и основные тенденции // *Studia slavica et balkanica petropolitana*. 2016. № 2. С. 152–168; Мартынова М.Ю. Косовский узел: этнический фактор. М., 2008. С. 36–38; *Ermolin D.S. When Skanderbeg meets Clinton: cultural landscape and commemorative strategies in postwar Kosovo* // *Politička Misao*. 2014. Vol. 51. N 5. P. 157–173.
- ³ См., например: Белов М.В. У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития. СПб., 2007. С. 479–511; Чоловић И. Смерт на Косовом пољу: Историја косовског мита. Београд, 2016. С. 9–31; *Bieber F. Nationalist Mobilization and Stories of Serb Suffering: The Kosovo Myth from the 600th anniversary of the present* // *Rethinking History*. 2002. Vol. 6. N 1. P. 95–110; *Popović M. Vidovan dan i časni krst*. Београд, 1998.
- ⁴ *Bell D.S. Mythscapes: Memory, mythology, and national identity* // *The British Journal of Sociology*. 2003. Vol. 54. N 1. P. 74.
- ⁵ *Ibid.* P. 75.
- ⁶ *Тоштендаль Р. Возвращение историзма? Нео-институционализм и “исторический поворот” в социальных науках* // *Диалог со временем*. 2010. № 30. С. 17.
- ⁷ *Marković P., Ković M., Miličević N. Developments in Serbian Historiography since 1989* // (Re) *Writing History. Historiography in Southeast Europe after Socialism* / ed. by U. Brunnbauer. Münster, 2004. P. 289.
- ⁸ *Ђирковић С. Косовска битка као историјски проблем* // *Косовска битка у историографији* / уред. С. Ђирковић. Београд, 1990. С. 109; *Idem. Уводна реч* // *Косовска битка у историографији* / уред. С. Ђирковић. Београд, 1990. С. 7–8.
- ⁹ *Кореняко В.А. Этнонационализм, квазиисториография и академическая наука* // *Историческая экспертиза*. 2016. № 3. С. 53.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.1.33

Роль сетевых массмедиа Республики Беларусь в конструировании национальной идентичности (по материалам 2020 г.)

Кристина Олеговна Долголаптева,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: k.dolgolapteva@yandex.ru

Ключевые слова: воображаемые сообщества, национальная идентичность, белорусские массмедиа, политика памяти

The Role of Belorussian Electronic Mass Media in the Construction of National Identity (Based on Articles of 2020)

Kristina O. Dolgolapteva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: k.dolgolapteva@yandex.ru

Keywords: imagined communities, national identity, Belorussian mass media, politics of memory

Вопрос конструирования национальной идентичности занимает особое место в медиадискурсе Республики Беларусь. Актуальность исследования связана с растущей социальной поляризацией в условиях политической нестабильности и информационного противоборства. Деятельность сетевых массмедиа в контексте предвыборной кампании 2020 г. способствовала росту ангажированности белорусского населения и активизации процессов поиска новой национальной идеи. Проблеме конструирования белорусской национальной идентичности на современном этапе посвящено относительно небольшое количество работ¹.

Цель исследования состояла в определении роли белорусских сетевых средств массовой информации в формировании национальной идентичности. Перед автором стоял ряд задач: выявить в текстах сетевых массмедиа элементы, определяющие отношение белорусов к этнической группе и нации в контексте современных и исторических реалий, систематизировать участвующие в конструировании национальной идентичности инфоповоды по тематике и проанализировать медиатексты на наличие дискурсивных стратегий.

Объектом исследования стали процессы формирования национальной идентичности, предметом — деятельность белорусских сетевых массмедиа. Эмпирическую базу исследования составили публикации крупных белорусских сетевых СМИ: «СБ Беларусь сегодня» (ежемесячная посещаемость — 0,9 млн), «Наша Ніва» (1,1 млн), «TUT.BY» (9,7 млн), «Куку» (0,6 млн); а также иновещательные проекты: «Радые Свабода» (американский капитал², 1,2 млн), «БелСат» (польский капитал³, 0,9 млн). В выборку вошли 319 материалов за 2020 г. (основания для выборки — метод ключевых слов, научный метод — контент-анализ).

За основу исследования был взят конструктивистский подход (работы Б. Андерсона и К. Хирши). Руководствуясь культурологическими теориями национализма, мы проанализировали, какая тематика превалирует в белорусской медиасреде, какие инфоповоды и символы формируют национальное самосознание жителей страны, какими способами выстраивается политика памяти в Республике Беларусь на современном этапе.

Согласно Б. Андерсону, регулярное чтение периодики создает в представлении отдельных индивидов целостный образ нации — «воображаемого сообщества»⁴. Сетевые массмедиа имеют больше возможностей эффективно формировать отношение аудитории к тем или иным общественно-политическим реалиям: мультимедийность, интерактивность, двусторонняя коммуникация, возможность анализировать метрики способствуют созданию вовлекающего, резонансного контента. В свою очередь, К. Хирши утверждает, что

национальная идентичность часто базируются не столько на чувстве сопричастности во время переживания актуальных событий, сколько на культуре прошлого, героев и традиций⁵.

До 2010-х гг. государство выступало монополистом информации, часть контента для аудиовизуальных СМИ приобреталась у российских государственных массмедиа⁶. Лицензии в Министерстве информации могли получить те периодические издания, повестка которых коррелировала с официальной идеологией. Оппозиционные массмедиа, такие как «Народная воля», «Белорусский партизан», «Свободные новости», «Хартыя'97» исключались из каталога подписки «Белпочты», их интернет-версии подвергались блокировке⁷. У граждан страны не было доступа к альтернативной информационной повестке, негосударственные медиа не играли важной роли в информационном обеспечении.

Демократизация доступа к техническим средствам и социальным сетям привела к росту оппозиционных настроений. В 2011 г. произошла «Революция через социальную сеть»⁸: серия акций протеста, организованных через «ВКонтакте» и Facebook. Власть устраняла журналистов с акций, препятствовала их работе вплоть до задержаний⁹. Протестное движение не получило такого развития, как в 2020 г., поскольку государственные массмедиа нивелировали суть происходившего, а оперативный пользовательский контент с акций протеста в социальных сетях еще не стал массовым явлением.

За 2019 год количество сетевых информационных каналов с общественно-политическим контентом выросло в два раза¹⁰. Кроме профессиональных журналистских редакций, возникли тематические паблики во «ВКонтакте», каналы на *YouTube*¹¹ и в *Telegram*¹². В отличие от государственных массмедиа, ориентированных на традиционные жанры, форматы и способы распространения контента (когда печатная версия издания приоритетнее сетевой), медиа нового типа начали гибко реагировать на информационные запросы аудитории, простым языком объяснять внутривнутриполитическую повестку (что при всех преимуществах открывает возможно-

сти для субъективной трактовки¹³ данных), делиться инсайдерской информацией от источников, близких к власти. Как следствие, возросли интерес и доверие к альтернативной повестке среди пользователей белорусского интернета.

Среди важнейших нациеобразующих элементов как Б. Андерсон, так и К. Хирши рассматривают символы, которые позволяют отдельным индивидуумам идентифицировать себя с образом общности: национальный флаг, герб, гимн, национальный язык, историю, культуру, религию, систему ценностей. По результатам контент-анализа, повестка государственных и оппозиционных массмедиа диктует противоположные по своей коннотации символы, из-за чего белорусская национальная идея претерпевает существенную трансформацию.

Государственные массмедиа	Оппозиционные массмедиа
Стабильность как залог процветания страны	Хаос как фактор перемен к лучшему
Персонификация политики в лице лидера государства	Деперсонификация политики
Нерушимость итогов Великой Отечественной войны, положительное отношение к советскому прошлому страны	Переосмысление итогов Великой Отечественной войны, негативное отношение к советскому прошлому страны
Развитие инициатив в рамках Союзного государства, поддержание дружбы с Россией и обращение к доводам об общей истории и культуре в медиатекстах	Протест против интеграционных процессов с Россией, формирование положительных образов представителей польской и литовской культуры
Поддержание традиционных ценностей вроде брака между мужчиной и женщиной как единственно приемлемого способа создания семьи; создание положительного образа многодетных семей	Пропаганда толерантного отношения к разным формам гендерной идентичности и различным формам сексуального самовыражения, выступление против запрета аборт

Национальная символика, закрепленная на законодательном уровне	Бело-красно-белый флаг, герб «Погоня»
Создание привлекательного образа села как места для жизни и построения карьеры	Создание привлекательного образа большого города и профессий из сферы креативных индустрий
Публикация материалов как на русском (4/5 от всех анализируемых материалов), так и на белорусском литературном языке (1/5 от всех анализируемых материалов)	Продвижение белорусского языка, внедрение неологизмов и заимствований из польского языка

Табл. 1. Сравнительная характеристика образов-символов, транслируемых в повестке государственных и оппозиционных сетевых массмедиа

Если выделять общие черты в риторике государственных и оппозиционных сетевых массмедиа, то к ним можно отнести конструирование образа мирной нации и позиционирование страны как географического центра Европы с курсом на выгодное многовекторное сотрудничество со всеми заинтересованными в этом странами¹⁴. Лидеры оппозиции высказываются о необходимости отказа от «дополнительной защиты»¹⁵ со стороны России и против углубления интеграционных процессов.

Результаты контент-анализа показали, что за обозначенный период 194 публикации (почти 2/3 от общего числа материалов) были посвящены президентским выборам, протестам и их символике, разоблачению фейков и пропаганды, моделированию будущего страны; 32 материала — отношениям с Россией (57% материалов с негативным контекстом, 21% — с позитивным; 22% — с нейтральным), 52 материала — истории и персоналиям прошлого, языку (12 материалов), а 15 публикаций — сельскому хозяйству и промышленности. Политизированный оттенок приобрели материалы о борьбе

с COVID-19 (14 материалов). Мы выделили основные задействованные в формировании новой национальной идеи тематические блоки публикаций.

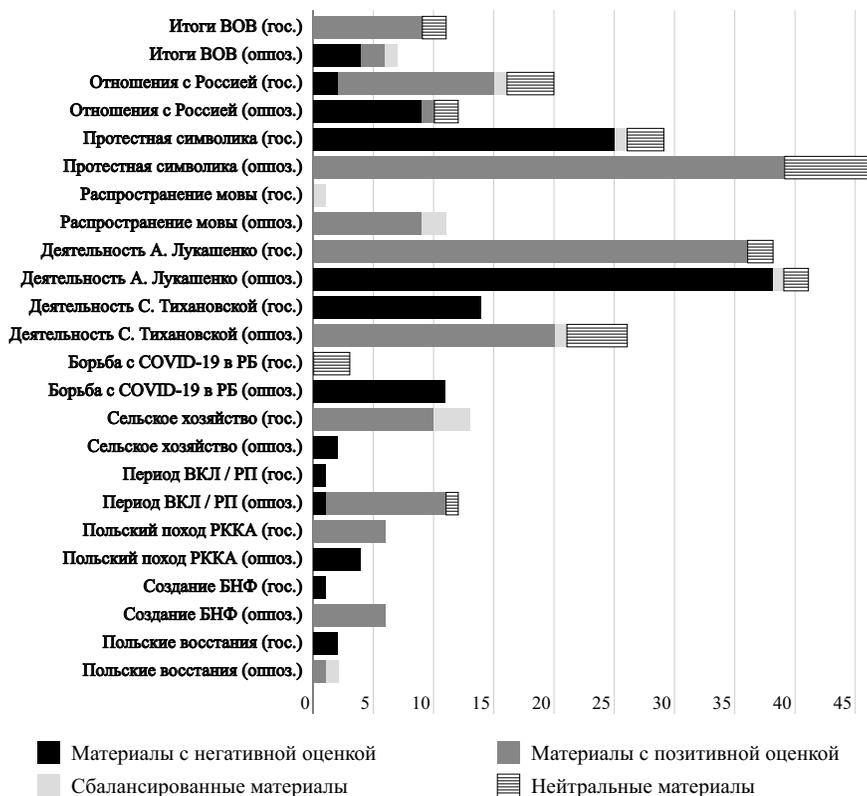

Рис. 1. Соотношение и тональность публикаций по тематике в государственных и оппозиционных медиа

Первый блок связан с политикой памяти как базы для новой национальной идеи. Все чаще в сетевых медиа поднимаются вопросы, связанные с победой в Великой Отечественной войне. Формально подвиги партизан оцениваются позитивно, однако в соотношении 2:3 выходят статьи о коллаборационистах реабилитирующего характера. Также продвигается идея о том, что урон, нанесенный белорус-

ским городам большевиками, был больше потерь, связанных с действиями немецкой армии в годы Первой мировой войны¹⁶. Положительно оцениваются периоды, когда Беларусь находилась в составе Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой, представители польской и литовской культуры (К. Калиновский, Т. Костюшко, Л. Сапега, С. Баторий, Гедимин, Миндовг и др.) осмысляются как белорусские национальные герои.

Второй крупный тематический блок затрагивает вопросы, связанные с внедрением альтернативной национальной символики. В 2020 г. возросла популярность оппозиционной символики: бело-красно-белого флага и герба «Погоня». Сетевые массмедиа тиражируют миф о многовековой истории флага, ссылаясь на то, что он был запечатлен как прасимвол белорусской государственности на картинах XV в.¹⁷ Однако бело-красно-белый флаг появился в 1917 г., и его создатель К. Дуж-Душевский не скрывал отсутствия исторического обоснования символики: «Белорусы считали своим государственным флагом такой же флаг, как и литовцы [...], но национального флага тогда еще не было, и мне пришлось сделать несколько проектов национального флага, один из которых был принят, а именно белая, красная и белая полосы. С этого времени этот флаг и является белорусским национальным флагом»¹⁸. В течение XX в. символ приобрел негативные коннотации, поскольку использовался коллаборационистами. Сегодня этот факт опускается сетевыми массмедиа. Флаг позиционируется как символ протестного движения и новой Беларуси.

Третий тематический блок посвящен модифицированию национального языка. В Беларуси официальными признаны как русский, так и белорусский языки, но в медиадискурсе регулярно поднимается вопрос о полном отказе от русского языка в повседневной жизни. В изданиях «Наша Ніва», «Радые Свабода» и «БелСат» есть рубрики, где аудиторию учат «правильному» белорусскому языку (часто неологизмам и заимствованной лексике из польского языка¹⁹), проводя негативные параллели на примере межъязыковых парол-

нимов²⁰. Нередко авторы текстов рекомендуют читателям записываться на бесплатные языковые курсы «Мова нанова» (присутствует польский капитал²¹). Их организаторы убеждены, что языковая политика будет успешной, если «уменьшится агрессивное влияние на идеологию нашей страны так называемого русского мира»²².

Подводя итоги, отметим, что белорусские сетевые медиа играют важнейшую роль в конструировании новой национальной идентичности. Они дестабилизируют ситуацию внутри страны, призывая население к участию в протестных акциях, и формируют в общественном сознании новые символы, с точки зрения конструктивистских теорий национализма определяющие фундамент национальной идеи. Повестка оппозиционных сетевых медиа политически ангажирует белорусов и существенно снижает доверие читателей к государственным СМИ благодаря освещению остросоциальных тем, вовлекающему контенту, новым форматам, инсайдерской информации и апеллированию к эмоциям.

Процесс формирования новой национальной идеи связан с двумя составляющими: осмыслением исторических фактов в публикациях медиа и анализе актуальных событий с выводами, убеждающими читателя в необходимости смены курса развития страны. В публикациях медиа национальная идентичность белорусов конструируется на основе восприятия польских и литовских деятелей как национальных белорусских героев (аргументами часто служат исторические мифы XX в., тиражируемые сетевыми оппозиционными СМИ), переосмысления итогов Великой Отечественной войны и формирования негативного отношения к советскому прошлому страны. Что касается актуальных инфоповодов, влияющих на исследуемые процессы, национальная идентичность формируется на базе идеи о пересмотре статуса государственных языков (поднимается вопрос полного отказа от русского языка), на подчеркивании отличий между русскими и белорусами и протесте против углубления интеграционных процессов между государства-

ми, а также на создании привлекательного для аудитории медиаобраза будущего Беларуси как демократического государства с постиндустриальной экономикой.

Примечания

- 1 См., напр.: *Бикетова Е.А., Чернышов Ю.Г.* Нацистроительство Республики Беларусь и европейский компонент белорусской идентичности // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 94–103; *Фабрикант М.С., Царик Ю.Ю.* Белорусский народ как реальность: особенности и проблемы национальной самоидентификации белорусов // *Беларуская думка*. 2010. № 8. С. 62–67.
- 2 Пра нас // *Радые Свабода* [сайт]. URL: <https://www.svaboda.org/about-us> (дата обращения: 30.04.2021).
- 3 Партнеры // *БелСат* [сайт]. URL: <https://belsat.eu/ru//about/partnyory/> (дата обращения: 30.04.2021).
- 4 Культурные корни // *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 87.
- 5 *Hirschi C.* The Origins of Nationalism. An Alternative History from Ancient Rome to Early Modern Germany. Cambridge, 2011. P. 118.
- 6 Энциклопедия мировой индустрии СМИ: Учебное пособие для студентов вузов / под ред. Е.Л. Вартановой. М., 2019. С. 45.
- 7 Мировые СМИ пишут о блокировке «Хартии'97» // *Репортер Беларуси* [сайт]. URL: <https://reporter.by/Belarus/krupnejshie-mirovyie-smi-pishut-o-blokirovke-hartii97-i-drugih-nezavisimyh-sajtov> (дата обращения 30.04.2021).
- 8 «Революция через социальные сети» в Беларуси: фиаско или тайм-аут // *Deutsche Welle* [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B%D1%8E%D1%86%D0%B8%D1%8F-%D1%87%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B7-%D1%81%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5-%D1%81%D0%B5%D1%82%D0%B8-%D0%B2-%D0%B1%D0%B5%D0%B%D0%B0%D1%80%D1%83%D1%81%D0%B8-%D1%84%D0%B8%D0%B0%D1%81%D0%BA%D0%BE-%D0%B8%D0%BB%D0%B8-%D1%82%D0%B0%D0%B9%D0%BC-%D0%B0%D1%83%D1%82/a-15275224> (дата обращения: 30.04.2021).
- 9 См., например: *И долго милиция будет по средам так вкалывать?* URL: <https://charter97.org/ru/news/2011/7/7/40358/> (дата обращения: 30.04.2021); Генпрокурор Белоруссии заступился за журналистов, задерживаемых на акциях «Революция через соцсети» // *Газета.ru* [сайт]. URL: https://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/07/15/n_1925405.shtml (дата обращения: 30.04.2021); *МИД РФ озабочен действиями властей Белоруссии в отношении демонстрантов* // *Вести.Ру* [сайт]. URL: <https://www.vesti.ru/article/2151020> (дата обращения: 30.04.2021).
- 10 Почему Лукашенко раздражают Telegram-каналы? // *Deutsche Welle* [сайт]. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BF%D0%BE%D1%87%D0%B5%D0%BC%D1%83-%D0%BB%D1%83%D0%BA%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B4%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B0%D1%8E%D1%82-telegram-%D0%BA%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8B/a-53282297> (дата обращения: 30.04.2021).

- 11 Популизм по-белорусски, или чем обусловлен хайп вокруг блогера Тихановского // Друзья Сябры [сайт]. URL: <http://друзья-сябры.рф/2020/06/%d0%bf%d0%be%d0%bf%d1%83%d0%bb%d0%b8%d0%b7%d0%bc-%d0%bf%d0%be-%d0%b1%d0%b5%d0%bb%d0%be%d1%80%d1%83%d1%81%d1%81%d0%ba%d0%b8-%d0%b8%d0%bb%d0%b8-%d1%87%d0%b5%d0%bc-%d0%be%d0%b1%d1%83%d1%81%d0%bb%d0%be/> (дата обращения: 30.04.2021).
- 12 «Ты разжигала костер, мы в нем безумно сгорали»: как ТГ-каналы накаляют ситуацию в Беларуси // Друзья Сябры [сайт]. URL: <http://друзья-сябры.рф/2020/08/%D1%82%D1%8B-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B6%D0%B8%D0%B3%D0%B0%D0%BB%D0%B0-%D0%BA%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B5%D1%80-%D0%BC%D1%8B-%D0%B2-%D0%BD%D0%B5%D0%BC-%D0%B1%D0%B5%D0%B7%D1%83%D0%BC%D0%BD%D0%BE-%D1%81/> (дата обращения: 30.04.2021).
- 13 Интерпретационная журналистика // Колесниченко А.В. Настольная книга журналиста. М., 2013. С. 311.
- 14 Макей: Беларусь должна и дальше придерживаться многовекторной внешней политики // БЕЛТА [сайт]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/belarus-dolzha-i-dalshe-priderzhivatsja-mnogovektornoj-vneshnej-politiki-makej-428266-2021/> (дата обращения: 30.04.2021).
- 15 Тихановская: Беларуси не нужна дополнительная «защита» со стороны России // Naviny.by. Белорусские новости [сайт]. URL: <https://naviny.online/new/20210421/1619027204-tihanovskaya-belarusi-ne-nuzhna-dopolnitelnaya-zashchita-so-storony-rossii> (дата обращения: 30.04.2021).
- 16 Зьнікла, але зафіксавана. Страчаная гісторыя Беларусі на здымках салдатаў Германскай імперыі // Радыё Свабода [сайт]. URL: <https://www.svaboda.org/a/30256824.html> (дата обращения: 30.04.2021).
- 17 50 фактаў за бел-чырвона-белы сыцяг // Радыё Свабода [сайт]. URL: <https://www.svaboda.org/a/29940620.html> (дата обращения: 30.04.2021).
- 18 Рудович С.С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе. Мінск, 2001. С. 80.
- 19 «Абы не як у маскалёў» // Друзья Сябры [сайт]. URL: <http://друзья-сябры.рф/2020/12/%d0%bb%d0%b8%d1%88%d1%8c-%d0%b1%d1%8b-%d0%bd%d0%b5-%d1%8f%d0%ba-%d1%83-%d0%bc%d0%b0%d1%81%d0%ba%d0%b0%d0%bb%d1%91%d1%9e-%d0%b8%d0%bb%d0%b8-%d1%80%d0%b5%d0%b0%d0%bb%d0%b8%d0%b8-%d0%b1/> (дата обращения: 30.04.2021).
- 20 Ня блытайма: расейскае «пытать» — зусім не беларускае «пытаць» (што пацвярджае і Іван Жажлівы) // Радыё Свабода [сайт]. URL: <https://www.svaboda.org/a/путас-путат-параніму/30237340.html> (дата обращения: 30.04.2021).
- 21 Мова Нанова // Белсат [сайт]. URL: <https://belsat.eu/ru/program/mova-nanovo/> (дата обращения: 30.04.2021).
- 22 Языковой барьер. В Белоруссии стартует предвыборная кампания с национальным колоритом // Коммерсантъ [сайт]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2810828> (дата обращения: 30.04.2021).

Секция
«**ЯЗЫКОЗНАНИЕ**»

ПЕРЕВОД И МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.01

О некоторых наречиях в русском и сербском языках

Виктория Валерьевна Каприелова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikakap@mail.ru

Ключевые слова: наречие, семантика, сербский язык, русский язык как иностранный

On Some Adverbs in Russian and Serbian

Viktorija V. Kaprielova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikakap@mail.ru

Keywords: adverbs, semantics, the Serbian language, Russian as a foreign language

Процесс обучения иностранному языку сегодня во многом построен с опорой на его систему, применяется сознательно-практический метод: «Сознательное овладение системой изучаемого языка в ее частном и общем виде соответствует потребностям взрослых людей, имеющих уже навыки в обобщении и систематизации определенного материала»¹. При освоении родственного языка нередко используется сознательно-сопоставительный метод, уделяющий большое вни-

мание сходствам и различиям изучаемого и родного языков, так как сходства служат хорошей базой, а неочевидные различия провоцируют серьезные ошибки. Методисты отмечают, что «к теоретическим сравнениям целесообразно прибегать в тех случаях, когда в обоих языках то или иное явление формально выражено, но имеются расхождения по смыслу при сходных или различных формах»². Именно таким явлениям и посвящено наше исследование.

Мы сопоставляем экстенционалы сербских наречий-интенсификаторов *лепо*, *много*, *више* и русских наречий, которые являются их традиционными переводами (под *экстенционалом* мы понимаем «объем понятия», «виртуальный денотат», то есть «множество объектов мира дискурса (предметов, свойств, ситуаций и т.д.), которые могут именоваться данным выражением»³). Мы исследуем «нетрадиционные» эквиваленты этих наречий, которые звучат наиболее естественно в русской речи не только для более полного представления семантики сербских слов, но и в целях преподавания русского языка сербам. Ведь употребление таких эквивалентов непременно будет повышать языковую компетенцию сербских студентов.

Материалом для нашего исследования послужили тексты произведений «Мост на Дрине» Иво Андрича, «Покойник» Бранислава Нушича и их параллельные переводы на русский язык.

В словаре И.И. Толстого приведены следующие эквиваленты сербского наречия *лепо*: «1) красиво, прекрасно; 2) хорошо»⁴. Но сербское *лепо* употребляется иначе, чем русское *красиво*, и не всегда переводится словами *прекрасно* и *хорошо*. Специфика русского наречия *красиво* состоит в том, что оно обозначает лишь эстетическую оценку предмета или действия (*Она красиво выглядит* = На нее приятно смотреть; *Миша очень красиво поет* = Приятно слушать, как он поет; *Они красиво обставили квартиру* = На их квартиру приятно смотреть).

Наречие *лепо* выражает положительный признак действия, поэтому его перевод на русский язык будет зависеть

от конкретного действия, обозначаемого в предложении, а в некоторых случаях и от признака, который, по мнению говорящего, является лучшим в данной ситуации.

(1) Koga su Višegrađani **lepo** ugostili, napisao u svom putopisu. Ср. перевод: «**хлебосольно** принятого гражданами Вишеграда».

В данном примере *lepo* переводится не просто как «хорошо», а «хлебосольно», таким образом обозначая высокую степень положительного признака действия, выражаемого глаголом *ugostiti*.

(2) A kako škripi zubima i progovara s koca **lepo** i razgovetno, ima nade da će živeti i do sutra u podne. Ср. перевод: «*что он скрипит зубами, говорит вполне **ясно** и разборчиво и, похоже, проживет и до завтрашнего дня*».

В данном контексте положительный признак действия, обозначаемого глаголом *govoriti* (рус. *говорить*), выражается на русском языке наречием *ясно*, хотя в следующем контексте он может содержать элемент значения «красиво»:

(3) Bio je uveren da **lepo** govori i to ga je zavidilo da govori mnogo. Ср. перевод: «*Был уверен в силе своего **красноречия** и в этом самообольщении говорил неудержимо много*».

А в следующем примере у действия «сидеть на солнце» положительным признаком будет «приятно»:

(4) Još je **lepo** moglo da se sedi na podnevnom suncu na kapiji. Ср. перевод: «*На полуденном солнце еще **приятно** было посидеть в воротах на мосту*».

Leпо употребляется как интенсификатор в просьбах (в таких случаях в русском используют наречия *очень* или *лучше*):

(5) Samo, molim vas **lepo**, to ne treba da zna gospođa Rina. Ср. наш перевод: «*Только **очень** вас прошу, госпожа Рина не должна об этом узнать*».

(6) Idite **lepo** kod Vukice u sobu, tamo je i njen verenik, pa se zabavljajte, a meni ostavite da brinem i vašu brigu. Ср. наш перевод: «*Идите **лучше** в комнату к Вукице, там как раз ее жених, повеселитесь, а я тут останусь и позабочусь о вас*».

В устной речи *лепо* также употребляется как частица с уступительным значением, близкая к русской частице *ладно*, *хорошо*. В таких случаях говорящий выражает, что он получил часть информации, но ему больше хочется узнать о другом (см. пример 7) или несмотря на данную информацию есть некоторое другое обстоятельство, которое, по его мнению, важнее или серьезнее (см. пример 8):

(7) Vi ste se udali, **лепо**, a šta je zatim bilo? Ср. наш перевод: «*Вот вы вышли замуж, **хорошо**, а что было потом?*»

(8) **Лепо, лепо**, neka je dobar i pošten, ali ako još jednom nađem da mu dućan zija bez nadzora, neće ovako lako proći. Ср. перевод: «*Ладно, ладно, пусть будет честный и хороший, но, если в другой раз оставит свою лавку без надзора, это ему так легко не сойдет*».

Наши наблюдения подтверждает Толковый словарь сербохорватского языка. Он выделяет такие основные значения наречия *лепо*, как «1. на леп начин, складно, успешно, добро; приятно, привлекательно, угодно; лубазно, учтиво; 2. добро, па нека, у реду; 3. ясно, добро; управо, просто, чисто; 4. у великој мери, доста, знатно»⁵. Таким образом, наречие *лепо* действительно является интенсификатором, нередко используется для обозначения какого угодно положительного признака действия, а также имеет специфическое употребление в устной речи.

Сербское наречие *много* довольно часто употребляется при глаголах в контекстах с отрицанием, русское наречие *много* в таких контекстах не используется. В них сербское *много* может переводиться русским *особо* или *особенно*.

(9) Koji naravno nije ni lep ni **mnogo** častan — «*Который, конечно, не был ни красивым, ни **особенно** уважаемым*».

(10) Ne gledajući **mnogo** napred ni suviše nazad — Ср. наш перевод: «*Никто не старался смотреть ни **особо** вперед, ни назад*».

(11) Naoko hodža se nije **mnogo** izmenio — Ср. наш перевод: «*С виду ходжа **особо** не изменился*». В параллельном переводе здесь используется слово *почти*, которое также

в некоторых контекстах может быть соответствием наречия *много*.

Наречие *много* используется как интенсификатор и в сравнительных конструкциях. В таких случаях его удобно переводить наречием *гораздо*:

(12) Sada ima ženu **mного** mlađu od sebe. — Ср. перевод: «*Теперешняя его жена **гораздо** моложе его*».

(13) U stvari, počelo je to **mного** ranije. — Ср. перевод: «*В сущности, все это началось **гораздо** раньше*».

В Толковом словаре сербохорватского языка даются такие значения наречия *много*: «1. у великом броју; у великој количини; доста времена, дуго; у високом степену, веома, врло, јако; у вези с компаративом [...] знатно, доста; 2. сувише, претерано, преко мере»⁶.

Обратимся к наречию *више* (компаративу наречия *много*). Если *лепо* выделяет положительный признак действия, то *више* усиливает характерный признак действия:

(14) Seljaci se sve **više** zbijaju oko guslara — Ср. перевод: «*Крестьяне **ближе** придвигаются к гуслиру*».

Действие, обозначаемое глаголом *збијати се* (рус. *придвигаться*), представляет собой векторное движение по отношению к определенному объекту (придвигаться, то есть 'сокращать дистанцию, начать находиться ближе'). Таким образом, признак действия, заложенный в глаголе *збијати се* — это признак «близко». Употребление наречия *више* рядом с данным глаголом актуализирует этот признак, поэтому на русский язык наречие *више* должно переводиться с помощью сравнительной степени наречия *близко*.

Смотрите также примеры, в которых актуализируются другие признаки:

(15) I što je više plakala, sve je **više** nalazila razloga za plač. — Ср. перевод: «*Чем **дольше** плакала она, тем больше находила поводов для слез*».

(16) Ti uzvici su se sve **više** sustizali i vezivali. — Ср. перевод: «*Эти возгласы **учащались**, зацеплялись друг за друга и связывались*».

Эти соотношения наречия *више* контекстуальны, однако важным представляется то, что в сербском в данных случаях

не используются наречия, обозначающие конкретную характеристику действия (чаще, ближе, дольше и т.д.), она выводится из значения глагола. При переводе на русский язык эту характеристику нередко приходится эксплицитировать, так как в русском языке инвариантное наречие-интенсификатор *больше* употребляется не так широко.

Интересно, что в некоторых случаях наречие *више* маркирует внезапное действие (пример 17) или смену ситуации (пример 18):

(17) Taj prvi blesak **više** zbuni oči — Ср. перевод: «*В первое мгновение свет ее ослепил глаза*».

(18) Uopšte, izgleda da je ovom sadašnjem naraštaju **više** stalo do njegovog shvatanja o životu nego do života samog. — Ср. перевод: «*Похоже, нынешнему поколению их взгляды на жизнь вообще дороже самой этой жизни*».

Наречие *више* в составе сравнительной конструкции может переводиться словом *скорее*:

(19) **Više** tužno nego uporno — Ср. перевод: «*скорее горестно, чем упорно*».

Толковый словарь сербохорватского языка (помимо толкования слова *више* как компаратива и употребления его в конструкциях с числительными) дает такие значения наречия *више*: «3. већ; још једанпут, поново; 4. претежно, углавито, у главном»⁷. Таким образом, наши наблюдения не покрывают все зафиксированные значения наречия *више*, с другой стороны, нам встретились употребления, значения которых выходят за рамки данных в толковом словаре.

Итак, мы видим, что экстенционалы сербских наречий *лепо*, *више* и *много* и значения их прямых аналогов в русском языке (*красиво*, *больше*, *много*) довольно сильно отличаются, что заставляет нас внимательнее подходить к поиску эквивалентов. Семантическая структура сербских наречий устроена несколько иначе по сравнению с русскими: нередко значения сербских наречий менее конкретизированы (как, например, в некоторых контекстах у наречия *лепо*, обозначающего **любой** положительный признак действия). Значения рассматриваемых наречий требуют детального опи-

сания и большого внимания при презентации лексического материала в аудитории.

Примечания

- ¹ *Московкин Л.В., Щукин А.Н.* Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного. М., 2010. С. 151.
- ² Там же. С. 147.
- ³ *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. М., 2000. С. 58.
- ⁴ *Толстой И.И.* Сербохорватско-русский словарь. М., 2000. С. 237.
- ⁵ Речник српскохорватскога књижевног језика / уређивачки одбор: М. Стевановић и др. Нови Сад, 1990. С. 190.
- ⁶ Там же. С. 402.
- ⁷ Там же. С. 390.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.02

Русский глагол «делать» и его функциональные эквиваленты в сербском языке

Татьяна Игоревна Кузина,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: tanya2997@yandex.ru

Ключевые слова: глагол, местоименность, лексико-семантический вариант, русский язык, сербский язык

Russian Verb «делать» and It's Functional Equivalents in Serbian

Tatiana I. Kuzina,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: tanya2997@yandex.ru

Keywords: verb, pronominality, lexico-semantic variant, Russian language, Serbian language

Функционально-коммуникативная грамматика делит все глаголы на полнозначенательные (*читать, гулять*), имеющие собственное лексическое значение, и неполнозначенательные (*делать**), десемантизированные¹. Сдвигаясь по семантической шкале, некоторые из них доходят до полюса местоименности и в ходе грамматикализации могут «эволюционировать в показатель с каузативной, аспектуальной, временной, модальной семантикой, становиться средством топикализации, эмфазы, а также участвовать в образовании отрицательных и вопросительных конструкций»². Именно это происходит с глаголом *делать* и его иноязычными эквивалентами.

Как показывают работы лингвистов³, глаголы с наиболее общей семьей ‘действие’ есть во всех известных языках мира. Вероятно, это связано с их заместительной функцией: они позволяют сказать о факте совершения действия, не конкретизируя характер этого действия (например, *делать* вместо *работать / читать*), ср. в ситуации неизвестности: — *Что ты делаешь?* — *Работаю / Читаю*. Типологические исследования представляют русский глагол *делать* (и эквивалентные ему глаголы в других языках) как глагол, «в самом чистом виде представляющий класс активных переходных глаголов и наиболее абстрактно передающий идею деятельности»⁴.

Наряду с полнозначенательным лексико-семантическим вариантом (ЛСВ), — (1) *На мамин день рождения мы решили сделать (= приготовить) большой торт*, — глагол *делать* реализует в современном русском языке, по крайней мере, следующие ЛСВ: неполнозначенательный, каузативный и местоименный. Неполнозначенательный глагол-экспликатор⁵ функционирует в составе описательных предикатов⁶ (ОП) и их аналогов⁷: (2) *Мы делаем опрос*

* К неполнозначенательным относят и глаголы, образованные от местоимений (*этовать, перээтовать* и т.п.), однако мы остановимся на глаголе *делать* и его иноязычных эквивалентах. Здесь и далее, говоря о глаголе несовершенного вида *делать*, имеем в виду и его видовую пару *сделать*.

(= *опрашиваем*) *местных жителей каждый месяц*; (3) *При чтении не забывайте **делать паузу** (*паузировать) в конце каждой синтагмы*. Каузативный ЛСВ функционирует в трёхкомпонентных сочетаниях⁸: (4) *Эта новость **сделала маму счастливой***. Местоименный ЛСВ выполняет анафорическую функцию: (5) *Катя любит петь и **делает это** (= поет) при любом удобном случае*; и катафорическую функцию: (6) — ***Что ты делаешь?** — Рисую*; (7) *Вся **все делает** на совесть: учится, работает, по дому помогает... = Вся **учится, работает, по дому помогает** на совесть*.

Опираясь на свойство замещения полнозначного слова, присущее классу местоимений, Ф.И. Панков предлагает глаголы в подобных синтаксических позициях называть *местоименными* (ср. местоименные наречия)⁹. Этот термин не является общепринятым. Так, Н.Ю. Шведова пользуется термином *дейктические глаголы*¹⁰, Ю.С. Маслов — *местоглаголия*¹¹. Вероятно, это связано с этимологией слова: *местоименный* < *вместо имени*. Однако критериями местоименности является десемантизированность слова и его способность выполнять функции местоимений (дейктическую, заместительную — анафорическую и катафорическую — количественную и др.), поэтому вслед за Ф.И. Панковым¹² будем пользоваться термином *местоименные глаголы*.

Известно, что ЛСВ слова могут иметь в качестве функциональных эквивалентов разные лексемы в другом языке. Рассмотрим эквиваленты ЛСВ русского глагола *делать* в сербском языке. Когда в русском функционирует полнознаменательный глагол *делать*, в сербском употребляется глагол *правити*: (8) ***Направила** сам тарту*¹³; пер. ***Я сделала** торт*. В составе ОП в русском языке, помимо глагола *делать*, употребляются глаголы *совершать*, *осуществлять*, *выполнять*; им эквивалентны сербские экспликативы *радити*, *правити*, *чинити*, *вршити*, однако лексическая сочетаемость эквивалентных глаголов не всегда совпадает¹⁴: (9) ***Pošto su izvršili potrebne kupovine, gospodin Fog i mlada žena vratitše se u hotel***¹⁵. пер. ***Сделав покупки, мистер Фог***

и молодая женщина вернулись в гостиницу. В каузативной функции в сербском языке используется глагол *чинити*: (10) *Учини свет болым местом!* пер. *Сделай мир лучше!* Анафорическую и катафорическую функции выполняет глагол *радити*: (11) *Волим да идем у биоскоп и то радим неделом.* пер. *Люблю ходить в кино и делаю это каждое воскресенье*; (12) — *Шта ти радиш?* — *Читам*; пер. — *Что ты делаешь?* — *Читаю*. Функционирование неполнозначительных глаголов в составе русских и сербских фразеологизмов требует отдельного изучения.

Языковой материал демонстрирует несоответствие рассматриваемых участков лексических систем русского и сербского языков. Учет выявленных различий и особенностей функционирования неполнозначительных глаголов необходим в переводческой практике и в практике преподавания русского и сербского языков как иностранных.

Примечания

- ¹ *Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 173.
- ² *Резникова Т.И.* Аналитические конструкции с глаголом «делать»: типологический обзор // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международного семинара Диалог '2002. Т. 1. «Теоретические проблемы». М., 2002. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/reznikov/> (дата обращения: 07.07.2020).
- ³ *Резникова Т.И.* Грамматикализация конструкций с глаголом «делать»: Типология и семантика. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. 143 с.; *Butt M.* The Light Verb Jungle // Harvard Working Papers in Linguistics. 2003. Vol. N 9, P. 1–49.
- ⁴ *Резникова Т.И.* Аналитические конструкции...
- ⁵ Термин введён в работе *Шмелёва Т.В.* Субъективные аспекты русского высказывания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
- ⁶ *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000. 502 с.
- ⁷ *Кузьменкова В.А.* Типология описательных предикатов и их аналогов в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 11.
- ⁸ *Всеволодова М.В.* Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. С. 94.
- ⁹ *Панков Ф.И.* Место глаголии в теории и практике преподавания русского языка как иностранного // Русский язык и культура в современном образовательном пространстве: V Международная научно-практическая конференция: Москва, филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 23–24 октября 2014 г.:

- Тезисы докладов. М., 2014. С. 60.; Панков Ф.И. Местоименный глагол как категориальный класс слов // Международная научная конференция Русский глагол (к 50-летию выхода в свет книги А.В. Бондарко и Л.Л. Буланина). СПб., 2017. С. 111.
- ¹⁰ Шведова Н.Ю. Местоимение и его смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М., 1998. 176 с. С. 42–43.
- ¹¹ Маслов Ю.С. Введение в языкознание: Учебник для филол. и лингв. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. СПб.; М., 2005. С. 181.
- ¹² Подробнее о местоименности см. Панков Ф.И., Тресорукова И.В. Глаголы с местоименной семантикой как репрезентанты русской и греческой языковых картин мира: на материале лексем «делать» / «кавш» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 96–102.
- ¹³ Все примеры, кроме примера 9, были сконструированы, но, по наблюдениям автора, являются естественными: аналогичные употребления встречаются в речи носителей сербского языка.
- ¹⁴ Керкез Д. Интенција перефрастичних предикатских конструкција у руском и српском језику (ппк као речника одредница) // Зборник Матице српске за славистику свеска 56–57. закључен је 30. децембра 1999. С. 117–118. https://www.rastko.rs/filologija/zmss/arhiva/56–57/dragana_kerkez.pdf (дата обраћења: 19.10.2019).
- ¹⁵ Žil V. Put oko sveta za 80 dana / preveo s francuskog dr. Radovan Zavišić. Beograd, 1966.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.03

Глаголы *подценявам* 'недооценивать' и *надценявам* 'переоценивать': семантическая структура и проблемы перевода

Александра Владимировна Еремченко,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: erema.sas@mail.ru

Ключевые слова: предикаты устойчивого состояния, оценка, глаголы интерпретации, болгарский язык

Verbs *подценявам* 'underestimate' and *надценявам* 'overestimate': Semantical Structure and Problems of Translation

Aleksandra V. Eremchenko,

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russian Federation;
e-mail: erema.sas@mail.ru

Keywords: stable state predicates, evaluation, interpretive action verbs, Bulgarian language

В докладе, основанном на материале Болгарского национального корпуса, рассматриваются семантические и синтаксические свойства болгарских глаголов *подценявам* 'недооценивать' и *надценявам* 'переоценивать'. Отдельное внимание уделяется вопросам перевода и трудностям, которые возникают при выборе их русских соответствий, несмотря на семантическую эквивалентность указанных русских и болгарских лексических пар.

Значение предикатов *подценявам* / *недооценивать* и *надценявам* / *переоценивать* связано с мыслительной (ментальной) деятельностью человека, что позволяет относить их к классу внутренних состояний. Будучи близкими к ментальным предикатам типа *считать*, *знать*, *думать*, то есть к устойчивым ментальным состояниям¹, они в то же время обнаруживают интерпретационный компонент, то есть смыкаются с группой интерпретационных глаголов, которые «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния, а служат лишь для какой-то интерпретации (квалификации) другого, вполне конкретного действия или состояния»². Ю.Д. Апресян приводит глаголы *ошибаться* и *переоценивать* как пример возможного соприкосновения интерпретационных глаголов с другими классами предикатов, а именно — состояниями³. Согласно Апресяну, глаголы *пере-*

оценивать и *недооценивать* относятся к подклассу логической, или истинностной интерпретации⁴.

В качестве рабочего толкования глаголов *недооценивать* и *переоценивать* и их болгарских эквивалентов примем следующее:

X считает, что *Y* ошибается в оценке *Z*;

X считает, что *Z* заслуживает иной оценки, более высокой или более низкой;

X считает, что его оценка *Z* наиболее близка к истинной.

Таким образом, толкование анализируемых предикатов тесно связано с предикатом *считать* и с понятием ошибки. Глагол *считать* является представителем класса предикатов устойчивого внутреннего состояния, он «обозначает совершенно определенный тип мнения («мнение-оценку»)» и включает в себя истинностную оценку подчиненной пропозиции⁵. Понятие *ошибки* приложимо к разным типам ситуаций. Согласно Г.И. Кустовой, можно выделить три типа «ошибочных» ситуаций:

1) действие с ошибочным результатом (*ошибся дверью, ошибка пилота*);

2) поступок-ошибка (*Он зря женился на Клаве, это была ошибка*);

3) ошибочное мнение / убеждение / суждение (*— Они не знакомы. — Вы ошибаетесь, они встречались несколько раз*)⁶.

Для толкования исследуемых нами глаголов актуальным является третий тип — ошибочное мнение / убеждение / суждение. Именно сочетание статуса субъективной истины знания *X* о *Z* вместе с его убеждением в том, что *Y* имеет ошибочное мнение по поводу некоей ситуации приводит к появлению негативной оценки в структуре предикатов *недооценивать* и *переоценивать*, так как «будучи утверждениями об истине, предложения, выражающие мнение-оценку, так же как и выражающие знание, не допускают продолжения, в котором бы выражалось сомнение в истинности той же пропозиции»⁷.

В докладе исследуется, кто или что может выступать в роли *X*, *Y* и *Z*.

В наиболее распространенном случае говорящий *X* делает утверждение по поводу оценки *Y* предмета оценки *Z*, например: *Ти надценяваш своите сили*. В то же время есть случаи, в которых $X=Y$, а в роли *Z* выступает некое третье лицо или предмет (*Не мислете, че подценявам нашия доклад*) или даже когда $X=Y=Z$, где *Z* выражен местоимением, кореферентным субъекту оценки: *Знаете ли, днес се надценявам ужасно*.

Ситуация, когда *X*, *Y* и *Z* являются одним и тем же лицом, достаточно сильно дискредитирует говорящего. Неудивительно, что значительную часть контекстов при таких употреблениях составляют высказывания отрицательные (*Нямах причина да се подценявам*) и самоуничижительные (*Знаете ли, днес се подценявам ужасно*), то есть либо *X* отрицает свою ошибку в оценке себя, либо осознает такую ошибку. Также возможен гипотаксический контекст (*Понякога си мисля, че се надценявам, че зад фактите и вероятностите ми се привиждат призраци*).

Исходя из нашего толкования глаголов *подценявам* и *надценявам*, *Z* — это что-то, относительно чего у *Y* есть мнение, которое *X* считает ошибочным. В докладе исследуется, что может выступать в роли такого *Z* (чаще всего: личность человека в целом; его способности и качества; заслуги и успех; результаты деятельности). Рассматривается, какие именно признаки оцениваются в *Z*, когда он выражен предметным именем или абстрактным понятием.

На материале сплошной выборки из Болгарского национального корпуса (далее — БНК) в докладе делаются выводы о том, какие признаки интерпретационных глаголов и глаголов устойчивых состояний реализуются у предикатов *подценявам* и *надценявам*, а какие — нет. Например, рассматриваемые глаголы разделяют многие свойства класса интерпретаций, такие как: а) употребление в контексте упрека; б) отсутствие актуально-длительного грамматического значения (*Вы ошибаетесь* означает *Вы уже ошиблись*⁸): если субъект что-то / кого-то недооценивает или переоценивает, это значит, что акт ментального действия был

уже совершен и оценка уже состоялась; в) наличие референции к моменту речи и др. Как известно, интерпретационные глаголы являются предикатами вторичной номинации и «сами по себе не обозначают никакого конкретного действия или состояния»⁹. Данный признак реализуется в контекстах с глаголами *подценявам* и *надценявам* по-особенному: крайне редко можно встретить контекст, в котором данное «конкретное действие или состояние» было бы упомянуто, как в примере: *Подценяваш ме, като мислиш, че имам нужда от теб*. В докладе предлагаются возможные объяснения такого ограничения.

Согласно Анне А. Зализняк, предикаты внутреннего состояния «не сочетаются с обстоятельствами места»¹⁰. Выборка из БНК не выявила контекстов, в которых глаголы *подценявам* и *надценявам* сочетались бы с такими обстоятельствами, то есть этот признак можно считать для них характерным (например, невозможен контекст **Подценяват я отвън*, а в таких контекстах, как, например, *На работа я подценяват / надценяват*, обстоятельство *на работа* обозначает \bar{Y} (то есть ее недооценивают коллеги, начальник и т. д.). Для глаголов *подценявам* и *надценявам*, как и для предикатов устойчивого внутреннего состояния, нехарактерно сочетание с наречиями образа действия (невозможен контекст **Подценяваш ме добре / бързо / приятелски*).

В докладе также рассматривается реализация личностных характеристик глаголов *подценявам* и *надценявам*. Для этого было исследовано процентное соотношение контекстов в БНК, содержащих интересующие нас глаголы в СВ и НСВ, всех лиц и чисел в форме настоящего времени.

Глагол	1 лицо ед.ч.	1 лицо мн.ч.	2 лицо ед.ч.	2 лицо мн.ч.	3 лицо ед.ч.	3 лицо мн.ч.
Подценявам	236	109	154	87	450	172
Надценявам	26	19	67	46	131	55

Для обоих глаголов превалирующим оказалось употребление третьеличных форм, что в целом является нормой для интерпретационных глаголов. Однако выборка для глагола *надценявам* показала преимущество употребления первого лица над вторым, что нехарактерно для глаголов класса интерпретаций. В докладе подробно анализируются контексты, допускающие употребление рассматриваемых предикатов в форме первого лица, а также уделено внимание контекстам, обеспечивающим столь большой процент третьеличных форм.

В докладе обсуждаются и переводческие проблемы, связанные с исследуемыми предикатами, в частности, способы перевода предиката *подценявам* в отрицательных контекстах, так как русский глагол *недооценивать* в силу того, что отрицание входит в состав приставки, не может так же легко, как болгарский, сочетаться с приглагольной отрицательной частицей *не*, например: *Не, не я подценявайте, тя чете много* 'Нет, не недооценивайте ее, она много читает'. Предлагаются решения, которые снимают указанную проблему.

Примечания

- ¹ Падучева Е.В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996; Зализняк Анна А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992. (Slavistische Beiträge. Band 298.) С. 17; Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 81–87.
- ² Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы: семантическая структура и свойства // Русский язык в научном освещении. 2004. № 1. С. 5.
- ³ Там же. С. 11.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. С. 190.
- ⁶ Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. С. 234.
- ⁷ Зализняк Анна А. Многозначность... С. 191.
- ⁸ Апресян Ю.Д. Интерпретационные глаголы... С. 6.
- ⁹ Там же. С. 5.
- ¹⁰ Зализняк Анна А. Исследования... С. 18.

Имена латинского происхождения в романе «Гарри Поттер» при передаче на славянские языки

Анна Александровна Коношенкова,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anion91@mail.ru

Ключевые слова: перевод, переводоведение, онимы, антропонимы

Names of Latin Origin in the Harry Potter Novel Transmitted into Slavic Languages

Anna A. Konoshenkova,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anion91@mail.ru

Keywords: translation, translation studies, onyms, anthroponyms

Перевод имен собственных в художественной литературе всегда является актуальной проблемой как для переводоведения, так и для лингвистики в целом. Данный доклад посвящен проблеме передачи имен собственных латинского происхождения на материале переводов романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере. Работа носит сопоставительный характер, поскольку привлекаются три славянских языка, что позволяет высветить проблемы перевода ярче, демонстрируя сходства и различия на формальном и содержательном уровнях.

В Польше цикл романов о Гарри Поттере был опубликован в 2000–2008 гг. издательством *Media Rodzina* в переводе Анджея Польковского (*Andrzej Polkowski*). Над русским переводом романов в издательстве «Росмэн» с 2000 г. по 2007 г.

работало более десяти переводчиков. В Беларуси перевод А. Петрович (*А. Пятровіч*) выходит с 2019 г. и выпускается издателем А.М. Янушкевичем (*А.М. Янушкевіч*). К 2021 г. переведены первые две книги — «Гары Потэр і філасофскі камень» и «Гары Потэр і таемная зала».

Антропонимы являются наиболее многочисленной и разнообразной группой онимов в романе. Антропонимика — это раздел ономастики, изучающий антропонимы, собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрывааемые имена)¹. Все эти виды антропонимов представлены в романе Дж.К. Роулинг.

В переводческой практике антропонимы принято транскрибировать либо, реже, транслитерировать, то есть, переносить в текст языка перевода с сохранением фонетической и/или графической формы. Однако, когда переводчик сталкивается с так называемыми «говорящими» (смысловыми) именами и прозвищами, ему приходится обращаться к различным способам трансформации.

В докладе рассматривается особенная категория антропонимов романа — имена латинского происхождения. В русской традиции имена латинского происхождения меняют свои окончания с целью адаптации к грамматическому строю следующим образом:

Мужские имена 2-го склонения:

- на -us теряют это окончание при транслитерации (лат. Severus — рус. Север);
- на -ius оканчиваются на -ий (лат. Marius — рус. Марий);
- на -eius оканчиваются на -ей (лат. Pompeius — рус. Помпей);

Мужские имена 3-го склонения:

- с окончанием -o оканчиваются на -он (лат. Cicero — рус. Цицерон);
- с окончанием на -s утрачивают окончание (лат. Dis — рус. Дит).

При этом в обоих случаях при переводе основа имени берется из косвенных падежей (Cicero — gen. Ciceronis, Dis — gen. Ditis).

Впрочем, еще в 1940-е гг. отмечалось, что транскрипция греческих и римских собственных имен в нашей исторической и художественной литературе, «имеет довольно хаотический вид и не регулируется никакими твердыми нормами»².

Непоследовательны русские переводчики и при передаче имен латинского происхождения в романе «Гарри Поттер». В большинстве случаев они транслитерируют имя полностью, не учитывая традиционные способы передачи. Так, например, имя Cornelius Fudge передается как «Корнелиус Фадж» при традиционном варианте «Корнелий». Однако встречается и традиционный вариант написания, например англ. Tiberius Ogden — рус. Тиберий Огден. Причины подобной непоследовательности не вполне ясны, так как среди обоих вариантов встречаются прецедентные имена, вошедшие в культурный и исторический фонд русского языка.

Например, многие члены семейства Блэк (англ. Black) получили свои имена в честь звезд и созвездий, что почти не находит своего отражения в русском переводе (напр. англ. Arcturus — рус. Арктурус, астроним «Арктур»). Не вполне понятно, является ли это ошибкой переводчиков, не распознавших астрономические названия, или намеренным шагом к унификации имен. Возможно также, что подобное решение является стилистическим средством и служит для «удревления» имени и придания ему магической ауры.

Что касается польской традиции передачи антропонимов латинского происхождения, то Мария Малец отмечает следующую закономерность при адаптации:

- имена на -anus обычно теряют окончание -us (лат. Romanus — польск. Roman);
- имена на -ianus оканчиваются на -ijan/-ujan (лат. Lucianus — польск. Łucujan);
- имена на -inus также теряют окончание -us, кроме того, сочетания ti, di, ri превратились, согласно польской фонетике, в ci, dzi, rzy (лат. Martinus — польск. Marcin);

- некоторые двусложные имена на -us меняют свое окончание на -usz (лат. Magnus — польск. Magnusz);
- в некоторых именах на -us, группа согласных на конце, теряя окончание, дополняется гласными (лат. Paulus — польск. Paweł, лат. Franciscus — польск. Franciszek);
- имена на -ius приобретают три типа окончаний — -i/-у, -(i)jusz, либо нулевое (лат. Antonius — польск. Antoni, лат. Gaius — польск. Gajusz, лат. Gregorius — польск. Grzegorz)³.

Таким образом, можно сделать вывод, что в польском языке доминирует традиция приведения заимствованных антропонимов к нормам звучания и морфологического оформления антропонимов польских.

Передавая имена латинского и псевдолатинского происхождения романа «Гарри Поттер», переводчик адаптирует их во многом согласно данной традиции: англ. Lucius Malfoy — польск. Lucjusz Malfoy, англ. Ambrosius Flume — польск. Ambrozjusz Flume. Вместе с тем другие имена на -us подобной адаптации не получают: Rubeus Hagrid, Ksenofilus (англ. Xenophilus) Lovegood, Filius Flitwick.

Есть в переводе и третий вариант, при котором имя на -us утрачивает свою латинскую флексию: англ. Rodolphus Lestrangle — польск. Rudolf Lestrangle, что тоже может быть связано с «историчностью» имени.

Что касается упомянутого выше семейства Блэк, то польский переводчик тоже не всегда соотносит их имена с названиями небесных тел. То же имя Arcturus он переносит без изменений, хотя польский астроним — Arktur.

В белорусской науке до сих пор вопрос о передаче имен латинского происхождения подробно не изучался, однако, если посмотреть на прецедентные имена, то можно увидеть тенденцию, схожую с русской традицией: лат. Gaius Iulius Caesar Octaviānus — белор. Гай Юлій Цэзар Актавіян, лат. Marcus Tullius Tiro — белор. Марк Тулій Тырон, лат. Flavius Iosēphus — белор. Флавій Іосіф⁴. Здесь мы видим, что имена на -ius приобретают окончание -ий, имена на -us окончания теряют, а имена на -o оканчиваются на -он.

Несмотря на то, что белорусский перевод романов о Гарри Поттере еще не завершен, некоторые примеры имен латинского происхождения и закономерности их передачи уже можно обнаружить: белорусская переводчица транслитерирует имена с английского, не обращаясь к традиционной для латинских имен адаптации и сохраняя везде окончание *-us* (англ. *Argus Filch* — белор. Аргус Філч, англ. *Arsenius Jigger* — белор. Арсеніус Джыгер).

Семейство Блэков представлено пока только одним членом, и в данном случае имя Сірыус совпадает с астрономическим названием звезды Сірыус.

Перевод имен латинского и псевдолатинского происхождения является довольно проблематичным в силу разных временных периодов заимствования, отсутствия четких правил транслитерации и возможности сосуществования нескольких форм одновременно. Однако стоит отметить, что в случае с переводом латинских и псевдолатинских имен из романов Дж. Роулинг и русские, и польский переводчики проявили непоследовательность в выборе стратегии перевода. Белорусская переводчица последовательно сохраняет латинские формы, очевидно, стилизуя имена и вписывая их в общий контекст романа-фэнтези.

Примечания

- ¹ Подольская Н.В. Антропонимика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 36.
- ² Протасов М. Об упорядочении и унификации транскрипции собственных имен и исторических терминов в истории античного мира // Вестник древней истории. 1940. № 1. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1343696784> (дата обращения: 23.03.2021).
- ³ Malec M. Imiona genetycznie łacińskie w czrześcijańskiej antroponimii staropolskiej // Acta Universitatis Lodzianis. 1993. Folia Linguistica 27. S. 158–161.
- ⁴ Валашчук М.У. Лацінская мова: Вучэб. Дапаможнік / М.У. Валашчук, В.М. Валашчук, І.І. Груль; Пад агул. рэд. М.У. Валашчук. Гродна, 2003. URL: http://ebooks.grsu.by/lat_mov/rymskiya-imjony.htm (дата обращения: 23.03.2021).

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.05

Концептуальная рамка исследования предикатов класса состояния в русском и болгарском языках*

*Христина Николова Кукова,
Светлозара Илиева Лесева,
Ивелина Любенова Стоянова,*

Институт болгарского языка
имени Л. Андрейчина Болгарской академии наук,
София, Болгария; e-mail: hristina@dcl.bas.bg,
zarka@dcl.bas.bg,
iva@dcl.bas.bg

Ключевые слова: глаголы состояния, семантические классификации глаголов, параллельный корпус, лексико-семантические ресурсы

A Conceptual Framework for the Study of Stative Predicates in Bulgarian and Russian

*Hristina N. Kukova,
Svetlozara I. Leseva,
Ivelina L. Stoyanova,*

Institute for Bulgarian Language
“Prof. Lyubomir Andreychin” Bulgarian Academy of Sciences,
Sofia, Bulgaria; e-mail: hristina@dcl.bas.bg,
zarka@dcl.bas.bg,
iva@dcl.bas.bg

Keywords: stative verbs, semantic classifications of verbs, parallel corpora, lexical semantic resources

* Исследование выполнено при поддержке Фонда «Научные исследования» (проект «Онтология ситуаций состояния — лингвистическое моделирование. Сопоставительное исследование болгарского и русского» / «Онтология на ситуациите за състояние — Съоставително изследване за български и руски», договор № КП-06-ПРУСИЯ-78).

В исследовании рассматриваются глаголы состояния в русском и болгарском языках. На начальном этапе мы сделали попытку описать принципы их классификации в наиболее авторитетных публикациях по данной тематике. Так как в исследованиях часто противопоставляются элементы разных систем и уровней, это оказалось нетривиальной, но вместе с тем актуальной задачей. Исходной точкой послужила классификация глаголов состояния Е.В. Падучевой¹ и соответствия выделяемым ею классам в разных типологиях. Создается впечатление, что для некоторых типов существуют категориальные соответствия в разных классификациях. У авторов выявлен субкласс пространственных отношений между неподвижными объектами (Е.В. Падучева) — положения в пространстве (Н.С. Авилова²) — местонахождения (Р.Д. ван Валин и Р.Дж. ЛаПолла³). Однако есть и расхождения, связанные с обобщением или детализацией. Например, эмоциональные состояния Падучева рассматривает как временные (*беспокоиться*, *веселиться*) и постоянные (*гордиться*, *любить*). У ван Валина и ЛаПоллы они соответствуют внутренним переживаниям и эмоциям, хотя авторы не указывают на длительность эксплицитно. Авилова, изучая активность / неактивность и статику / динамику, делит эти два типа на динамические глаголы физического и психического состояния субъекта (*грустить*, *веселиться*) и на динамическое отношение к чему-либо (*любить*, *ненавидеть*, *восхищаться*), учитывая переходность второго типа.

В результате таких наблюдений можно наметить общие семантические классы и подклассы в разных языках, что позволит сделать планируемое нами корпусное исследование более полным и репрезентативным. Можно выделить некоторые ясно различимые группы, которые представляют лингвистический интерес (по Падучевой, в сопоставлении с ван Валином). Первая общая группа включает разные виды отношений: параметры физического объекта, местонахождение и пространственные отношения; отношения между объектами или абстрактными классами, в том числе принадлежность, тождество, идентификацию, атрибутивность.

Вторая большая группа представлена собственно глаголами состояния, среди которых выделяются глаголы со следующими значениями: физические и физиологические состояния; эмоциональные состояния и отношения; ментальные состояния и интеллектуальная оценка; интенциональные и волевые глаголы; глаголы восприятия; модальные глаголы. Особый интерес представляют речевые состояния, речевые действия и виды речевого поведения, отмеченные Падучевой, так как они занимают промежуточное положение между действиями и состояниями.

Для того, чтобы проследить в сопоставительном плане семантические особенности предикатов, их специфические категории и связанные с ними синтаксические реализации аргументов, мы организовали работу в несколько этапов, в соответствии со следующими задачами: 1) установить набор глаголов состояния и фиксировать переводные соответствия в двух языках; 2) автоматизировать поиск, чтобы включить больше разных глаголов состояния; 3) соотнести значения глаголов с их абстрактными синтаксическими рамками; 4) найти эквиваленты глаголов в параллельном корпусе и рассмотреть подтипы на основе существующих классификаций 5) описать реализацию их синтаксических фреймов в предложениях.

Для выделения и анализа соответствующих пар в двух языках мы используем несколько основных ресурсов: «Ворднет», «Фреймнет» и параллельный русско-болгарский корпус.

«Ворднет»⁴ — это лингвистическая база данных, которая была создана в Принстонском университете для описания английского языка и которую впоследствии стало возможно применять для исследования многих других языков мира. Значения в ней представлены синонимическими рядами («синсетами»), организованными при помощи гиперо-гипонимических связей и соотнесенными друг с другом концептуальными, деривативными и другими связями. Каждый набор синонимов приравнивается к значениям в других языках при помощи уникального идентификационного

кода. Итак, мы рассматриваем языковые соответствия глаголов состояния в русском и болгарском «Ворднетах», используя английский как язык-посредник. В болгарской базе насчитывается 14 103 глагольных синонимических рядов, а в русской — 7 634.

Все глаголы в «Ворднете» организованы на основе 15 семантических примитивов (напр. «глаголы движения», «глаголы перемены», «глаголы эмоции» и т. д.) Наряду с перечисленными примитивами существует также примитив состояния, включающий единицы в аспектуальном смысле этого термина. Имея в виду проанализированные классификации, мы рассматриваем не только примитив состояния, насчитывающий 812 синонимических рядов в английском «Ворднете», но и их непосредственные гипонимы, увеличивая таким образом число синсетов до 1 052. Учитывая семантику предикатов, мы включаем также глаголы перемены, глаголы, связанные с физиологическими процессами и уходом за телом, глаголы рассуждения, глаголы восприятия, глаголы социальных отношений, глаголы принадлежности. Одна из наших целей — дополнить набор рассматриваемых славянских предикатов лексическими единицами, часто встречающимися в параллельных корпусах. Можно ожидать, что среди таких лексем будут преобладать приставочные глаголы, характерные для обоих языков.

«Фреймнет»⁵ представляет собой сеть концептуальных рамок (фреймов), описывающих ситуации или события с использованием так называемых «элементов фрейма». «Фреймнет» в большой степени связан с «Ворднетом», так как фреймы автоматическим образом приписаны к синонимическим рядам в последней. Более чем 5 000 соотнесенных пар синсет-фрейм были верифицированы авторами вручную. Так как концептуальная информация не зависит от конкретного языка, данные могут быть перенесены, в том числе, на описание русского и болгарского языков. Итак, помимо расширения охвата предикатов с помощью «Ворднета», мы также применяем информацию о наследовании фреймов уже обнаруженных предикатов состояния.

Вся семантическая информация из двух использованных ресурсов (толкование, семантический примитив и примеры из «Ворднета»; дефиниция фрейма, лексические единицы, элементы фрейма из «Фреймнета»), будет важна при дальнейшем анализе предикатов с точки зрения категориальной информации и их аргументов.

Извлеченные таким образом предикаты будут рассмотрены на основе параллельного польско-болгарско-русского корпуса⁶, который состоит из 55 текстов разных жанров и насчитывает 2,23 млн слов в болгарском и 2,04 млн — в русском, или 89 562 параллельных предложений в русском и болгарском.

Перед нами также стоит задача семантического аннотирования корпуса значениями из «Ворднета» и фреймами из «Фреймнета». В результате мы получим все глаголы состояния в русско-болгарском параллельном корпусе, которым будет приписана детальная семантическая информация, касающаяся значения, семантического примитива, описания концептуального фрейма и участников ситуации. Кроме того, будут выявлены семантические связи, в которых глагол выступает на лексическом уровне в «Ворднете» и на структурном — во «Фреймнете».

Полученный корпус будет использован для выявления семантических характеристик и синтаксических свойств статических предикатов на основе категорий, выделенных после анализа лингвистических классификаций и расширенных по материалам «Ворднета» и «Фреймнета». Конечной целью является создание ресурса, предназначенного для лингвистических исследований, направленных на создание единой классификации глаголов состояния.

Примечания

- ¹ Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996. С. 464.
- ² Авилова Н.С. Вид залога и семантика глагольного слова. М., 1976. С. 328.
- ³ Van Valin R.D., LaPolla R.J. Syntax: structure, meaning, and function. Cambridge, 1997.

- ⁴ WordNet: an electronic lexical database / ed. C. Fellbaum. Cambridge, MA. 1998.
- ⁵ Ruppenhofer J., Ellsworth M., Petruck M.R.L., Johnson C.R., Baker C.F., Scheffczyk J. FrameNet II: extended theory and practice. 2016. URL: https://framenet.icsi.berkeley.edu/fndrupal/index.php?q=the_book (дата обращения: 31.03.2021).
- ⁶ Kisiel A., Koseska-Toszewa V., Kotsyba N. Polish-Bulgarian-Russian parallel corpus. CLARIN-PL digital repository. 2016. URL: <http://hdl.handle.net/11321/308> (дата обращения: 31.03.2021).

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.06

Антропонимы в составе городских названий: социокультурный аспект урбанонимии столицы (на примере Софии)

Мария Михайловна Масальская,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: marima94@yandex.ru

Ключевые слова: антропонимы, урбанонимы, социокультурный аспект, городские названия

Anthroponyms in the Composition of City Names: The Socio-Cultural Aspect of the Urbanonymy of the Capital (On the Example of Sofia)

Maria M. Masalskaia,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: marima94@yandex.ru

Keywords: anthroponyms, urbanonyms, sociocultural aspect, urban names

В современных гуманитарных исследованиях формируется подход к городу как объекту, «интегрирующему социальные связи и кумулирующему культурный и интеллектуальный потенциал общества, человека»¹. Город может быть рассмотрен как некий живой организм, в котором вырабатываются определенные регулятивные механизмы на различных этапах общественно-социальных взаимоотношений, поэтому изучение его семиосферы, в которую в качестве составной части включаются также городские названия, привлекает внимание широкого круга исследователей.

Урбанонимии столицы как совокупности оформляющих городское пространство наименований уделяется большое внимание, поскольку через нее наглядно демонстрируются социальные, культурные, идеологические и политические ценности государства. Наименования, образованные по антропонимическому принципу, занимают особое место. Такие городские названия в определенной степени «фиксируют имена, достойные того, чтобы храниться в общественной памяти»².

В развитии Софии как столицы выделяют следующие основные периоды:

- 1) с момента становления Софии как столицы (после Освобождения от турецкого ига в 1879 г.) до Первой мировой войны;
- 2) с конца Первой мировой войны (1919 г.) до событий 9 сентября 1944 г.;
- 3) с 9 сентября 1944 г. до 10 ноября 1989 г.;
- 4) с момента демократических перемен (1989 г.) до сегодняшнего дня.

Как отмечает болгарская исследовательница М. Влахова-Ангелова, меморативные названия появились непосредственно после Освобождения. Данный тип городских наименований вводился административным путем, что значительно изменило урбанонимическое пространство, уменьшив в определенной степени количество их разновидностей³.

Основной целью доклада является выделение основных типов болгарских антропонимов, участвующих в формировании городского ландшафта Софии в составе меморативных

наименований, выполняющих социокультурную функцию. В качестве материала привлечены наименования объектов городского пространства с момента демократических перемен (1989 г.) до сегодняшнего дня. Городское пространство Софии представлено урбанонимами различного типа, из которых на долю антропонимов приходится примерно 39% (1036 наименований из 2662). В их составе можно выделить названия, а) образованные от антропонимов, обозначающих лиц болгарского происхождения, оставивших след в истории и культуре государства, и б) образованные от антропонимов, обозначающих иностранных деятелей мирового масштаба, а также тех, кто внес значительный вклад в развитие Болгарии. Урбанонимы, связанные с болгарскими деятелями, составляют 87,8% (910 из 1036), с иностранными — 12,2% (126 наименований из 1036).

На основе анализа урбанонимов Софии, образованных по антропонимическому принципу, мы можем выделить такие группы, как:

I. Наименования антропонимического типа, данные по именам иностранных деятелей. Среди них есть подгруппы:

1) Наименования по именам иностранных деятелей, чья профессиональная деятельность в той или иной степени связана с Болгарией. Прежде всего, речь идет об урбанонимах, отсылающих к европейским инженерам и архитекторам, принимавшим участие в проектировании и строительстве Софии после Освобождения, например: *улица «Антонин Колар»* (чешский архитектор, автор первого плана градостроительства Софии), *улица «Херман Майер»*, *улица «Фридрих Грюнангер»* и др. Отдельно выделяются имена тех, кто внес вклад в развитие болгарского образования и просвещения, например: *улица «Фердинанд Урбих»* (немецкий сурдопедагог, открывший первую в Болгарии школу для глухонемых детей), *алея «Флойд Бляк»* (американский просветитель, проработавший на территории Турции и Болгарии большую часть жизни) и др.

2) Наименования по именам заслуживших международную известность и признание политических деятелей, например: *улица «Георг Вашингтон»*, *улица «Джузепе Гарибальди»* и др.

3) Наименования по именам ученых, внесших значительный вклад в развитие мировой науки, например: *улица «Галилео Галилей»*, *улица «Николай Коперник»*, *улица «Чарлз Дарвин»*, *булевард «Акад. Андрей Сахаров»* и др.

4) Наименования по именам писателей и поэтов, например: *улица «Виктор Юго»*, *улица «Ханс Кристиан Андерсен»*, *улица «Еужен Поатие»* и др.

5) Наименования по именам композиторов, например: *улица «Модест Мусоргски»*, *улица «Фредерик Шопен»* и др.

6) Наименования по именам военных деятелей, внесших значительный вклад в Освобождение Болгарии, например: *улица «Ген. Тотлебен»*, *улица «Ген. Гурко»* и др.

Отметим, что на протяжении длительного периода времени Болгарию и Россию связывали особые внешнеполитические отношения, что не могло не отразиться на урбанизации. Среди наименований антропонимического типа, данных по именам иностранных деятелей, доля антропонимов, посвященных русским деятелям наиболее значительна⁴.

II. Наименования антропонимического типа, производные от имен болгарских деятелей, значимых для истории и культуры Болгарии. Отметим следующие подгруппы:

1) Наименования, связанные с именами болгарских правителей и членов их семьи, например: *улица «цар Асен»*, *улица «Царица Елеонора»* и др.

2) Наименования, производные от имен софийских градоначальников, например: *улица «Михалаки Ташев»* (первый мэр Софии), *улица «Тодораки Пешов»*, *улица «Атанас Хранов»*. Имена 27 из 64 мэров Софии используются в наименовании различных улиц и бульваров.

3) Наименования, производные от имен литературных и фольклорных персонажей. Чаще всего при наименовании

объектов городского пространства используются имена героев произведений И. Вазова, например: *улица «Бойчо Огнянов»*, *улица «Борислав»*, *улица «Баба Илийца»* и др.

4) Названия, производные от имен болгарских политиков, революционеров, гайдуков и военных деятелей. Например: *улица «Хаджи Димитър»*, *улица «Хайдут Велко»*, *булевард «Стефан Стамболов»* и др.

5) Названия, производные от имен видных болгарских ученых. Например: *улица «Акад. Михаил Арnaudов»*, *улица «Акад. Стефан Младенов»* и др.

6) Наименования, производные от имен болгарских писателей и поэтов, например: *булевард «Христо Ботев»*, *улица «Иван Вазов»* и др.

7) Наименования, производные от имен болгарских композиторов, певцов, актеров и режиссеров, например: *улица «Мими Балканска»*, *улица «Атанас Кирчев»* и др.

8) Наименования, производные от имен болгарских скульпторов и художников, например: *улица «Александър Божинов»*, *улица «Андрей Николов»* и др.

9) Наименования, производные от имен болгарских учителей и просветителей, например: *улица «Анастасия Димитрова»* (первая болгарская светская учительница периода возрождения), *улица «Бачо Киро»* и др.

10) Наименования, производные от имен церковных/религиозных деятелей и святых, например: *улица «Свети Георги Софийски»*, *улица «Свети Пимен Зографски»*, *улица «Света София»* и т.д. Кроме того, в урбанонимии Софии встречаются наименования улиц с компонентом «поп», например: *улица «Поп Богомил»*, *улица «Поп Георги Величков»*, *улица «Поп Грюю»* и др.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о том, что в современном городском пространстве Софии преобладают антропонимы, связанные с личностями, чья деятельность осуществлялась преимущественно в Болгарии. Так обозначаются и закрепляются в городском пространстве и культурной памяти наиболее важные события и сферы

болгарской культуры и истории. Наличие значительного количества наименований производных от имен деятелей, тем или иным образом принимавших участие в освободительной борьбе против турецкого ига, еще раз подчеркивает ее важность для болгарского народа.

Примечания

- ¹ Сайко Э.В. Город как особый организм и фактор социокультурного развития // Город как социокультурное явление исторического процесса / ред. В.Л. Глазычев, Г.А. Гольц, Э.В. Сайко. М., 1995. С. 20.
- ² Шмелёва Т.В. Ономастикон российского города. Саарбрюккен, 2014. С. 32.
- ³ Влахова-Ангелова М. Улиците на София: картографиране на градската идентичност. София, 2013. С. 87.
- ⁴ Более подробно тема была раскрыта в статьях *Масальская М.М.* Наименования городских объектов как лингвокультурный объект (на материале урбанонимии Москвы, Софии и Варшавы) // Сборник научных статей XXI Международной конференции «Россия и Запад: диалог культур». Т. 21. М., 2020. С. 309–319; *Масальская М.М.* Переименования городских объектов как часть языковой политики государства (на примере Москвы, Софии и Варшавы) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2020. Т. 2. № 107. С. 58–64.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.07

Фитонимическая лексика в сборнике стихов *Samosiejki* («Самосейки») Тересы Радзевич

Александра Александровна Широкова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com

Ключевые слова: фитонимы, ботаническая лексика, язык художественной литературы

Phytonymical Vocabulary in the Collection of Poems *Samosiejki* by Teresa Radziewicz

Aleksandra A. Shirokova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: szuroczka.szyrokowa@gmail.com

Keywords: phitonims, plant vocabulary, language of fiction

Анализ употребления фитонимической лексики (наименований растений, их составных частей, образуемых ими природных сообществ) в совокупности художественных текстов находится на пересечении литературоведческой и лингвистической проблематики: это одновременно и часть исследования художественного языка автора, и описание функционирования единиц отдельной лексико-семантической группы в пространстве художественного текста. Объектами подобных исследований на польском материале становились тексты как прозаических произведений (например, цикл рассказов «Люди оттуда» Марии Домбровской¹), так и стихотворных (например, поэмы авторов эпохи романтизма²).

Тереса Радзевич (*Teresa Radziewicz*) — современная польская поэтесса (р. 1970), на данный момент выпустившая шесть стихотворных сборников; лауреат многих стихотворных конкурсов³. Для ее творчества характерно обращение к темам семейной истории, отражение своеобразия женского взгляда на мир, особое внимание к миру природы в самых различных его проявлениях.

В некоторых случаях наблюдаемые лирической героиней события и участие в них — например, пересаживание рассады земляники в стихотворении *Hanna pikiuje poziomki* — становятся основой для философского рассуждения. Или же, напротив, осмысление явления происходит при помощи метафорической интерпретации, почерпнутой из мира при-

роды: например, в стихотворении *Matki* рождение ребенка сравнивается с появлением на свет птенца.

В сборнике *Samosiejki*, выбранном для анализа, изображены события, происходящие в жизни героини в течение календарного года, с января по декабрь. Героиня, занятая домашними делами, работой в саду и огороде, иногда отправляющаяся в поездки или пешие прогулки, размышляет о жизни и ее вечных вопросах, переживает личное горе — смерть близкого человека, а к концу года, встречая наступление новой зимы, решает изменить свою жизнь.

Внимание к миру растений, свойственное поэтессе и ее лирической героине, проявляется уже в названии сборника, выбранного для анализа: п. *samosiejka* — «растение, выросшее из упавших с дерева или куста семян⁴»*. Само слово в сборнике встречается дважды: один раз, в стихотворении *Szaleństwo* в прямом значении: *...pośród sosen samosiejek wycinata maślaki* — «...среди сосен, выросших самосевом, собирала малята»**; во втором случае возможно более широкое прочтение: слова *uparte samosiejki kielkujące co roku* — «...упрямые самосейки, прорастающие каждый год» в стихотворении *Lubię stare perony — pieśń szósta* могут быть отнесены как к растениям на асфальте старых станций, так и в целом к происходящим на них ежедневным событиям.

Далее будет представлено распределение по семантическим группам встречающейся в тексте фитонимической лексики (всего 62 наименования).

I. Деревья и кустарники:

- 1) гипероним: *drzewo* ‘дерево’;
- 2) культурные: *jabłoń* ‘яблоня’, *bez* ‘сирень’;

* Следует отметить, что эта дефиниция несколько отличается от толкования русского соответствия «самосейка», предлагаемого, например, в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова: «культурное растение, вырастающее самосевом, от осыпавшихся зерен (без посева)». Как свидетельствуют примеры из Национального корпуса русского языка, о деревьях обычно говорится «выросшие самосевом». Например: *Лес здесь рос самосевом, на редких полянках болотная трава была уже высока...* [Петр Алешковский. Седьмой чемоданчик (1997–1998)]

** Здесь и далее подстрочный перевод наш. — А.Ш.

- 3) дикорастущие: *sosna* ‘сосна’, *jarzębina* ‘рябина’, *klon* ‘клен’, *lipa* ‘липа’, *topola* ‘тополь’;
 4) названия частей дерева*: *gałąź* ‘ветка’, *pień* ‘ствол’, *witka* ‘тонкая веточка’, *liście* ‘листва’;

II. Травы и цветы:

- 1) гиперонимы: *trawa* ‘трава’, *ziola* ‘травянистые съедобные или лекарственные растения’, *ziele* ‘трава’, *zielsko* ‘сорная, придорожная трава’ (разг.);
 2) конкретные наименования: *mniszek lekarski* ‘одуванчик лекарственный’, *mniszek* ‘одуванчик’; *piwonie* ‘пионы’; *dziurawiec* ‘зверобой’, *bratek trójbarwny* ‘анютины глазки’, *piołun* ‘полынь’, *macierzanka* ‘чабрец’, *pokrzywa* ‘крапива’, *rumianek* ‘ромашка’, *dziki szczaw* ‘дикий щавель’, *koniczyna* ‘клевер’, *babka* ‘подорожник’, *wrotycz* ‘пижма’, *nawłoc* ‘золотарник’, *chmiel* ‘хмель’;

III. Злаки:

- 1) гиперонимы: *zboże* ‘злаки’, *oziminy* ‘озимые’;
 2) конкретное наименование: *pszenica* ‘пшеница’;

IV. Ягодные растения: *roziotki* ‘земляника’; также единжды, именно по отношению к саженцам земляники, употреблено слово *sadzonki*;

V. Овощи: *dynie* ‘тыквы’;

VI. Части растения:

- 1) Семена и их части: *ziarna* ‘зерна, зернышка’, *nasiona* ‘семена’, *tupinka* ‘оболочка, кожурка’;
 2) плоды:

гиперонимы: *owoce* ‘плоды’, *szyszki* (в словосочетании *szyszki chmielu* ‘шишки хмеля’), *jagoda* ‘ягода’ (о плодах сирени), *kłosa* ‘колосья’;

конкретные наименования: *maliny* ‘малина’ (речь именно о плодах, а не о растении в целом: *parzyła herbatę ze zbieranych [...] malin* — «она заваривала чай с... малиной»); *czereśnie* ‘черешня’, *truskawki* ‘клубника’;

часть плода: *pestka* ‘косточка’;

* В данную группу включены наименования тех частей, наличие которых отличает деревья и кустарники от прочих растений; прочие наименования — в группе «Части растения».

- 3) корни: *korzenie* ‘коренья’, *korzonki* ‘корешки’;
- 4) стебель: *wić* ‘побег, стебелек’, *gałązki* ‘веточки’;
- 5) цветки: *kwiat* (в словосочетаниях *kwiaty bzu* ‘цветы сирени’, *kwiaty jarzębiny* ‘цветы рябины’, *kwiat lipy* ‘липовый цвет’);

VII. Места произрастания:

- 1) в дикой природе: *pole* ‘поле’, *łąka* ‘луг’, *las* ‘лес’;
- 2) созданные человеком: *ogród* ‘сад и огород’ (следует отметить, что значение польского *ogród* шире: так в целом может именоваться территория, на которой высажены культурные растения; именно в этом, широком, значении лексема употреблена в тексте); *sad* ‘сад’, *ogródek* ‘садик, цветник’; *trawnik* ‘газон’, *łan* ‘возделываемое поле’.

Зафиксированная в тексте стихотворения *Epidemia* лексема *róża* не может быть включена в классификацию: она употреблена в составе устойчивого словосочетания *róża pustyni* ‘вид гипса’ и, таким образом, утрачивает фитонимическое значение.

Дискуссионным является вопрос включения в классификацию наименований грибов. Если считать грибы частью растительного мира (такая концепция предложена, например, в «Словаре национальных стереотипов и символов», разрабатываемом коллективом под руководством Ежи Бартоминьского⁵), в исследуемый материал следует включить наименование *maślaki* ‘маслята’.

Применяемая классификация выявляет неравномерную представленность в текстах сборника фитонимической лексики различных групп. Наиболее многочисленными группами оказались наименования трав и цветов (20 наименований, из них пять общих), частей растения (16 наименований, из них семь — наименования плодов) и деревьев и кустарников (11 наименований, из них пять наименований дико-растущих деревьев и четыре наименования частей дерева). Семь наименований составляют группу «Места произрастания», а самыми малочисленными оказались группы «Злаки», «Ягодные растения» и «Овощи».

Некоторые наименования употреблены неоднократно. Так, лексема *owoc* встречается в текстах сборника шесть раз; *nasiona* и *łaka* — четыре раза; *jarzębina*, *zioło*, *kwiat*, *korzenie*, *las* — три раза; *drzewo*, *jabłoń*, *sosna*, *gałąź*, *trawa*, *ziola*, *macierzanka*, *ziarno*, *ogród*, *sad*, *pole* — два раза. В стихотворении *Świat rzeczy małych — pieśń druga* повторяется фитоним *mniszek* (в первый раз — с уточняющим определением *lekarski*), фитоним *czereśnia* встречается и в названии стихотворения *Wiersz o zrywaniu czereśni w Boże Ciało*, и в его тексте. Интересно, что среди повторяющихся лексем преобладают наименования с гиперонимическим значением: наименований конкретных растений среди повторяющихся всего 6, повтор двух из них имеет место в пределах одного стихотворения.

Проведенное исследование подтверждает предположение о важности фитонимической лексики в тексте сборника — и, следовательно, важности растений в авторском видении мира. Статистический анализ выявил большую значимость наименований трав и цветов, а также деревьев и кустарников по сравнению с наименованиями овощей, фруктов, злаков. Лексические повторы указывают на большую повторяемость лексем с обобщенным значением.

Исследование может быть продолжено в нескольких направлениях: возможно включение в классификацию ботанической лексики лексем различной частеречной принадлежности (например, глаголов, обозначающих действия, характерные для растений); анализ ближайшего контекста зафиксированных фитонимов, сопоставление их с ботанической лексикой, представленной в других сборниках поэтессы. Интересно было бы также сопоставить выделенные фитонимы с наименованиями птиц, также широко представленными в текстах сборника *Samosiejki*.

Примечания

- ¹ *Kobylińska J., Horyń E. Świat roślin w opowiadaniach "Ludzie stamtąd" Marii Dąbrowskiej // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Paedagogica. Studia Linguistica X. Kraków, 2015. S. 57–69.*
- ² *Stachuński E. Terminologia botaniczna w wybranych poematach romantycznych // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Paedagogica. Studia Linguistica X. Kraków, 2015. S. 163–177.*

- ³ Teresa Radziejcz // Poeci Polscy [Website]. URL: <https://www.poeicipolscy.pl/poezja/prezentacja/teresa-radziejcz/> (дата обращения 31.03.2021).
- ⁴ Słownik języka polskiego PWN [Website]. URL: <https://sjp.pwn.pl/sjp/samosiejka;2519160.html> (дата обращения 31.03.2021).
- ⁵ Słownik stereotypów i symboli ludowych / Red. Jerzy Bartmiński. T. 2. Rośliny. Lublin, 2019.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.08

Русский язык в Одессе: взгляд извне

Инна Ивановна Кабанен,

Хельсинкский университет,
Хельсинки, Финляндия; e-mail: inna.kabanen@helsinki.fi

Ключевые слова: Одесса, русский язык, одесский язык, миф

Russian Language in Odessa: Outside Perspective

Inna I. Kabanen,

University of Helsinki,
Helsinki, Finland; e-mail: inna.kabanen@helsinki.fi

Keywords: Odessa, Russian language, Odessan language, myth

«Одесский язык» казался особым явлением гостям города, обращавшим внимание на то, что в Одессе по-русски говорили не так, как в Москве или Санкт-Петербурге. Благодаря обобщенным наблюдениям над речью одесситов и возникло данное понятие. На территории Одессы проживали представители разных национальностей, и в коммуникации между ними русский язык использовался в качестве лингва франка. Нельзя также игнорировать исторический и культурный аспект в формировании речевой специфики города¹. В XIX в. не было принято учить русский язык как второй,

многие плохо знали его, не все проходили формальное обучение в школе. Появившиеся неправильности, обусловленные устойчивым влиянием первого языка, закреплялись и постепенно превратились в постоянные характеристики региолекта Одессы. На протяжении последующих десятилетий феномен одесского языка стал популярным анекдотом, превратился в своеобразный миф, поддерживаемый как изнутри, так и извне. В настоящее время эти два взгляда — «свой» и «чужой» — часто контрастируют друг с другом, поскольку сам одесский язык претерпел существенные изменения. Современные одесситы воспринимают воспроизведение одесского языка представителями иных городов как нарочитое, неверное, не соответствующее реальности. Это явление может быть объяснено, в частности, тем, что в наши дни «не-одесситы» часто основываются на литературных произведениях о городе, написанных в прошлом и позапрошлом веках, занимая позицию постороннего судьи, а не носителя или знатока одесского языка.

Нашей основной задачей является показать, какие именно характерные черты русского языка Одессы наиболее часто обращали и продолжают обращать на себя внимание не-одесских авторов, как данные черты преобразовались со временем, согласно имеющимся литературным свидетельствам. В качестве исходного материала мы использовали четыре произведения, относящихся к разным эпохам: научный текст К.П. Зеленецкого «О русском языке в Новороссийском крае» (1855)², фельетон В.М. Дорошевича «Одесский язык. Лекция на степень доктора филологических наук» (1895)³, рассказ А.Т. Аверченко «Одесса» (1911)⁴ и роман Д.И. Рубиной «Желтухин» (2014)⁵.

Одним из первых трудов, посвященных особенностям русского языка Одессы, можно считать книгу-отчет Зеленецкого, вышедшую в 1855 г. В ней автор, филолог и профессор Ришельевского лицея, рассматривал неправильности одесской русской речи с точки зрения не одессита, а носителя стандартного русского языка. Основной упор делался на неправильных, абсолютно произвольных ударениях («рас-

сказать вам не в силах»⁶, «вы слишком много работаете»⁷ и т. д.), изменении значений некоторых слов или создании неологизмов, а также на заимствованиях и кальках из других языков. Это явление Зеленецкий объяснял отсутствием «единства в составе русского народонаселения», в силу чего язык не имеет «постоянного образца»⁸. Зеленецкий высказывал убеждение, что с подобными отклонениями от норм русского языка стоит бороться и что в ближайшие годы они исчезнут из обихода и одесситы будут разговаривать на таком же правильном языке, как и москвичи⁹.

В.Д. Дорошевич, московский публицист, особенно известный своими фельетонами, первым использовал словосочетание «одесский язык» в одноименном очерке. Курьезно, что с момента публикации отчета Зеленецкого к тому времени прошло 40 лет, но Дорошевич отмечает те же неправильности и особенности одесской речи, а именно, отсутствие каких-либо правил или даже единого диалектного образца.

«Впрочем, одесский язык не признает ни спряжений, ни склонений, ни согласований — ничего! Это язык настоящих болтунов — язык свободный как ветер. Язык без костей. Вы приказываете вашему человеку подать визитку. Он отвечает: — Никак невозможно. **На нем мусор стоит!**» («на ней пыль лежит»)¹⁰.

Предположение профессора о том, что русский язык Одессы очистится от инородного влияния, не реализовалось. Зеленецкий воспринимал одесский язык как отрицательное явление, а Дорошевич — как нечто положительное, как особый колорит города и говора его жителей. Сам легкий, юмористический жанр произведений Дорошевича по сути противоположен научному отчету Зеленецкого, а по форме пародирует его, поскольку представляет собой якобы диссертационное исследование. Зеленецкому было поручено «составить такую книжку, в которой бы показаны были все неправильности этого рода»¹¹, а Дорошевич подошел к своему тексту, издеваясь над псевдонаучным жанром подобной задачи.

В 1911 г. в журнале «Сатирикон» писатель Аркадий Аверченко публикует «Одесские рассказы». В рассказе «Одесса

он описывает свой первый приезд в Одессу и характеризует, среди прочего, одесский язык. Отзываясь об одесситах в довольно положительном ключе, Аверченко утверждал: «Единственный их недостаток — это, что они не умеют говорить по-русски, но так как они разговаривают больше руками, этот недостаток не так бросается в глаза*»¹². Далее Аверченко привел несколько примеров «игнорирования» одесситами буквы «ь», в том числе фразу:

«Вместо того, чтобы с мне смеяться, ви би лучше указали для мне выход...»¹³.

Хотя, по сравнению с Зеленецким и Дорошевичем, Аверченко обращал на язык как таковой меньше внимания, нужно отметить, что одной фразой ему удалось передать основные отклонения одесского языка от стандартного русского, и, что характерно, они совпадали с изначальными замечаниями Зеленецкого.

Одесса играет важную роль в романе «Желтухин» Дины Рубиной — первом томе популярной трилогии «Русская канарейка». Одесские выражения и особенности речи передаются в репликах наиболее колоритных персонажей, таких как портниха Полина Эрнестовна. Действие разворачивается в конце XIX — начале XX в. Возможно, именно этот факт стал причиной того, что одесский язык в романе Рубиной во многом схож с языком, отраженным в произведениях Дорошевича и Аверченко. Мы можем наблюдать как «игнорирование» звука «ь», произвольность ударений, так и странности синтаксиса и смешение кáлек с идиша и заимствований из украинского языка с городским просторечием.

«Та не, то платышко такое. Выручалка, на все жизнеслуча́и». «[...]подбери, значитца, дама, свой подол и шуруй пешком до бульвару. Та ты не опасывайся [...]»¹⁴.

На основе приведенных примеров можно сделать вывод, что вопреки предпринятым чиновниками попыткам искоренить неправильности в русской речи одесситов, типичные особенности их языка не только не исчезли, но, наоборот, об-

* Пунктуация оригинала сохранена.

рели легендарный статус и даже проникли в русский язык за пределами Одессы. Некоторые слова, выражения и формы, которые воспринимались Зеленецким как неправильности, в наши дни считаются вполне приемлемыми, особенно в просторечии. Например, глагол «погрузить» в сочетании «погрузить пшеницу, рожь и проч. на судно» Зеленецким рассматривался как отклонение от нормы, типичное для Одессы. Согласно замечанию профессора, по нормам русского языка «погрузить что-либо» можно только в воду или другую жидкость, в то время как в современном русском языке сочетание «погрузить/погрузка на судно» является нормой. По результатам поиска в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ), в 1936 г. встречалось «Осталось только перенумеровать все его части, разобрать и **погрузить на судно** и я дам распоряжение упаковать и **погрузить на судно**» (А. Минев), а в 1966 г. «Он уговорил капитана **погрузить на судно** мумию Уиндгема и его коллекции» (М. Владимиров).

Одесский язык до сих пор является особой приметой города, и миф о нем поддерживается как самими одесситами, так и не-одесситами. Вне города одесский язык воссоздается с ориентацией на ранее заданные эталоны, на основе которых пишут тексты и снимают фильмы. Можно сказать, что он специально реконструируется и носит отчасти искусственный характер, а не тождествен той речи, которой сегодня пользуются в Одессе.

Примечания

- ¹ Степанов Е.М. Факторы формирования лингвокультурного фона города // Слов'янські науки читання: літературознавчий та лінгвокультурологічний аспекти. Одесса, 2016. С. 317.
- ² Зеленецкий К.П. О русском языке в Новороссийском крае. Одесса, 1855.
- ³ Дорошевич В.М. Одесский язык //Одесса, Одесситы и Одесситки. Очерки, эскизы и наброски. Одесса, 1895.
- ⁴ Аверченко А.Т. Одесские рассказы. СПб., 1911.
- ⁵ Рубина Д.И. Русская канарейка. Желтухин. М., 2014. Т. 1.
- ⁶ Зеленецкий К.П. О русском языке... С. 12.
- ⁷ Там же. С. 14.
- ⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ *Дорошевич В.М.* Одесский язык... С. 57.

¹¹ *Зеленецкий К.П.* О русском языке... С. 3.

¹² *Аверченко А.Т.* Одесские рассказы... С. 17.

¹³ Там же.

¹⁴ *Рубина Д.И.* Русская канарейка... С. 98.

Язык И ТРАДИЦИОННАЯ КУЛЬТУРА

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.09

Праздник Богоявления в одной архаической зоне Славии*

Александра Игоревна Чиварзина,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Ключевые слова: этнолингвистика, балканистика, Македония, славянские архаические зоны

Feast of the Holy Theophany in One Archaic Zone of Slavia

Alexandra I. Chivarzina,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: mss-vah@yandex.ru

Keywords: ethnolinguistics, Balkan studies, Macedonia, Slavic archaic zones

В сентябре 2020 г. в рамках проекта по изучению архаических ареалов Южной Славии состоялась этнолингвистическая экспедиция в Северную Македонию в район г. Дебар. Регион расположен у западной границы с Албанией. Здесь проживает население разных этнических и религиозных групп. Славянское христианское население известно под эт-

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С.М. Толстая), № 17-18-01373.

нонимом мяки (*Mijaџи*). Во времена Османской империи часть православных приняла ислам — мусульманское славянское население получило этноним торбеши¹. Кроме того, на этой пограничной территории проживают албанцы-мусульмане. В окружении представителей другой религии, как правило, лучше сохраняются отдельные явления традиционной духовной культуры². В настоящем докладе будут рассмотрены обычаи, приуроченные к Крещению, в одном из сел этого западномакедонского региона, в с. Битуше.

В районе Дебара расположена одна из главных православных святынь Македонии — Бигорский монастырь Св. Иоанна Крестителя. Близость религиозного центра способствовала появлению особенностей празднования дней, связанных со святым покровителем. В тех селах, которые находятся недалеко от монастыря (Ростуше, Битуше), существует богатая традиция празднования Богоявления (*Водици*, 19 января): в течение нескольких дней совершаются обходы дворов, готовятся многочисленные застолья, жители совместно выпекают ритуальные хлеба. В с. Битуше обряд отличается наибольшим количеством ритуальных элементов и входит в список культурных событий Республики Северная Македония. Далее представлены материалы, собранные автором в ходе этнолингвистической экспедиции в 2020 г.

Главными действующими лицами праздника являются кумовья. Это семьи, которые в течение года хранят (*стари кумови*) или будут хранить (*нови кумови*) два креста, освященные в Бигорском монастыре накануне Богоявления. Из 40 домов в селе две семьи назначаются новыми кумовьями на будущий год. Их согласие, торжественная клятва перед всеми жителями села, принимается в день святого Афанасия (*Танасовден*, 31 января) во дворе церкви Архангела Михаила в с. Битуше. С этого дня начинается подготовка к празднику: люди копят деньги, обустроивают дома и дворы для приема огромного количества гостей.

Праздничный период начинается со дня святого Василия, Нового года (*Василица*, 14 января). В новогоднюю ночь новые кумовья приглашают к себе односельчан для выпе-

кания специальных ритуальных хлебов. Женская половина гостей на рассвете идет на источник за водой. При вымешивании и выпекании хлебов исполняется песнопение *Дојде ми дојде Свети Јоване* («Пришел, пришел ко мне Святой Иоанн»). Хлеба отправляются в печь, а в знак начала праздника всем присутствующим наливаются кизиловая ракия.

Накануне Богоявления, 17 января, семьи старых кумовьев отправляют посыльных во все дома с. Битуше, чтобы пригласить их на обряд *испракање кумови* («проводы кумовьев»). Вечером родственники и друзья собираются в домах старых кумовьев. Во время торжественного застолья прямо над праздничным столом женщины растягивают белую и красную нити и переплетают их. Этот обряд называется *сучење врвца* («сучение ниток»). Данные нити, переплетенные с базиликом, станут украшением главной реликвии праздника — креста, который хранился в семье в течение года.

После общего застолья, старых кумовьев в сопровождении мужчин села оправляют ночью в монастырь. По дороге исполняется песня *Збогум со здравје Свети Јоване* («До свидания, с Богом, Святой Иоанн»). Там кресты и подготовленные мотки красно-белых нитей отдаются монахам, чтобы те их скрепили во время ночного богослужения и освящения воды *ајазмо* (греч. *αγίασμα* «освящение; святая вода; священный источник»). Утром (18 января) необходимо вернуться с освященной водой и перевязанными крестами в село. Кумовьев торжественно встречают, принесенной водой умываются. Мужчины обходят с украшенными крестами все дворы в селе, кропят жилые и дворовые постройки. В каждом доме их встречают ракией и постными угощениями. После ритуального обхода всего села кресты относят в церковь Св. Архангела Михаила, где святыня остается на всю ночь. Этот день называется *Мошки Водици*, потому что главная роль отводится мужчинам (з.-мак. *мож* 'мужчина').

Следующий день (19 января) — *Женски Водици*. Накануне вечером (после обхода старых кумовьев) женщины собираются в домах новых кумовьев. Кума распределяет между пришедшими жареные каштаны (обряд называется *по ко-*

стенчиња («за каштанчиками») и хлеба, которые выпекались на *Василицу*. 19 января после праздничной литургии все жители во главе со священником отправляются на торжественное освящение воды к ближайшей реке. Женщины поют *Крсти носи Бога молиме* («Кресты несет, Богу молимся»), а мужчины — тропарь *Во Јордање* («Во Иордане»). Чин освящения *голем водосвет* («большое водосвятие») сопровождается бросанием креста в воду. Поймавшего награждают и считают удачливым в будущем году. Традиция в настоящее время широко распространена среди балканских народов и не ограничивается южнославянским ареалом.

После торжественного освящения воды в доме новой кумы собираются *кумстарки* (то есть сопровождающие «куму»). Родственницы выстраиваются друг за другом с корзинами, наполненными обрядовыми хлебами и брынзой, вереница женщин отправляется в церковь *за да крева кумството* «чтобы поднять кумовство», то есть чтобы помочь куме взять на себя подвиг кумовства. В пути поется *Збогум со здравје Свети Јоване*. Во дворе церкви *кумстарки* двух семейств исполняют обрядовый танец *Светијованово водичарско оро* («Свято-Иоанновский водосвятный танец»), после чего все направляются в расположенный неподалеку дом культуры. Там распределяют угощение (хлеб с брынзой, ракию, вино) и все вместе танцуют обрядовый танец *оро*. Новые кумовья в сопровождении нескольких близких возвращаются в церковь. Священник разрезает связывающие кресты нити и вручает женщинам реликвию, которую те, благоговейно приложив к голове, относят домой. Все родственники и друзья новых кумовьев с песней *Добро ми дојде Свети Јоване* («Добро пожаловать, Святой Иоанн») направляются в гости на торжественное застолье. Крест помещается в красный угол как наиболее почитаемая святыня в семье и хранится до 17 января следующего года, когда его снова отнесут в Бигорский монастырь.

Утром на следующий день (20 января) новые кумовья посещают старых. В подарок приносят обрядовый хлеб. В этот же день (20 января) принято навещать односельчан,

которые носят имя святого Иоанна Крестителя, а также молодоженов.

Вся жизнь села в течение года сосредоточена на подготовке к этому зимнему событию. Люди берут кредиты на угощения, на ремонт дома, на постройку нового дома, если старый не может вместить всех гостей. Жители с нетерпением ждут времени своего кумовства, которое редко случается дважды в жизни. Если по каким-то причинам человек все-таки не может принять крест, то он участвует материально в организации мероприятия. Его имя вписывается в книгу кумовьев, как если бы он действительно принимал у себя крест. Битушане делают все возможное, чтобы этот обряд был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО³.

Примечания

- ¹ Петреска В. Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијаците. Скопје, 1998. С. 16.
- ² Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: Архаика и инновации. М., 2016. С. 5.
- ³ Водици во Битуше — обичај кој заслужува да биде заштитен од УНЕСКО [Сайт]. URL: <http://tresonce.mk/vodici-vo-bitushe-zasluzuva-da-bide-zastireno-od-unesko/> (дата обращения: 26.03.21).

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.10

Македонская семья в традиции и в современности (на материале фразеологии и паремий)

Евгения Павлова,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: evgenija.pavlova1@hotmail.com

Ключевые слова: македонская семья, ценности, EUROJOS, стереотипы, анкетирование

Macedonian Family in Tradition and in Modern Times (Based on Phraseology and Paremias)

Evgenija Pavlova,

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: evgenija.pavlova1@hotmail.com

Keywords: Macedonian family, values, EUROJOS, stereotypes, questionnaire

В работе рассматривается понятие «семья» на материале македонской фразеологии и паремий. Подобные исследования проводятся в рамках проекта *EUROJOS*, разрабатываемого с начала 90-х гг. XX века в Польше. Он стремится к описанию и сравнению ценностей, отраженных в языковой картине мира как славянских, так и неславянских языков¹. В рамках проекта ведутся работы по описанию концепта семьи в разных языковых культурах. Так, были описаны русская семья², финская³, мексиканская⁴, сербская⁵ семьи и др. Исследователи пользуются единым понятийным аппаратом, общей терминологией и разработанной методологической схемой исследования, которая включает: 1) анализ словарных (системных) материалов, в том числе фразеологии и паремий (культурных текстов), которые показывают традиционные стереотипы; 2) анализ корпусных (текстовых) материалов, например текстов СМИ, в которых эти понятия могут выступать в разных типах дискурса — публицистическом, религиозном, политическом и др.; 3) анкетирование молодежи (психолингвистические данные), в котором выявляются новые представления, отношение к стереотипам и их актуальность. Исследование концепта семьи на македонском материале еще не проводилось. В данной работе внимание акцентируется на изучении образа семьи, представленного во фразеологии и паремиологии, его специфич-

ности, и на выяснении того, насколько эти стереотипические представления актуальны в настоящее время.

В процессе исследования был проведен опрос молодежи, в котором приняли участие 56 человек в возрасте от 12 до 50 лет, с целью получить современную картину представлений о семье и сравнить ее с традиционной. Респондентам были предложены 14 примеров македонских паремий и идиом, взятые из трехтомного фразеологического словаря македонского языка (2003–2009)⁶. Респонденты должны были указать: знают ли они их, не знают или же слышали, но не понимают их. Согласно полученным результатам, македонская молодежь знает не все из предложенных фразеологизмов о семье. Респонденты отметили как известные семь примеров: *Дрво без корен* [Дерево без корня]; *Плукнат е на некого* [Плюнут(ый) на кого-то, то есть ‘очень похожий’]; *Излегол / испаднал од уста вреќа* [Выпал / вышел из одного мешка]; *Круша под круша паѓа* [Груша под грушей падает]; *Каква лозата, таква и тиквата* [Какова лоза, такова и тыква]; *Каде се родило пилето, таму си го прави седлото* [Где цыпленок родился, там и строит гнездо]; *Се истркала-ло поклопчето — си го нашло грнчето* [Каталась крышка и нашла свой горшок]. Информанты отметили три примера, которые они слышали, но не вполне понимают: *Дури да се качи на коњ* [Пока она (не) сядет на лошадь – ‘пока не вышла замуж’]; *Како црна кукавица* [Как черная кукушка]; *Стои како пресечена гранка* [Стоит как срезанная ветка]. Кроме того, респондентам было предложено добавить новые устойчивые выражения, не отмеченные в словарях, в том числе клишированные фразы из СМИ, крылатые выражения и цитаты. Так, были добавлены: *Кога нема семејство нема дом* [Когда нет семьи, нет дома]; *Семејството не можеш да го избереш* [Семью не можешь выбирать]; *Каде е семејството, таму е и домот* [Где семья, там и дом]; *Кога целото семејство е заедно, душата е на место* [Когда семья вместе, душа на месте]. Интересно, что в них использовано слово *семејство*, которое не встречается в пословицах, отмеченных в «Словаре македонской фразеологии».

Своеобразие македонской семьи раскрывается во фразеологизмах, которые молодежь знает и продолжает употреблять. Во многом эти представления соответствуют общим идеям, распространенным и у других народов (например, о роли семьи, роли дома, сходстве родителей и детей), но сами их образы оказываются оригинальными. В других случаях македонские примеры акцентируют такие представления, которые не так часто отмечаются в других языках (например, о родстве некровном, о том, как влюбленные подходят друг другу). Вот некоторые стереотипные представления с примерами фразеологизмов, которые назвали большинство респондентов (указан процент отметивших, что знают их):

1. Человек без семьи не имеет опоры (*Дрво без корен* [Дерево без корня] — 78,6%).
2. Ребенок похож на своих родителей (*Плукнат е на некого* [Плунут на кого-то] — 96,4%, *Круша под крушата паѓа* [Груша под грушей падает] — 98,2%, *Каква лозата таква и тиквата* [Какова лоза, такова и тыква] — 76,4%, *Испаднал / излегол од уста вреќа* [Выпал / вышел из одного мешка] — 69,6%).
3. Дом человека там, где он родился, там, где его семья (*Каде се родило пилето, таму си го прави седлото — Где цыпленок родился там строит гнездо* — 65,5%).
4. Для каждого человека есть родственная, родная душа (*Се истркалало поклопчето — си го нашло грнчето — Каталась крышка и нашла свой горшок* — 78,2%).

Добавленные респондентами примеры отражают актуальные представления:

1. Лучше иметь брата, каким бы он ни был, чем его не иметь (*Брат брата не рани, ама тешко кој го нема* [Брат не кормит брата, но тяжело тому, у кого его нет] — 21,4%).
2. Не следует смешивать деловые и семейные отношения (*Брат за брат, сирење за пари* [Брат за брата, сыр за деньги] — 10,7%).

3. Когда члены семьи действуют сообща, единодушно, они вместе чего-то добиваются (*Сложни брака куќа градат (а несложни две)* [Единодушные братья дом строят (а неединодушные два)] — 8,9%).
4. О незаменимости матери (*Една е мајка* [Мать одна] — 3,6%).
5. В каждой семье есть кто-то, кто выделяется (в отрицательном смысле) (*Во секое жито има граор* — [Нет зерна без сорняка] — 1,8%).

Можно сделать вывод, что македонская молодежь по-прежнему продолжает высоко оценивать роль семьи (*Дрво без корен; Една е мајка*). При этом обращает на себя внимание фразеологизм о разделении семейных и деловых отношений (*Брат за брат, сирење за пари*). Пример *Сложни брака куќа градат, а несложни две* трактуется по-разному: некоторые оценивают его как положительный пример самостоятельности, другие — как отрицательный пример разобщенности. Иногда бывает, что в семье не все члены достойны (*Во секое жито има граор*), но семью ты не можешь выбирать (*Семејството неможеш да го избереш*). Все же, каковы бы члены семьи ни были, лучше с ними, чем без них (*Брат брата не рани, ама тешко кој го нема*).

Полученные предварительные результаты (по опросу 56 респондентов) показывают основные тенденции в оценке семейных стереотипов; предполагается включение в опрос большего числа респондентов.

Примечания

- ¹ *Бартминский Е.* Об актуальных задачах этнолингвистики // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów.* Lublin, 2019. T. 6. Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery. S. 11–40.
- ² *Федорова Л.Л.* Штрихи к портрету семьи в русском языковом сознании // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów.* Lublin, 2019. T. 5. Koncepty i ich profilowanie. S. 85–105.
- ³ *Федорова Л.Л., Pätynen А.* Семья глазами финской молодежи: по материалам анкетного исследования // *Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów.* Lublin, 2019. T. 6. Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjofery. S. 41–60.

- ⁴ Яковлева С.А., Федорова Л.Л. Мексиканская семья: история и современность // Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. Lublin, 2019. Т. 5. Koncepty i ich profilowanie. С. 125–146.
- ⁵ Ристић С., Лазић-Коњик И. Лезичка слика породице у пословицама // Wartości w językowo-kulturowym obrazie świata Słowian i ich sąsiadów. Lublin, 2019. Т. 6. Jedność w różnorodności. Wokół słowiańskiej aksjoserfy. S. 61–73.
- ⁶ Фразеолошки речник на македонскиот јазик. В 3-х т. Т. 1. Ред. Т. Ширилов, Т. Димитровски. Скопје, 2003; Т. 2. Ред. Т. Ширилов. Скопје, 2008; Т. 3. Ред. Т. Ширилов. Скопје, 2009.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.11

Богородица и мир природы в польских народных легендах

Ольга Сергеевна Румянцева,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: orumiantsevaklg@gmail.com

Ключевые слова: польские народные легенды, польская культура, Богородица

The Blessed Virgin Mary and the World of Nature in Polish Folk Tales

Olga S. Rumiantseva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: orumiantsevaklg@gmail.com

Keywords: Polish folk tales, Polish culture, Virgin Mary

Польский этнограф К. Козловский отмечал, что принимая христианство, народ не отказывался полностью от языческой традиции, а преобразовывал ее¹. Именно поэтому народные легенды о христианских святых представляют собой интересный пример синкретизма религиозной и мифологи-

ческой картин мира. В польской культуре среди произведений такого типа выделяются сказания о Богородице.

Целью настоящего исследования стал анализ созданного в легендах образа Божией Матери в ее взаимоотношении с миром природы. Источником материала послужил сборник *Królowa Niebios. Legendy ludowe o Matce Boskiej* М. Гавалевича и П. Стахевича (1894 г.)².

В фольклорной традиции важную роль играет вера в одушевленность природы (эволюция языческих верований славян представлена, например, в работе Б.А. Рыбакова «Язычество древних славян»³). Эта вера находит отражение и в рассматриваемых легендах: деревья почтительно расступаются перед Марией: *...splynęła z góry, weszła w bór zarosty, a drzewa zaraz konary podniosły i w krąg się przed nią same rozstąpiły* (Z Nieba, V, 103) [...спустилась, вошла в непроходимый лес, а деревья сразу же ветви подняли и сами перед ней расступились], лилии преклоняют перед Ней головы: *...lilie przed nią kłonią głowy białe i pod Jej stopy woń zlewają świeżą i złotą ślady Jej nóżek na piasku* (W Niebie, VII, 74) [...лилии перед ней склоняют белые головы, к Ее ногам изливают свежий аромат и золотят следы Ее ножек на песке]. Отметим, что в приведенных примерах природа оживает лишь во взаимодействии с Божией Матерью.

Богородица может влиять на естественный ход событий в природе и управлять погодой. Только что посеянная Марией пшеница вырастает высокой, как лес: *...drobną rączyną drobne ziarno sieje a kędy tylko garść zboża rzuci, wytryskują z ziemi strumienie kłosów i falować zaczynają: pszenica wyrasta, jak las* (Na ziemi, VII, 39) [...маленькой ручкой мелкое зерно сеет, а там, куда горсть зерна бросит, прорываются из земли ручьи колосьев и начинают колыхаться: пшеница вырастет, как лес]. Без Ее ведома не проливается ни одна капля дождя: *Leją deszcze po świecie, spuszczają grady i holiują chmury, co uczepione na niebie za sznury; rzucają gromy na przestroge ziemi; Najświętsza Panna w górze rządzi niemi i bez Jej woli ani bez Jej wiedzy, grom nie roztrzaska ni wierzby na miedzy* (Z Nieba, XI, 138) [Проливают дожди по всему миру, обру-

шивают град и тянут за собой облака, которые прикреплены в небе за шнурки; мечут громы к предостережению земли; Пресвятая Дева в небе ими управляет, и без Ее воли и без Ее ведома гром не раскалывает ни одной ивы на меже].

Власть над силами природы Божия Мать использует для поощрения или наказания. Например, лещине, которая помогла укрыть Младенца от преследователей, Она дарует избавление от удара молнии: *Leszczyna zaś w nagrodę została błogosławioną krzewiną: odtąd grom w nią nigdy nie uderza* (На земли, V, 33) [Лещина же в награду стала благословенным кустарником: с тех пор гром в нее никогда не ударяет].

Те же, кто не помог Богородице в трудную минуту или обидел Ее, оказываются навечно проклятыми. Осина испугалась Ирода и не спрятала Марию и Иисуса, а кукушка хотела выдать Их укрытие, за что обе были наказаны: *Za to złe serce jest ptakiem bez gniazda i nie ma gdzie własnych ukrywać piskląt, a osika, że się bała dać schronienie Maryi Pannie, musi po wieki trząść się ze strachu i dygotać listkami, choćby największa była cisza w powietrzu i najjaśniejsza pogoda* (На земли, V, 33) [За это злое сердце она [кукушка] птица без гнезда и нигде ей спрятать своих птенцов, а осина за то, что побоялась дать убежище Деве Марии, должна во веки вечные трястись от страха и дрожать листиками, даже в самую спокойную и ясную погоду]. Заметим, что наказание в приведенном примере симметрично проступку. Змея, которая однажды напугала Пресвятую Деву, была лишена ног и обречена ползать: *I padalcowi nogi odpadły zaraz, począł pełzać i piersiami w prochu legnął, od owego czasu ma wielki respekt przed Najświętszą Panną czekając: czy się nad nim nie zlituje i nóg mu nie powróci* (На земли, X, 45) [И тотчас отпали ноги у гадюки, стала она ползать и грудью в пыль легла, с этого времени она испытывает почтение к Пресвятой Деве и ждет, не смилуется ли Она над ней и не вернет ли ног].

Вмешательством Богородицы объясняют легенды и внешний вид некоторых растений. Так, белые пятна на листьях чертополоха — следы молока, которым Мария кормила Младенца Иисуса: *Usiadła tedy Marya Panna pod drzewem, aby*

nakarmić Jezusa, a przytem kilka kropel pokarmu spadło na oset, co wyrastał u Jej kolan i z tego mu na listkach białe plamki pozostały, aby był naznaczony, jako jest osetkiem Najśw. Panny (Na ziemi, VI, 34) [Села тогда Дева Мария под деревом кормить Иисуса. Несколько капель упало на чертополох, что рос у Ее колен, с тех пор на листиках остались белые пятнышки как знак того, что это чертополох Пресвятой Девы].

При этом Божия Матерь плоть от плоти мира природы. Бог создал Ее из райских цветов: *Wtedy Pan Bóg [...] tchnął na kwiaty rajskie, a z nich jak lilia czysta i biała, jak woń lekka i miła wionęła cudna postać pierwszej niewiasty* (Na ziemi, I, 24) [Тогда Господь Бог дохнул на райские цветы, и из них чистая и белая, как лилия, легкая и милая, как благоухание, появилась чудесная фигура первой женщины]. Она Kwiat Dziewica 'Дева-Цветок', Dziewica z rajskiego kwiatu 'Дева из райского цветка', lilia-dziewica 'лилия-дева'. В цветы же земля превращает Ее слезы: ... *krwawemi łzami płakała, lzy te na kwiaty ziemia zmieniała* (Na ziemi, XII, 51) [Плакала Она кровавыми слезами, а слезы эти земля превращала в цветы], в лилии обратилось тело Богородицы после смерти, вернувшись в первоначальное состояние: *Z grobu Maryji woń z blaskiem bije, a zamiast ciała same lilije* (Na ziemi, XII, 51) [Гробница Марии источает аромат и сиянии, а вместо тела только лилии].

В народных легендах Богородица в соответствии с религиозными представлениями выступает как Мать всего мира. Без Ее материнской заботы не остаются даже самые маленькие представители мира природы: *Nie tylko ludzie, lecz wszystko, co żywie w Maryji Panny zostaje opiece; ona się światem troszczy dobrotliwie, muszką w powietrzu, drobną rybką w rzece, ptaszyną małą z pisklętą drobnemi, nawet robakiem, co wypęłza z ziemi na Zwiastowanie, gdy się zbudzi wiosną; bo Ona świata jest Matka litosna!...* (Z Nieba, XIII, 146) [Не только людей, но все живое опекает Дева Мария; она милосердно заботится о мире, о мушке в воздухе, о небольшой рыбке в реке, о маленькой птичке с птенцами, даже о червяке, который выползает из земли на Благовещение, когда пробуждается весной; потому что Она мира милостивая Матерь].

Интересно, что при этом не ко всем Мария относится одинаково: из всех деревьев Она выделяет липу и именно в ней является людям: *Najczęściej w rozsochatej gdzieś lipie ukryta słodkim głosem dzieciny przechodzące wita, bo lipy ulubione Matki Boskiej drzewa, w nich brzęczą pszczołek roje i chór ptasząt śpiewa i wonność z nich jak z leśnych płynie trybularzy, a piorun nawet liścia tknąć się im nie waży* (Z Nieba, IV, 98) [Чаще всего спрятанная где-то в раскидистой липе Она сладким голосом ребенка приветствует прохожих, потому что липы — любимые деревья Божией матери, в них жужжат рои пчелок, поет хор птичек, аромат от них, как от лесного кадила, а молния даже до листочка их дотронуться не смеет]. Из птиц Богородица больше всего любит жаворонка (в легендах это объясняется тем, что именно он приносил Ей вести о Сыне, когда Тот был от Нее далеко), которого Она взяла на небо и гнездо которого Она лично охраняет: *U stóp Jej tronu miejsce dla skowronka i jest śpiewakiem odtąd Matki Boskiej. Sama Przczysta jego gniazda strzeże, i od napaści własną chroni dłońią, pod swój błękitny płaszcz skowronka bierze, a wroga, co Jej ptaszynę zaczepia, razi światłością i blaskiem oślepiea* (Z Nieba, XIV, 152) [У подножия Ее трона есть место для жаворонка, певца Божией Матери. Сама Пресвятая стережет его гнездо, защищает своей ладонью от напасти, под свой лазурный плащ берет жаворонка, а врага, который цепляется к Ее птице, Она поражает сиянием и ослепляет блеском].

Таким образом, Богородица в польских народных легендах, являясь частью мира природы, возвышается над ним, как Царица.

Примечания

- ¹ Kozłowski K. Lud, pieśni, podania, baśnie, zwyczaje i przesady ludu z Mazowsza Czerskiego. Warszawa, 1867. S. 386.
- ² Gawalewicz M., Stachiewicz P. Królowa Niebios. Legendy ludowe o Matce Boskiej. Warszawa, 1894.
- ³ Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.12

Коммуникация живых и умерших в традиции украинского анклава Саратовской области

Дарья Геннадьевна Чубукова,

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация; e-mail: dchubukova37@gmail.com

Ключевые слова: Коммуникация живых и умерших, рассказы о сновидениях, «ходячий» покойник, быличка

Communication between the Living and the Dead in the Tradition of the Ukrainian Enclave of the Saratov Region

Daria G. Chubukova,

Russian State University for Humanities,
Moscow, Russian Federation; e-mail: dchubukova37@gmail.com

Keywords: communication between the living and the dead,
dream-telling, walking dead man, memorate

В докладе рассматривается тема взаимодействия и сохранения связей между живыми и умершими, до сих пор имеющая высокую значимость в актуальной традиции Терсянско-Еланского украинского анклава (Самойловский р-н Саратовской области), в котором с 2012 г. проходят этнолингвистические экспедиции Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета (ЦТСФ РГГУ).

Украинский анклав Саратовской области дал обильный материал при рассмотрении вопросов исследования локальных традиций, а также методов их культурного и этнодиалектного изучения в статьях Е.Е. Левкиевской¹. Кроме того, внимание участников экспедиций привлекали отдельные аспекты культуры украинского анклава Саратовской обла-

сти, в том числе связанные с похоронной традицией² и общением с покойниками³.

Традиционная крестьянская культура, по словам А.А. Панченко, демонстрирует две противоположные тенденции: создание границы или разрыва между умершими и живыми и сохранение связи между ними, описанные исследователями при помощи категорий «тоски» и «страха», «памяти» и «забвения»⁴.

В рамках одного сообщества могут существовать различные стратегии взаимодействия живых с умершими⁵. С одной стороны, умершие воспринимаются как «ассоциированные»⁶ члены сообщества, общение с которыми урегулировано в рамках поминальной обрядности, с другой стороны, умерший является асоциальным, опасным демоническим персонажем.

В похоронно-поминальных обрядах и практиках украинского анклава явно преобладает модель заботы о покойных, поскольку прагматика большинства обрядов — обеспечить покойному благополучие на том свете, но, несмотря на это, достаточно регулярно встречается и модель защиты от умерших (превентивные меры похоронно-поминального обряда, соблюдение определенных запретов, способы защиты от «ходячего» покойника).

Восприятие умершего живыми непосредственно связано с тем, каким образом умершие с ними коммуницируют. В этой связи необходимо выделить критерий «правильности» (норма) и «неправильности» (аномалия) коммуникаций. В анклав Самойловского района нормой считается общение мертвых с живыми через сны. Нормальными также считаются представления о календарном возвращении душ предков на землю, к семьям и пребывание души умершего в доме 40 дней после смерти, но только в том случае, если они никак не проявляют себя по отношению к живым.

Можно выделить четыре типа снов о контакте с умершими, встречающихся в анклав: 1) сон-просьба, 2) сон-недовольство, 3) сон-предсказание, 4) сон-диалог. Первые два типа снов информанты связывают с нарушениями в погребальном или поминальном обряде. Например, покойник носил при жизни очки, но ему не положили их в гроб, он снит-

ся живому и просит очки. Есть три способа того, как живой может «передать» умершему то, о чем тот просит: 1) купить то, что просит умерший во сне, и отдать за помин души кому-нибудь; 2) передать через другого умершего, положив покойнику в гроб; 3) закопать то, что просит покойник, в землю на его могиле. В анклав Самойловского района наиболее распространен первый способ «передачи».

В снах-диалогах умерший иногда приоткрывает завесу тайны «того» мира, рассказывая живому, чем он занимается в ином мире. Информанты нередко отмечают, что подобные сны-диалоги снятся накануне поминальных дней (как общего цикла, так и своих собственных).

Кстати, информанты достаточно часто трактуют такие сны как прогностический знак — покойник снится к перемене погоды (к дождю летом или снегу зимой), реже — к болезни и смерти. При этом частое явление во сне даже без прямой просьбы о чем-то («начал сниться») воспринимается как знак недостачи — покойника нужно помянуть.

Чаще всего покойник во сне не представляет никакой опасности для живых, однако широко известно поверье, что за покойником нельзя следовать, если он зовет тебя (если пойдешь, то вскоре умрешь). Однако это представление не актуализируется, если умерший выступает в роли проводника по иному миру.

Кроме того, в анклав достаточно популярны рассказы о «ходячих покойниках». Такой тип коммуникации, при котором мертвые «ходят» к живым, считается нежелательным, а в некоторых случаях — опасным для живых.

По представлениям жителей анклава, после смерти могут стать «ходячими покойниками»⁷: 1) те, по кому слишком сильно плачут и тоскуют; 2) те, у кого остались незавершенные дела на этом свете и неразорванные родственные связи (мать приходит к детям, муж — к жене); 3) те, кто не отжил свой век (например, умершие в автокатастрофе).

Одной из особенностей нарративов об умерших родственниках следует назвать тот факт, что во время рассказа информант часто меняет коды достоверности: это было во сне, это было наяву. Информант, начиная рассказывать, упоми-

нает, что описываемое было во сне («[И как это было?] О так. Ну я як сплю. Во сні»), но в конце заявляет, что все события происходили наяву («[Так он во сне приходил?] Ни. Ни во сне. [Ночью?] Да, да. Ночью. От так»). Бывают и обратные ситуации, когда меморат начинается как типичный нарратив о «ходячем» покойнике («Я встаю в туалет в ее спальне, а вин на диване»), заканчивается заключением, что это было во сне («И я проснулась»). Этот факт усложняет анализ нарративов об умерших родственниках и разделение персонажей на покойников и «ходячих» покойников.

Примечания

- ¹ *Левкиевская Е.Е.* Проблемы описания локальных традиций и возможные методы их изучения (на примере украинского анклава Саратовской обл.) // Этнографическое обозрение. 2015. № 2. С. 37–47; *Она же.* К вопросу о методах культурного и этнодиалектного изучения украинских анклавов на территории России // Славянский альманах. Вып. 1–2. М., 2015. С. 225–235; *Она же.* Украинские анклавы на территории России: к проблеме исследования локальных традиций // III Всероссийский конгресс фольклористов (Москва, 3–7 февраля 2014 г.): Сб. науч. ст. в 5 т. Т. 4: Российская фольклористика в XXI веке. М., 2019. С. 518–530.
- ² *Коптев Н.В.* Структура похоронного обряда села Самойловка // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2013. № 4. С. 56–58; *Левкиевская Е.Е.* «Народное отпевание» в Самойловском районе Саратовской области // Memento Mori: похоронные традиции в современной культуре / Сост. А.Д. Соколова, А.Б. Юдкина. Отв. Ред. Д.В. Громов. М., ИЭА РАН, 2015. С. 10–35; *Она же.* «Отпевальные» тетради украинцев Самойловского района: жанровый состав и пути формирования // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2018. № 1. С. 21–24; *Она же.* Региональные черты в похоронной традиции украинцев Саратовского Поволжья // Традиционная культура народов Поволжья. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 95-летию со дня рождения известного этнографа Р.Г. Мухамедовой. Республиканский центр развития традиционной культуры. Казань, 2019. С. 207–213; *Она же.* Литературные тексты в традиционном погребальном обряде украинцев Саратовской области // Przegląd Rusycystyczny. 2019. № 1 (165). С. 149–160; *Моррис М.-В.* Удивительное путешествие «Anima Christi» // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2018. № 1. С. 25–27.
- ³ *Антонов Д.И.* Коммуникация с умершими в поверьях Самойловского района // Живая старина: Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2016. № 1. С. 31–34.
- ⁴ *Панченко А.А.* Мертвецы: добрые, злые и непонятно какие // Отечественные записки. 2013. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2013/5/mertvecy-dobrye-zlye-i-ponyatno-kakie>.

- ⁵ Кормина Ж.В., Штырков С.А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта севернорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. М., 2001. С. 206–231.
- ⁶ Там же. С. 206.
- ⁷ Левкиевская Е.Е. Покойник «заложный» // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общей ред. Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4: Переправа через воду — Сито. С. 119–120.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.13

Понятия «одномесечники» и «однодневники» в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»

ЧЖЭН ЯНТУН,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: alexsasha1995@163.com

Ключевые слова: одномесечники, однодневники, южнославянский, этнолингвистика, ментальная картина мира

The Concepts of “Born in the Same Month” and “Born in the Same Day” in the Ethnolinguistic Dictionary “Slavic Antiquities”

Zheng Yangtong,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: alexsasha1995@163.com

Keywords: born in the same month and born in the same day, South Slavic, ethnolinguistics, mental picture of the world

Доклад посвящен определению и объяснению фрагмента картины мира, связанной с терминами *одномесечники* и *однодневники* у балканских славян. Балканославянская традиционная культура имеет важную исследовательскую

ценность. Поверье об *одномесячниках* и *однодневниках* является одним из уникальных верований в культуре балканских славян.

Термины *одномесячники* и *однодневники* были введены в научный обиход после выхода статьи Н.И. Толстого «Магические обряды и верования, связанные с южнославянскими “одномесячниками” и “однодневниками”»¹, в которой автор подробно объяснил смысл понятий и связанные с ним ритуалы, а также описал ареалы в Сербии, Болгарии и Македонии, где распространены эти верования. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» А.А. Плотникова дает следующее определение *одномесячников* и *однодневников*: «у сербов, болгар и македонцев дети из одного семейства, рожденные в один и тот же месяц (серб. *једномесечићи*, *једномесечари*; болг. *едномесечета*, *едномесеци*, з.-болг. кюстендил. *посопци*; макед. *месечинци*, *едномесечинци*) или в один день недели (серб. *једноданчићи*; болг. *едноденчета*), а потому считающиеся в народе «связанными» одной судьбой, подобно близнецам»². Из названных работ становится понятно, что это явление специфично для балканских славян. Судьба *одномесячников* и *однодневников* подобна судьбе близнецов. И здесь нужно отметить, что близнецы в народных представлениях — носители одной судьбы³. В том числе, у славян считается, что их судьбы похожи. Поэтому если у одного из *одномесячников* или *однодневников* несчастье, беда или болезнь, даже смерть, другой из них почти в точности будет повторять такую же несчастную судьбу, если даже они не знакомы друг с другом. У *одномесячников* и *однодневников* тесно и неотделимо связаны судьбы. Это духовное соединение считается врожденным.

У балканских славян известны различные магические обряды, позволяющие «разделить» судьбы *одномесячников* и *однодневников*. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» описаны и перечислены связанные с *одномесячникам* обычаи: «кормят яйцом с двумя желтками через порог, забор, ограду или на мосту через реку, на переправе через реку (чтобы разделить их оградой или водой); велят

лечь или встать в саду и выкапывают между ними яму, куда сажают плодородное дерево, заставляя их держать ствол с разных сторон; сажают между ними куст картофеля, тыкву и пр., давая им затем съесть созревшие плоды растения; повитуха разрубает для них монету на пороге дома и дает половинки каждому из одномесечников, чтобы они хранили их всю жизнь, и т. п.»⁴.

Кроме вышеупомянутых способов, существуют другие, особенно в случае смерти одного из *одномесечников* или *однодневников*. Тогда другому живому нужно как можно быстрее принять меры, чтобы не разделить его судьбу.

Далее мы попытаемся выделить два аспекта, связанные с исследуемым концептом: с точки зрения числовой символики и в плане выражения символики цвета.

С одной стороны, отношение к *одномесечникам* и *однодневникам* у балканских славян определяется числом *два*. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» С.М. Толстая излагает представления славян о числе *два*: оно «получает преимущественно отрицательную оценку, считается опасным, дьявольским числом, ассоциируется со смертью. Два одинаковых предмета, двойные или сдвоенные предметы могли, по народным поверьям, принести несчастье и смерть»⁵. Кроме того, Н.И. Толстой в своей книге упоминал, что глубинная семантика числа *два* в славянской и родственных традициях ярко выступает в мифологической и обрядовой функции парных предметов или живых существ⁶. В связи с этим можно сделать вывод, что *одномесечники* и *однодневники* символизируют опасные, дьявольские и даже связанные со смертью субъекты.

С другой стороны, важную роль в некоторых обрядах с *одномесечниками*, проводимых балканскими славянами, играет цвет. Например, если один из них умирает, живой бросает в гроб умершего половинку разрубленной на пороге дома монеты; желтый (или белый) цветок со словами: «Я тебе — желтый (белый) цвет, а ты мне — белый свет» (Драгачево, Шумадия)⁷. Здесь, желтый цвет и белый цвет принадлежат к основным элементам цветовой символики, обо-

значая соответственно смерть (желтый) и здоровье (белый). Отметим, что в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» В.В. Усачева пишет: «Желтый цвет часто осмысливается как символ смерти; в славянских поверьях появление желтого пятна на руке предвещает смерть. В приметах желтый цвет означает несчастье, болезнь или смерть»⁸. Н.И. Толстой там же писал, что белый цвет — признак счастья и здоровья⁹. Таким образом, закономерно, что у живого *одномесячника* или *однодневника* должен быть в руках предмет белого цвета, а у мертвого — желтого.

Можно предположить, что балканские славяне верят, что желтый цвет имеет отношение к отделившейся от тела душе, что он также символизирует смерть злого начала. А белый цвет обозначает свободу, чистоту и новое начало¹⁰. Использование этих двух цветов отражает важную часть ментальной картины мира балканских славян.

Таким образом, *одномесячники* и *однодневники* — специфическое поверье для балканских славян. У них существуют магические обряды, чтобы «разделить» судьбы *одномесячников* и *однодневников*. Анализируя эти два аспекта числовой символики и символики цветов, мы можем сделать выводы об отношении балканских славян к *одномесячникам* и *однодневникам*. Можно также предположить, что *одномесячники* и *однодневники* отражают балканославянскую ментальную картину мира, связанную с их отношением к судьбе.

Примечания

- ¹ Толстой Н.И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 283–302. URL: https://inslav.ru/images/stories/pdf/2003_Tolstoj_Oчерki_slav%27anskogo_jazychestva.pdf.
- ² Плотникова А.А. Одномесячники, однодневники // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 3 К–П. М., 2004. С. 533.
- ³ Толстой Н.И. Близнецы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. М., 1995. С. 191.
- ⁴ Там же. С. 533
- ⁵ Толстая С.М. Два // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д–К. М., 1999. С. 21.
- ⁶ Толстой Н.И. Очерки славянского язычества.

- ⁷ Плотникова А.А. Одномесячники, однодневники. С. 533.
- ⁸ Усачева В.В. Желтый цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. Д–К. М., 1999. С. 202.
- ⁹ Толстой Н.И. Белый цвет // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А–Г. М., 1995. С. 152.
- ¹⁰ Ср.: Чиварзина А.И. Цвет в похоронно-поминальной традиции балканских славян, албанцев и румын // Образ человека в языке и культуре. М., 2018. С. 278–280.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.14

Образ вампира в народной мифологии (на материале китайской и сербской традиций)

Лю Ху,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: liu.hu@mail.ru

Ключевые слова: вампир, мифологические персонажи, этнолингвистика

Vampire-like Characters of Folk Mythology (Based on Chinese and Serbian Traditions)

Liu Hu,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: liu.hu@mail.ru

Keywords: vampire, mythological characters, ethnolinguistics

Исследование посвящено народным мифологическим представлениям о вампире в китайской мифологии провинции Шаньдун в сопоставлении с южнославянскими представлениями на примере сербской традиции.

Культура Шаньдуна имеет долгую и богатую историю: здесь родился Конфуций, возникла ранняя китайская пись-

менность, здесь находятся древнейшие города-государства Ци и Лу, здесь же рано стали производить керамику и шелк¹. Известный ученый Цзин Иен в своем исследовании убедительно доказал гипотезу о том, что «многие древнекитайские мифы и легенды зародились именно в регионе Шаньдун»². Поэтому результаты исследования народной культуры провинции Шаньдун можно экстраполировать и шире — на общекитайскую мифологию. Соответственно, сербская мифология отражает типологические черты культуры балканских славян. «Сербское культурно-лингвистическое пространство попадает в этот своего рода “слоеный пирог”, имея крепкие связи со всеми прилегающими народными традициями — болгарской, черногорской, боснийской, герцеговинской и т.д.»³.

В мифологии славянских народов вампира часто описывают как умершего, покидающего могилу по ночам и пьющего кровь других людей или животных⁴. В Сербской традиции, однако, встречаются и отклонения от типичного образа: вампир не всегда пьет кровь, иногда он даже помогает людям. В китайской демонологической системе провинции Шаньдун вампир (僵尸 ‘закоченевший труп’) также пьет кровь, кусает человека или даже его съедает, а кроме того может вызывать засуху. В данной работе проанализированы как сходные, так и различающиеся черты образа вампира в исследуемых регионах. Анализируются этимология наименований, атрибуты, контакт с человеком, меры защиты от вампира и способы его уничтожения. Выделяются типологические сходства в обычаях и обрядах в провинции Шаньдун и в Сербии. Исследование опирается на методы Московской этнолингвистической школы, работа которой направлена на реконструкцию этнической духовной культуры славянских народов. Целью исследования является попытка расширения культурно-языкового контекста.

В восточной Сербии преобладают названия *вампир* и *тенак*; среди сербов в западных районах — *вукодлак* и *вјетрогоња*⁵. У сербов также есть множество диалектных вариантов названия: *вампир*, *вѣмпир*, *вампируља*; *talason*; *теньц*, *lampir*, *vukanović*, *grobnik*⁶.

Вампиром может стать умерший неестественной смертью, например, самоубийца, тот, кто умер от полученных ран, от эпидемии, кто не успел исповедаться перед смертью, по кому недостаточно скорбели, кто умер в темноте, без свечи. Вампирами нередко становятся мужчины, реже — женщины; чаще молодые, чем старые. Люди могут стать вампирами не по своей воле: например, убитый молнией человек, или если кошка или курица прошли мимо умершего ночью. Существует южнославянское поверье, что умерший может превратиться в вампира в течение 40 дней после погребения; в это время он невидим или становится тенью. Если вампир не умрет, то от выпитой крови он получит исключительную силу, которая позволит ему долго жить среди людей, не возвращаясь в могилу⁷.

В Сербии существуют вампироподобные существа: *некрштитеници* и *навије* (окрестность Пирота, в восточной Сербии), *свирац* (окрестность Вранье, в южной Сербии), ими становятся дети, умершие некрещеными. Они, как вампиры, выходят ночью и творят зло. *Некрштитеници* высмеивают маленьких детей, забирают у их матерей молоко, они особенно опасны в “некрещеные дни” (от Рождества до Крещения)⁸.

В провинции Шаньдун встречаются три типа вампира: *цзяншигуй* (僵尸鬼, букв. ‘закоченевший труп’), *ханьба* (旱魃, букв. ‘демон засухи’) и вампироподобный персонаж *маху* (麻胡, ‘чудовище как вампир’). Вампир, произошедший от трупа человека, называется *цзянши* или *цзяншигуй* (слово *цзяншигуй* составлено из *цзянши* и *гуй* ‘черт’). Считается, что *цзянши* могут стать умершие неестественной смертью⁹. В течение ста дней после смерти они могут превратиться в вампира — *ханьба* (букв. ‘демон засухи’). Такие вампиры вызывают засуху, высушивают реки, уничтожают урожай. А известный в провинции Шаньдун *маху*, представленный в образе волкоподобного вампира или невидимого демона, может поймать человека и съесть его. Встречаются и диалектные варианты названия: *маху*, *пиху*, *пихоу*. *Маху* часто описывают как демона в обличье человека с хвостом, который может ходить, как прямоходящий волк, и незаметно выслеживать людей в попытке их съесть.

Изученный материал позволяет сделать некоторые выводы об образе вампира: 1) внешний облик: в Сербии вампир предстает в облике волка или обычного человека, наводящего ужас; в провинции Шаньдун вампиры обычно невидимы, они описываются как ходячие покойники в образе волка; 2) функция: в Сербии вампир пьет кровь или помогает близким при жизни людям (по ночам готовит муку для выпечки хлеба, колет дрова и пр.)¹⁰; в провинции Шаньдун вампир всегда вредит людям: пьет кровь, кусает людей и выпивает силу человека, а вампир *ханьба* может вызывать засуху; 3) время действия: в сербской традиции вампиры ходят по земле ночью и возвращаются в могилу после криков первого петуха; в провинции Шаньдун вампир передвигается ночью или в пасмурный день.

Примечания

- 1 Лю Ху. Традиционная народная культура провинции Шаньдун // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых / отв. ред. Е.С. Узенева, О.В. Хаванова. М., 2020. С. 185. <https://10.31168/2619-0869.2020.2.06>.
- 2 景以恩. 华夏神话传说源于山东考 // 民间文学论坛. 1996, №1. 第9页. [Цзинь Иэнь. Исследование происхождения китайских мифов и легенд из Шаньдуна // Форум народной литературы. 1996. № 1. С. 9].
- 3 Плотникова А.А. Сербская народная мифология в ареальном аспекте // Славяноведение. 2020. № 6. С.16.
- 4 Левкиевская Е.Е. Вампир // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т. 1. А — Г. М., 1995. С. 283.
- 5 Петровић С. Српска митологија. Систем српске митологије. Књ. I. Прво издање. Ниш, 1999. С. 65.
- 6 Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 639–640.
- 7 Петровић С. Српска митологија... С. 65.
- 8 Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970. С. 58–59.
- 9 梁艺欣. 吸血鬼与僵尸形象的跨文化研究. // 太原城市职业技术学院学报. 2016. № 2. 第185页. [Лян Исинь. Межкультурное исследование образа вампиров и цзянши // Вестник городского профессионально-технического колледжа Тайюань. 2016. № 2. С. 185].
- 10 Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004. С. 215.

ЯЗЫК ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.15

О некоторых особенностях функционирования конструкции хотѣти + инфинитив как эквивалента греческих инфинитивных конструкций с μέλλω в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (на материале Толкового Евангелия от Иоанна)

Ефросиния Денисовна Метлова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: frosyametlova@yandex.ru

Ключевые слова: Толковое Евангелие, инфинитив, перспектив

On Some Features of the Functioning of the Structure хотѣти + infinitive as the Equivalent of Greek Infinitive Constructions with μέλλω in the Oldest Translation of the Explanatory Gospel of Theophylact of Bulgaria (Based on the Explanatory Gospel of John)

Euphrosynia D. Metlova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: frosyametlova@yandex.ru

Keywords: Commenting Gospel, infinitive, prospective

Доклад посвящен анализу грамматической семантики и выявлению закономерностей функционирования церковнославянских конструкций *хотѣти+инфинитив* с футуральной референцией в древнейшем переводе Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (ТЕ). Материалом послужило ТЕ от Иоанна (ТЕИ) в рукописи XIV — начала XV вв.¹ и рукописи из книжного собрания Томского областного краеведческого музея 20–30 гг. XVI в.² Обе рукописи восточнославянского происхождения содержат ТЕ от Луки и Иоанна. Эти списки были выбраны как представители двух ветвей древнейшей редакции ТЕ. *Хотѣти+инфинитив* используется в ТЕИ в соответствии с греческими футуральными причастиями и с конструкциями с глаголами *θέλω* и *μέλλω*. Семантика *хотѣти*-конструкций как эквивалента инфинитивного *μέλλω* описывается в работах последних лет как проспектив³. Собственно проспектив в узком смысле (внутренний проспектив, или проксиматив) обозначает подготовительную стадию ситуации: «состояние X-а таково, что позже произойдет Р». Возможна и несколько другая разновидность проспективной семантики, называемая внешним проспективом или предестинативом. Если проксиматив характеризует будущее действие как ожидаемое завершение текущего инерционного процесса⁴, то предестинатив, по определению А.А. Козлова, «имеет модальной базой предсказания [будущей ситуации] нечто гораздо более мистическое [чем интенции и текущие инерционные процессы]: ‘событию Р суждено произойти’⁵ и обозначает его как “так или иначе” имеющее место»⁶ в будущем, подготовительная фраза при этом максимально размыта. На пути грамматикализации предестинатив ближе к обычному способу футуральной референции, чем проксиматив.

В отличие от оригинальных восточнославянских текстов, где наибольшее распространение получает сочетание *хочеть быти*⁷, состав проспективной *хотѣти*-конструкции в ТЕ лексически не ограничен: отражая использование греческого *μέλλω*, церковнославянский перевод демонстрирует широкую сочетаемость *хотѣти* с глаголами разных семантических классов. Всего в ТЕИ насчитывается 43 случая использова-

ния инфинитивных μέλλω-конструкций с проспективной семантикой, в 17 из которых с инфинитивом сочетается причастная форма μέλλω (спорные контексты, когда уверенно определить ее значение — проспектив или намерение — было невозможно, не рассматривались).

Только в одном случае, принадлежащем основному тексту, *хотѣти+инфинитив* имеет значение проспектива в узком смысле: Ин. 4:46–47 *тъ слышав яко ісусъ приходитъ ѿ іудѣя в галилѣя. прише(д) к нему молаше и да снидетъ и исцѣлитъ сѣа его. хотѣше бо оумрети (ἐμελλε ἀποθνήσκειν)*⁸. *Хотѣше оумрети* описывает ситуацию, на основании которой можно сделать прогноз, что должно произойти событие X (смерть). Во всех остальных случаях *хотѣти*-конструкция описывает будущую ситуацию, предпосылки которой в настоящий момент не доступны для наблюдения. Не случайно поэтому частое употребление *хотѣти*-конструкции в контексте предсказания. Временная дистанция, отделяющая грядущее событие от настоящего, нерелевантна. Предсказываемое событие может быть отделено от настоящего как необозримо большим промежутком времени, так и совсем маленьким. Ср. толкование на Ин. 13:33 <на Страшном Суде> *мнѡзи бо чудеса створше хотѣть слышати (μέλλουσιν ἀκούειν) яко не вѣдѣтъ ва(с)*⁹; толкование на Ин. 16:29–32 *толма есть несвершено. яко же вставити ма хочете врагомъ (ἐγκαταλίπειν με μέλλετε)*¹⁰, в ТОКМ 7328 *ма* отсутствует¹¹. Последнее говорит апостолам Христос на Тайной вечери, открывая, что произойдет через несколько часов. В подобных контекстах значение *хотѣти*-конструкции максимально приближено к будущему времени. В связи с этим любопытен перевод причастных форм греческого μέλλω. Вне сочетания с инфинитивом они имеют два эквивалента в переводе: *хотѣций быти* и *боудуций*. В их распределении наблюдается следующая закономерность: греческое μέλλων в сочетании с существительным, за исключением *ὁ αἰών век*, передается конструкцией *хотѣций быти*, а если μέλλων субстантивировано, в славянском переводе одинаково возможны *хотѣций быти* и *боудуций*.

Хотѣти-конструкция, сохраняя проспективное значение, обладает потенциалом к выражению временной относительности: связка *хотѣти* может стоять в форме как презенса, так и любого из прошедших времен, однако конструкция *хотѣти+инфинитив* всегда будет отсылать к будущей ситуации. Показательно, что в ТЕИ преобладающим является именно имперфект, а не презенс проспективного *хотѣти*. Принадлежа плану прошедшего и описывая некое действие как будущее с позиции прошлого, проспектив в имперфекте фактически приобретает относительное значение — как бы будущего в прошедшем. Ср. толкование на Ин. 15:25 *д(а)в(и)дъ оубо д(оу)хомъ с(вя)ты(м) провозгласи. еже хоташе злоба их (иудеев) твори(т) (ἐμελλεν ποιεῖν)*¹² — имеется в виду осуждение Иисуса на смерть. В этой области наблюдается некоторое расхождение перевода с оригиналом. В греческом тексте соотношение презенса и имперфекта — 5/21, в переводе — 9/17 (пять имперфектов оригинала заменяются на презенс и один презенс — на имперфект). Такое несоответствие следует рассматривать в контексте варьирования форм настоящего и прошедшего времени в пересказе евангельского повествования толкователем. Он может пересказывать текст либо с позиции его синхронного восприятия (тогда будут использоваться формы презенса в значении настоящего изложения), либо с такой позиции, при которой чтение является фактом прошлого (тогда в пересказе используются формы прошедших времен). Частая смена позиции пересказчика и, как следствие, вариативность временных форм в оригинале приводят к ослаблению оппозиции *настоящее VS прошедшее*, что проявляется в переводе заменами презенса на аорист / имперфект и наоборот. Когда греческому имперфекту от μέλλω в составе проспективной конструкции соответствует церковнославянский презенс, значение как бы будущего в прошедшем уничтожается. Ср. толкование на Ин. 20:19–23 *и симъ (апостолам) миръ дае(т) (Христос). брани ра(ди) юже к ни(м) имдоху. и имѣти хотѣ(т) (σχεῖν ἐμελλον) вси*¹³.

Таким образом, в древнейшем переводе ТЕИ конструкция *хотѣти+инфинитив* со значением проспектива характере-

ризуется относительно независимым от оригинала употреблением, что проявляется в несоответствии временных форм. В абсолютном большинстве случаев она имеет предестинативное значение. Ее сближение с немаркированным способом футуральной референции поддерживается переводом причастных форм *μέλλω* как *будущий* и *хотящий быти*. В некоторых случаях можно говорить о значении *хотѣти*-конструкции как о будущем в прошедшем, но в переводе это значение уничтожается вследствие замены греческого имперфекта на презенс. Такая система должна быть характерна и для остальных трех ТЕ, поскольку их древнейший перевод един¹⁴.

Примечания

- 1 Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 304/1. № 110.
- 2 Книжного собрание Томского областного краеведческого музея (далее — ТОКМ). 7328.
- 3 Козлов А.А. К грамматической семантике старославянских конструкций *хотѣти/имѣти* с инфинитивом // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1 (27). С. 122–149; Юрьева И.С. Охъ же ти хочеть быти! 2015. URL: <https://inslav.ru/zalizniak80/congratulations/Yurjeva.pdf>; Шевелева М.Н. К проблеме грамматической семантики конструкций типа *имать быти* VS *хочеть быти* в ранних восточнославянских текстах // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 194–218.
- 4 Козлов А.А. К грамматической семантике... С. 122–149.
- 5 Козлов А.А. Перспектив: семантика и типология. Магистерская квалификационная работа. М., 2017. С. 39.
- 6 Там же. С. 40.
- 7 Юрьева И.С. Охъ же ти хочеть быти! 2015.
- 8 ТОКМ. 7328. Л. 281; ОР РГБ. Ф. 304/1.110. Л. 248
- 9 ОР РГБ. Ф. 304/1.110. Л. 317 об.; то же в ТОКМ. 7328. Л. 441 об.
- 10 ОР РГБ. Ф. 304/1.110. Л. 332 об.
- 11 ТОКМ. 7328. Л. 473–473 об.
- 12 Там же. Л. 463 об.
- 13 Там же. Л. 511 об.–512.
- 14 Алексеев А.А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 127.

Употребление указательного местоимения-атрибутива *тъ* (*tot*) с именами собственными в деловой письменности XIV–XV вв.

Вероника Константиновна Скрипка,

Институт русского языка имени В.В. Виноградова
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: vkskripka@yandex.ru

Ключевые слова: указательные местоимения, референция, артикль, история русского языка

The Use of Adjectival Demonstrative *тъ* (*tot*) with Proper Nouns in the Language of Documents of the Fourteenth and Fifteenth Century

Veronika K. Skripka,

Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: vkskripka@yandex.ru

Keywords: demonstrative pronouns, reference, article, history of Russian language

Указательное местоимение-атрибутив, или местоименное прилагательное, используется для того, чтобы выделить объект из класса, названного существительным: по словам Е.В. Падучевой, «этот X означает, что объект рассматривается на фоне других объектов категории X»¹ (*человек — тот человек*). Поэтому и она, и другие исследователи (например, Е.М. Вольф) замечали, что указательные местоимения не должны сочетаться с именами собственными — то есть

«со словами, которые индивидуализированы по самому своему смыслу. К ним относятся личные местоимения, собственные имена, определенные дескрипции»². И.И. Ревзин писал, что указательное местоимение *этот* или *тот* в современном русском языке «выделяет один объект, принадлежащий классу. [...] Если весь класс состоит из одного предмета, то употребление *этот* — *тот*, собственно говоря, некорректно»³.

Действительно, в московских грамотах XIV и первой половины XV вв., опубликованных Л.В. Черепнинным⁴, указательные местоимения-атрибутивы не сочетаются с именами собственными. Для отсылки к прежде упомянутым **населенным пунктам** используются три типа выражений: указательное местоимение среднего рода *то* (пример 1), сочетание указательного местоимения-атрибутива *тоть* с гиперонимами (*волости, села* и т. д., пример 2) и редко местоимение *онь-его* (3):

(1) *А что за княгиню за М(а)рьейю Заячковъ, Заберегъ с мѣсты, то до ее живота* М4б (ок. 1358 г.);

(2) *Да¹ есмь княгини своеи Олександръ ис Коломенскихъ волости Похране, Пѣсочну [...] А по животъ моее княгини тѣхъ волости и села и часть тамги с(ы)номъ моимъ* М4б (ок. 1358 г.);

(3) *княгинѣ моеи Ондрѣевское село, а ис Переяславскихъ сел Доброе село и что к нимъ потягло* М12 (1389 г.).

Для отсылки к **людям**, названным по имени, используется в основном местоимение *онь-его* (4) и редко местоимение-атрибутив *тоть* с гиперонимом (*князи*, 5):

(4) *А что есмь купи¹ село в Ростовѣ Богород^{д(w)}чское, а дал есмь Бориску Воръкову, аже иметь с(ы)ну моему которому служити, село буде^м за нимъ* М1б (ок. 1339 г.);

(5) *хто будетъ [...] зѣ Дмитриемъ Ивановичемъ [...] в любви и в докончаньи, князь великии Олегъ, княз(ь) великии Романъ, князь великии Володимеръ проньскии и иныѣ княз(и), хто буд(е)тъ в нашемъ имени, тѣхъ князии княз(ю) великому Олгѣрду, и брату его [...] и ихъ дѣтемъ тѣхъ князии не воевати, очины ихъ, ни ихъ люд(и)и* М6 (1371 г.).

Однако со второй половины XV в. в грамотах, наряду с уже упомянутыми способами отсылки, аналогичными примерам 1–3, фиксируются примеры употребления *тоть* с названиями **населенных пунктов** (примеры 6–8):

(6) *А и³ Юріевьскы^х из свои^х сель даю ему свои ж прику^н Тура^бевскіи села всть вприсно Бере³никовъ да Ра^мкова да Г^дл^ксина, а то Г^длексино дала есмь княгинь Ефросинье до ее живо^м, а Бере³ник[и и] Ра^мково дала есмь своеи сносъ княгинь Мр^е до ее ^ж живота, а по ихъ животѣхъ и тѣ села Г^дл^ксина и Бере³ники и Ра[тко]во внуку ^ж моему кнзю Юрію М57 (1451 г.);*

(7) *и^мступи^н ти сд есмь [...] Звенигорода с волостми [...] а волости Звенигородскіе Оугожа [...] да Клаповское впро^ч Ершовско² села [...] а то село Ершовское судо^н и да^чю по тому, ка^к бы³ за мною М58а (1451–56 гг.);*

(8) *Да бл^свлю гна своего велико² кнзл Ивана Васильеви^н(а) своєю и^мчиною [...] Б^глы^н изерв^н с волостми и со всть^н, что к тому Б^гду изеру истарины потагло М80а (1486 г.).*

Интересно сравнить данные грамот великорусского центра — Москвы и окружающих ее княжеств — с материалом новгородских и псковских пергаменных грамот XIV–XV вв.⁵ В грамотах XIV в. заметно отсутствие местоимения-атрибутива *тоть*, которое может сочетаться с именами собственными. Такие сочетания фиксируются позднее. Первый пример этого рода — в новгородской грамоте, датируемой первой четвертью XV в. (9):

(9) *Се купи поть Максимъ Иониничъ [...] рѣку Яренгу от устья и до верховья [...] А той рѣки Яренги межа... Н135;*

Далее такие примеры фиксируются в новгородских грамотах при отсылке к **населенным пунктам**. Например, в грамоте середины XV в.:

(10) *Се купи Михаиле [...] у Григорьевичеи Малои Юры рѣки от устья и до верховья два жеребья [...] а в той Малои Юры рѣки Паустовичамъ треть Н194;*

в 1459–1469 гг.:

(11) *Се биша челомъ игумень Ивоня [...] с Соловчевъ с моря акіаня [...] чтобы есте, господо, жаловаль обитель свягаго Спа-*

са и святого Николы и насъ убогихъ тыми островами Соловки и островомъ Анзеры Н96;

а также в 1478 г. (Н221, список XVI в.), 1477–1482 гг. (Н99).

Использование указательных местоимений-атрибутивов в сочетании с **именами** людей встречается в псковских грамотах второй половины XV в.:

(12) *Здесе зялуются намъ молодии люди купцини Иване да Кузма на вашего брата на Иволта, что тотъ Иволтъ, не зная бога, вдержяль нашихъ купцинь Ивана да Кузму 5 дней [...] мы тому велми дивимся, что теи Иволтъ не право чинить* Н336 (1463–1465 гг.);

(13) *Первое о обидахъ, што наши купъцы Микифорко купли на заехаль у Луцькое торгомъ, и воевода луцький того Микипоръ-ка всего ограбилъ* Н339 (1480 г., список XVI в.).

Таким образом, в первой половине — середине XV в. у местоимения-атрибутива *тотъ* в определенных контекстах фиксируется не обычная для этого местоимения функция — выделение предмета из класса, названного существительным, — а функция иного рода. В данном случае, по-видимому, есть два варианта. Во-первых, местоимение может быть употреблено в **экспрессивной**, по терминологии П. Адамца⁶, функции — оно передает особенное отношение говорящего к предмету речи: удивление, возмущение... Однако если в случае с Иволтом из псковской грамоты № 336 можно говорить об этой функции, то в других примерах, особенно в сочетании указательных местоимений с названиями населенных пунктов, говорящий не имеет причин выражать свое особенное отношение к этим местам.

Более верно, как нам кажется, считать такие примеры развитием **артиклевой** функции у местоимения-атрибутива *тотъ*, которая представлена многочисленными примерами в деловых текстах XVI и XVII вв.⁷ Местоимение в этой функции подчеркивает определенность, известность предмета ('тот самый, о котором уже шла речь') и не вносит дополнительных оттенков смысла, которыми обладает указательное

местоимение (рассмотрение объекта на фоне других объектов этой же категории) и которые невозможны в сочетании с именами собственными.

Примечания

- ¹ *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985. С. 160.
- ² *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика местоимений (на материале иберо-романских языков). М., 1974. С. 117.
- ³ *Ревзин И.И.* Некоторые средства выражения противопоставления по определенности в современном русском языке // Проблемы грамматического моделирования / под ред. А.А. Зализняка. М., 1973. С. 122.
- ⁴ *Черепнин Л.В.* Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XV вв. М., Л., 1950. Примеры из этого издания помечены буквой М, после которой стоит номер грамоты в издании.
- ⁵ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / под ред. С.Н. Валка. М., Л., 1949. Примеры из этого издания помечены буквой Н, после которой стоит номер грамоты в издании.
- ⁶ *Адамец П.* Функции указательных местоимений в чешском языке в сопоставлении с русским // Сопоставительное изучение чешского языка с русским и другими славянскими языками / под ред. А.Г. Широковой, В. Грабье. М., 1983. С. 180.
- ⁷ *Галинская Е.А.* Указательное местоимение тот-то в курских говорах // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / под ред. А.М. Молдована. М., 2017. С. 83.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.17

Диалектные черты системы консонантизма в белорусско-литовских летописях

Софья Андреевна Афанасьева,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: timerina58@yandex.ru

Ключевые слова: имена собственные, лингвогеография, белорусско-литовские летописи, историческая фонетика, литовский язык

Dialectal Features of the Consonant System in the Belorussian-Lithuanian Chronicles

Sofya A. Afanasyeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: timerina58@yandex.ru

Keywords: proper names, lingua-geography, Belorussian-Lithuanian Chronicles, historical phonetics, Lithuanian language

Исследование посвящено анализу написаний литовских имен собственных в исторических сочинениях, которые Н.Н. Улащик предложил называть «белорусско-литовскими летописями»¹ (далее — БЛЛ). Материалом для исследования послужили 15 летописей, которые были опубликованы Улащиком в тт. XXXII и XXXV «Полного собрания русских летописей». Из них 13 написаны на западно-русском языке (одна из них записана польской латиницей), одна является переводом с этого языка на польский, еще одна — на латыни. Время их создания — XV–XVIII вв. Несмотря на то, что язык летописей не литовский, в написании литовских по происхождению антропонимов, гидронимов, топонимов и этнонимов отразились некоторые диалектные черты, свойственные территории балто-славянского пограничья.

1) Отверждение [rʲ].

Среди примеров отверждения [rʲ] — написания *Нарымонт* (*Narymont*), *Рымонт* (*Rymont*), *Рынкголт* (*Ryngolt*), *Скирыгаило*, *Швитрыгаило* (*Szwitrygayło*). На территории восточной Литвы [rʲ] отвердевает только перед гласным [e] (который переходит в [a])², поэтому отверждение [rʲ] перед гласным переднего ряда может быть истолковано только как отражение черты белорусских диалектов, поскольку в них отверждение [rʲ] более последовательно во всех позициях на большей части территории³. В отличие от вышеуказанных примеров, в имени *Тронята* (*Tronat*) (< Treniota) можно предполагать

отражение литовского диалектного явления, особенно учитывая, что имя подверглось переходу [a] > [o], характерному для восточно-литовских говоров⁴.

2) Отверждение [lʲ].

Звук [lʲ] в аукштайтских говорах отвердевает в той же позиции, что и [rʲ] — перед [e]⁵. Единственное имя, где это отразилось — *Лынгвений* (< Lengvas). После отверждения [lʲ] смешанный дифтонг [en] может произноситься как [an], [un], [ɨn], [on]. В некоторых говорах спорадически встречается мягкое [lʲ] и смешанный дифтонг [in] после него⁶. Очевидно, большим количеством произносительных вариантов, а также явными сложностями в написании столь непривычного иноязычного имени объясняется широкий набор встретившихся написаний — *Лугвень, Лынквень, Локвен, Лигвень, Лыкгенъ* и т. д.

3) Шипящие.

Случаи смешения шипящих и свистящих встретились только в БЛЛ, написанных на латинице (*Žmodz* и *Zmodz*, *Zygitont* и *Žygitont* в одних и тех же летописях), поэтому они вряд ли являются отражением мазурения — скорее, это графическая особенность, непоследовательная расстановка диакритики.

Отражение фонетического явления можно предполагать в имени *Кгаштовт* (*Кгаштолт*) (< Gostautas). В одной из летописей есть вариант *Кгастовьт*, наиболее близкий оригинальному произношению. К. Буга предполагает, что в этом имени изначально был соединительный гласный [i], перед которым согласный [s] смягчался⁷. Отражение этого палатального звука на письме буквой *ш* можно объяснить его «шепелявой» природой (ср. например, мену букв *с/ш* в памятниках древнепсковской письменности, где на месте <с'> произносился «шепелявый» палатальный [с''], что вызывало написания типа *осталощь*⁸.

Явные свидетельства отверждения шипящих (*Жыкгимонт, Эшышки*) встретились в той летописи, где регулярно отражается отверждение [rʲ] перед [i]. Таким образом, в ней отразилась еще одна белорусская диалектная особенность.

4) Мягкие зубные [t'] и [d'].

Отражение аффрицированного произношения мягких зубных встречается чаще в БЛЛ, написанных на латинице (*Iewnuci, Kiestuci, Lizdzieiko, Narimoncie, Skirmuncye, Tronacie, Troidzien*), однако встречается и в кириллических — *Кестуци*. Переход мягких зубных в мягкие аффрикаты в польском относится к XII–XIII вв⁹. Цеканье и дзеканье присутствуют в белорусском языке и, под влиянием окружающих диалектов, в юго-восточной Литве¹⁰. Отнести это явление к конкретному диалекту по данным БЛЛ нельзя, можно только констатировать его отражение.

Еще одна особенность передачи мягких зубных заключается в том, что на письме *t* и *d* могут смешиваться с *k* и *g*. Сильное смягчение зубных и их сближение с палатальными [kʷ], [gʷ] свойственно юго-восточным, так называемым «дзукающим» говорам в Литве¹¹. В БЛЛ это явление отразилось в наличии как прямых, так и обратных замен: *Троуикген (Trokien), Кюестуки* наряду с *Дедикголд (Dedigold)* (< Gedigaudas), *Жидимонт, на Полонде* (< Palanga), *Стергал* (< Skirgaila).

5) Мена *кги/ски*.

В разных летописях наряду с обычными написаниями *Кги(н)димин, Гинбут, Кгилия (река)* встретились варианты *Скиндимин, Скинбут, Скилия*. Один раз встретилось написание *Олскимонт* (вместо *Олкгимонт*), где над строкой было приписано «*кги*», видимо, в качестве исправления. Отмечается также обратная замена — *Кгирмонт* вместо *Скирмонта*. Наиболее последовательно мена отражается в Летописи Археологического общества, но некоторое количество случаев встретилось и в других памятниках. По-видимому, эти написания, которые затруднительно объяснить как графическую или позиционную фонетическую мена, отражают вставку протетического [s] перед смычными, спорадически отмечающуюся в Литве¹², чаще на восточной территории¹³. То, что после протетического [s] всегда пишется только *к* (а не диграф *кг*, традиционно обозначающий взрывной [g]) может быть отражением прогрессивной ассимиляции.

Таким образом, белорусско-литовские летописи можно использовать как источник по исторической лингвогеографии, в том числе литовской, несмотря на то что количество лексических литуанизмов в них невелико и ограничивается в основном именами собственными.

Примечания

- ¹ Улащик Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 3.
- ² Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija. Vilnius, 1966. P. 165.
- ³ Дыялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. чл.-кар. АН СССР Р.І. Аванесава, акад. АН БССР К.К. Крапівы і доктара філалагічных навук Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963. Карта 42.
- ⁴ Būga K. Rinktiniai raštai. Vilnius, 1958. P. 237.
- ⁵ Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija... P. 158.
- ⁶ Ibid. P. 160–161.
- ⁷ Būga K. Rinktiniai raštai... P. 265.
- ⁸ Галинская Е.А. Историческая фонетика русского языка. М., 2009. С. 70–71.
- ⁹ Ананьева Н.Е. История и диалектология польского языка. М., 1994. С. 127–128.
- ¹⁰ Lietuvių kalbos atlasas [Карты]: Т. 2: Fonetica. Vilnius, 1982. Карта 80.
- ¹¹ Zinkevičius Z. Lietuvių dialektologija... P. 140.
- ¹² Ibid. P. 190–191.
- ¹³ Lietuvių kalbos atlasas... Карты 97–98.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.18

**К вопросу
о грамматическом значении
сослагательного наклонения
в независимом употреблении
в старорусском языке
(на материале текстов смоленского
происхождения первой половины XVII в.)**

Наталья Павловна Иордани,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

Ключевые слова: история русского языка, сослагательное наклонение, грамматическая семантика, старорусские деловые документы

**On the Question
of the Grammatical Meaning
of Subjunctive Mood in Independent Use
in the Middle Russian Language
(Based on the Smolensk Texts from
the First Half of the Seventeenth Century)**

Natalia P. Iordani,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: iordani.natasha@yandex.ru

Keywords: history of the Russian language, subjunctive mood, grammatical semantics, Middle Russian business documents

Грамматическое значение сослагательного наклонения в независимом употреблении в современном русском языке обычно описывается как оптативное¹, а некоторые исследователи придают ему статус желательного синтаксического

наклонения². Такая оптативная семантика может возникать только в диалогических контекстах или при их имитации в письменных текстах, поскольку оценка ситуации с точки зрения ее желательности или нежелательности в таких случаях исходит от говорящего, а не от субъекта действия³.

Грамматическое значение, выражаемое глаголом в форме сослагательного наклонения, напрямую зависит от лица субъекта. Оно может быть описано как желательное только в тех случаях, когда при форме сослагательного наклонения употребляется субъект 1-го или 3-го лица. Подобные употребления нередко встречаются в материалах Национального корпуса русского языка⁴:

«Шел бы он», — мысленно решал он, куда бы послать Рубца — так, чтобы не мешал разбираться с цыганками (С.В. Дигол. Старость шакала) = 'Я хочу, чтобы он ушел'

— У меня семья, — сказал он. — Был бы я один... (Д.А. Гранин. Искатели) = 'Хотел бы я быть один'

Однако в сочетании с местоимением 2-го лица — в случае, когда субъект совпадает с адресатом высказывания, — эта форма приобретает побудительное значение, оформляя директивный речевой акт. Значение желательности в подобных контекстах трансформируется таким образом, что сослагательное наклонение в своем значении и употреблении сильно сближается с повелительным⁵. Например:

— А вот ты помолчал бы, — вдруг сурово приказал директор. — Вот помолчал бы ты немного = 'Помолчи' (Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей).

Анализ деловых документов смоленского происхождения первой половины XVII в., выполненный по изданию «Памятники обороны Смоленска»⁶ (далее — Смол.), подготовленному Ю.В. Готье, показал, что в более ранний период, как и в современном русском языке, формы сослагательного наклонения, употребляясь с местоимением 2-го лица, выражали спектр побудительных значений. Обратимся к контекстам:

... а котораго числа отпустиш и ты б о том в Смоленскъ к боярину і воеводам и к діяку отписал (Смол. 37) = 'Отпиши об этом в Смоленск'

... а сотника **бы** [ты] стрельцокого Костю Щелина и смоленских стрелцов **отпустил** в Смоленскъ тотчасъ (Смол. 37) = '**Отпусти** стрелецкого сотника и смоленских стрельцов'

Однако в старорусских документах сослагательное наклонение в контекстах с местоимением 2-го лица встречается крайне редко: такое императивное значение обычно выражают формы повелительного наклонения или инфинитивы с частицей **бы**⁷.

Гораздо чаще сослагательное наклонение фиксируется в употреблении с субъектом в 3-м лице. Но, как показывают контексты, в начале XVII в., в отличие от современного русского языка, в таком контексте формы сослагательного наклонения также приобретали императивное значение, о чем свидетельствуют примеры:

... и тѣ **бы** всякие люди на ноч **ходили** на стену на сторожу, хто гдѣ написан за час до вечера на послѣ днем часу дни (Смол. 73) = '**Пусть** эти люди ночью **ходят** в дозор на городскую стену'

... И никто **б** вязмич и дорогобужан з дворов **не ссылал** и наймов **бы** на них никто **не имал** для нынешнего осадного времени (Смол. 115) = '**Пусть** никто **не прогоняет** вязьмичей и дорогобужан со своих дворов и **не берет** с них деньги за постой'

... а у кого на дворех поварен нѣт, и тѣ **б** люди у себя на дворехъ или в огородахъ или в берегахъ **дѣлали** печи (Смол. 133) = '**Пусть** люди **делают** печи во дворах, в огородах или на берегу реки'

... и на вскупѣ **бы** всякие люди хлѣба никаково **не купили** (Смол. 122) = '**Пусть** люди **не покупают** хлеб для перепродажи'

Важно отметить, что в таких контекстах грамматическое значение сослагательного наклонения не может быть интерпретировано как желательное: эти формы действительно выражают побуждение. Дело в том, что подобные употребления обнаруживаются в документах определенного содержания — в наказных памятях, которые представляют собой

распоряжения, регламентировавшие разные аспекты жизни Смоленска во время осады. Подобные предписания не могут носить рекомендательный характер, поскольку после каждого распоряжения оговаривается наказание, положенное за его нарушение. Например, в одной из наказных памятей (Смол. 122) строго определяется объем хлеба, который можно было приобрести, и объявляется запрет на перепродажу зерна. Завершается документ следующей санкцией:

... и тѣх людей [которые будут перепродавать хлеб по завышенным ценам] велѣти имати и приводили б ихъ къ боярину и воеводам, и тѣм людей за то быти кажненымъ торгового казнью (Смол. 122)

В соответствии с текстом другой наказной памяти (Смол. 66) смоляне должны принять меры для того, чтобы предотвратить возможные пожары во время осады, а в конце документа определяется наказание за неисполнение требования:

... которые люди учнут ходити с огни с лучиною по двору по улицам, а кого поймают, и тѣмъ людемъ быти кажнену торгового казнью бити кнутом (Смол. 66)

Подобные санкции, указанные в конце каждой наказной памяти, завершают цепочку форм сослагательного наклонения, выступающих с субъектом 3-го лица, и свидетельствуют о том, что изложенные выше предписания являются не просто желательными или необходимыми, а обязательными для исполнения всеми жителями города. Следовательно, в начале XVII в., как показывают документы делового содержания, сослагательное наклонение, употреблявшееся с субъектом в 3-м лице, приобретало значение жесткой императивности, близкое к приказу.

Таким образом, можно говорить о том, что в старорусский период сослагательное наклонение в независимом употреблении могло развивать побудительное значение, сочетаясь с субъектом не только во 2-м, но и в 3-м лице, в отличие от современного языка, где эти глагольные формы в сочетании с субъектом в 1-м или 3-м лице выражают исключительно оптативное значение.

Примечания

- ¹ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 2005. С. 325.
- ² Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. II. С. 106.
- ³ Добрушина Н.Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. Прага, 2016. С. 57.
- ⁴ Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru>.
- ⁵ Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол: Пособие для студентов и учителей / под ред. Ю.С. Маслова. Л., 1967. С. 131.
- ⁶ Памятники обороны Смоленска 1609–1611 гг. / под ред. Ю.В. Готье. М., 1912.
- ⁷ Булаховский Л.А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1958. С. 350.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.2.19

**Рукопись *Phaebus Poeticus...*
(Российская государственная
библиотека, фонд 173. I,
единица хранения № 529)
как пример «семинарского» дискурса
середины XVIII в.: русский
и церковнославянский языки**

Злата Алексеевна Червонная,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация;
e-mail: chervonnayazlata@yandex.ru

Ключевые слова: Славяно-греко-латинская академия, «семинарский» дискурс, церковнославянский язык, русский язык

**The Manuscript “Phaebus Poeticus...”
(Russian State Library,
Collection 173. I, unit № 529)
as an Example of the “Seminar” Discourse
of the Middle Eighteenth Century:
Russian and Church Slavonic Languages**

Zlata A. Chervonnaya,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation;
e-mail: chervonnayazlata@yandex.ru

Keywords: Slavic Greek Latin Academy, “seminar” discourse, Church Slavonic language, Russian language

Рукопись *Phaebus Poeticus...* середины XVIII в. создана в России на фоне становления русского литературного языка, проходившего в теснейшем взаимодействии с церковнославянским языком. Этот лингвистический процесс неоднократно затрагивался в научных работах В.В. Виноградова¹, В.М. Живова², Н.Н. Запольской³, М.В. Панова⁴, Б.А. Успенского⁵ и др. Наше исследование посвящено рассмотрению церковнославянского и русского языков на примере текстов рукописи *Phaebus Poeticus...*, которая представляет собой запись курсов поэтики и риторики. Их читал в Московской Славяно-греко-латинской академии с 1748 г. по 1752 г. монах Кирилл Григорович⁶, украинец по происхождению. Переписчиком курса был Матвей Дмитриев — воспитанник учебного заведения (это доказывает одна из приписок рукописи на л. 3), предположительно — «великорус».

В настоящее время известно три экземпляра *Phaebus Poeticus...* Два из них находятся в Отделе рукописи Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (РНБ. Разнояз. Q. XIV. 66 и РНБ. Разнояз. Q. XIV. 67). Наше исследование касается третьего экземпляра рукописи, который хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (РГБ, фонд 173. I, единица хранения № 529).

Теоретическое содержание рукописи *Phaebus Poeticus...* на латинском языке было изучено П. Левин⁷. Однако для нашего исследования наиболее интересны стихотворные тексты на гибридном славянском языке, сочетающем в себе черты церковнославянского, русского и в некоторых случаях украинского языков. Отметим, что, несмотря на украинское происхождение автора курса, в качестве «примеров» преобладают тексты на церковнославянском и русском языках.

Из всего рукописного памятника мы отобрали 47 произведений и установили их источники: три текста заимствуются из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого (в «московском» издании 1648 г.); шесть текстов относятся к сборнику курьезных стихотворений «Млеко от овцы пастыру належное» (1691) Ивана Величковского; семь текстов античных и новолатинских авторов переписаны из труда *De arte poetica* (1705) Феофана Прокоповича (ему же принадлежит одно стихотворение на гибридном славянском языке); трактату В.К. Третьяковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий» (1735) принадлежит 21 текст; авторство девяти стихотворений нам неизвестно.

Несмотря на то, что данные стихотворные тексты написаны с существенным временным разрывом, они интересны нам как образцовые произведения для «школьных» поэтов и риториков, которые предъявлялись слушателям курса «одномоментно». Это открывает нам возможность рассмотреть в лингвистическом аспекте данные стихотворные произведения как некое языковое единство, в котором сложным образом сочетаются русские и церковнославянские грамматические формы.

В современном русском литературном языке в качестве нормы закреплены формы инфинитива на *-ть* (*-ться*), презенса 2 л. ед. ч. на *-шь* (*-шься*), флексии для имен существительных *-амъ*/*-ямъ* Д. п., *-ами*/*-ями* Тв. п., *-ахъ*/*-яхъ* П. п. мн. ч., а также окончания *-ие*/*-ые* И. п. и *-их*/*-ых*, *-ые*/*-ие* В.п. мн. ч. для имен прилагательных. Анализ стихотворного материала рукописи показывает результаты, характерные для той морфологической вариативности, которая была

свойственна текстам в составе рукописи *Phaebus Poeticus...* до установления литературной нормы (исключая стихи из «Грамматики» Мелетия Смотрицкого 1648 г., так как они содержат только церковнославянизмы). Приведем несколько примеров.

В большинстве случаев употребление форм инфинитива на *-ти/-ть* и презенса 2 л. ед. ч. *-ши/-шь* обусловлено организацией стихотворного текста. Иными словами, если метр стиха нуждается в дополнительной стопе, то предпочтительными формами будут являться церковнославянизмы; обратная ситуация в стихе связана с использованием русизмов. То же системное правило касается стихотворной рифмы. На основании этой закономерности мы можем заключить, что в рамках «семинарского» дискурса 1740-х гг. теория «поэтических вольностей» (1735) В.К. Тредиаковского⁸ была вполне актуальной.

Кроме того, стихотворные тексты располагают как архаичными книжными флексиями, так и новыми окончаниями, обусловленными а-экспансией. Так, в стихотворении Феофана Прокоповича «К сочинителю сатир» (1730) мы находим устаревшую форму П. п. мн.ч. *в людехъ*, а в стихе «*Стихотворством нашли, многи славу в людяхъ...*» В.К. Тредиаковского из сочинения 1735 г. та же форма уже пишется с новой флексией. Разница между этими текстами составляет 5 лет, что свидетельствует о сосуществовании новых и старых форм в рамках этого периода.

В области адъективного склонения наблюдается вариативность флексий И. п. и В. п. мн. ч. Преобладающими флексиями в текстах оказываются церковнославянские окончания *-ия/-ья* (*будущия вѣки, злыя люди*). Стихотворные тексты также фиксируют стадию в развитии литературного языка, когда для Р. п. м. и. ср. р. в качестве нормы выступает книжная флексия *-аго* (*святаго духа*). В парадигме И. п. ед. ч. м. р. оппозицию составляют общерусские формы с флексией *-ый* (*прекрасный путь, новый годъ*) и просторечия на *-ой* (*добрый воинъ*).

Количество церковнославянизмов и русизмов в текстах рукописи *Phaebus Poeticus...* зависит от частных характери-

стик стихотворного произведения (его жанра, архитектоники и т.д.). Однако светские тексты, канты и оды, объединяет общая тенденция: «генетические церковнославянизмы» в их составе теряют связь с церковнославянской книжностью, становясь элементами функционального стиля литературного языка⁹.

Примечания

- ¹ *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М., 1982.
- ² *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- ³ *Запольская Н.Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М, 2003.
- ⁴ *Панов М.В.* История русского литературного произношения XVIII–XX вв. М., 2002.
- ⁵ *Успенский Б.А.* Краткий очерк истории русского литературного языка. М., 1994.
- ⁶ *Смирнов С.К.* История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 221.
- ⁷ *Lewin P.* Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722–1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 70–72.
- ⁸ *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий. СПб., 1735.
- ⁹ *Виноградов В.В.* Очерки... С. 141.

Секция
«ЛИТЕРАТУРО-
Ⓟ **ВЕДЕНИЕ.** Ⓟ
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ»

КУЛЬТУРНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.01

О возможных источниках «Комедии о Бахусе с Венусом» С. Чижинского: к проблеме реконструкции

Марианна Викторовна Каплун,

Институт мировой литературы имени А.М. Горького
Российской академии наук,

Москва, Российская Федерация; e-mail: tangosha86@mail.ru

Ключевые слова: «Комедия о Бахусе с Венусом», Чижинский, русский придворный театр XVII в., рыбалты, западноевропейский театр XVII в., мясопуст

On Possible Sources of the “Comedy about Bacchus with Venus” by S. Chyzhinsky: On the Problem of Reconstruction

Marianna V. Kaplun,

A.M. Gorky Institute of World Literature,
Russian Academy of Sciences,

Moscow, Russian Federation; e-mail: tangosha86@mail.ru

Keywords: “Comedy about Bacchus with Venus”, Chyzhinsky, Russian court theater of the seventeenth century, rybalt , West European theater of the seventeenth century, Mięsoпуст

Текст пьесы «Комедия о Бахусе с Венусом» не сохранился, до нас дошла только монтировочная ведомость к постановке пьесы в январе 1676 г., найденная С.К. Богоявлен-

ским¹. Как он указывает, автором постановки можно считать бывшего преподавателя Киево-Братской коллегии Степана (Стефана) Чижинского: «Постановкой комедий и обучением артистов заведовал Степан Чижинский, а имени Юрия Гивнера уже более не упоминается»². Считается, что при дворе Алексея Михайловича С. Чижинский руководил постановкой двух пьес «Комедия о Давиде с Галиадом» и «Комедия о Бахусе с Венусом» (23 и 24 января 1676 г.). Степан (Стефан) Федорович Чижинский был переводчиком Посольского приказа в Москве и происходил из львовских дворян³. В Посольском приказе Чижинский был переводчиком польского, латинского, белорусского языков⁴.

«Комедия о Бахусе с Венусом», как и поставленный в феврале 1672 г. балет «Орфей», была написана на античный сюжет, чем несколько выбивалась из цикла пьес на библейские сюжеты, поставленных при дворе царя Алексея Михайловича в период с 1672 по 1676 гг. («Артаксерксово действо», «Юдифь», «Жалобная комедия об Адаме и Еве», «Малая прохладная комедия об Иосифе»). Как утверждает Т.В. Федосеева, обращению к античной тематике на русской сцене указанного периода могли способствовать барочные тенденции в русской литературе, которые благоприятствовали появлению в драматургии античного мифологического компонента⁵. «Комедия о Бахусе с Венусом» хорошо вписывалась в барочную эстетику иносказательности, аллюзий, эмблем. В эпоху барокко античным персонажам в функции аллегорий поручалось произнесение монологов, обобщающих происходящее на сцене, либо сами персонажи представляли собой обобщенный элемент с рядом характерных черт. Например, в польской интермедии «Утехи более радостные и полезные, нежели с Бахусом и Венерою» присутствуют пространные монологи с упоминанием античного пантеона⁶. Исходя из монтировочной записи русского спектакля, речь в комедии, скорее всего, шла о вреде пьянства через античную аллюзию на Бахуса.

В произведениях авторов Каролинского возрождения содержится упоминание Бахуса (Вакха), в частности — в «Стихе о кукушке» и «Послании к Коридону» Алкуина Йоркского.

В этих стихотворениях, предназначенных, вероятно, для амебейного исполнения, акцентируется именно назидательность, которая впоследствии была характерна для рецепции античного мифа в европейской христианской драматургии⁷. Большую популярность сюжет о Бахусе приобрел на Западе в постановках XV–XVI вв.⁸ В XVII в. миф о Бахусе на сцене получает новое развитие. Французский композитор Робер де Визе после успеха «Психеи» Мольера (1671) поставил «Свадьбу Вакха и Ариадны», источником которой послужили балет-маскарад «Триумф Вакха в Индии» (*Le triomphe de Bacchus dans les Indes*) Жана-Батиста Люлли (1666) и опера «Ариадна, или свадьба Вакха» (*Ariane, ou, Le mariage de Bacchus*) Пьера Перрина (1659)⁹. В целом постановка Визе была созвучна поставленному ранее трагедии-балету Мольера «Психея», особенно это касалось бутафорских элементов с использованием театральной машинерии Д. Буффекина¹⁰. Из дошедшего до нас описания русской пьесы видно, что образ Бахуса больше соответствует образу сатира из европейских постановок: «Для Бахуса была сделана большая расписная голова с бородой и длинными волосами, как и для Галиада, выбойчатый кафтан, двое штанов — волчи, а сверху крашенинные и рогожная, опушенная медведем шапка»¹¹. Помимо этого, с западными постановками русскую «Комедию о Бахусе и Венусе» роднят гротескные черты в описании героев, характерные для фарсовых жанров. В монтировочной записи Бахус именуется «отцом пьяниц», а в свиту Бахуса входят «2 музыканта, вестник, шут, 4 человека, наряженных медведями»¹². В 1654 г. на сцене *Teatro Novissimo* в Венеции была поставлена опера «Ревнивая Венера» (*Venere Gelosa*) на сюжет малоизвестного мифа о свадьбе Вакха и Венеры в интерпретации Диодора с комической коллизией. Это была одна из первых постановок на сюжет о Вакхе, в которой прослеживалась достаточно неожиданная взаимосвязь античной трагедии и карнавала¹³. На близость русской постановки именно сюжету о свадьбе Вакха и Венеры указывает наличие в списке действующих лиц Купидона, возможного виновника торжества.

Судя по монтировочной записи, «Комедия о Бахусе с Венусом» могла представлять собой сплошную сатирическую интермедию на античный сюжет. В польской рукописной поэтике 1648 г., озаглавленной *Poetica practica* и написанной на латинском языке, суть интермедии определяется так: «Интермедией является короткое действие, выдуманное или настоящее, что разыгрывается между актами комедии и трагедии. Она состоит из слов, предметов и лиц забавных, привлекающих внимание зрителей, и не относится к актам и сцен пьесы; это действие называется интермедией потому, что всегда выполняется между актами комедии и трагедии»¹⁴.

При попытке реконструкции «Комедии о Бахусе с Венусом» 1676 г. возникает необходимость обратиться к народной польской драме XVI–XVII вв., которая была близка возможному автору пьесы Чижинскому. Интермедийный характер польских пьес дает возможность говорить о близости задумки русской постановки польским интерлюдиям указанного периода. Речь идет о творчестве польских средневековых костельных певцов, бродячих актеров под названием «рыбалть» (*rybalt*, от итал. *ribaldo*, *rubaldo* — бродяга, шут), которые получили распространение в XV в.; в XVI в. их выступления были популярны в Центральной Польше, в области Мазовия, Литве и на Руси¹⁵. Среди репертуара рыбалтовских комедий можно найти постановку под названием «Мясопуст» (*Mięsopust*, 1622)¹⁶. Как указано в сборнике преподобного Кирилла Белозерского: «“Мясопуст” — дата, на которую придется воскресенье недели “о Страшном суде”, конец мясоеда, следующая неделя сырная (масленица), после которой наступает Великий пост. Великий мясопуст приходится на один из дней в промежутке от 25 января до 28 февраля»¹⁷. В постановке 1622 г. под названием «Мясопуст» присутствует описание пира и обильных возлияний в честь Вакха в праздник мясопуста под присмотром Купидона, чьи стрелы сводят с ума¹⁸.

Постановки рыбалтов могли иметь назидательный характер в духе средневековых пьес о нравственности. В этом контексте русская комедия о Бахусе хорошо вписывалась

именно в польские постановки комедий о Бахусе, сочетая элементы моралите о вреде пьянства и комичность (фарсовость) действия¹⁹. Подобные моралите в духе школьных драм были в репертуаре Киево-Могилянской коллегии, где преподавал Чижинский. Обратим внимание на список действующих лиц русской комедии: Бахус, Венус — его жена, Купидон, их сын, десять пьяниц, десять девиц, три человека пьяниц, лежащих, отец пьяниц, бордачник, двое слуг Бахуса, двое слуг бордачника, два музыканта, вестник, шут, четыре человека, наряженных медведями²⁰. Из списка ясно, что игривое содержание комедии подчеркивается особенностями костюмов актеров: «15 аршин киндяку нагого цвета куплено соответствующее количество холста самого тонкого»²¹. Под «нагим цветом» следует понимать телесный просвечивающий цвет. Часть рыбалтовских комедий, как правило, ставилась в тавернах и общественных местах (гостиницах, рынках), зрителями которых были люди из среды, близкой рыбалтам (студенты, преподаватели)²². Характерной чертой рыбалтовского театра была его открытость, стирание границы между актерами и зрителями, когда предметы быта, условность и изменчивость театрального пространства становились театральными опорами во взаимодействии со зрителями²³. Несмотря на то что постановка «Комедии о Бахусе с Венусом» осуществлялась при царском дворе и должна была быть четко структурирована, из дошедшей до нас монтировочной ведомости известно, что на сцене могло одновременно присутствовать 40 лиц, что говорит о достаточно массовом характере спектакля. Описание Бахуса в пьесе также вполне соответствовало рыбалтовской традиции: «Для Бахуса была сделана большая расписная голова с бородой и длинными волосами [...] выбойчатый кафтан, двое штанов — волчьи, а сверху крашенинные и рогожная, опушенная медведем шапка. Бахус должен был появиться с бочкой на колесах, в которую вложен был “питейный” мех, соединенный с полотняной головой двумя жестяными трубами»²⁴.

«Комедия о Бахусе с Венусом» вписывалась в западноевропейскую театральную традицию пьес на античные сю-

жеты. Античный сюжет был включен в систему эмблем и аллегорий эпохи барокко. Разыгранное на московской сцене представление по содержанию могло быть связано с сюжетом из Диодора о свадьбе Венеры и Бахуса, о чем свидетельствует наличие Купидона в действующих лицах и общая праздничная атмосфера разыгрываемой вакханалии. В пьесе нашли отражение черты мясопустной комедии на сюжет о Бахусе из репертуара польских рыбалтов, хорошо знакомых автору пьесы Стефану Чижинскому. Для русской комедии характерно сочетание черт классической мифологии и буффонады с религиозным назиданием, что соотносилось и с народной комедией, и с традицией школьной драмы. Сочетание по сути несочетаемых частей придавало комедии дополнительную тональность, как продолжение театральных экспериментов при дворе царя Алексея Михайловича. Обращение именно к сюжету о Бахусе для постановки перед закрытием первого русского театра, связанного с кончиной Алексея Михайловича, выглядит символично, как обращение к первоизданной силе театрального искусства, покровителем которого является Вакх.

Примечания

- ¹ См.: *Богоявленский С.К.* Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XIII–XV; *Державина О.А.* Комедия о Давиде с Галиадом и Комедия о Бахусе с Венусом // *Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в.*: В 5 т. М., 1972. Т. 2. *Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.* С. 312; *Всеволодский-Гернгросс В.Н.* Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 119.
- ² Там же. С. 312.
- ³ *Чёрная Л.А.* Придворная культура Алексея Михайловича: от Артаксеркса до Орфея // *Исторический вестник. Романовы: династия и эпоха / под общ. ред. И.В. Курукина.* М., 2013. Т. 3 (150). С. 39.
- ⁴ *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017. С. 341.
- ⁵ *Федосеева Т.В.* Рецепция античной мифологии в ранней русской драматургии (вторая половина XVII — первая половина XVIII вв.) // *Филологические штудии = Studia philologica*: сб. науч. ст. / под ред. Г.И. Шевченко, К.А. Тананушко. Вып. 7. Минск, 2009. С. 137–138.
- ⁶ См.: *Софронова Л.А.* Культура сквозь призму поэтики. М., 2006.
- ⁷ *Алкуин* // *Памятники средневековой латинской литературы. VIII–IX века.* М., 2006. С. 120–121.

- ⁸ См.: *Emmerling-Skala A.* Bacchus in der Renaissance T. 2. Hildesheim, New York, 1994. Vols. 2.
- ⁹ См.: *Lully J.-B.* Le triomphe de Bacchus dans les Indes. Mascarade 1666. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k107424j.r=Lully%2C%20Jean-Baptiste%20de#> (дата обращения: 15.03.2021); *Bashford C.* Perrin and Cambert's 'Ariane, ou le Mariage de Bacchus' re-examined // Music and Letters. Vol. 72. I. 1. February 1991. PP. 1–26.
- ¹⁰ *Powell J.S.* Music and Theatre in France, 1600–1680. Oxford, 2000.
- ¹¹ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в... С. 313.
- ¹² Там же. С. 312.
- ¹³ Ancient Drama in Music for the Modern Stage / ed. by P. Brown and S. Ograjensek. Oxford, 2010. P. 77–78.
- ¹⁴ *Гудзіій М.* Українські інтермедії XVII — XVIII ст. Київ, 1960. С. 5.
- ¹⁵ *Каплун М.В.* Первые пьесы русского театра и эстетические взгляды пастора Иоганна Готфрида Грегори // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. О.А. Туфанова. М.; Берлин, 2019. С. 82.
- ¹⁶ Mięsopest // Encyklopedia staropolska. URL: https://pl.wikisource.org/wiki/Encyklopedia_staropolska/Mi%C4%99sopest (дата обращения: 15.03.2021).
- ¹⁷ Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв: Сборник преподобного Кирилла Белозерского / отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб., 2003. Вып. 12. С. 368.
- ¹⁸ Mięsopest // Encyklopedia staropolska.
- ¹⁹ *Каплун М.В.* Комедийная хоромина и театр «Бургундского отеля»: особенности репертуара и сценографии // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 270.
- ²⁰ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в... С. 312–313.
- ²¹ Там же. С. 313.
- ²² Komedia rybałowska // Encyklopedia teatru polskiego. 2016. URL: <http://encyklopediateatru.pl/hasla/94/komedia-rybałowska> (дата обращения: 15.03.2021); Polska komedja rybałowska / red. K. Badecki. Lwów, 1931. XXIV.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Ранняя русская драматургия XVII — первая половина XVIII в... С. 313.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.02

Южнославянские фольклорные мотивы в русской поэзии 1860–1870-х гг.

Анетта Фановна Багаева,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: bagaeva_anetta@mail.ru

Ключевые слова: фольклорные мотивы, Освобождение, крале Марко, Хомяков, Майков

South Slavic Folklore Motives in Russian Poetry of the 1860–1870s

Anetta F. Bagaeva,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: bagaeva_anetta@mail.ru

Keywords: folk motives, Liberation, Krale Marko, Khomyakov, Maikov

В русской поэзии 1860–1870-х гг. прослеживается влияние южнославянского фольклора на формирование образа южного славянина. Еще в 1840-е гг. в русской поэзии появились первые опыты использования южнославянских образов и мотивов, навеянных, прежде всего, «Сербским словарем» и «Сербскими песнями» Вука Караджича. Среди наиболее значительных произведений, опиравшихся на южнославянский фольклор, стоит выделить «Песни западных славян» и «Кирджали» А.С. Пушкина, «Там, где горы, убегая...» Ф.И. Тютчева (1837), «Трояна и Ангелицу» А.Ф. Вельтмана (1846), «Ой, стоги, стоги...» и «Колокольчики мои...» А.К. Толстого (1840-е гг.).

Обобщенный образ славянского богатыря-юнака, уже появлявшегося в стихотворениях Ф.И. Тютчева и А.К. Толстого, конкретизируется в «Сербской песне» (1849) А. Хомякова, приобретая узнаваемые черты крале Марко, героя юнацких песен Сербии, Болгарии и Македонии и исторического лица: владетеля г. Прилеп, а после захвата турками Балкан и гибели отца Вукашина — вассала турецкого султана¹. Юнацкие песни, будучи эпосом героического типа, сближались с русскими былинами, оттого образ крале Марко имел не только исторические, но и фантастические черты: Марко был одновременно сыном короля Вукашина и вилы, по другой версии — сыном змея; его конь Шарац обладал сказочными чертами².

Ставшее откликом на вооруженное противостояние сербов австрийской экспансии (1848–1849)³ стихотворение опирается

на юнацкую песню «Смерть королевича Марко» из сборника В. Караджича, записанную им от слепого боснийского певца Ф. Вишнича в 1815 г.⁴ В юнацкой песне Марко, которому уже триста лет, получает три предупреждения о своей грядущей кончине от коня Шарца, от вилы, и от своего отражения в источнике. Убив любимого коня и уничтожив свое оружие, Марко погружается в смертный сон на горе Урвине под елями. Увидевший Марко монах доставил его тело «на Святую гору // Ко святому храму Вилиндару» и схоронил «посредине церкви»⁵. Могила была намеренно оставлена без надписи, поскольку Марко «по законам мифологическим — умереть окончательно не должен»⁶. Мессианический мотив грядущего возвращения Марко к своему народу сближает его с героями европейских легенд: королем Артуром, императором Фридрихом, Карлом Великим, а также с русским Ильей Муромцем и «с чешским святым королем Вячеславом»⁷.

Хомяков строит песню как обращение сербского народа к королевичу Марко с просьбой проснуться от векового сна и помочь сербам восстановить независимость:

*Просышайся, королевич!
Знать, великий час настал:
У твоей могилы темной
Богатырский конь заржал...⁸*

Семантика пробуждения героя южнославянского эпоса связывается с мотивом рассвета, символизирующем приближение эпохи славянской цивилизации. Юнак Марко, защитник Балкан, тем самым принимает эстафету от богатыря А.К. Толстого, маркируя начало национального возрождения южных славян.

На рубеже 1860–1870-х гг. Н.В. Гербелем предпринимается издание сборника «Поэзия славян» (1871), для которого поэт А.Н. Майков, старший брат историка русской литературы и фольклориста Л.Н. Майкова, перевел одну из сербских юнацких песен — «Саблю царя Вукашина» из собрания В. Караджича⁹. Песня повествует о трагической гибели царя Вукашина после битвы с турками.

Уже вне сборника Гербеля Майков создает собственное вольное переложение еще одной песни из цикла — «Сон королевича Марко» (1870), хронологически относящейся ко времени Косовской битвы 1389 г. Майков переосмысливает эпическую песню как древнее предание, в рамках которого королевич Марко оказывается на границе между миром живых и мертвых, миром людей и мифических духов: Марко, найденный духами гор раненым на Косовском поле, был перенесен в пещеру на Балканах, где и «узнал про плен страны родной»¹⁰. В русском переложении эпических сказаний Марко не удастся сломать свою саблю: она входит по рукоять в камень, после чего сам Марко погружается в глубокий сон на триста лет, охраняемый духами гор. Постепенное пробуждение юнака Майков связывает непосредственно с русско-турецкими военными столкновениями XVIII–XIX вв. Поэт перемещает королевича Марко на Балканы, а затем возрождает героев прошлого, апеллируя к устойчивым фольклорным образам и типам (гайдукам, воеводам, воинам-священникам), которые объединит и направит пробудившийся юнак:

*С каждым часом Марков сон всё тоньше,
И из камня сабля всё идет, —
Говорят, чуть держится, уж гнется...
Что же медлит? Что не упадет?..¹¹*

Мессианический мотив второго пришествия королевича Марко тесно связан с вопросом о будущем герое-освободителя в русской литературе. Хомяков и Майков использовали образ королевича Марко для обоснования ключевой роли самих южнославянских народов в своем грядущем освобождении. Фигура королевича Марко как свидетеля завоевания Балкан турками и будущего освободителя региона служила своеобразной точкой отсчета начала и конца турецкого ига. Русская литература создавала образ желаемого будущего, где Балканы, почти пять веков существовавшие в неопределенном пространстве между двумя мирами, Востоком и Западом, обретали возможность политического и историко-культурного возрождения и самоопределения.

Примечания

- ¹ Песни южных славян / вст. ст., сост. и прим. Ю. Смирнова. М., 1976. С. 11.
- ² *Кравцов Н.И.* Славянский фольклор. 2-е изд. М., 2009. С. 168, 177.
- ³ *Чиркович С.М.* История сербов. М., 2009. С. 256–260.
- ⁴ Эта песня под № 73 входит во второй том «Сербских песен». Образ Марко напоминает здесь былинный Святогора. См.: Песни южных славян. С. 447–448.
- ⁵ Песни южных славян. С. 215–216.
- ⁶ *Тахо-Годи Е.А.* Образ царевича Светомира и его мифологические, агиографические, фольклорные и поэтические претексты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2015. Т. 74. № 4. С. 41.
- ⁷ Там же. С. 41.
- ⁸ *Хомяков А.С.* Полное собрание сочинений. Т. 4: Трагедии и стихотворения. М., 1900. С. 243.
- ⁹ Эта песня под № 56 входит во второй том «Сербских песен» В. Караджича и была записана от герцеговинского гусляра Т. Подруговича. См.: Песни южных славян. С. 439.
- ¹⁰ *Майков А.Н.* Избранные произведения. Л., 1977. С. 301.
- ¹¹ Там же. С. 302.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.03

Издания словенских народных сказок на русском языке (1956–1991)

Мария Михайловна Громова,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: marija.gromova@list.ru

Ключевые слова: словенские сказки, художественный перевод, словенский фольклор, резьянские сказки, Татьяна Вирта, И.А. Бодуэн-де-Куртенэ

Translations of Slovenian Folk Tales into Russian, 1956–1991

Mariya M. Gromova,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: marija.gromova@list.ru

Keywords: Slovenian folk tales, literary translation, Slovenian folklore, Resia tales, Tatiana Virta, Jan Baudouin de Courtenay

История переводов словенских народных сказок на русский язык богата, она уходит корнями в XIX в., но до сих пор практически не исследована. Настоящий обзор представляет собой первую попытку обобщить сведения об изданиях и переводах словенских народных сказок в 1956–1991 гг., так как именно на эти годы пришелся пик их публикаций на русском языке.

Издание словенских народных сказок, как и словенской художественной литературы на русском языке, приобрело систематический характер лишь после Второй мировой войны, когда Югославия пошла по социалистическому пути развития, и было частью общего процесса популяризации в СССР литературы и культуры народов социалистических стран, в том числе Югославии. Важнейшую роль в области художественного перевода сыграло также развитие славистики, фактически возрожденной в годы войны. Открытие кафедр славянской филологии, а затем Института славяноведения и балканистики (1947) создало базу для серьезного изучения славянского фольклора и обстоятельного подхода к его изданию в СССР.

Корпус дореволюционных переводов сказок югославянских народов в советский период не переиздавался. Традиция перевода и публикации югославских народных сказок фактически создавалась заново, так как в межвоенные годы их издание было редкостью¹. После войны первой ласточкой стал небольшой сборник славянских сказок «Летучий корабль»² (1948), включающий и одну сербскую сказку. Однако словенские сказки в этих сборниках отсутствуют.

Появляются они в советских изданиях лишь после завершения советско-югославского конфликта 1948–1953 гг. и восстановления отношений с Югославией (1955), когда крепнут межкультурные и межлитературные связи, печатаются на русском языке произведения югославских писателей (в том числе, предназначенные детям) и фольклорные произведения югославянских народов. Словенские народные сказки регулярно публикуются на русском языке, начиная с 1956 г., и включаются во все сборники славянских сказок.

В 1956–1991 гг. на русском языке вышло пять сборников славянских сказок и семь сборников сказок народов Югославии. Интересно, что на частоту их публикаций практически не повлияли осложнения советско-югославских отношений 1956–1960 гг. (венгерский кризис) и 1968–1969 гг. (события в Чехословакии).

Словенские сказки включаются в широкий контекст: они выходят в сборниках сказок народов мира: «Волшебная кисть / Пять добрых друзей»³ (1957, 1962, 1989), «Народные и авторские сказки пяти континентов»⁴ (1985, 1987), «Сказки гор»⁵ (1987), «Сказки народов мира»⁶ (1988), «Сказки народов Европы»⁷ (1990). Издания, включающие словенские народные сказки и произведения словенской детской литературы, выходят столь часто, что наиболее долгая пауза между ними составляет три года (1965–1967 гг.).

Над первыми сборниками сказок народов Югославии работают известные ученые-слависты и глубокие знатоки фольклора этой страны. Так, редактор и составитель сборника «Девушка-лебедь»⁸ (1956) — Н.И. Кравцов (1906–1980), выдающийся фольклорист и литературовед-энциклопедист; автор предисловия к «Сказкам народов Югославии»⁹ (1962) — И.Н. Голенищев-Кутузов (1904–1969), ученый с мировым именем, поэт и переводчик, принимавший непосредственное участие в собирании фольклора в Югославии.

Основной корпус словенских сказок, переведенных на русский язык и многократно издаваемых, формируется в 1956–1962 гг., причем переводы выполнены с сербского языка, так как переводчиков со знанием словенского языка в СССР в те годы практически нет (словенистика как специальность появляется в МГУ имени М.В. Ломоносова только в 1969 г.). Над переводами словенских сказок работают молодые сербкroatистки, выпускницы славянского отделения филологического факультета — переводчицы Т.Н. Вирта и И.И. Макаровская. Словенские сказки в их переводах переиздаются на протяжении всей советской эпохи и продолжают выходить в постсоветский период (однако фамилии переводчиц при этом указываются далеко не всегда).

Последующие переводы словенских народных сказок на русский язык также выполнены с языка-посредника. Таковы переводы В. Арсеньева, С. Озеровой, Ю. Жанова с болгарского языка¹⁰ (1969, 1977), Л. Рюриковой с чешского¹¹ (1972); отсутствует указание на язык, с которого сделаны пересказы, или на использование подстрочника, в сборнике славянских сказок «Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко»¹² (1976), составленном и переведенном детскими писательницами и переводчицами Н.В. Гессе и З.М. Задунайской.

До 1979 г. словенские народные сказки на русском языке публиковались только в сборниках сказок. В «югославских» сборниках они составляют скромный процент; меньше места уделено лишь македонским сказкам. В изданиях с более широким территориальным охватом словенские сказки, как правило, образуют небольшой блок со сказками других народов Югославии — преимущественно сербскими. Отдельным изданием словенские народные сказки не выходят на русском языке ни разу (не считая двух диафильмов по словенским народным сказкам в переводе Л. Яхнина¹³), между тем как отдельными изданиями публикуются сербские¹⁴, черногорские¹⁵, чешские¹⁶, словацкие¹⁷ народные сказки, то есть фольклор многонациональных славянских государств отнюдь не воспринимается советскими издателями как однородное неделимое целое.

Однако были и сборники, составители которых не сочли необходимым указать, какому югославянскому народу принадлежит та или иная сказка. Так, в «Славянских сказках»¹⁸ (1956) раздел «Югославские сказки», составленный и переведенный Н.А. Цветинович-Грюнберг, не содержит указаний на язык оригинала и народ, которому сказки принадлежат. В выходных данных сборника югославских народных сказок «Жар-птица»¹⁹ (составитель — известный сербский и хорватский детский писатель Григор Витез, 1970) отмечено лишь, что перевод выполнен «с хорваткосербского», в то время как помещенный в конце книги список сборников, из которых выбраны сказки для перевода, содержит два словенских пункта. Оригинальную концепцию имеет сборник «Сказки

гор»²⁰, содержащий словенскую сказку «О конюхе и девушке с ледяной горь»: сказки народов мира в нем сгруппированы не по странам или народам, а по горным массивам.

Только в 1979 г. словенские народные сказки появляются в советской детской периодике — благодаря инициативе Л. Яхнина, с 1971 г. сделавшего очень много для популяризации в СССР югославского фольклора, в том числе малых жанров (детских песенок, закличек, загадок, колыбельных), а также детских сказок и поэзии югославских авторов. В 1979 г. Яхнин обращается к переводу словенских сказок и публикует в «Мурзилке» свой перевод сказки «Пшеница — лучший цветок»²¹, позже включенной в сборник славянских сказок «Девушка-лебедь»²² (1981) и выпущенной в виде диафильма (1986); а в 1989 г. в журнале «Колобок» в его пересказе напечатана сказка-притча «Три сына»²³, с тех пор не переиздававшаяся.

Обращает на себя внимание отсутствие в советский период публикаций на русском языке многочисленных и своеобразных народных сказок словенцев, живущих в долине Резия (провинция Фриули–Венеция–Джулия в Италии). Можно предположить, что причиной тому было их проживание в капиталистическом государстве.

Исследование переводов и публикаций словенских народных сказок на русском языке в 1956–1991 гг. позволяет дополнить картину развития русско-словенских литературных и культурных связей в этот период.

Примечания

- 1 Сказки южных славян / пер. А. М. Ловягина; под ред. А.Н. Горлина. М.–П., 1923; Волк с железной головой. Сербская сказка / пер. А.М. Ловягина. П., 1924.
- 2 Летучий корабль. Славянские сказки / сост. П. Богатырев, А. Нечаев. М.–Л., 1948.
- 3 Волшебная кисть. Сказки зарубежных стран / сост., предисл., общая ред. В. Вайдаева. М., 1957; Волшебная кисть. Сказки зарубежных стран / сост., предисл., общая ред. В. Вайдаева. М., 1962; Пять добрых друзей / сост., предисл., общая ред. В. Вайдаева. Пермь, 1989.
- 4 Сказки народов мира. Тысяча и одна ночь / сост. В.П. Аникин, Н.И. Никулин, Б.Н. Путилов, Р.А. Кушнерович. М., 1985. Т. 32. Народные и авторские сказки пяти континентов; Сказки народов мира. Тысяча и одна ночь / сост. В.П. Ани-

- кин, Н.И. Никулин, Б.Н. Путилов, Р.А. Кушнерович. М., 1987. Т. 32. Народные и авторские сказки пяти континентов.
- 5 Сказки гор / пер. с чешск. В. Рябченко. Братислава, 1987.
 - 6 Сказки народов Европы / сост., автор вступит. ст. и примеч. А.Л. Налепин. М., 1988. Т. IV.
 - 7 Сказки народов Европы / сост. Л.В. Ханбеков. Минск, 1990.
 - 8 Девушка-лебедь. Сказки народов Югославии / пер. с сербско-хорв. Т. Вирты; ред. и сост. Н.И. Кравцов. М., 1956.
 - 9 Сказки народов Югославии: Пер с сербскохорв., словен. и макед. / сост. Л.С. Архипова; предисл. И. Голенищева-Кутузова. М., 1962.
 - 10 Сказки славянских народов / сост. А. Каралийчев, Н. Тодоров; пер. В. Арсеньева, С. Озеровой, Ю. Жанова. София, 1969 Т. 2. За тридевять земель; Сказки славянских народов / сост. А. Каралийчев, Н. Тодоров; пер. В. Арсеньева, С. Озеровой, Ю. Жанова. София, 1977. Т. 2. За тридевять земель.
 - 11 Славянские сказки. Сказки для царевны Несмеяны / пер. с чешск. Л. Рюриковой; сост. О. Сироватка, Р. Лужик. Прага, 1972.
 - 12 Ни далеко, ни близко, ни высоко, ни низко. Сказки славян / пересказ для детей Н. Гессе и З. Задунайской. Л., 1976.
 - 13 Пшеница — лучший цветок. Словенская сказка / пересказ и сценарий Л. Яхнина; худож. Н. Ермак; ред. Т. Семибратова. М.: студия «Диафильм» Госкино СССР, 1986. Д-010-86; Петер-молоток. Словенская народная сказка / пересказ и сценарий Л. Яхнина; худож. Н. Белякова; ред. Г. Витухновская. М.: студия «Диафильм» Госкино СССР, 1989. Д-058-89.
 - 14 Сербские народные сказки / пер. Н. Дмитриева, М.П. Волконского. М., 1956.
 - 15 Милош находит мать. Черногорские сказки / пересказ с сербскохорв. М. Семёнова. М., 1979.
 - 16 Чешские народные сказки / пер. М. Зельдович, С. Шмераль, В. Ветлиной, Т. Аксель. М.–Л., 1951; Златовласка. Чешские народные сказки / пер. М. Зельдович, С. Шмераль, Т. Аксель. М.–Л., 1953; Златовласка / пер. К. Паустовского. М., 1970.
 - 17 Солнечный конь. Словацкие сказки / сост. Ю. Пресняков. М., 1975.
 - 18 Славянские сказки / ред. Т. Д. Зубкова; сост. болг., чешск. и польск. сказок Л.И. Толстая; сост. югосл. сказок Н. А. Цветинович-Грюнберг. Л., 1956.
 - 19 Жар-птица. Югославские народные сказки / пер. с хорватскосерб. Р.П. Волос. Сост. Григор Витез. Загреб, 1970.
 - 20 Сказки гор / пер. с чешск. В. Рябченко. Братислава, 1987.
 - 21 Пшеница — лучший цветок / пер. Л. Яхнина // Мурзилка. 1979. № 12. С. 8–11.
 - 22 Девушка-лебедь. Славянские сказки в пересказе С. Маршака, К. Паустовского, Н. Гессе и З. Задунайской, Н. Подольской, Н. Шерешевской, Т. Вирты, Л. Яхнина / ред. Н.А. Терехова. М., 1981.
 - 23 Три сына. Словенская сказка / пересказ Л. Яхнина // Колобок. 1989. № 1. С. 12.

К истории русско-чешских культурных взаимосвязей: А. Врзал и А.М. Скабичевский

Ксения Борисовна Егорова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: xenia.egorova@gmail.com

Ключевые слова: история русской литературы, история чешской литературы, художественный перевод

On the History of Russian-Czech Cultural Relations: Letters from A. Vrzal to A.M. Skabichevsky in Pushkin House

Ksenia B. Egorova,

St Petersburg State University,
St Petersburg, Russian Federation;
e-mail: xenia.egorova@gmail.com

Keywords: history of Russian literature, history of Czech literature, literary translation

Алоис Августин Врзал (1864–1930) — монах-бenedиктинец Райградского монастыря, одного из старейших в чешских землях, а также переводчик русской литературы, чье творчество совпало с переломным моментом в истории чешско-русских культурных взаимосвязей. Конец XIX в. в чешском обществе — период переосмысления отношения к «русскому вопросу» (терминология Т. Г. Масарика), переход от не критичного русофильства и идеи славянской взаимности к иным альтернативным сценариям чешской национальной независимости. Жизнь и творчество Алоиса Врзала, публиковавшего свои переводы под псевдонимом А. Г. Стин, изучены

мало; и, хотя первые попытки обратиться к его переводческому наследию были предприняты еще при жизни автора¹, в наши дни имя талантливого переводчика, много сделавшего для популяризации русской литературы в чешской среде, практически забыто.

Ранние биографические заметки о Врзале оставил последний аббат Райградского монастыря Вацлав Покорный (1894–1979), который понимал важность сохранения памяти об известных райградских деятелях культуры, внимательно относился к монастырскому архиву и приложил немало административных усилий для организации архивного хранения в Райграде.

К исследованию творческой позиции Врзала и его взгляда на русско-чешские культурные связи в наши дни обращался известный славист, профессор Масарикова университета Иво Поспишил². В небольшой книге о райградском бенедиктинце ученый показал, как повлияла смена культурных, политических, идеологических и даже экономических концепций развития славянства и славянского мира на мировоззрение Врзала — переводчика русской литературы, познакомившего чешского читателя с романами Н.С. Лескова, и Врзала — участника непрерывного чешско-русского культурного диалога; он вел переписку с русскими писателями: А.П. Чеховым, В.Г. Короленко.

Несмотря на то что фигура Врзала выпала из поля внимания исследователей чешско-русских культурных и литературных взаимосвязей (с момента публикации работы Поспишила прошло уже почти 20 лет), мировоззрение монаха-бенедиктинца, выбор произведений русской литературы для перевода, периодические издания, в которых помещались переводы Врзала, а также его литературно-критические заметки, могут дать богатый материал для изучения чешского восприятия русской литературы конца XIX в.

На рубеже веков чешские католические культурные объединения были весомой политической силой, лидерами духовно-нравственного воспитания общества (особенно в моравском регионе). Католические лидеры не только издавали газеты и

журналы, но и предприняли попытку консолидировать свои силы в рамках народно-католической партии (1896 г.).

Бытование русской литературы в пространстве чешского теологического дискурса еще не было исследовано.

Среди многочисленных русских корреспондентов Врзала был Александр Михайлович Скабичевский (1838–1911) — литературовед, литературный критик, автор книги «История русской новейшей литературы» (1891). Скабичевский в своей работе не преследовал научной цели и представил в доступном изложении характеристику творчества русских писателей XIX в. Эта книга привлекла внимание чешского переводчика своей простотой и легкостью слога, подобной обобщающей работы на чешском языке еще не существовало, а интерес чешского читателя к русской литературе не ослабевал.

«История русской новейшей литературы» была переведена на чешский язык и вышла в 1902 г. с большими купюрами. Помимо книги Скабичевского в чешское издание вошли отрывки из трудов других российских литературоведов (например, А.Н. Пыпина). Перевод Врзала неизменно пользовался популярностью среди студентов, изучающих русский язык и литературу. Так, данный труд рекомендовал в качестве учебного чтения, позволяющего глубже понять русскую культуру, Т. Г. Масарик.

Некоторые документы, свидетельствующие об активной работе Врзала-переводчика, хранятся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН. В частности, в фонде Скабичевского находится письмо Врзала, содержащее просьбу разрешить перевод труда «История русской новейшей литературы» на чешский язык (Ф. 283, оп. 2, № 91). Письмо от 16 апреля 1891 г. написано по-русски на почтовой бумаге; в правом верхнем углу первого листа — черно-белая иллюстрация к книге Сватоплука Чеха «Новое эпохальное путешествие пана Броучека, на этот раз в XV столетие» (1889). Текст документа был опубликован нами с сопровождающим научно-справочным аппаратом в книге «Международные связи русской литературы (по собраниям Пушкинского Дома)»³.

Работа над переводом книги Скабичевского привела Врзала к размышлениям о религиозных и нравственных основах русской литературы, которые он изложил в 1912 г. в эссе «Духовно-нравственные вопросы в русской художественной литературе», напечатанном в журнале «Глидка». Это периодическое издание, выходившее в издательстве райградских бенедиктинцев в Брно, играло важную роль в истории чешской католической печати и имело сформировавшуюся читательскую аудиторию.

Обращение к творческому пути Врзала, внимательный анализ его взглядов на русскую словесность XIX в. позволяют обнаружить новый материал для изучения чешско-русских культурных взаимосвязей — восприятия русской культуры в чешской католической среде.

Примечания

- ¹ См.: *Pokorný V.P. Augustin Vrzal* (A. G. Stín). Brno, 1930. *Vilinský V. Dílo P. Augustina Vrzala* // *Archa*. XVII. Olomouc, 1929. S. 229–239. *Zhaněl I. P. August Vrzal* (A.G. Stín). Zvláštní otisk z “Našeho domova”. Tiskem Benediktinské tiskárny v Brně, 1914.
- ² *Pospíšil I. Srdce Literatury: Alois Augustin Vrzal, 1864–1930*. Brno, 1993. *Pospíšil I. Alois Augustin Vrzal: koncepce a dokumenty* // *Sborník prací Filozofické fakulty Brněnské Univerzity*, 1993 D. 40. S. 53–62.
- ³ *Врзал А. Письмо к А.М. Скабичевскому. 1891* // *Международные связи русской литературы* (по собраниям Пушкинского Дома). СПб., 2017. С. 212–213.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.05

Почитание святой Людмилы в Древней Руси: к вопросу о чешско-русских связях

Анна Михайловна Ланцева,

Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина,
Москва, Российская Федерация; e-mail: lancev86@mail.ru

Ключевые слова: Древняя Русь, святая Людмила Чешская, почитание, проложное житие, памятник, чешско-русские связи

Veneration of Saint Ludmila in Old Rus: On the Issue of Czech-Russian Relations

Anna M. Lantseva,

Kosygin Russian State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: lancev86@mail.ru

Keywords: Old Rus, Saint Ludmila of Czech, veneration, “Prolog” life description, monument, Czech-Russian relations

В контексте единства славянских народов на основе духовного завещания святых Кирилла и Мефодия образцом для подражания благочестивым княгиням Древней Руси стала первая славянская святая-мученица — Людмила Чешская, по преданию, принявшая крещение из рук святителя Мефодия, архиепископа Моравского. Центрами славянского богослужения в Чехии были Сазавский монастырь¹, поддерживавший контакты с Киево-Печерским монастырем Древней Руси, а также храм святого Климента на Левом Градце, церковь Девы Марии на Пражском Граде и храм в Тетине, связанные с жизнью Людмилы и ее супруга — Борживоя. Однако об отношениях последних с духовными центрами Древней Руси нам ничего не известно.

В «Повести временных лет» Нестор Летописец и его продолжатели уделяют немалое внимание чешско-русским бракам времени правления Владимира Святославовича, христианизатора Руси². Можно предположить, что это связано с тем, что на христианизацию Руси огромное значение оказал опыт славянских стран, притом не только южнославянских (Болгарии, Сербии), но также и Чехии, которая является преемницей историко-духовной миссии святых солунских братьев Кирилла и Мефодия³.

Среди памятников церковнославянского наследия средневековой Чехии⁴ следует особо выделить сохранившееся в русских списках Проложное житие (Пролог) святой Людмилы Чешской⁵. Роман Якобсон в очерке о происхождении древнечешских памятников и их проникновении на Русь, ссылаясь

на авторитетную точку зрения В. Халоупецкого⁶, отмечает, что раннее житие святой на старославянском языке, написанное, вероятно, Павлом Каихом, имеет тесные связи с духовным наследием Кирилла и Мефодия⁷. Именно этот ранний памятник повлиял на латинские и старославянские памятники, относящиеся к культуре святой Людмилы и ее внука Вацлава (русский вариант — Вячеслава). Старославянское Проложное житие святой Людмилы, совпадающее по смыслу с латинской легендой *Fuit in provincia Boemorum*⁸, свидетельствует о том, что в X–XI вв. литература в Чехии на славянском языке не была изолирована от латинских памятников того же времени, поэтому один и тот же сюжет может наблюдаться как в старославянских, так и в латинских агиографических источниках.

Кульмт святой Людмилы Чешской на Руси существенно повлиял на становление раннего почитания первой русской христианки — святой равноапостольной княгини Ольги, что подтверждается русскими историографическими и агиографическими источниками⁹. Некоторые места «Слова о преставлении святой Ольги»¹⁰, входящего в «Повесть временных лет», имеют схожую стилистику с ранней латинской гомилией на память святой Людмилы *Factum est*¹¹. Автор латинской гомилии сравнивает святую с утренней звездой¹², что находит свои текстологические параллели в «Слове о преставлении святой Ольги», где ряд метафор продолжен образами денницы, зари, луны¹³. Можно предположить, что русские книжники неплохо были знакомы с латинской литературой, нередко прибегая к определенным образцам западнохристианских жанров. Вероятно, «Слово о преставлении святой Ольги» возникло под влиянием текста гомилии *Factum est*.

По всей очевидности, после татаро-монгольского нашествия (XIII в.) ослабевают тесные чешско-русские связи, что обуславливает вымирание народной и отчасти церковной традиции почитания святой Людмилы на Руси. Однако древнерусские жития святой, сохраненные лишь в богослужебной практике старообрядцев поморского согласия, вошли в дошедший до нашего времени агиографический корпус, как то:

в «Великие Минеи-Четьи» митр. Макария¹⁴, «Четьи-Минеи» святого Димитрия Ростовского¹⁵, наконец, в сборник житий святых архиепископа Филарета (Гумилевского) на сентябрь, датируемый XIX в.¹⁶ После образования автокефальной Православной Церкви Чешских земель и Словакии житие святой Людмилы из сборника «Четых-Миней» стало частью внебогослужебной благочестивой христианской практики на территории Чехии и Словакии.

Примечания

- ¹ *Petr J., Šabouk S.* Z tradic slovanské kultury v Čechách: Sázava a Emauzy v dějinách české kultury. Praha, 1975; *Jakobson R.* Selected writings. Berlin, 2014. Vol. 2. P. 263–264.
- ² Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и др. СПб., 1997. Т. 1: XI–XII вв. URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 20.02.2021); *Дворник Ф.* Славяне в европейской истории и цивилизации, М., 2001. С. 28; *Флоровский А.В.* Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X–XVIII вв.). Praha, 1935. Т. 1. С. 14–17; *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 34–36; 559–580; *Успенский Ф., Литвинова А.* Брак и власть между Западом и Востоком: Матримониальный портрет династии Рюриковичей. Средневековая Европа Восток и Запад / под ред. М. Бойцова. М., 2015. С. 13–19; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 55–56, 183–185.
- ³ *Польвяный Д.И.* Западный вектор кирилло-мефодиевского славянства и Русь в X в. // Русин. 2018. № 1–51. С. 72, 74–75; *Тржешттик Д.* Великая Моравия и возникновение государства Пржемысловцев (Святополк и Борживой) // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение / под ред. Г. Э. Санчука, Й. Поулика. М., 1985. С. 160–172; *Флоря Б.Н.* Принятие христианства в Великой Моравии, Чехии и Польше // Принятие христианства народами Центральной и Юго-восточной Европы и Руси / под ред. Г.Г. Литаврина. М., 1988. С. 133–136; *Trěštk D.* Počátky Přemyslovců. Praha, 1981. P. 88–100.
- ⁴ *Соболевский А.И.* Церковно-славянские тексты моравского происхождения. Варшава, 1900. С. 5–30; *Ильинский Г.А.* Молитва на дьявола. Церковно-славянский текст западно-славянского происхождения / пред. А.И. Соболевского. СПб., 1899.
- ⁵ Сказание о начале чешского государства в древнерусской письменности / отв. ред. В.Д. Королук; коммент. и пер. А.И. Порова. М., 1970. С. 119–124; *Blahova E., Konzal V.* Staroslověnské legendy českého původu. Nejstarší kapitoly z dějin českoruských kulturních vztahů. Praha, 1976. P. 55–140.
- ⁶ *Chaloupecký V.* Prameny X století legendy Kristiánovy o sv. Václavu a sv. Ludmile // Svatováclavský sborník. Praha, 1939. S. 11.
- ⁷ *Якобсон Р.О.* Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 47.
- ⁸ *Fuit in provincia Boemorum* // Fontes rerum Bohemicarum / J. Emler, J. Simák, V. Novotný (ed.). Praha, 1871. V. 1. S. 144–145. URL: <https://sources.cms.flu.cas.cz/src/index.php?s=v&cat=11&bookid=138&page=182> (дата обращения: 05.11.2020).

- ⁹ *Никольский Н.К.* Материалы для истории древнерусской духовной письменности. СПб., 1907. С. 88–94; *Серебрянский Н.И.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Т. II.
- ¹⁰ Повесть временных лет... URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 20.02.2021).
- ¹¹ 16. září 2017. Sv. Ludmily, mučednice, v Čechách památka, nezávazná památka // Uspořádání liturgie hodin — Breviář. Praha, 2000–2016. URL: <http://breviar.org/?a=2&datum=2017-09-16&k=16SEP> (дата обращения: 07.02.2021).
- ¹² «...Взошла в стране чешской как звезда утренняя, возвещая о пришествии солнца правды — Христа, и светом веры отвратила тьму греха...».
- ¹³ «Си бысть предътекущая хрестьяньской земли, аки дѣньница пред солнцем и аки заря предъ свѣтомъ. Си бо сияше аки луна в нощи, тако и си в невѣрныхъ челоуѣцѣхъ свѣтяшеса аки бисерь въ калѣ: калнѣ бо бѣша грѣхом, не омовени святымъ крещением...». См. подробнее: Повесть временных лет... URL: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4869> (дата обращения: 20.02.2021).
- ¹⁴ Великие Минеи-Чети, собранные Всероссийским митрополитом Макарием. Новгород, 1529–1532. № 1317 Соф., л. 321–322.
- ¹⁵ *Ростовский Д., митр.* Память святой мученицы Людмилы // Жития святых. Киев, 2004. Т. 1. С. 319–320. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Жития_святых_по_изложению_свт._Димитрия_Ростовского/Сентябрь/16 (дата обращения: 20.02.2021).
- ¹⁶ *Гумилевский Ф., архиеп.* Русские святые, чтимые всею церковью или местно: опыт описания жизни их. Чернигов, 1865. Отделение первое. С. 181–182.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.06

Русские писатели в чешской среде второй половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета *Rudé právo*)

Анна Вячеславовна Амелина,

Институт славяноведения Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Ключевые слова: чешская литературная критика, русско-чешские литературные связи, история чешской литературы, чешская периодика

Russian Writers in the Czech Environment in the Second Half of the 1920s: The period of the Left Political Wing (Newspaper *Rudé právo*)

Anna V. Amelina,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna.v.amelina@mail.ru

Keywords: Czech literary criticism, Russian-Czech literary connections, history of Czech literature, Czech periodicals

В 1920-е гг. в Чехии после обретения независимости возникли новые общественные и художественные течения. Причем литературные пристрастия как читателей, так и авторов часто были тесно связаны с их политическими взглядами, а иногда ими и определялись. Такая политизированность явилась яркой чертой эпохи. В 1920-е гг. периодика оперативно ориентировала читателей в новой русской литературе и делала для них первые переводы на чешский язык, одновременно и русская классика в обновленной плюралистической культуре подвергалась переосмыслению. Во второй половине декады, с появлением разных обществ и союзов силами инициативных групп¹, стали налаживаться культурные и экономические связи между нашими странами, что обусловило более сильное влияние советской культурной политики на чешскую левую критику.

Rudé právo («Руде право»², окт. 1920–1995) — ежедневная газета, официальное издание коммунистической партии Чехословакии. Материалов, касающихся России, в ней публиковалось много, в нашем докладе мы остановимся на литературной критике. Она, в свою очередь, касалась по большей части творчества отдельных классиков и современников, обзорные аналитические материалы в это время были еще очень редки (например, статья от 06.01.1929 Б. Бейчека «Новые звезды» о конце эпохи «попутчиков» и появлении новых авторов, писавших про советские будни).

В связи с тем, что с 1925 г. начали налаживаться культурные связи и стали доступны новые произведения, во второй половине декады в газете над классиками превалировали советские писатели. Большую роль в этом сыграла, например, выставка советской книги в Праге, проходившая в 1925 г., и сделанные впоследствии многочисленные переводы на чешский язык, в том числе и крупной прозы. Кроме того, в *Rudé právo* в этом году появилась постоянная рубрика о культурных новостях СССР.

Классические авторы в этой ситуации становятся редакции не очень интересны. Заметки о Л.Н. Толстом возникали периодически по разным поводам, особенно по случаю юбилея писателя; в одной статье 1926 г. дано сравнение его с Лениным: первый интересовался внутренним миром и не был способен изменить ни свою жизнь, ни окружающую реальность, породив множество бесплодных последователей³, в то время как второй поднял на борьбу огромные массы. О Ф.М. Достоевском, например, упоминалось в связи с книжной выставкой и говорилось, что присутствие его книг на ней свидетельствует о признании прозаика советским правительством⁴, а в 1928 г. в рецензии на пражскую постановку «Преступления и наказания» Достоевский назван защитником униженных и оскорбленных и сказано, что «у него для социальных явлений — словарь старой России, его [не]справедливости новая Россия отвечает революциями»⁵; позднее появилось еще несколько откликов на постановки по Достоевскому. Кроме того, публикуются рецензии на чешские спектакли по произведениям А.Н. Островского, А.П. Чехова.

Для восприятия современной поэзии большое значение имели визиты советских авторов в Прагу: здесь бывали целые делегации украинских и белорусских поэтов, а также В.В. Маяковский. Практически перестали писать о А.А. Блоке, которому раньше уделяли очень много внимания. В первую очередь редакции был интересен Маяковский — в связи с вечерами рецитации и театральными представлениями по его творчеству, а также по поводу чешского перевода его произведения «150 000 000». В рецензии 1925 г. И. Вайль,

например, утверждал, что поэма призвана создать новый миф, что слог Маяковского — один из лучших в русском футуризме и что, кроме Н.Н. Асеева, нет в русской литературе больше поэта с таким чувством слова⁶.

Что касается прозы, то к ней обращаются намного чаще, чем к поэзии, в связи с выходом чешских переводов или появлением театральных постановок. Это в первую очередь художественные труды Вс.В. Иванова, А.М. Горького, М.А. Булгакова, Б.А. Пильняка, Л.Н. Сейфуллиной, И.Н. Эренбурга, А.И. Куприна, М.С. Шагинян, А.Г. Малышкина, К.А. Федина, Ф.В. Гладкова, А.С. Серафимовича, Н.Н. Никитина, Ю.Н. Либединского и др. (кроме того, Сейфуллина и Эренбург в это время посетили Прагу). Почти все переводимые произведения оцениваются в откликах очень высоко с точки зрения художественного уровня. Пожалуй, больше всего говорили об А.Н. Толстом: в 1926 г. появилась рецензия на перевод его «Голубых городов», которые стали демонстрацией перерождения писателя после возвращения из эмиграции благодаря революции⁷, а опубликованный в 1928 г. «Гиперболоид инженера Гарина» в рецензии охарактеризован как произведение, вывернувшее наизнанку мещанский фантастический роман, с присущей ему детективной техникой⁸ (видимо, намек на К. Чапека), позже к этому русскому сочинению обращались еще несколько раз. Очевидно, для чешских коммунистов было очень важно найти идеологически правильную альтернативу фантастическому творчеству Чапека, так популярному тогда.

Естественно, что отбор советских авторов был обусловлен идейными критериями, однако были случаи, когда под них подгоняли далеко не самые однозначные фигуры. Так, например, в 1926 г. выходит заметка о лекции Й. Горы на вечере поэзии С.А. Есенина, которая была посвящена поэту и в которой описывался его долгий путь к беззаветной любви к революции, неожиданно прерванный самоубийством⁹. Интересна также заметка 1927 г. о Е.И. Замятине — рецензия на роман «Мы», опубликованный в либеральном издательстве «Авентинум»: прозаик был назван одним из лучших

среди пореволюционных и сравнивался с Чапеком не в пользу последнего, поскольку в своих произведениях он выступал против системы эксплуатации и высмеивал Англию, которой чешский писатель в свою очередь восхищался¹⁰.

В заключение отметим, что советская литература была важным инструментом формирования культурной политики коммунистов, в особенности, когда требовалось найти альтернативу «мещанскому засилью» в популярной художественной литературе (об этом свидетельствуют попытки противопоставить творчеству Чапека советские фантастические произведения А.Н. Толстого, Е.И. Замятина, М.А. Булгакова). Также можно наметить некоторые отличия рассматриваемого периода от начала 1920-х гг.¹¹, когда, например, классическая и современная русская литература были представлены практически равномерно, а творчество писателей XIX в. гораздо чаще подгоняли под коммунистическую идеологию для ее пропаганды, причем Достоевский в какой-то момент был назван защитником буржуазии и отвергнут¹² — анализ этих и других изменений является задачей нашей дальнейшей работы.

Примечания

- ¹ См.: *Zahrádka M. Přehled československo-sovětských politických a kulturních styků v období 1918 1938 (téže 1. kapitoly dějin) // Materiály k československo-sovětským literárním vztahům / ed. V. Kostřica. Olomouc, 1989. Sv. 1. S. 43–59.*
- ² Газете «Руде право» посвящен небольшой раздел книги М. Заградки «Советская литература и мы» (1981): *Zahrádka M. Rudé právo a sovětská literatura // Idem. Sovětská literatura a my: o československo-sovětských literárních vztazích let 1918–1978. Praha, 1981. S. 116–152.* Большая часть этого труда связана с переводами, а собственно интерпретации творчества тех или иных писателей там посвящены лишь отдельные абзацы. Заградка не отрицает политической ангажированности редакторов и авторов газеты, однако при этом делает акцент на широту их литературных взглядов и художественное чутье, ставя им в заслугу в популяризацию русской литературы.
- ³ *Matouš J. Dvě moskevská musea — Tolstého a Leninovo. Rudé právo. Večerník. Č. 98. 28.04.1926. S. [3].*
- ⁴ *Weil J. Poznámky k výstavě knih SSSR // Rudé právo. 19.05.1925. Č. 116. S. [2].*
- ⁵ *Majerová M. „Zločin a trest“ na jevišti // Rudé právo. 25.01.1928. Č. 21. S. 6.*
- ⁶ *Weil J. VI. Majakovskij: 150.000.000 // Rudé právo. 31.05.1925. Č. 127. Dělnická besídka. S. 3.*

- ⁷ Knižovnička “Plamja” // Rudé právo. 20.06.1926. Č. 146. Dělnická besídka. S. 2.
⁸ -a. Sovětský román dobrodružný // Rudé právo. 18.03.1928. Č. 67. S. [4].
⁹ Majerová M. Sergej Jesenin // Rudé právo. 17.10.1926. Č. 246. Dělnická besídka. S. 1–2.
¹⁰ –jef– E. Zamjatin: My // Rudé právo. 30.07.1927. Č. 232. S. 6.
¹¹ См. подробнее об этом периоде: Амелина А.В. Русские писатели в чешской среде первой половины 1920-х гг.: периодика левого политического крыла (газета «Руде право») // Вестник славянских культур. 2021. Т. 59. С. 199–212. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2021-59-199-212>.
¹² Там же. С. 203–204.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.07

Советский мир как предмет осмысления в романе Иржи Вайля «Москва-граница»

Анна Васильевна Грасько,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Ключевые слова: Иржи Вайль, чешская литература, Советский Союз, модернизм, монтаж

The Soviet World as a Subject of Comprehension in Jiří Weil's Novel “Moscow-Border”

Anna V. Grasko,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: anna-grasko@yandex.ru

Keywords: Jiří Weil, Czech literature, Soviet Union, modernism, montage

В 1920–30-е гг. многие представители чешской «левицы» — интеллектуалы, писатели, поэты, деятели культуры, политики — стремились побывать в Советском Союзе и сформировать собственное мнение об этой стране социалистического

эксперимента. Свои впечатления чешские интеллектуалы выразили в разнообразных литературных свидетельствах: очерках, эссе, поэтических и прозаических текстах¹. На фоне дискурса всего написанного и сказанного об СССР в 1920–1930-х гг. выделяется роман чешского писателя, переводчика, публициста первой половины XX в. Иржи Вайля «Москва-граница»².

Роман был написан Вайлем в 1936 г. сразу после его возвращения из Советской России, где он, как иностранный интеллектуал, сочувствующий идеям коммунизма, сначала работал в качестве журналиста и переводчика, затем был осужден за мещанство и отправлен в трудовой лагерь. Сопоставляя роман Вайля с текстами его современников, посвященными Советскому Союзу, можно сказать, что он не только несет в себе наиболее сложную трактовку неоднозначной советской действительности, но и является, пожалуй, самым ценным в художественном отношении чешским литературным свидетельством о советской России 1920–1930-х гг. При этом своеобразие романа Вайля связано прежде всего с тем, что его текст вбирает в себя множество идейно-эстетических явлений, характерных для европейской и русской литератур того времени. Одной из ярких особенностей произведения, которая соотносит его с европейской модернистской и русской формалистской эстетикой, является монтажность композиции.

На первый взгляд, роман Вайля не кажется сложным, сюжетно неясным и структурно затемненным, однако читатель быстро обнаруживает специфическое, не до конца понятное и не до конца предсказуемое сюжетно-композиционное построение романа, обусловленное его непростой проблематикой. Сюжетные линии в романе не связаны лишь с одним героем, и единый романский сюжет, если понимать его как некоторую непрерывную линию движения главного героя (или героев), в романе не выстраивается.

Текст «Москвы-границы» разделен на три большие части, которые названы именами трех персонажей: «Ри», «Ян Фишер», «Рудольф Герцог», при этом в книге отчетливо выделяются только два главных героя — Ри и Ян Фишер. О смене

главного героя в романе свидетельствует не только разделение на части, но и смена субъектного плана повествования. Всю первую часть автор как бы «соединяется» с сознанием героини Ри, используя несобственно-прямую речь: «Возможно, все дело в том, что Ри не работает, как остальные, она же видела, как все трудятся целый день, потом разбегаются по своим кружкам и лекциям, она видела вокруг себя страшную спешку, бег наперегонки, все было в движении, только Ри была одинока в своей большой квартире с громоздкой мебелью и европейскими книгами»³. Во второй и третьей частях несобственно-прямая речь связана с сознанием другого героя — Яна Фишера. Несмотря на то, что третья часть книги Вайля названа именем Рудольфа Герцога и его смертью заканчивается вся книга, Герцог является героем скорее второстепенным, а его линия оказывается тесно связана с линией Яна Фишера и не разворачивается самостоятельно. Об этом свидетельствует не только непроявленная сюжетная линия, но и отсутствие приближения к этому герою автора и несобственно-прямой речи, демонстрирующей особое проникновение автора во внутренний мир героя.

Пытаясь сложить воедино все три сюжетные линии романа, мы можем сказать, что три части романа объединены не судьбой одного персонажа, но, скорее, общей темой — жизнью иностранцев в Москве 1930-х гг. Герои здесь введены не ради развития романной интриги, они нужны автору функционально, их субъективное сознание помогает оценить советский мир, проверить его жизнеспособность с позиции обычного человека. Кроме того, принадлежность героев к другому, «западному» миру позволяет увидеть советский мир с особой «остраненной»⁴ точки зрения, о которой писал В.Б. Шкловский. Конфликт каждого героя (Ри, Фишера, Герцога) с реальностью приоткрывает читателю значимую сторону советской действительности во всех ее противоречиях, а то, как герой этот конфликт преодолевает или не преодолевает, показывает значимые для автора способы взаимодействия с советским миром. Первый характерный типаж иностранца в романе представляет героиня Ри — молодая

чешка, выросшая в буржуазной семье, разорившейся после войны, которая в СССР приехала за своим мужем-инженером, Робертом. Главным испытанием для героини становится советский быт; именно с ее линией связано подробное, почти документальное описание советского бытового пространства. Вместе с тем на примере судьбы героини автор показывает, что бытовой конфликт преодолим, а советский мир может предложить что-то более ценное, нежели мещанский комфорт — героиня адаптируется и становится советской труженицей, ударницей на шарикоподшипниковом заводе, в работе обретает смысл жизни. Ян Фишер, прототипом которого является сам Вайль, — чешский левый интеллектуал, переводчик. Главное в нем — личностное начало и стремление к нормальной человеческой жизни. Именно эти качества Фишера позволяют автору проникнуть в более сложные пласты советской реальности и показать ее глубинные противоречия: государство, кажется, созданное, для людей, подавляет все человеческое, индивидуальное, не связанное с коллективом, поэтому и герой, не сумев в себе преодолеть индивидуальное начало, превращается в отщепенца и подвергается публичному осуждению на одной из партийных «чисток». Судьба еще одного героя, Рудольфа Герцога, также демонстрирует типичную «советскую» судьбу и проявляет другие противоречия советского мира: безжалостность и сомнительную справедливость советского по отношению не только к человеку вообще, но и к самым искренним идейным сторонникам коммунизма: румынский революционер, идеалист и романтик Герцог, который изначально воспринимает СССР как родину, заканчивает свою жизнь в роли героя и жертвы Советского государства.

Таким образом, в своем романе Вайль вырабатывает особую форму изображения советской реальности — через ее монтажную обработку. В результате получается своеобразная конструкция-матрешка: через сознание отдельных героев, которые, в свою очередь, принадлежат более широкому миру иностранцев в СССР, автор раскрывает специфику жизни в советском пространстве.

Примечания

- ¹ Наиболее полная подборка и характеристика различных текстов, написанных чешскими писателями и деятелями культуры по следам поездок в СССР содержится в чешской монографии: *Šimová K., kol. Cesty do utopie: Sovětské Rusko ve svědectvích meziválečných československých intelektuálů*. Praha, 2018. Этой проблематике посвящено немало работ и в отечественной славистике. См.: *Амелина А.В. Утопичность восприятия советской России в чешской среде 1920–1930-х гг.* (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // *Россия и русский человек в восприятии славянских народов*. М., 2014. С. 307–320; *Будагова Л.Н. Чешские писатели и открытые политические процессы в Москве 1930-х годов // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте* / под. ред. Хавановой О.В. М., 2016. С. 457–475. *Она же*. Чехи в Москве первых пятилеток // *Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы* / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018. С. 300–315; *Герчикова И.А. Чехи в Москве 30-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайса // Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы* / отв. ред. С.И. Данченко. М., 2018. С. 285–299.
- ² *Вайль И. Москва-граница* / пер. с чеш. Ю.В. Преснякова. М., 2002.
- ³ Там же. С. 78.
- ⁴ *Шкловский В.Б. Искусство как прием // О теории прозы*. Москва, 1983. С. 9–25.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.08

Особенности поликодового языка «Супрематического сказа» Эль Лисицкого

Яна Александровна Оленева,

Российский государственный университет
имени А.Н. Косыгина,

Москва, Российская Федерация; e-mail: vlacenimira@gmail.com

Ключевые слова: поликодовый текст, креолизованный текст, Эль Лисицкий, Супрематический сказ, поликодовость

Multimodal Features of El Lissitsky's "Suprematist Tale"

Yana A. Oleneva,

Kosygin Russian State University,

Moscow, Russian Federation; e-mail: vlacenimira@gmail.com

Keywords: multimodal text, creolized texts, El Lissitsky, Suprematist tale, multimodality

Поликодовый текст представляет собой текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами — вербальным и невербальным компонентами. Проблемой поликодовых текстов занимаются с середины 1970-х гг. Согласно Г.В. Ейгеру и В.Л. Юхту, «к поликодовым текстам в широком семиотическом смысле должны быть отнесены случаи сочетания естественного языкового кода с кодом какой-либо иной семиотической системы (изображение, музыка и т.п.)»¹. Важным при анализе поликодовых текстов является понимание того, что одно наличие невербальных знаков еще не свидетельствует об их поликодности. О ней можно говорить, когда невербальные средства становятся полноправными носителями информации.

Поликодовые тексты получают активное распространение в постмодернистскую эпоху развития науки и техники, однако они создавались и в более ранние периоды. Примеры таких текстов относятся к авангарду, когда писатели и художники активно искали новые способы выражения мыслей. Многие из разработывавшихся в этот период идей остаются актуальными и в настоящее время.

«Супрематический сказ про два квадрата в 6-ти постройках» (1922) Эль Лисицкого представляет собой детскую книгу, призванную увлечь новое поколение заложенными в ней идеями. Эль Лисицкий, художник и архитектор, занимался темой супрематического «знакообразия» и полиграфического дизайна. Важным при анализе «Сказа» поэтому является, во-первых, факт восприятия книжного пространства как явления трехмерного (напечатанная информация обладает способностью «вырываться» из плоскости страниц), во-вторых, установление средств, с помощью которых эта цель достигается. Сам Лисицкий комментирует использованные им приемы следующим образом: «Понятия выражают посредством традиционных слов; следует оформлять понятия посредством букв»². При этом он советует не пренебрегать «экономией выразительности средств» и использовать «оптику вместо фонетики»³.

«Сказ» состоит из 12 страниц и повествует о победе красного квадрата над черным. Текстовая часть проста и компози-

ционно делится на «инструкцию» и непосредственно на само повествование. На семи страницах расположены всего 33 слова: девять из них сосредоточено на странице-инструкции и 22 распределены на последующих шести.

«Инструкция» представляет собой составленную из слов игровую систему. «Не читайте, берите бумажки столбики деревяшки складывайте, красьте, стройте», — написано на странице.

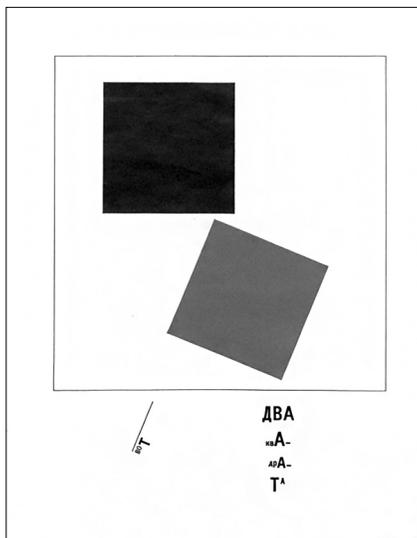
Однако устанавливать связи между словами предоставляется читателю. Изобразительного графического компонента тут еще нет, и важно здесь само наставление автора: не будьте отстраненными наблюдателями, становитесь активными участниками. На последующих страницах предоставляется возможность убедиться в верности этого тезиса.

Основная часть повествования состоит из шести построений с подписями и четко разделяется на графический и текстовый компоненты. «Вот два квадрата. Летят на Землю издалека и. И видят черно, тревожно. Удар. Все рассыпано. И по черному установилось красно ясно. Тут кончено. Дальше» — благодаря графической части такое краткое повествование обретает образность и наполняется дополнительными смыслами.

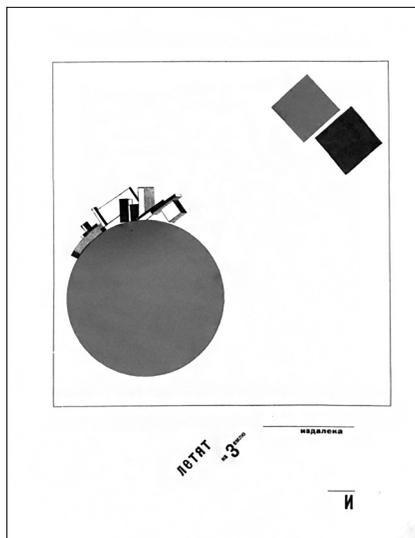
Первая страница (построение 1) представляет собой изображение двух квадратов и текстовую часть, утверждающую их существование: «Вот два квадрата». Существительное «квадрата» разделено на три части. В делении на части Эль Лисицкий следует не грамматическим правилам переноса по строкам, а исходит из общей для всего слова гласной «А». Этой гласной завершаются все три строчки, в двух первых случаях она — прописная, в последнем — строчная: «кВА-дрА-Та». Проводимые с текстом модификации уравнивают простоту графического элемента.

На второй странице (построение 2) графический компонент усложняется и включает в себя изображение земного шара с его инфраструктурами и приближающимися к ним квадратами. Текст указывает на текущий процесс, на развертывание его в пространстве: «летят на Землю издалека И».

По структуре предложение неполное, действующие лица не указаны, но легко угадываются, с одной стороны, потому что они упоминаются на предыдущей странице, с другой — поскольку графически представлены выше.

построение 1

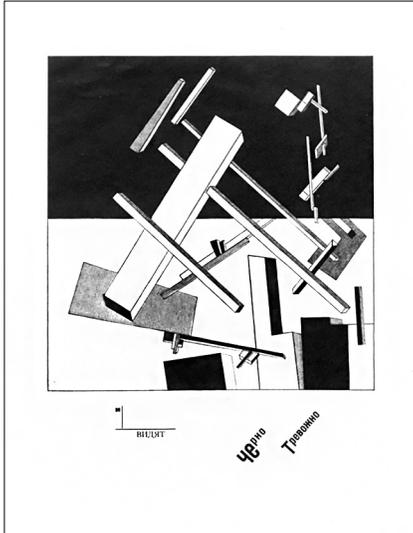

построение 2

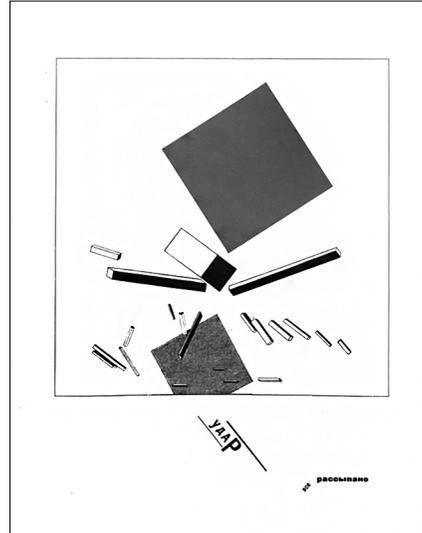
Третья страница (построение 3) — положение дел на Земле. Графически легко изобразить что-то темное и шаткое, однако едва ли возможно назвать чувства, которые вызывает тот или иной объект. Поэтому здесь представляется реакция на увиденное: «И видят ЧЕРно тревожно». Так, изображение — открывшийся квадратам мир, текстовая часть — описание вызванных этим миром ощущений.

Четвертая страница (построение 4) сосредоточивается на действии и его последствиях. Красный квадрат ударяется углом о сложные конструкции, и те рассыпаются. Черный квадрат при этом оказывается не в столь активной позиции и уходит за рамку. В текстовой части не уточняется, кто именно ответственен за «удаР» — вывод можно сделать, только глядя на изображение. На этой же странице содержится и вторая часть, указывающая на последствия удара: «Все

рассыпано». Речь автора акцентирует внимание на двух действительно важных событиях и уточняет их последовательность во времени.

построение 3

построение 4

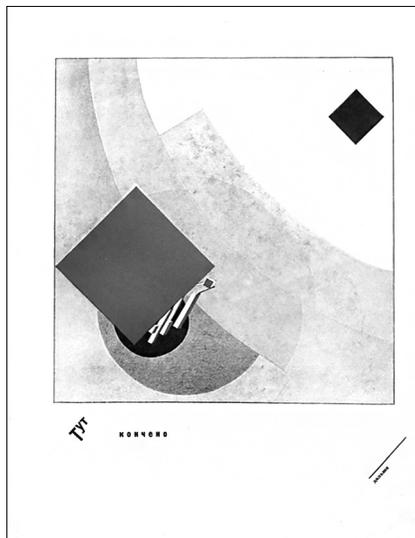
Пятая страница (построение 5) — использование черного квадрата как основы для воздвижения новой красной конструкции. «и По черному установилось Красно Ясно», — сообщает текст, вновь вступая с читателем в игру. Стилистически он вторит третьей странице («видят ЧЕрно тревожно») и поясняет спектр ощущений.

Шестая страница (построение 6) — утверждение красного квадрата и уход в небытие черного. Текстовая часть предельно лаконична: «ТУТ кончено». В то же время в правой части этой страницы мелкими буквами напечатано еще одно слово — «дальше». Оно отчеркнуто от остального текста линией. Исходя из его расположения, можно заключить, что дело, законченное в одном месте, наверняка будет продолжено в другом.

Таким образом, основным способом сокращения расстояния между «Сказом» и его адресатом является установление

построение 5

построение 6

контакта, который осуществляется с помощью вовлечения читателя непосредственно в конструирование книги. Функционирование в «Сказе» текстового и графического элементов позволяет говорить о существовании в нем двух векторов: с одной стороны, созданная картинка происходящего объясняется и уточняется текстом, с другой — простой (пусть и оригинально построенный) текст получает наглядное воплощение. Расшифрованный в таком ключе «Сказ» может быть интересным материалом для сопоставления с более поздними примерами поликодовых текстов.

Примечания

- ¹ Эйгер Г.В., Юхт В.Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текстов. М., 1974. С. 107.
- ² Цит. по: Лисенкова Ю.В. Принципы Отто Нейрата и Эль Лисицкого как основа преподавания полиграфических дисциплин в Баухаусе и Художественной школе Витебска // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2020. № 1. С. 75.
- ³ Там же.

ПОЭТИКА ЛИТЕРАТУРЫ

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.09

Ранние прозаические произведения Иржи Карасека из Львовиц

Алексей Юрьевич Колянов,

Санкт-Петербургский государственный
электротехнический университет «ЛЭТИ»
имени В.И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: kolianov@gmail.com

Ключевые слова: чешская литература, богемистика, декадентская проза, Иржи Карасек из Львовиц

Early Prose by Jiří Karasek from Lvovice

Alexey Yurievich Kolianov,

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: kolianov@gmail.com

Keywords: Czech literature, bohemistics, decadent movement,
Jiří Karasek ze Lvovice

Чешский писатель Иржи Карасек из Львовиц (1871–1951) является одним из главных представителей национального литературного декаданта. Творческое наследие писателя составляют поэзия, проза, публицистика, переводы, литературоведческие и критические работы. В отечественной богемистике Карасек известен как поэт и критик, лидер декадентского движения¹. Романы Карасека 1890-х гг. — уникальный образец чешской прозы эпохи *fin de siècle*, когда в литературу

пришло молодое поколение с представлениями о творчестве как о самовыражении, а не служении обществу. В споре «отцов» и «детей» Карасек выступил на стороне последних, отстаивая перспективность реализма, символизма и декаданса².

В последнее десятилетие XIX в. Карасек опубликовал более двадцати рассказов, сказок и шесть романов, пять из которых с тех пор не переиздавались. Развитие Карасека-прозаика можно разделить на три этапа:

- ▶ ранний (1890–1900 гг.), характеризующийся переходом от натурализма и реализма к психологизму и эстетике декаданса. К этому периоду относятся ранние романы, рассказы и юморески, опубликованные в журналах *Obzor* / «Обзор», *Jitřenka* / «Йитршенка», *Maj* / «Май», *Vesna* / «Весна» с 1890 по 1894 гг. до начала выхода журнала «Модерни ревью», который Карасек основал совместно с Арнтоштом Прохазкой. В этот период печатаются романы «Беспутье» (*Bezcestí*, 1893), «Стоячие воды» (*Stojáte vodu*, 1895), «В стороне от жизни» (*Mimo život*, 1897), «Легенда о меланхоличном принце» (*Legenda o melancholickém princí*, 1897) и «Готическая душа» (*Gotiská Duše*, 1900).
- ▶ исторический (1900–1925 гг.), включающий прозу в жанре исторического романа и легенды, а также фантастические романы, вдохновленные темами магии, мистики и оккультизма. Завершает этап трилогия «Романы трех магов» (*Romány tři mágů*), куда вошли «Роман Манфреда Макмиллена» (*Román Manfreda Macmillena*, 1907), роман «Скарабей» (*Scarabeus*, 1908), и роман «Ганимед» (*Ganymedes*, 1925).
- ▶ реалистический (1925–1951 гг.), названный норвежским богемистом Роаром Лисхогеном периодом «ностальгирующего реализма»³. Он включает автобиографические произведения, в том числе роман «Потерянный рай» (*Ztracený ráj*, 1938), рассказывающий о жизни пражского Смихова в конце XIX в.

Прозаическим дебютом Карасека стала сказка «Вондрахамовник» (*Vondra pláteník*), напечатанная в брненском

журнале «Обзор» в ноябре 1890 г. Затем до 1893 г. включительно в журналах *Vesna*, *Jitřenka*, *Maj* и *Obzor* Карасек публикует два десятка сказок и рассказов. Вслед за чешским литературоведом Карелом Коларжеком их можно тематически разделить на «малоостранские юморески» и рассказы об «униженных и оскорбленных»⁴. К первым относятся короткие произведения в жанре социальной сатиры, навеянные, в частности творчеством Яна Неруды. Рассказы об «униженных и оскорбленных» относятся к реализму и натурализму и описывают простых людей в сложных жизненных обстоятельствах.

Первый роман И. Карасека «Эмиль» печатается в 1891 г. в журнале *Jitřenka* и содержит как элементы социальной критики, так и признаки декадентской эстетики. В романе заметно, как внимание автора переключается с описания ситуаций окружающей действительности на психологию и душевное состояние героя. В названии содержится отсылка к трактату Руссо «Эмиль, или О воспитании», где Карасек почерпнул идеи о возникающих в процессе образования конфликтах между личностью и обществом.

Следующий роман Карасека публикуется в журнале *Jitřenka* под названием «Разбитая жизнь» (*Zmařené žiti*) с подзаголовком «Пражский роман». В 1893 г. он выходит отдельной книгой под названием «Беспутье». В романе Карасек продолжает исследование психологии героя, изучая, каким образом личность деформируется под воздействием обстоятельств. В основе романа лежит сюжет о преображении провинциального юноши, приехавшего учиться в большой город.

В 1894 г. в журнале «Весна» и в 1895 г. в издательстве *Moderní revue* / «Модерни Ревю» печатается роман «Стоячие воды» с подзаголовком «Этюд о душе» (*Studie vnitra*). В том же году публикуется роман «Неумение жить» (*Neschopnost žiti*), который в 1897 г. выходит отдельным изданием под названием «В стороне от жизни». В этих текстах черты декадентской поэтики проявляются отчетливее. В центре романов — творческая личность (художник, писатель) в состоянии кризиса.

Следующим этапом развития декадентской прозы Карасека становится публикация в 1897 г. в *Moderní revue* романа «Легенда о меланхоличном принце». Прототипом главного героя является Людвик Баварский, прозванный «сказочным» или «лунным» королем. Книга становится своего рода подготовительной работой по созданию идеального декадентского персонажа по канонам «библии декадента» — романа «Наоборот» Жориса Карла Гюисманса. Его главный герой — герцог дез Эссент, странный, болезненный эстет, последний член угасающего дворянского рода.

Кульминацией декадентской прозы Карасека становится роман «Готическая душа». Небольшой, объемом менее ста страниц, он написан как дневник, рассказывающий «историю души» болезненного двадцатилетнего юноши. Одним из ключевых эпизодов является описание галлюцинации юноши: оправившись после первого приступа беспамятства, молодой человек идет на холм Петршин, смотрит на старинные кварталы Праги и представляет, как на городских улицах возникают призраки всех когда-либо населявших его жителей. Юноша испытывает странное ощущение сопричастности к своей нации, «чешскости», выраженной в стремлении к высоким идеалам и всеобщему братству, но затем это чувство слабеет и сменяется нигилизмом. Так герой декадентской прозы Карасека растворяется в Праге, увядающем «сердце нации»⁵, «мертвом городе», где прошлое реальнее настоящего. Дух романа созвучен настроениям чешского общества, переживавшего болезненное расставание с иллюзиями о независимости и возрождении. Прежние политические силы («младочехи») не шли дальше компромиссов с Веной о месте Чехии в империи как национальной автономии. Вес набирали левые прогрессивные движения и «чешский реализм», обратившиеся в поисках пути к самостоятельному государству в сторону экономики и социальной сферы. Этот период воспринимался обществом как кризис, беспутье.

Через два года после публикации «Готической души» Карасек добавляет к имени приставку «из Львовиц», чтобы подчеркнуть свое дворянское происхождение. По легенде,

его предком как будто был чешский астроном, математик и астролог XVI в. Киприан Карасек Львовицкий из Львовиц, потомок Яна Карасека Львовицкого, члена городского совета, а затем градоначальника Градца-Кралове.

Этой мистификацией Карасек завершает создание образа писателя-декадента. Заканчивается и ранний этап его прозаического творчества. Об этом этапе, на наш взгляд, можно сделать следующий вывод. В прозе И. Карасека 1890-х гг. отразились национальные особенности чешского литературного декаданса. Обращение к декадентской эстетике позволило создать специфический образ Чехии и особенно Праги конца XIX в., а концентрация на психологии героя — показать трагичность судьбы Чехии — великой в прошлом, а ныне — «болезненного потомка угасающего рода»⁶, стоящего в стороне от жизни. Как и поэзия чешских декадентов, их проза привнесла в национальную словесность особый, по-своему эстетически организованный язык, позволяющий описывать психологические состояния в контексте личностных кризисов. Ранние прозаические произведения Карасека характеризует развитие от реализма к декадансу, но в поздней прозе от декаданса остаются лишь элементы поэтики.

Примечания

- ¹ История литератур западных и южных славян / отв. ред. Л.Н. Будагова. Т. 3: Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). М., 2001. С. 93.
- ² *Karásek J.* K naší literární revoluci // *Moderní revue*. Sv. 1. 1894–1895. Č. 3. 8.12.1894. S. 49–60.
- ³ *Lishaugen R.* Speaking with a forked tongue: Double reading strategies in *Romány tří mágů* by Jiří Karásek ze Lvovic. University of Gothenburg, 2008.
- ⁴ *Kolařík K.* Věčné jinošství Jiřího Karáska ze Lvovic. Disertační práce. Karlova Univerzita, 2012.
- ⁵ *Бобраков-Тимошкин А.Е.* Пражский текст в чешской литературе конца XIX — начала XX века: Автореф. ... дисс. канд. филолог. наук. М., 2004. С. 15.
- ⁶ *Karásek J.* *Gotická duše*. Praha, 1905. S. 13.

Роль города в романах Д. Годровой и И. Кратохвила

Светлана Анатольевна Кожина,

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: lana-0391@mail.ru

Ключевые слова: современная чешская литература, топос города, чешский постмодернизм, Д. Годрова, И. Кратохвил

The Role of the City in D. Hodrová's and J. Kratochvíl's Novels

Svetlana A. Kozhina,

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: lana-0391@mail.ru

Keywords: contemporary Czech literature, city topos, Czech post-modernism, D. Hodrová, J. Kratochvíl

Ключевым при характеристике пространства в художественном произведении является вопрос, при помощи каких символов, моделей и приемов оно воссоздается. В работе Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста» в качестве основного аспекта анализа рассматривается проблема определения рамки — границы отображаемого объекта. Изображение на ограниченном материале (текст) неограниченного понятия (универсум) возможно при помощи мифологизации, создания универсальной модели чистых сущностей, оживляемых при помощи фабулы — движения, направленного на выведение «замершего» текста из стагнации¹.

Вторым важным вопросом становится соотношение пространства и языковой структуры в целом. Такие понятия как «высокий — низкий», «правый — левый», «близкий — далекий» и др. характерны для отображения пространственных характеристик в целом². Рассмотрение пространственных

внутритекстовых отношений с подобной перспективы согласуется с архетипическими представлениями человечества об устройстве мира и, следовательно, тривиально и при анализе мифопоэтики произведений. Подобные бинарные противопоставления встречаются и в иных работах Лотмана, а также других исследователей в области семиологии знаковых систем художественных текстов (например, Д. Годровой). Языковые символы с архетипической семантикой, подвергаясь трансформации на протяжении развития литературного процесса, обретают иные историко-социальные смыслы, дополняя новую модель мирового устройства.

В исследованиях структуралистов город в художественном произведении рассматривается как отдельная коммуникативная система: «Город — это дискурс, и этот дискурс на самом деле язык: город говорит со своими жителями, мы говорим о нашем городе, городе, в котором находимся, тем, что живем в нем, что передвигаемся по нему, видим его»³. Таким образом формируется многослойная гетерогенная знаково-символьная структура города-текста как компиляции множества текстов, иллюстрирует разного рода отношения (онтологические, социальные и др.).

В романах Годровой изображение города становится основным композиционным приемом. В произведениях 1990-х гг.: «Под двумя видами» (1991), «Тета» (1992), «Куколки» (1991) — центральным принципом является передвижение персонажей по Праге. Прохождение через определенные локусы оживляет ряд ассоциаций и воспоминаний, «воскрешает» его символику в памяти живущих: «Перед ней открывается площадь с псевдоготическим храмом. Когда-то в нем проходила свадьба родителей Элишки Беранковой [...] И вот здесь Рассеяна вспомнит (или это только предчувствие?), что под театром лежит засыпанная статуя, отдыхает на боку, только тело без рук и ног, голова откатилась недалеко от тела [...] Потом ее поднимали (будут поднимать) из ямы, в которой будет стоять театр, она сломалась (сломается) в половине, превращенная окончательно в грудку обломков, опустится во чрево Виноградского, бывшего Городского театра на

Краловских Виноградах»⁴. В данной цитате мы наблюдаем две доминанты текстов Годровой 1990-х гг. Во-первых, локусы города характеризуются писательницей как носители исторической памяти (личной и коллективной). Во-вторых, персонажи, передвигаясь между ними, актуализируют ряд аллюзий и ассоциаций. Прага Годровой выступает не только как текст, но и как палимпсест: город-наслоение текстов, что соотносится с тезисом о дискурсивной природе топоса города.

Романы Годровой более позднего периода: «Воззвание» (2010), «Спиральные предложения» (2015) и «Эта близость» (2019) — характеризуются углублением диахронного подхода, усилением акцента на архетипической природе локусов. Предположительно по этой причине их количество сокращается, но усложняется семантика. Так, например, центральные точки описываемых событий — район Жижков с Ольшанским кладбищем и Площадью Иржи из Подебрад, где проживает Даниэла, — выступают в значении «своего» пространства: здесь героиня вырастает, здесь переживает основные события личной жизни. Ольшанское кладбище представляет собой точку контакта с «чужим» пространством — миром мертвых. Больница на Буловце — «чужое» пространство с семантикой болезни и смерти. Данные локусы дополняются мифологическими бинарными оппозициями, такими как «верх» — «низ», «запад» — «восток»: «Только потом мне пришлось в голову умереть там, где под окном стоял диван, на котором мама спала в последние годы, в ольшанской квартире на нем потом спала я, а до меня брат, но мама на нем не лежала [...] она легла на диван головой на запад, к стороне света, на которой, согласно “Письмам жизни” Вайнреба, стоит Рафаэль, имя которого значит “Бог исцеляет”, но это и сторона света, на которой расположена страна смерти, ад...»⁵ Мифопоэтика поздних текстов Годровой усложняется, сводя представленный гетерокосм городского пространства к набору архетипических символов, что расширяет онтологическую проблематику текста. Происходит, таким образом, углубление городского дискурса — диахронное изображение символов города-текста Праги.

Образ города в романах Кратохвила также претерпел эволюцию. Ключевой топос — Брно, однако его роль в текстах иная. Так, в «Медвежьем романе» (1990) город выступает как универсалия — обобщенное изображение любого городского пространства в тоталитарном обществе: небоскребы, ужасающе огромные дворцы административных зданий, между которыми протекает грязная Река. Реальный Брно становится основой для создания его мифологического отображения, фоном для развертывания онтологических вопросов о природе человечности. Однако примечательна роль и отдельных архитектурных памятников, а именно своего рода «архитектурный параллелизм»: характеристика персонажей неразрывно связана с историей и внешним видом зданий, в то время как здания наделяются качествами живых объектов (олицетворение): «...этот дом как человеческая душа: есть то, что сразу бросается в глаза, и то, что скрыто в глубине и запечатано за шлюзами; у него есть свои Ид и Суперэго [...] и я повторюсь: если бы я писал [этот. — С.К.] роман в другом доме, это была бы совсем не та история, которую я задумывал: я приспособлял композицию всем этим навалившимся, просматриваемым и вывернутым помещениям»⁶.

Подобный «архитектурный параллелизм» мы наблюдаем и в романе «Обещание» (2009). В главном герое, архитекторе Мондрачеке, лишившемся возможности в полной мере реализовать свой талант и столкнувшимся с несправедливостью тоталитарной системы, рождается желание заключить в тюрьму под собственной квартирой тех, кто может быть причастен к таинственной смерти его сестры. Спонтанная мысль Мондрачека, слившись с гением архитектора, превращается в ужасный эксперимент. По мере достраивания подземной тюрьмы мы наблюдаем, во-первых, трансформацию личности самого Мондрачека, постепенно сходящего с ума, и, во-вторых, «оживание» нового мира, превращение его в новый организм, создающий собственные законы организации жизни.

Таким образом, в произведениях Годровой и Кратохвила очевиден процесс мифологизации городского пространства,

его трансформация в универсум, служащий способом рассмотрения онтологических вопросов: понятия памяти, жизни и смерти (для Годровой), человечности, сходства жизни человека и жизни конкретного здания (Кратохвил). Топос города в романах писателей также в некоторой степени играет роль «готовой» композиционной структуры: при упоминании реальных памятников архитектуры, авторы актуализируют ряд культурных кодов, достигая тем самым углубления нарратива и активного включения читателя в процесс перцепции текста.

Примечания

¹ Лотман Ю.М. Структура художественного текста. СПб., 2015. С. 275–288.

² Там же. С. 275.

³ Barthes R. *Semiology and Urbanism // Architecture Culture: 1943-1968*, Columbia, 1993. S. 415.

⁴ Hodrova D. *Théta*. Praha, 1992. S. 67.

⁵ Hodrová D. *Točité věty*. Praha, 2015. S. 28

⁶ Kratochvil J. *Medvědí román*. Brno, 1990. S. 258–259.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО Польшы

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.11

Искусство не ради искусства: польский публицист о пролетарской культуре 1930-х гг.

Татьяна Рудольфовна Семакина,

МГУ имени М.В. Ломоносова,
Москва, Российская Федерация; e-mail: semakinaaa@gmail.com

Ключевые слова: Цат-Мацкевич, пролетарская культура, путе-
вые заметки, польская публицистика, 1930-е гг.

Art Not for Art's Sake: Polish Publicist on the 1930s Proletarian Culture

Tatiana R. Semakina,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation; e-mail: semakinaaa@gmail.com

Keywords: Cat-Mackiewicz, proletarian culture, travel notes,
polish publicism, 1930s

На протяжении всего межвоенного периода Советский Союз и формирующаяся в нем культура социалистического реализма вызывали живой интерес на Западе: в 1920–1930-е гг. СССР как лично, так и в составе делегаций посещали многочисленные писатели, журналисты, музыканты и другие представители мира искусства. Не стала исключением и Вторая Речь Посполитая, для которой происходившее непосредственно у ее восточных границ имело огромное значение, тем более что в прошлом Царство Польское, будучи частью Российской

империи, в области культуры развивалось с ней в одном русле на протяжении долгих десятилетий вплоть до революций 1917 г.

Ярким представителем польской интеллигенции, с детства хорошо знакомой с классическим русским искусством и высоко ценившей его, являлся Станислав Цат-Мацкевич, посетивший СССР в 1931 г. Среди всех путевых заметок о Советском Союзе начала 30-х гг. его «Мысль в клещах» стала первым крупным сочинением, по-настоящему сильно повлиявшим на восприятие страны как польской, так и впоследствии иностранной общественностью в целом. Заметки вышли в Польше в 1931 г. под общим названием «Мысль в клещах. Исследования по психологии общества Советов»¹, а на русском языке впервые были опубликованы в 2019 г. в переводе Ю.А. Борисёнка².

У себя на родине Станислав Цат-Мацкевич был известен прежде всего как редактор виленского «Слова», поддерживавшегося группой местного дворянства. Это издание он сумел превратить в газету, читаемую по всей Польше. Он тяготел к политической публицистике и сам проявлял политическую активность, в 1928–1935 гг. был депутатом Сейма от Беспартийного блока сотрудничества с правительством (ББСП). Его статьи пользовались популярностью и оказывали немалое влияние на общественное мнение, вследствие чего его нередко называли «зубром с кресов». Благодаря поездке Цат-Мацкевича в уважаемой консервативной газете «Слово» появились свидетельства очевидца о происходящем в СССР.

Цат-Мацкевич, будучи человеком тонко чувствующим, умным и внимательным, не мог обойти в своем повествовании вопросы культуры, возможно даже, именно они в каком-то смысле освещены у него наиболее ярко и дают наиболее четкое представление о советских реалиях. Польский публицист застал культуру социалистического реализма, полную пропаганды, предлагающую публике типовой набор сюжетов, имеющую только одну цель — идеологическое укрепление общества.

Называя свою книгу «Мысль в клещах», Цат-Мацкевич имел в виду в первую очередь сознание советских граждан, которое насильно загоняется в рамки коммунистических категорий и представлений, так что учение Маркса и Ленина становится единственным мерилom добра и зла. Существенную роль (что вполне объяснимо) в таком государстве начинает играть цензура: она в СССР «гораздо суровее, нежели цензура императоров, пап или любого самого полицейского государства»³. Нельзя не отметить резко критического отношения Цат-Мацкевича к подобному положению дел: ему тяжело смириться с тем, что в стране, некогда давшей миру Ф.М. Достоевского и К.С. Станиславского, литераторы и драматурги вынуждены творить на заранее заданные темы, бояться за каждое слово и искать одобрения у рабочих на заводе.

Отсюда и, пожалуй, главная для Цат-Мацкевича проблема советского искусства — его тематика. Западному человеку не совсем понятен набор тем и сюжетов, предлагаемый зрителю в «Большевии», но по мнению польского публициста, всё это легко объясняется тем, что понятие «частная жизнь» в Советском Союзе как таковое отсутствует. «Литературные критики в Большевии оценивают каждое проявление художественной мысли в стихах и прозе, на сцене, холсте, экране или в скульптуре на основе “марксистского подхода” и с точки зрения классовой борьбы»⁴, что фактически говорит о практически полном отсутствии оценки произведения искусства с художественной точки зрения. Насколько оно визуально или стилистически совершенно, неважно. Главное — идейная составляющая.

Вообще о литературе пролетарской Цат-Мацкевич пишет довольно много, но без заметного восхищения, в довольно ироничном тоне упоминая «графоманов с заводов и житниц», числящихся в Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП), и в целом определяя произведения рабоче-крестьянских писателей как «примитивные тексты, которые полуграмотные накарябали каракулями на бумаге»⁵. Интересует публициста и феномен так называемых «попут-

чиков» в большевистской литературе. Они, с его точки зрения, стоят несомненно выше товарищей из РАПП: «...то, что в современной русской литературе на самом деле более ценно в художественном отношении, сторонится этих толп пролетариата и записывается в “союз советских писателей”»⁶. Кажется, что для публициста все происходящее в области культуры, наполняется еще большим драматизмом, ибо он прекрасно знаком с русской классической литературой, которую любит и ценит. В Советском Союзе, где «особенно притесняются всякие проявления идейной связи с прежней русской литературой»⁷, действительно талантливому писателю будет сложно пробиться, поскольку революционная тематика и направленность на читателей из рабоче-крестьянских слоев, как правило, и не требует даже высокого стиля.

С театром дела обстоят, по мнению Цат-Мацкевича, немногим лучше. Его восхищают К.С. Станиславский и Е.Б. Вахтангов, но происходящее в советских театрах ему понять сложно. С одной стороны, сюжеты и мораль пьес, насквозь пропитанных идеологическим духом, изумляют. С другой — Цат-Мацкевич отмечает, что некоторые пьесы произвели на него неплохое впечатление именно своей композицией. Способно восхитить польского публициста советское кино, однако отнюдь не своим идеологически выдержанным содержанием, а прежде всего технической стороной, методом работы. При всей сюжетной обыденности кино, тем не менее, приукрашивает действительность, что Цат-Мацкевичу не совсем понятно. Так, например, он говорит о фильме «Обломок империи», в котором Петербург и петербуржцы изображены слишком идеализированно⁸. Цат-Мацкевич называет кино ареной борьбы любви к искусству и подневольности социального заказа, в то же время полагая, что именно в кино, как ни в одном другом виде искусства, находит отражение идея большевиков о коллективном труде, так как снять фильм в одиночку невозможно. В целом же впечатление о советском кино складывается у Цат-Мацкевича скорее со знаком минус, поскольку слишком резким оказывается контраст между тем, как совершенна съемка, и тем, как убого содержание.

Примечательно, что публицист почти ничего не пишет о живописи в СССР, но рассказывает о нескольких своих визитах в антирелигиозные музеи, музеи истории революции, произведших на него довольно тягостное впечатление. Цат-Мацкевича также забавляет и удивляет отношение к зарубежному искусству, его трактовка через призму идеологии, ярким примером чего служат подписи к работам П. Пикассо на выставке французского искусства.

Таким образом, тезис об искусстве ради искусства, по мнению Цат-Мацкевича, большевиками решительно отвергается: такое искусство просто не может существовать в их государстве. Зато искусство как орудие пропаганды — вполне. Литература, кино, театр должны воспитывать, поучать, показывать, как делать правильно, прививать любовь и уважение к новому строю, но никак не существовать ради эстетического удовольствия или развлечения. «Писатель для того и существует в пролетарском государстве, чтобы выполнять его социальные заказы»⁹, — резюмирует публицист, с видимой горечью вздыхая: «Вряд ли кто-нибудь видел более антикультурную форму рабства!»¹⁰

Примечания

¹ *Cat-Mackiewicz S. Myśl w obcęgach. Studia nad psychologią społeczeństwa Sowie-
tów. Warszawa, 1931.*

² *Цат-Мацкевич С. Мысль в клещах // Цат-Мацкевич С. Польская катастрофа
1939 г. и ее причины. М., 2019.*

³ Там же. С. 203.

⁴ Там же. С. 193.

⁵ Там же. С. 204.

⁶ Там же. С. 202.

⁷ Там же. С. 254.

⁸ Там же. С. 209.

⁹ Там же. С. 203.

¹⁰ Там же. С. 204.

Социальность и психологизм в польском кино рубежа 1970–1980-х гг.

Денис Георгиевич Вирен,

Государственный институт искусствознания,
Москва, Российская Федерация; e-mail: denis.viren@gmail.com

Ключевые слова: польское кино, кино морального беспокойства, Януш Киёвский, Януш Моргенштерн, Томаш Зыгадло

Sociality and Psychologism in Polish Cinema at the Turn of the 1970s–80s

Denis G. Viren,

State Institute for Art Studies,
Moscow, Russian Federation; e-mail: denis.viren@gmail.com

Keywords: Polish cinema, cinema of moral anxiety, Janusz Kijowski, Janusz Morgenstern, Tomasz Zygałdo

В начале 1981 г., в период так называемого «карнавала Солидарности», увидела свет программная статья Кшиштофа Кесьлёвского, в которой он рассуждал о текущем состоянии и дальнейшем развитии польского кинематографа: «Нужно искать способы, чтобы фильмы о проблемах стали в первую очередь фильмами о людях, чтобы [...] внешнее было рамкой, а не содержанием. В общем, мы стоим перед необходимостью смены языка, смены героев наших картин, изменения ситуаций и диалогов. То, о чем я пишу, не побег от реалистической традиции, а проблема ее развития, направление которого я мог бы коротко определить так: не широко, а глубоко, не вовне, а внутрь»¹. Режиссер, по сути, констатировал исчерпанность художественных принципов «кино морального беспокойства», к которому сам имел пря-

мое отношение, и призывал не останавливаться на достигнутом: «Теперь правды о мире (по моему мнению, остающейся основным условием) уже недостаточно. Надо искать более драматичные ситуации, делать выводы, выходящие за пределы ежедневного опыта, ставить более универсальные и мудрые диагнозы»². Вполне логично, что в недолгий период фактического отсутствия цензуры и значительной свободы СМИ у художников не было необходимости документировать «непредставленный мир»³, как это было в 1970-е гг.

Кесьлёвский, как известно, пошел по обозначенному им самим пути, его кинематограф постепенно становился все более универсально-метафизическим. Если взглянуть на творчество других польских режиссеров, окажется, что уже к концу 1970-х гг. многие отходили от социальной описательности в сторону более подробной разработки ситуаций и героев, отчасти ориентируясь на достижения мастеров «тихого» кино, таких как Станислав Ружевич («Дверь в стене» / *Drzwi w murze*, 1973) или Эдвард Жебровский («Спасение» / *Ocalenie*, 1972). Ярким примером психологического моралите стала картина Януша Заорского «Комната с видом на море» (*Pokój z widokiem na morze*, 1977). Несмотря на то что в ее основе лежит довольно типичная для «кино морального беспокойства» оппозиция мировоззренческих подходов, а мир социальных взаимоотношений прописан весьма выразительно, акцент сделан именно на внутреннем мире героев, тем более что оба они — психиатры, пытающиеся спасти человека на грани самоубийства. Разумеется, это не единственный пример, однако более подробно хотелось бы остановиться на трех лентах 1980 года — исключительного для Польши, в том числе для киноискусства, в силу исторических обстоятельств.

После фильмов «Индекс» (*Indeks*, 1977/1981) и «Кунг-фу» (*Kung-fu*, 1979), важнейших для развития «кино морального беспокойства», режиссер Януш Киёвский (кстати, автор этого термина⁴) неожиданно обратился к проблематике, далекой от общественной неустроенности. Лента «Голоса» (*Głosy*) — исследование психологического состояния героини, которую мучают странные звуки, возникающие во время ночных

кошмаров. Лечение в психиатрической больнице не дает результатов, зато вскоре после выхода оттуда она знакомится с молодым ученым: заинтересовавшись странным случаем, он в итоге сам затягивает себя в пучину безумия. Киёвский демонстративно отказывается в «Голосах» от подробностей социального фона и сосредоточивается именно на внутреннем мире персонажей, их потерянности и одиночестве.

Удивительный в своем роде образ отчуждения создает Януш Моргенштерн в фильме «Меньшее небо» (*Mniejsze niebo*) — экранизации одноименного романа⁵ Джона Уэйна, английского писателя из поколения «молодых рассерженных». Это рассказ о мужчине средних лет, который внезапно решает оставить работу, прекрасный дом, жену с детьми и поселяется в вокзальной гостинице. Мы так и не узнаем, что именно подвигло на такой поступок. «Мне надо придать своей жизни новый смысл», — признается он десятилетнему сыну. Целыми днями блуждая по перронам, герой будто пытается «подключиться» к эмоциональным ситуациям, постоянно происходящим на вокзале, но все равно остается лишь наблюдателем. В кадре неслучайно появляется книга эссе Альбера Камю, а ослепительное солнце в финале не может не напомнить «Постороннего». Режиссер выходит на уровень осмысления экзистенциального кризиса, что было совсем не типично для польского кино того периода. «...Януш Моргенштерн сделал очень оригинальный авторский фильм с совершенно иным регистром зрительского восприятия, чем все привыкли, — отмечает польский историк кино Марек Хендрыковский. — В нем не было ни политики, ни проявлений манифестированной ангажированности. Некоторые “сражающиеся” критики сочли это режиссерской уверткой»⁶.

Возможно, самой пронзительной драмой об одиночестве, снятой в те годы, стал «Ночной мотылек» (*Śta*) Томаша Зыгадло. Главный герой — радиожурналист, который в ночном эфире общается со слушателями. Они делятся с ним проблемами и радостями, признаются в любви и даже угрожают... Помогая абсолютно чужим людям, герой никак не может навести порядок в собственной жизни. В «Ночном мотылке»

и «Меньшем небе» сыграл свои лучшие роли Роман Вильгельми. Этот выдающийся актер не был «лицом морального беспокойства», как Ежи Штур или Кшиштоф Залеский. Сдержанный в проявлениях эмоций, он всегда скрывал сердечную боль, прятал внутренний разлад под печальной улыбкой. Этот тип героя заставляет вспомнить образы Олега Басилашвили в «Осеннем марафоне» (1979) Георгия Данелии, Олега Янковского в «Полетах во сне и наяву» (1982) Романа Балаяна и даже Михаила Ульянова в «Теме» (1979/1986) Глеба Панфилова, — неслучайные параллели, поскольку интонация этих советских картин поразительно близка к польскому кино тех лет.

Зыгадло, начинавший как документалист, умело соединяет в «Ночном мотыльке» поэтику неигрового кинематографа (использование аудиозаписей интервью, имитация съемки скрытой камерой) и ирреальные сцены сновидческого характера, намекающие на приближение психического расстройства героя. В финале его отправляют в санаторий. Конечно, это не больница, как в «Голосах», однако тенденция налицо... Ее апогеем станет лента, появившаяся в самом конце десятилетия, — «Все, что мое» (*Stan posiadania*, 1989) Кшиштофа Занусси. Режиссер частично возвращается здесь к проблематике «кино морального беспокойства», тем не менее в центре оказывается кризис коммуникации. Симптоматично, что этот фильм начали снимать в социалистической Польше, а выпустили на экран уже после обретения независимости — вечные общечеловеческие конфликты и проблемы, конечно, никуда не делись.

Примечания

- 1 *Kieślowski K.* Głęboko zamiast szeroko // Dialog. 1981. N 1. S. 111.
- 2 *Ibid.*
- 3 Это известное определение почерпнуто из одноименной книги Юлиуша Корнхаузера и Адама Загаевского, вышедшей в 1974 г.
- 4 См. об этом: *Вирен Д.* На подступах к исследованию «кино морального беспокойства» // Художественная культура. 2019. № 3. Т. 2. С. 204–205.
- 5 На русском языке он выходил под названием «Малое небо».
- 6 *Hendrykowski M.* Morgenstern. Poznań, 2012. S. 209.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.13

Литературные влияния в польской легенде «Пан Твардовский» (из собрания К.В. Вуйчицкого)

Алина Владимировна Юрова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;
e-mail: st085309@student.spbu.ru

Ключевые слова: сказка, Пан Твардовский, Фауст, легенда

Literary Influences in the Polish Legend “Pan Twardowski” (From the Collection of K.V. Vuychitsky)

Alina V. Yurova,

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: st085309@student.spbu.ru

Keywords: fairy tale, Pan Tvardovsky, Faust, legend

Фольклористика как наука развивается с начала XIX в., однако — в связи с разрозненностью уже имеющегося фольклорного материал — до сих пор возникает множество вопросов по методологии, также отсутствует единый понятийный аппарат. Одним из главных направлений исследований в фольклористике в последние десятилетия становится связь литературы и народного творчества. Взаимодействие литературы и фольклора рассматривалось многими учеными, среди которых У. Томс, П. Богатырев, В.Я. Пропп, а также польские исследователи К. В. Вуйчицкий, О. Кольберг, Ю. Кшижановский.

В данной работе предпринята попытка обнаружить взаимосвязь литературы и фольклора на примере материала,

собранного известным польским фольклористом К.В. Вуйчицким в сборнике «Сказания, древние предания и повести польского народа и Руси» (1837)¹. В задачу исследования входит: проследить влияние трагедии И. Гете «Фауст» на польскую легенду о пане Твардовском, которого часто называют «польским Фаустом»; выявить композиционные и изобразительно-выразительные особенности народной польской легенды «Пан Твардовский» в соотношении с трагедией Гете; проанализировать компоненты, заимствованные Вуйчицким из художественной литературы для преобразования польской легенды.

Казимеж Владислав Вуйчицкий (1807–1879) — польский писатель и журналист, который еще во время учебы в Варшавском университете в 1820-е гг. вел активную деятельность по сбору польского и белорусского фольклора. На основе полученных материалов Вуйчицкий в 1837 г. издал двухтомное собрание сказок и легенд, которое приобрело широкую известность. В него вошла одна из наиболее популярных польских легенд — «Пан Твардовский». Согласно преданию, польский шляхтич Твардовский, живший в Кракове в XVI в., заключил сделку с дьяволом, желая приобрести знания и жить в свое удовольствие. Существуют два финала легенды. В первой версии, когда дьявол пришел за его душой, Твардовский начал молиться. По этой причине дьявол не смог забрать его в ад, однако герой обречен скитаться по свету, как призрак, пока не настанет час Страшного суда, который решит его участь. По другой версии, Твардовский стал жертвой обмана дьявола. Согласно договору, в конце срока шляхтич должен был приехать в Рим, чтобы отдать свою душу, но не исполнил условия договора. Тогда дьявол превратился в друга Твардовского и заманил его в трактир «Рим», где смог забрать душу героя. В собрании легенд Вуйчицкого фигурируют элементы обеих версий.

Общность между легендой о пане Твардовском и легендой о Фаусте отмечали литературоведы и писатели XIX вв. Известный польский поэт и критик эпохи романтизма К. Бродзинский в работе «О Твардовском и Фаусте» (1822) писал

о взаимосвязи между персонажами произведений². Однако Бродзиньский отмечал, что установить, какой из героев возник раньше и перешел в культуру другого народа, не представляется возможным.

Так как сборник Вуйчицкого с легендой о Твардовском вышел в свет уже после первой публикации трагедии Гете, можно предположить, что польский исследователь литературно преобразовал имеющийся в польской культуре аналог легенды под воздействием трагедии Гете. Гипотезу подтверждает исследование профессора Юлиана Масьлянки «Польская фольклористика эпохи романтизма» (1984)³, где автор утверждал, что в сборнике Вуйчицкого можно обнаружить серьезное вмешательство составителя в текст. Фольклорист вносил значительные изменения в сюжет и форму фольклорных произведений, приспособлявая их к вкусам и ожиданиям читателей «высокой» литературы.

При сравнении легенды, зафиксированной Вуйчицким, и трагедии Гете обнаруживаются особенности, которые демонстрируют сильное влияние литературы на польский фольклор. Легенда о пане Твардовском имеет свой сказочный зачин, где можно встретить мотивировку героя для заключения договора с дьяволом: Твардовский, как и Фауст, стремится к новому, сверхъестественному знанию. При последующем развитии сюжета оба персонажа используют силы дьявола для исполнения своих потаенных желаний, также легенду и трагедию сближает использование женского образа: в трагедии — Маргариты, в легенде — жены Твардовского.

В содержании легенды в сборнике Вуйчицкого встречаются сюжетные особенности, которые ранее не использовались в пределах одного текста. Так Кшижановский в работе «Систематика польской народной сказки» (1963) описал финал легенды под указателем Т 8521 в такой последовательности: дьявол приглашает Твардовского в трактир «Рим», построенный за один день, Твардовский берет на руки ребенка, дьявол взывает к чести героя, герой отказывается слушать дьявола, дьявол отпускает его перед воротами в ад

либо отправляет героя на луну⁴. Кшижановский отметил, что сюжет развивается дальше, однако уже можно увидеть различия между народной легендой и вариантом, приведенным Вуйчицким. Твардовский в сборнике «Сказания...» слушает дьявола, идет за ним, не избегает наказания, однако не спасается, но и не оказывается в аду. Конфликт остается нерешенным, перед читателем предстает открытый финал, что редко встречается в устном народном творчестве. Позитивная концовка, где герои спасают свои души, характерна для Гете как для человека эпохи Просвещения.

Композиционно связывает трагедию «Фауст» и легенду «Пан Твардовский» образ Рима. Античность и Рим фигурируют у Гете. В сборнике Вуйчицкого возвращение в Рим становится условием подписания договора между дьяволом и главным героем. Образ Рима как центра католичества демонстрирует в легенде связь не с польскими корнями, а с европейской традицией. Подобный сюжетный поворот можно встретить в легендах о Герберте Орильяхском. Так, по сюжету одной из них, Герберту сообщили, что, если он будет читать мессу в Иерусалиме, дьявол убьет его, и, испугавшись, Герберт отменил паломничество. Однако предсказание сбылось, когда Герберт прочитал мессу в церкви Святой Марии Иерусалимской, называемой еще Иерусалимской церковью.

Особое внимание исследователей легенды «Пан Твардовский» вызывает использование латинского выражения в тексте сборника Вуйчицкого. Афоризм *Verbum nobile debet esse stabile* («Слово чести должно быть твердым») получил широкое распространение в старопольской литературе, в XVI–XVII вв. *Verbum nobile* можно перевести и как «слово шляхтича» — священное понятие, гарантия мужской чести. Но этот оборот, тем более на латинском языке, использовался именно в литературе, а никак не в устном народном творчестве, что позволяет говорить о влиянии на фольклорный материал литературы.

С точки зрения своей формы, легенда о пане Твардовском также не может отвечать всем требованиям народного

творчества. В легенде на протяжении почти всего текста звучит ритмизированная проза, что не характерно для фольклора. Использование в прозе ритма не новый прием для фольклора, но чаще он представлен в виде сказочного зачина или отдельных вкраплений и не используется на протяжении всего произведения.

Таким образом, на данный момент нельзя установить, первична ли легенда о Твардовском в соотношении с легендой о Фаусте, однако невозможно не согласиться с фактом влияния разных литературных источников, в том числе трагедии Гете, на формирование польской народной легенды.

Примечания

- ¹ *Wójcicki K.W.* Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi. Warszawa, 1837. S. 38.
- ² *Brodziński K.* O Twardowskim i Fauście // Pamiętnik Warszawski. Warszawa, 1822. T. 1. S. 154–162.
- ³ *Maślanka J.* Polska folklorystyka romantyczna. Wrocław, 1984. S. 63.
- ⁴ *Krzyżanowski J.* Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. T. 2. Wrocław, Warszawa, Kraków, 1963. S. 228–230.

DOI: 10.31168/2619-0869.2021.3.14

Игровой дискурс и место традиции в пьесе С. Мрожека «Мученичество Петра Охея»

Регина Владимировна Зиновьева,

Балтийский федеральный университет имени И. Канта,
Калининград, Российская Федерация; e-mail: regina46@list.ru

Ключевые слова: Мрожек, игра, традиция, театр абсурда, мифология

Playing Discourse and the Place of Tradition in S. Mrożek's Play "The Martyrdom of Peter Ohey"

Regina V. Zinoveva,

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation; e-mail: regina46@list.ru

Keywords: Mrożek, game, tradition, the theater of absurd, mythology

Проблема традиции заняла особое место в литературоведении послевоенной эпохи, когда наметился пересмотр старых господствующих моделей общественного порядка. Исчезновение социальной и культурной памяти, утрата исторического сознания, деконструкция традиции — всё это стало предметом рефлексии писателей и драматургов. Театр абсурда, для которого характерна модификация классических канонов построения драматургического произведения, являет собой один из примеров эксперимента с традиционной формой. Переосмысление традиции в польском театре абсурда, возникшем в контексте последствий Второй мировой войны и установления в Восточной Европе коммунистической власти, включало в себя принцип игры с культурно-историческими смыслами и аллегориями.

Отношение польского представителя драмы абсурда Славомира Мрожека (1930–2013) к традиции можно обозначить как «антитрадиционализм», то есть отвержение национальных мифов, формой выражения которого является ироническая игра с традицией и пародия на классические произведения.

Ранние пьесы Славомира Мрожека показывают негативное влияние официальной идеологии на культурную и литературную традицию. О специфическом стиле Мрожека, который стремится продемонстрировать всю разнородность современного дискурса, пишет М. Пивиньска: «Мрожек ис-

пользует аллюзии, цитаты, пишет стихами Фредро, Мицкевича, Выспяньского, в сентиментальном, позитивистском, модернистском стилях и прибегает к сотням литературных жанров для отображения насущных проблем. [...] Современность в драмах Мрожека не имеет собственного языка, собственной политики и собственного лица. В ее арсенале только анахронические маски ушедшей традиции, в основном “пророческой”. Поскольку эти маски коннотативно окрашены, они конституируют социальную мифологию, которая начинает управлять современностью. Пропасть между реальной действительностью и ее выражением заполняет устаревший и потрепанный “архив абсурда”. Традиция — точнее традиции — становятся призраками»¹.

Одна из ранних пьес Мрожека «Мученичество Петра Охея»* (*Mcześństwo Piotra Ohey'a*, 1959) развивает тему культурной обусловленности поведения человека, вынужденного поддаться манипуляциям власти и общества и добровольно пасть их жертвой. Х. Стефан верно называет эти пьесы «параболами порабощения» (*parabole zniewolenia*)². Исследователь также подчеркивает принадлежность текста пьесы популярному в Польше жанру эстрадно-сатирического театра (*kabaret*)³. «Эстрадно-сатирический театр (“кабарет”), — поясняет Я. Блоньски, — создает своего рода шифр для посвященных и стремится не столько поразить зрителя, сколько втянуть его в интеллектуальную игру»⁴. Поскольку такие юмористические сценки аллюзивно нагружены и представляют собой сплав актуальных для данного общества дискурсов, от зрителя требуется большой запас знаний в области политики, культуры и литературы.

Действие пьесы завязано вокруг внезапного появления в ванной комнате Петра Охея тигра, образ которого необходим Мрожеку для анализа актуальных проблем своего времени и оценки роли его воздействия на общественные и семейные отношения в пьесе. Все герои драмы вовлечены в своего рода «игру», действия которой определены функ-

* Перевод В. Бурича, М. Павловой.

циями, выполняемыми ими в обществе. Чиновник официальным тоном информирует семью о том, что в их ванной «поселился страшный тигр-людоед»⁵. Появляются также сборщик налогов, ученый с целью изучения повадок «туалетного» тигра, директор цирка, готовящий представление в доме Петра Охея, учитель с экскурсией для детей и, наконец, представитель министерства иностранных дел, который организовывает для гостящего в стране махараджи охоту на тигра в качестве развлечения. Все они, приходя в дом главного героя, приносят собственные декорации, устанавливают их рядом с собой, разыгрывают свои роли и вместе с тем используют свойственные для их рода деятельности клишированные выражения.

Иллюзия, в которую верят герои, нужна им для того, чтобы спрятаться от безумствующего вокруг них абсурда социальной действительности. Единственным, кто понимает нелепость всего происходящего, является Пётр Охей, который, однако, не в состоянии оказать сопротивление нависшей над ним катастрофы и становится жертвой бюрократического давления. Главного героя вынуждают идти к тигру ради спасения человечества от якобы неминуемой беды.

Тем самым смысл пьесы выходит далеко за пределы глубоко политической драмы. Как утверждает Х. Стефан, Мрожек здесь обращается к романтической мартирологии⁶, где один человек посвящает свою жизнь ради спасения всего народа. Неслучайно «миф» существования тигра рождается в семье Петра Охея. Семья, в которой происходит крушение родственных связей, порождает социальную катастрофу. Старший сын Охея упоминает о наличии тигра в ванной комнате, а его младший сын, Ясь, дает этому подтверждение: «Я его видел. Он сидел в ванне, и у него были такие большие усы»⁷. На протяжении всей пьесы маленький Ясь, переодетый в «ксендза Кордецкого»⁸ — защитника священной для поляков Ченстоховы во время польско-шведской войны 1655 г. и героя романа Г. Сенкевича «Потоп», играет в историческую игру «Оборона Ченстоховы» и сражается с выдуманным противником. «На шведа, на шведа!»⁹ — зву-

чит боевой клич младшего сына. Таким образом, именно дети порождают абсурд и заводят механизм мифотворческой деятельности, к которой присоединяются остальные действующие лица, олицетворяющие общественные институты.

Именно жена Петра уговаривает его стать идеальной приманкой для тигра, взывая к его чувству гордости и чести: «Лучше один раз пойти, нежели потом стыдиться всю жизнь»¹⁰. Это парафраз высказывания испанской революционерки Долорес Ибаррури, процитированного в свое время в книге Альбера Камю «Бунтующий человек»: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях»¹¹, которое придает драме философское звучание и обращает нас к проблеме человеческого существования. Стефан видит сходство этой цитаты с высказыванием князя Юзефа Понятовского «Лучше умереть, чем жить бесславно»¹² перед битвой под Лейпцигом 19 октября 1813 г. Мрожек играет со ставшими классическими цитатами, переиначивает их с целью подчеркнуть свое негативное отношение к романтической традиции, культивировавшейся в Польше столетиями.

Сходство главного героя Мрожека с Конрадом из поэмы Мицкевича «Дзяды» обусловлено подобным пониманием концепции бунта. Идею самоотречения, придающей значение бунту, мы находим также у героя Томаша Юдыма в романе С. Жеромского «Бездомные». Однако персонаж польского абсурдиста далеко не тот герой, который готов совершать подвиги. Создавая образ Петра Охея, Мрожек опровергает в своей пьесе романтическую традицию, придавая ей оттенок иронии, порой даже сарказма и превращает трагедию в фарс.

Трагикомичным главного героя делают также аллюзии к мученической смерти апостола Петра. Мрожек неслучайно отсылает нас к образу христианского святого с целью подчеркнуть карикатурность образа собственного персонажа. Деконструируя метарассказ об апостоле, накладывая его на современные реалии, Мрожек иронизирует над «мучениями» Охея, чтобы подчеркнуть нелепость изображаемого действия. Главный герой Мрожека, отстаивающий в предсмертных

муках свое человеческое достоинство со свойственным ему романтическим пафосом, хотя и с долей присущей автору иронии восклицает: «Наука и политика, искусство и власть пожали друг другу руки. Они пролезли в мой дом... Я уйду, чтобы удовлетворить требования государственного порядка, соответствовать претензиям современной науки, искусства и власти — и таким образом больше не ощущать на себе их господства... Эпоха мне не благоприятствует. Что ж... не буду раболепно добиваться ее расположения. Подайте мне мой халат»¹³.

В этой связи интересна фигура старого охотника, чье русское происхождение, с одной стороны, свидетельствует, по словам А. Беднарчика, о «неустанном присутствии России в атмосфере дома Охея, представляющего собой микроскопическую модель Польши»¹⁴, с другой — являет собой духовную связь с трагическим прошлым Польши. Неслучайно Пётр Охей называет старого охотника «отче» (*ojcze*¹⁵), а тот его зовет в степь (*chodź, pójdziem w step*¹⁶). Образ духовного отца символизирует пораженческую линию истории Польши, связан с мотивом страданий польского народа и бесплодного бунта.

Таким образом, в пьесе «Мученичество Петра Охея» Мрожек показал механизм разрушительного воздействия традиции, конституирующей социальную мифологию, на институт семьи и на личное пространство главного героя. Играя священными текстами, классическими цитатами и образами, переиначивая и высмеивая их, Мрожек демонстрирует тщетность бунта и бесплотность страданий польского народа. Ниспровергая национальные мифы, тем самым он порывает с романтическим пафосом польской литературы.

Примечания

¹ *Piwińska M.* Przed “Kartoteką” i “Tangiem” // *Dialog*. 1967. № 11. S. 91. Здесь и далее, если не указано специально, перевод с польского Р.В. Зиновьевой.

² *Stephan H. Mrozek.* Kraków, 1996. S. 113.

³ *Ibid.* S. 114.

⁴ *Błoński J.* *Zmiana warty.* Warszawa, 1961. S. 148.

- ⁵ *Mrożek S.* Wybór dramatów. Kraków, 1963. S. 9.
- ⁶ *Stephan H.* Mrożek. S. 114.
- ⁷ *Mrożek S.* Wybór dramatów. S. 9.
- ⁸ *Ibid.* S. 7.
- ⁹ *Ibid.*
- ¹⁰ *Ibid.* S. 26.
- ¹¹ *Камю А.* Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1999. С. 128.
- ¹² *Stephan H.* Mrożek. S. 116.
- ¹³ *Mrożek S.* Wybór dramatów. S. 26.
- ¹⁴ *Bednarczyk A.J.* Mrożek and the Form Theory Revised // The Polish Review. 1987. N 1. S. 84.
- ¹⁵ *Mrożek S.* Wybór dramatów. S. 21.
- ¹⁶ *Ibid.* S. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ИСТОРИЯ»

Вопросы веры и церковной организации у славянских народов в Средние века и раннее Новое время

Н.В. Евстафьев

Болгарско-римская церковная уния (1204 г.)
и балканская политика папы Иннокентия III 4

Н.Р. Белова

Ересь как политическое преступление (на основе книги
силезского иезуита Матея Виерия «Христослав») 9

К.С. Коноплянко

«Антиномистский спор»
в дискуссии польских антитринитариев
по социально-этическим вопросам 14

Историография и история славяноведения

А.А. Лапунов

Классификации славянских языков в XVIII веке 19

С.А. Жабрева

П.А. и Ю.А. Кулаковские: коллеги и братья 24

Т.В. Гимадеев

Школа Голла и «спор о смысле чешской истории» 29

В.А. Кретов

Современная российская и украинская историография
процессов самоопределения восточных славян
в Габсбургской монархии 33

Восприятие инога

дипломатами, чиновниками и путешественниками

М.Т. Накишова

Град Святого Петра глазами польского посольства 1720 г.:
образ столицы по материалам личной канцелярии
князя А.Д. Меншикова 39

К.В. Мельчакова

Как русские крестьяне в Боснии торговали 45

Д.К. Богомолова

Русский военный агент в Черногории Н.М. Потапов
о ситуации на Балканах накануне
и в годы Балканских войн 50

Д.Э. Частухин

Офицеры Русского отряда — Л.П. Сукачев
и В.В. Берестовский — о причинах переворота
в Албании в 1924 г. 57

**Страны Центральной и Юго-Восточной Европы
в системе международных отношений
XIX — начала XXI в.**

И.А. Бабоша

Польская эмиграция 1830–1860-х гг. как фактор развития
агентурной деятельности Третьего отделения 63

Д.В. Родин

Международная борьба вокруг проектов
«Балканского Логарно» во второй половине 1920-х гг. 69

С.С. Маклашкин

Югославно-американское военное сотрудничество
в 1952–1957 гг.: политические и экономические аспекты 75

Л.А. Йорга

Шестидневная война 1967 г. на Ближнем Востоке —
новый этап в формировании независимой
внешней политики Румынии 81

Б.С. Новосельцев

Югославия и политика неприсоединения в конце 1960-х —
начале 1970-х гг. На пути к конференции в Лусаке 88

Т.В. Рутковская

Международные контакты Хартии-77
в отражении западноевропейской прессы 93

Н. Махмутай, Э. Брегу

Культурно-гуманитарные отношения
между Москвой и Тираной после 1990-х гг. 97

Национальные и этноконфессиональные факторы в истории славянских народов

Е.И. Митина

Народный костюм как символ «русскости»
в дворянской культуре России второй половины XVIII —
первой половины XIX в. 104

А.С. Донцова

В.Д. Спасович: переосмысление путей преодоления
исторической травмы «падения Польши»
в рамках идеи русско-польского примирения 108

И.К. Петрович

Религиозный вопрос в программах польских
либеральных политических партий начала XX в. 114

В.И. Короневский

Перенос мощей св. Евфросинии Полоцкой
из Киева в Полоцк (1910 г.). Политический,
конфессиональный и национальный аспекты 119

Н.И. Нечаева

Религиозный аспект чешского и словацкого вопросов
в межвоенной Чехословакии: Т.Г. Масарик vs А. Глинка 123

А.А. Чибисова

Переговоры польских властей со священноначалием
Русской православной церкви по поводу статуса
Варшавской епархии (май – декабрь 1918 г.) 128

Е.А. Косован

Спорт в украинских лагерях для перемещенных лиц
в Западной Германии и Австрии (1945–1951 гг.) 134

Интеграционные процессы в империях

А.М. Дронов

Меджимурье в обмен на Валповский округ:
попытка венгеро-хорватского церковного разграничения 1876 г.
(по материалам корреспонденции Й. Штросмайера
и Ф. Рачкого) 139

С.А. Орешин

Переселение славян в Карсскую область
в конце XIX — начале XX вв. 145

А.Ю. Перетяцько

- Донские атаманы второй половины XIX в.
нерусского происхождения
(П.Х. Граббе и Н.И. Святополк-Мирский) 150

О.А. Плех

- «Время от времени далее двигаемся по Америке
с превеликими трудностями...»: письма главного правителя
российских колоний в Америке А.А. Баранова 155

**Страны Центральной и Юго-Восточной Европы
на рубеже XX–XXI вв.:
образы, отображения, интерпретации**

А.К. Александрова

- Возвращение на круги своя: политические династии
в современной Греции 162

А.А. Пивоваренко

- Колебания этнического состава населения Истрии
в конце XIX — начале XXI вв. и проблема их исторической
и статистической интерпретации 167

М.Ю. Ломоносов

- На путях к националистической «симфонии»:
косовский миф и сербские историки Средневековья
в период югославского кризиса 172

К.О. Долголаптева

- Роль сетевых медиа Республики Беларусь
в конструировании национальной идентичности
(по материалам 2020 г.) 178

СЕКЦИЯ «ЯЗЫКОЗНАНИЕ»

**Перевод и межъязыковая эквивалентность
в славянских языках**

В.В. Каприелова

- О некоторых наречиях в русском и сербском языках 190

Т.И. Кузина

- Русский глагол «делать»
и его функциональные эквиваленты в сербском языке 196

А.В. Еремченко

- Глаголы *podceňyвам* 'недооценивать'
и *nadceňyвам* 'переоценивать': семантическая структура
и проблемы перевода 200

А.А. Коношенкова

- Имена латинского происхождения в романе «Гарри Поттер»
при передаче на славянские языки 206

Славянские языки в прошлом и настоящем**Х.Н. Кукова, С.И. Лесева, И.Л. Стоянова**

- Концептуальная рамка исследования предикатов
класса состояния в русском и болгарском языках 211

М.М. Масальская

- Антропонимы в составе городских названий:
социокультурный аспект урбанонимии столицы
(на примере Софии) 216

А.А. Широкова

- Фитонимическая лексика в сборнике стихов *Samosiejki*
(«Самосейки») Тересы Радзевич 221

И.И. Кабанен

- Русский язык в Одессе: взгляд извне 227

Язык и традиционная культура**А.И. Чиварзина**

- Праздник Богоявления в одной архаической зоне Славии 233

Е. Павлова

- Македонская семья в традиции и в современности
(на материале фразеологии и паремий) 237

О.С. Румянцева

- Богородица и мир природы в польских народных легендах 242

Д.Г. Чубукова

- Коммуникация живых и умерших в традиции
украинского анклава Саратовской области 247

Чжэн Янтун

- Понятия «одномесечники» и «однодневники»
в этнолингвистическом словаре «Славянские древности» 251

Лю Ху

- Образ вампира в народной мифологии
(на материале китайской и сербской традиций) 255

**Язык памятников Средневековья
и Нового времени**

Е.Д. Метлова

- О некоторых особенностях функционирования
конструкции хотѣти + инфинитив как эквивалента
греческих инфинитивных конструкций с μελλω
в древнейшем переводе Толкового Евангелия
Феофилакта Болгарского
(на материале Толкового Евангелия от Иоанна) 259

В.К. Скрипка

- Употребление указательного местоимения-атрибутива тъ (тот)
с именами собственными в деловой письменности XIV–XV вв. 264

С.А. Афанасьева

- Диалектные черты системы консонантизма
в белорусско-литовских летописях 268

Н.П. Иордани

- К вопросу о грамматическом значении
сослагательного наклонения в независимом употреблении
в старорусском языке (на материале текстов
смоленского происхождения первой половины XVII в.) 273

З.А. Червоная

- Рукопись *Phaebus Poeticus*... (Российская государственная
библиотека, фонд 173. I, единица хранения № 529)
как пример «семинарского» дискурса середины XVIII в.:
русский и церковнославянский языки 277

**СЕКЦИЯ «ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ»**

Культурные и литературные связи

М.В. Каплун

- О возможных источниках «Комедии о Бахусе с Венусом»
С. Чижинского: к проблеме реконструкции 284

А.Ф. Багаева

- Южнославянские фольклорные мотивы
в русской поэзии 1860–1870-х гг. 290

М.М. Громова

Издания словенских народных сказок
на русском языке (1956–1991)..... 294

К.Б. Егорова

К истории русско-чешских культурных взаимосвязей:
А. Врзал и А.М. Скабичевский 300

А.М. Ланцева

Почитание святой Людмилы в Древней Руси:
к вопросу о чешско-русских связях 303

А.В. Амелина

Русские писатели в чешской среде
второй половины 1920-х гг.: периодика левого
политического крыла (газета *Rudé právo*) 307

А.В. Грасько

Советский мир как предмет осмысления
в романе Иржи Вайля «Москва-граница» 312

Я.А. Оленева

Особенности поликодового языка
«Супрематического сказа» Эль Лисицкого 316

Поэтика литературы**А.Ю. Колянов**

Ранние прозаические произведения
Иржи Карасака из Львовиц 322

С.А. Кожина

Роль города в романах Д. Годровой и И. Кратохвила 327

Литература и искусство Польши**Т.Р. Семакина**

Искусство не ради искусства: польский публицист
о пролетарской культуре 1930-х гг. 332

Д.Г. Вирен

Социальность и психологизм в польском кино
рубежа 1970–1980-х гг. 337

А.В. Юрова

- Литературные влияния в польской легенде
«Пан Твардовский» (из собрания К.В. Вуйчицкого) 341

Р.В. Зиновьева

- Игровой дискурс и место традиции в пьесе С. Мрожека
«Мученичество Петра Охея»..... 345

Научное издание

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

**СЛАВЯНСКИЙ МИР:
ОБЩНОСТЬ И МНОГООБРАЗИЕ**

Тезисы
конференции молодых ученых
в рамках Дней славянской письменности и культуры,
25–26 мая 2021 г.

Ответственные редакторы:
Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова

Компьютерная верстка:
П. Н. Морозов

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
Адрес электронной почты:
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 21.05.2021. Формат 60×90 ¹/₁₆
Гарнитура Century Schoolbook. Бумага офсетная
Печать цифровая. Усл. печ. л. 20,93
Объем 22,5 печ. л.

Заказ № 28.

Тираж 500 экз.